Языки народов мира

Н. А. Сыромятников

СИСТЕМА ВРЕМЕН В НОВОЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор
А. А. Холодович

Издание второе

URSS
МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к изучению объективного времени в разных областях знания и грамматических времен в языкознании за последние десятилетия растет: «Сопоставляя это беспрецедентное повышение интереса ко времени в практике и теории литературы с некоторыми направлениями в современном естествознании, философии, психологии и культуроведении, пытающимися дать качественный анализ времени, мы убеждаемся в том, что перед нами всеобщая тенденция, своего рода „знамение времени". Суть дела не сводится к одним только открытиям ученых, к новым наблюдениям мыслителей и к оригинальным находкам тех или иных писателей. Очевидно, речь идет о глубоких сдвигах в сознании» [45а, 153][1].

К сожалению, однако, философы, пишущие о времени, избегают приводить лингвистический материал и интерпретировать его. Языковеды же в большинстве случаев уклоняются от исследования того, какие именно реальные временные отношения событий, протекающих в объективном времени, отражает система времен того или иного языка. По-видимому, камнем преткновения является тот факт, что системы времен разных (даже родственных) языков очень не похожи одна на другую (есть и языки, не имеющие грамматических времен вообще), а объективные временные отношения между явлениями действительности в принципе сходны для всех народов.

В данной работе делается попытка исследовать систему времен новояпонского языка на фоне развитой системы наклонений и малоразвитой системы видов, не закрывая глаза на философские вопросы: соотношение объективного и субъективного в изучаемых грамматических категориях, объективного и грамматического, универсального и специфического для данного языка или группы языков; причины грамматических изменений в связи с изменением общественного созна-

[1] Здесь и далее ссылки на упоминаемые или цитируемые работы даются в квадратных скобках. Цифры указывают на номера работ в «Списке использованной литературы», приведенном в конце книги. Номера разных работ отделяются один от другого точкой с запятой. Если необходимо указать страницу (страницы), соответствующая цифра (цифры) ставится после номера работы и отделяется от него запятой.

ния, причины возникновения различных интерпретаций одной и той же грамматической системы и т. п.

Времена глаголов и прилагательных японского языка, даже современного, изучены недостаточно. Специальных работ по этому вопросу мало. В советском японоведении известны только две кандидатские диссертации [30; 119] и шесть статей, написанных в основном по их материалам [32; 33; 34; 118; 120, 121], на западноевропейских языках работ на эту тему нет Изданная в Японии монография Араи Мудзироо «Исследование времен японского языка» [150] посвящена временам в языке классической японской литературы (VIII—XIV вв.) и совершенно не касается современного языка. На японском языке есть еще несколько статей, в которых рассматриваются лишь отдельные стороны данного вопроса [164; 168; 189; 192].

Но, разумеется, ни один автор грамматики или учебника японского языка не может обойти эту проблему, и времена современного языка получают то или иное освещение. Однако трактуются они неодинаково, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к их изучению. Достаточно сказать, что даже само количество времен до сих пор является предметом споров: одни находят в современном языке три времени (прошедшее, настоящее и будущее), другие — два (прошедшее и непрошедшее или прошедшее и будущее), третьи — одно (перфект), некоторые — четыре (прошедшее, завершенное, настоящее и будущее) и т. д. Наконец, есть авторы, которые вообще отрицают наличие грамматических времен в современном японском языке.

Недостаточная разработанность этого вопроса наносит ущерб и практике. В учебниках японского языка для иностранцев употребление времен, как правило, не освещается, между тем как во всех учебниках западноевропейских языков этому вопросу уделяется много места.

Отсутствие специального раздела «Употребление времен» объясняется и тем, что авторы учебников японского языка для русских, например, не могут позаимствовать подробные правила употребления времен из грамматик родного языка для японцев, где такие правила не даются, поскольку носители языка в них практически не нуждаются (там указывается лишь, как образуются формы от глаголов разных спряжений). К тому же японские грамматисты оперируют крайне ограниченным количеством примеров, кочующих нередко из работы в работу Многочисленные теории, по-разному трактующие времена, базируются на общих умозрительных соображениях. Ни один автор довоенных грамматик не указывает, какой же фактический материал он использовал. Создается впечатление, что японские грамматисты вообще не изучали язык современной национальной литературы. Лишь в последние годы

появились работы, использующие примеры из литературы [см. 153; 189].

Не удивительно, что ни одна существующая теория времен японского языка не является сколько-нибудь полной. Многие случаи употребления времен остаются необъясненными, а некоторые до сих пор вообще не были замечены.

Еще одна попытка по-иному разобрать те же скудные примеры, введенные в научный оборот, ничего не даст. (К этой же мысли пришел и Судзуки Сигэюки [см. 189, 2].) Необходимо привлечь многочисленные разнообразные источники и установить на основе объективных данных, полученных в результате применения новой методики, конкретные частные правила употребления временных форм, а затем сделать выводы и об их общих значениях.

Какие же приемы исследования предложены в данной работе?

1. Значение и употребление временных форм изучаются в составе не только простого, но и главным образом сложного предложения. Между тем в работах по японской грамматике времена, как правило, рассматриваются в составе простого предложения и вне контекста, хотя сложные предложения в японской литературе встречаются гораздо чаще, чем простые.

2 В отличие от всех известных мне работ, в которых времена японского языка рассматриваются обособленно друг от друга, здесь сделана попытка взять за основу не формы, а синтаксические позиции. Например, изучались временные формы перед союзом *то* 'если', 'когда'. Было выяснено, какие временные формы встречаются в этой позиции, а какие не встречаются, и уточнены их значения. Сначала употребительность временных форм перед каждым союзом, союзным словом, концовкой и т. п. исследовалась особо. Затем союзные элементы, имеющие одинаковую сочетаемость с временными формами, были сведены в группы. Каждой группе посвящен отдельный раздел пятой главы. В главе третьей рассматриваются срединные формы, в шестой — конечные формы в позиции определения и т. д.

3. Главное предложение,— временные формы в составе которого освещаются в главе седьмой,— также бралось не изолированно, а как рекомендует проф. Н. С. Поспелов, «в составе высказывания». При этом было установлено, что выбор временной формы предикатива-сказуемого главного предложения зависит от временного отношения между процессами, выражаемыми сказуемыми этого и следующего предложения Обычно исследователи грамматических времен не замечают влияния этого отношения на выбор формы того или иного времени и крайне редко анализируют отрывки, состоящие из нескольких предложений

4. Примеры из текстов на современном национальном языке, которым уделено основное внимание в работе, регулярно сопоставляются с примерами из текстов XVI—XVII вв., эпохи, когда нынешняя система времен в основном уже сложилась. Таким путем удалось установить некоторые тенденции в развитии системы времен и дать им объяснение.

5. В работе использован положительный опыт советского японоведения по изучению грамматических категорий японского языка в сопоставлении с соответствующими явлениями алтайских языков (см., в частности, работы Н. И. Фельдман) — привлечены материалы по временам нанайского, маньчжурского, корейского, башкирского и монгольских языков. Кроме того, использованы достижения научной грамматики русского, французского, немецкого, английского, персидского, пушту, арабского, китайского, бирманского и некоторых других языков.

Под новояпонским языком в широком смысле в работе понимается общенародный японский язык XVI—XX вв. К этому времени язык утратил старые видо-временные формы с суффиксами *-ки, -кэри, -цу, -ну, -ри,* а суффикс *-тару* трансформировался в *-та.* Одновременно значительно упростилась и система наклонений; исчезли многие модальные суффиксы: *-мэри, -раму, -кэму, -маси, -наму, -бэси* и др. Связки *нари, со:ро:* уступили место глаголу бытия *ару,* стоящему после творительного предикативного на *-дэ.* Заключительные формы глаголов и прилагательных были вытеснены определительными формами, которые тем самым приобрели более широкое значение конечных форм вообще (в противоположность срединным). (Подробнее см. 123, 6—7.)

Новояпонский язык противопоставляется старояпонскому языку, обладавшему перечисленными выше видо-временными и модальными формами.

В более узком смысле под новояпонским языком можно понимать язык XVI—XVII вв. и, частично, XVIII в., т. е. общенародный язык, развивавшийся на основе западных диалектов. Но, во избежание недоразумений, при упоминании об этом языке в работе употребляется термин «язык XVI—XVII вв.».

Современным языком в работе называется прежде всего японский национальный литературный язык, сложившийся на основе восточных диалектов, главным образом на основе диалекта г. Эдо (в 1868 г. переименованного в Токио).

Источниками языковых примеров явились в основном оригинальные произведения японской художественной литературы. Из переводной (на японский язык) литературы использованы

только памятники, датированные 1593 г.,— «Qincuxu:» («Сборник золотых изречений», перевод с китайского) и «Esopono Fabulas» («Басни Эзопа», перевод с латинского перевода) [2].

При написании японских слов, взятых из современных источников, в работе используется практическая русская транскрипция, а при написании слов, взятых из старых памятников японского языка, в отличие от принятого европейскими японистами метода модернизации произношения таких слов (см., например, работы Дж. Б. Сэнсома [239] и Е. М. Колпакчи [64]), дана транскрипция, отражающая состав фонем, существовавший в эпоху появления памятника. Так, современному японскому *х* в цитатах из памятников ранее XVIII в. соответствует *ф,* в цитатах из памятников VIII в.— *п.* Различаются *жи* и *джи, зу* и *дзу, о:* (*о* долгое открытое) и *ô* (*о* долгое закрытое), перед *е* согласные *ш* и *ж* произносятся мягко: *каже* 'ветер' (совр. *кадзэ*). Эта транскрипция применена мной и в некоторых статьях [см. 118; 120; 121; 122]. Такие написания, несмотря на их необычность, будут гораздо ближе к действительному произношению, существовавшему в те эпохи, чем транскрипция современного языка.

В японских словах, остающихся без перевода в русском тексте (именах собственных и т. п.), долгота гласного обозначается дополнительной гласной буквой (так, *Кю:сю:* пишется Кюусюу и т. п. [см. 126]).

Некоторые нововведения сделаны и в области слитного и раздельного написания сложных слов и частиц.

Так, сложные слова, имеющие единый период высокого голосового тона, пишутся слитно; например, такое слово, как *нихомбумпо:* 'японская грамматика', не только пишется слитно (в списке литературы через дефис), но в его начертании отражается переход *н* в *м* перед губными согласными. В этом отношении я присоединяюсь к мнению Плетнера и Поливанова, которые писали: «*Нихонно:гё:сирон* ('Трактат по истории японского сельского хозяйства'.— *Н. С.*) — это безусловно одно слово .. Могут быть и более сложные слова, напр. *Нихонро:до:кумиаихё:гикай* ('Совет японских профессиональных союзов'.— *Н. С.*)...» [91, 44]. Правда, в их книге не указывается, почему такие образования следует считать одним словом. Но сейчас уже можно привести аргументы, учитывающие в этом вопросе специфику японского языка. В частности, такой надежный источник, как глоссарий Тэра-

[2] Языковые примеры снабжаются сокращенным наименованием источника и номером страницы, помещаемыми в круглые скобки, например (Сига, 6) Если источник большого формата, а страница разделена на 3 полосы, указывается и номер полосы (верхняя полоса — 1, средняя — 2, нижняя — 3), например (А, 176/1), что означает «Собрание сочинений Акутагава Рюноскэ», стр 176, полоса верхняя (см «Список сокращенных наименований источников»).

кава и Кусака, где слова даются в международной фонетической транскрипции с указанием ударения, регулярно отмечает ассимиляцию *N*, если этот звук является последним звуком второго корня слова, состоящего из четырех корней, например: andzem:atchi [197, 56] 'безопасные спички'. Ни одного сложного слова такого типа без ассимиляции обнаружить в этом словаре не удалось. Между тем известно, что в японском языке подобная ассимиляция может быть лишь в составе слова.

Слова, имеющие два периода высокого голосового тона, пишутся в работе через дефис. Такое написание (слитное или через дефис) отражает определенную языковую реальность. Как свидетельствуют словари, в которых отмечаются ударения в японских словах, сложные слова с единым значением имеют и единый период высокого голосового тона, а сложные слова, в которых чувствуется противопоставленность их компонентов по значению, имеют два ударения, т. е. сохраняют ударения на каждом компоненте без изменения. Конечно, в случае отсутствия в словарях какого-либо слова, в его написании (слитном или через дефис) могла быть допущена непоследовательность.

Частицы *-ва, -мо, -мадэ, -дакэ, -бакари, -номи, -сика, -кири, -саэ, -сура* и т. п. пишутся в работе через дефис, так как они являются энклитиками, а не самостоятельными словами, и не могут начинать собой синтагмы. Раздельное написание игнорировало бы их агглютинативный характер.

Если слово снабжено двумя-тремя частицами или словоизменительными суффиксами, они не отделяются друг от друга дефисом. Ставится только один дефис между основой и формальной частью слова для того, чтобы читатель-неяпонец легче уяснил себе структуру слова.

В японском тексте, передаваемом русской траискрипцией, в квадратные скобки заключаются факультативные морфемы, как это делается в японско-русскнх словарях. Знаки препинания сохранены. Но если часть примера сокращалась, она не всегда заменялась многоточием.

Эта книга является одним из конкретных трудов по системной лингвистике, признающей одинаково важными как материю (морфологию) элементов данной (грамматической) системы, так и отношения между ними, их взаимозависимость, т. е. структуру.

Автор выражает благодарность ответственному редактору — проф. А. А. Холодовичу, улучшившему архитектонику многих глав и удалившему все, не относящееся к временам, и рецензенту — Ю. В. Рождественскому за ряд ценных замечаний.

Глава первая

ВРЕМЯ КАК ФОРМА БЫТИЯ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕН

Все действия и процессы протекают в объективном времени, о котором Энгельс писал: «.. Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмысленность, как бытие вне пространства» [1, 47].

Следовательно, неправы те лингвисты, которые говорят о «вневременных действиях», имея в виду постоянные или периодические процессы. Правильнее называть их *всевременными*.

Нет необходимости отмечать в речи, что действие, о котором говорится, происходит в пространстве вообще, поскольку не может быть действий, совершаемых вне пространства. В большинстве языков форма сказуемого не дает отнесения процесса, о котором идет речь, к определенной части пространства, не ориентирует его относительно места, где протекают другие упоминаемые процессы. Если по-русски говорят «Он пишет и она пишет», то в сказуемых такого предложения не содержится никакого указания на место: совершаются ли эти действия в одном помещении или в разных, там же, где находится говорящий, или иет,— не отмечается.

Правда, есть языки (некоторые из кавказских), в которых одноместность и разноместность выражаются в сказуемых. Но это очень редкое явление.

Некоторые языки не имеют (или не имели) и грамматических времен. Но при этом формы сказуемого не указывают на то, что действие происходит во времени вообще, так как такие действия не могут противопоставляться происходящим вне времени.

По А. В. Исаченко, «физическое время, существующее в материальном мире, находит своеобразное выражение в любом глаголе. Всякий глагол, независимо от его употребления в той или иной временной форме, обозначает *процесс*, а процесс мыслится нами как нечто, расположенное на временной *оси*» [57, 419]. Но процесс может выражаться не только такой временной формой, как «бегу», но и такими словами, как «бегать», «бег». Во времени мыслятся не только

процессы, но и предметы материального мира. Но никакого своеобразного выражения в любом глаголе этот факт, познаваемый при помощи философского анализа, конечно, не находит, так как общее не нуждается в специальном выражении. К грамматическим временам он не имеет прямого отношения. Положение А. В. Исаченко получено в результате семантического, а не грамматического анализа.

«Категория... времени, как показывает сравнительная грамматика индоевропейских языков, ... не является категорией, изначала существующей в соответствующих языках» [72, 226]. Нет грамматических времен и в современных малайских языках, в частности в индонезийском («Категории времени и наклонения здесь отсутствуют» [9, 25]), а также в китайском (по мнению большинства исследователей; лишь С. Е. Яхонтов говорит «о формах со смешанным, видо-временным значением» [149, 113], а А. А. Драгунов отмечает большие различия и в этом отношении между китайскими диалектами [см. 48; 37]).

Считают, что в языках, где нет грамматических времен, временные отношения выражаются лексически [см., например, 72, 229]. Однако нельзя согласиться с мнением, что «в тех же языках, в которых отсутствует грамматическая категория времени, время как предикативный признак также всегда (разрядка моя.— *Н. С.*) выражено в языке, но не грамматически, а лексически» [52, 6—7]. Во-первых, в таком случае время уже не предикативный признак. Во-вторых, лексически в таких языках время уточняется немногим чаще, чем в языках, где любое сказуемое должно быть поставлено в форме того или иного времени. В-третьих, среди обстоятельств времени следует различать лексические единицы типа «сегодня», «теперь», «в настоящее время», «вчера», «в прошлом», «завтра», «в будущем» и типа «первого числа», «во вторник», «после войны» и т. п. В обстоятельствах первого типа есть ориентировка на настоящее говорящего лица. Во втором случае речь идет о какой-то дате, название которой не изменяется в зависимости от момента речи. Такое слово (или словосочетание) не дает понять, относится ли данное событие к будущему (настоящему) или к прошлому.

Как не может быть языка с одним падежом, так нет и языка с одним грамматическим временем, не противопоставленным другому. Грамматических времен,— если они вообще имеются,— должно быть не меньше двух. Но некоторые языки имеют по три, четыре, пять и более грамматических времен.

Грамматические времена отражают не время как форму бытия в целом, а ориентировку в нем процессов реальной действительности по отношению друг к другу. Способы такой ориентировки — количество грамматических времен, их зна-

чение и употребление — неодинаковы в разных языках. Кроме того, система времен многих языков, в том числе русского и японского, сильно изменилась на протяжении известного отрезка их истории, хотя, казалось бы, отношение объективного прошедшего к объективному настоящему и будущему остается принципиально одинаковым.

Если бы грамматические времена во всех языках, где они есть, выражали непосредственно объективное прошедшее, настоящее и будущее, то разница между языками в этом отношении могла бы проявиться лишь в различном материальном оформлении трех грамматических времен, а развитие языков — в фонетическом и морфологическом развитии временных формантов. Значение и употребление последних должно было бы быть одинаковым во всех языках. Однако в действительности подобного единообразия нет.

Чем же объяснить изменения в числе и значениях грамматических времен, наблюдаемые на протяжении истории развития многих языков?

Некоторые исследователи полагают, что изменения, происходящие в значениях грамматических времен, связаны с историческим развитием понятия времени в человеческом сознании, а это в свою очередь зависит от изменения общественной практики. Такое положение развивал проф. С. Д. Никифоров [см. 85, 143].

В Японии сходную точку зрения высказал Кобаяси Ёсихару: «Грамматические категории — это выраженные языковыми средствами логические категории; вместе с развитием последних совершенствовались и первые» [167, 387]. «Логические категории прошедшего, настоящего и будущего постепенно оформлялись языковыми средствами, а не существовали изначально» [167, 388].

Безусловно, понимание времени меняется; на это указывал В. И. Ленин: «Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней» [3, 181]

Однако очевидно, что ни взгляды отдельных ученых, ни общенародное представление об объективном времени не могли оказать влияния на изменение числа и значений грамматических времен. На протяжении средних веков, например, общенародное представление о времени вряд ли сколько-нибудь существенно изменилось. А между тем системы времен русского, японского и ряда других языков за этот период существенно перестроились. Кроме того, если признать связь грамматических способов выражения времени с общественной практикой людей, то можно было бы ожидать, что у народов со сходной общественной практикой должны быть и сходные

системы времен. И наоборот, если в русском и болгарском языках, например, системы времен имеют большие различия, это должно было бы означать, что русские и болгары по-разному понимают объективное время. Такая точка зрения вряд ли правильна.

Когда речь идет о таких сравнительно новых системах времен, как в современном русском или в новояпонском языках, полезно иметь в виду глубокую мысль Б. Н Головина: «В отдельных случаях грамматическое значение отражает не общие признаки различных предметов, а общие признаки самих слов. Кроме того, грамматические значения могут возникать не только на осиове языкового обобщения сторон и отношений действительности, но и на основе внутреннего развития, преобразования в самой системе и структуре языка. Так возникло внутреннее (внутренне? — *Н. С.*) расчлененное значение прошедшего времени современного русского глагола, „сконденсировавшее" и, разумеется, преобразовавшее систему значений прошедшего времени древнерусского глагола» [29, 29]. Но древнерусские глаголы обладали не одним, а несколькими прошедшими временами: плюсквамперфектом, имперфектом, аористом, перфектом. Из них выжил только перфект, тем самым превратившийся в прошедшее время вообще. Следовательно, говорить тут только о значениях нельзя Важно, что исчезли формы времен. Единая форма на *-л* вытесняла другие, приобретая обобщенное, а не расчлененное значение. Поэтому мысль о конденсации и преобразовании старых значений правильна. Так же вытеснила другие и японская форма на *-та*.

Надо учесть и то, что времена связаны со всем грамматическим строем данного языка и изменяются вместе с ним. Этим и надо объяснить то значительное разнообразие, которое мы наблюдаем в системе грамматических времен различных языков. Связь системы времен с системой видов и системой наклонений, например, общеизвестна. Возможно, что существуют и другие, еще не обнаруженные связи (например, обратная пропорциональность между количеством времен и количеством падежей, на что указывал в одном из своих выступлений проф. Л. И. Жирков).

Но это не значит, что «от количества и качества видов и наклонений зависит количество и качество глагольных временных форм» [30, 379]. Во всяком случае, для японского языка такое категорическое утверждение было бы неправильным: сравнительно редкие виды не могут предопределить обязательные времена. К тому же формы японских видов могут стоять в любом времени. Кроме того, есть языки, которые имеют виды, но не имеют времен. Правильнее было бы говорить о взаимозависимости этих грамматических категорий Следовательно, изучая времена какого-либо языка, нельзя иг-

норировать наличие в нем и наклонений. Н. С. Поспелов считает, что в русском языке «категория времени... является... и категорией изъявительного наклонения» [96, 296].

Однако надо иметь в виду, что в разных языках связь времен и наклонений может быть различной. В таких языках, как русский и английский, модальности выражаются главным образом лексически, синтетические наклонения развиты мало. Повелительное наклонение образуется в них от основы настоящего времени или прямо с ней совпадает (русск. «бросай»). Следовательно, значение изъявительного наклонения в ней заключаться не может. Сослагательное наклонение и в русском и в английском совпадает по форме с прошедшим временем изъявительного наклонения («*бросал* бы»). Ясно, что и в форме прошедшего времени как таковой значения изъявительности нет. Тем более это относится к японскому языку, в котором не только изъявительное, но и желательное, отрицательное и предположительное (вероятное) наклонения образуют предшествующее время одинаково (с помощью основы на *-т-/-д-*). Значит, *-т-/-д-* — формант именно времени, а не изъявительного наклонения. Думается, что русское изъявительное наклонение как самое распространенное выражается самым экономным образом — отрицательно — отсутствием показателя сослагательного наклонения *бы* (в прошедшем времени) и показателя повелительного наклонения (в том числе и императивной интонации) — в настоящем:

Система наклонений русского языка

Сослагательное	Изъявительное	Повелительное
брал бы	*брал*	
	бер-ешь	*бер-и!*

Проф. А. В. Исаченко также подметил нелогичность отождествления индикатива с временными формами: «Если бы между общим значением индикатива и различением грамматических времен в пределах индикатива существовала причинная связь, то категория грамматического времени была бы во всех языках мира связана только с индикативом...» [57, 475] Но он не дает ответа на вопрос о морфологических средствах выражения индикатива в славянских языках.

Можно согласиться с его определением наклонения: «Глагольным наклонением можно считать только такую модальность, которая выражается в языке специальными грамматическими формами глагола» [57, 512].

В приложении к японскому языку модальности, выражаемые специальными синтетическими формами, следует считать особыми наклонениями; система наклонений новояпонского языка является самой сложной и важной из глагольных

систем, так как любой конечный глагол принадлежит к тому или иному наклонению, например:

тор-у 'беру' — *тор-а-на-й*/*тор-а-ну* 'не беру';

тор-э 'бери' — *тор-у-на* 'не бери';

тор-и-та-й 'хочу взять' — *тор-и-та-ку-на-й* 'не хочу взять';

ар-о: 'вероятно есть' — *ар-у-май* 'вряд ли есть (будет)';

тор-о: 'возьму-ка', 'возьмем-ка' — *тор-у-май* 'вряд ли возьмет'.

Значения (модальности), выражаемые в русском языке аналитически, в японском языке принадлежат синтетическим формам. Спрашивается, какие из наклонений передают объективные значения и какие — субъективные. Можно считать, что те наклонения, значениям которых в объективной действительности соответствуют разные означаемые,— объективны. Таковы все категорические наклонения: изъявительное (индикатив), отрицательное, повелительное, запретительное, желательное, нежелательное. Если утверждениям «дождь идет» и «дождь не идет» соответствует разная погода, значит, японские *фур-у* 'идет' и *фур-а-на-й* 'не идет' выражают одинаково реальные значения. Но некатегорические наклонения — вероятное [*ар-о:* 'вероятно есть (будет)'] и дубитативное [*ар-у-май* 'вряд ли есть (будет)'] — обозначают лишь недостаточную осведомленность говорящего в наличии явления, о котором идет речь Само явление может лишь существовать или не существовать, «вероятно существовать» оно не может. Следовательно, вероятное и дубитативное наклонения, выражая субъективные сомнения говорящего, отражают реальную ситуацию лишь в том смысле, что сама неуверенность говорящего является фактом.

Повелительное и запретительное наклонения выражают приказ говорящего другому лицу, чтобы оно совершило или не совершило действие. Утверждения, что императив якобы выражает «нереальность (нереализованность)» действия [см. 57, 474], являются плодом недоразумения: модальное значение смешивается здесь с темпоральностью — отнесенностью к будущему, когда такое приказание только и может быть выполнено. Нереальные приказы, как правило, не отдаются; лишь в шутку говорят *ототой кой* 'позавчера приходи', что равносильно 'приходи, когда рак свистнет'.

Вполне реальным является и желание (или нежелание) совершить действие. Сравни противопоставления:

торитай 'хочу взять'— *торитакаро:* 'вероятно хочет взять';

торитакунай 'не хочу взять' — *торитакунакаро:* 'вероятно не хочет взять'.

Здесь отношение такое же, как и между изъявительным наклонением, с одной стороны, и вероятным — с другой. То есть чье-либо желание может только предполагаться, говорящий может быть не уверен, хочет ли другой чего-либо.

Наиболее спорным вопросом системы наклонений японского языка является признание наличия негативных наклонений (отрицательного, запретительного, нежелательного, дубитативного). Вслед за Е. М. Колпакчи я считаю решающим наличие особых синтетических форм для этих наклонений. То, что их морфология неодинакова, говорит о том, что негативность в японском не обобщена. Очень важно и то, что каждое негативное наклонение морфологически по-своему не похоже на позитивное, противостоящее ему в системе.

Как видно из сопоставления форм позитивных наклонений (см. выше), показателем изъявительного наклонения является *-у*, повелительного — *-э*, вероятно-пригласительного — *-о:* (у глаголов 1-го спряжения). Возникает вопрос — противоречат ли значению изъявительного наклонения форманты запретительного (*-на*) и дубитативного (*-май*)? Почему они агглютинируются именно к форме изъявительного наклонения? Дело в том, что в старояпонском языке *-у* было флексией заключительной формы глагола. Значения изъявительности *-у* тогда не имело. На *-у* оканчивались и некоторые другие наклонения (так *торо:* восходит к *тор-а-м-у* 'вероятно берет/возьмет'). Но в новояпонском языке *-у* не только противостоит как формант конечной формы *-и* как форманту срединной, но как окончание изъявительного наклонения противопоставлено *-о:* как показателю вероятно-пригласительного наклонения и *-э* как показателю повелительного. Можно было бы считать, что в *тор-у-на* и *тор-у-май* морфема *-у-* изъявительного значения не приобрела, но очевидно, что каждый говорящий отождествляет ее с *-у* в *тор-у* и, следовательно, возникает противоречие между модальными значениями соседних формантов. Как же оно разрешается? Во-первых, сокращением употребления этих форм, заменой их аналитическими оборотами: вместо *ёндэ кудасаруна* стали говорить *ёманайдэ кудасай* 'не читайте, пожалуйста' (букв. 'не читав пожалуйте'), вместо *торумай — торанай-даро:* букв. 'не читает вероятно'. Противоречие разрешается синтаксически. Во-вторых, во 2-м спряжении *-май* начинает присоединяться к так называемой первой (отрицательной) основе, т. е. к корню: вместо *табу-май* стали говорить *табэ-май* 'вряд ли ест (будет есть)' (можно было бы ожидать *табэру-май*). Противоречие снимается морфологическим путем.

Непризнание отрицательного наклонения большинством грамматистов объясняется и влиянием грамматик русского языка, где необоснованно утверждается, будто индикатив может выражать и отрицание [см. 57, 475]. Но почему же по-русски нельзя сказать (как в германских языках) «нигде есть» и «никуда иду»? Наверно потому, что отрицание, заключенное в местоимении, противоречило бы утверждению, выраженному глаголом. По-японски отрицание выражается в таких

случаях только раз — в сказуемом: *Доко-нимо ару* 'Везде (букв. где бы то ни [было]) есть' — *Доко-нимо най* 'Везде (= нигде) нет'.

Время как форма существования материи — объективная категория. В какой мере являются объективными грамматические временные значения? Есть лингвисты, которые отрицают объективный характер грамматических времен.

Другие в условном установлении в языке границ между настоящим, прошедшим и будущим видят «...элемент субъективности, присущий не реально существующему времени, а лишь грамматическому времени» [59, 40].

Третьи, как проф. П. С. Кузнецов, находят, что «момент речи не есть нечто субъективное, существующее лишь в сознании говорящего и зависящее лишь от его воли; он существует объективно, как для говорящего, так и для собеседника или собеседников, к которым обращена речь, и в различных отношениях к нему находятся различные события, реально протекающие во времени, что и выражается в различных грамматических формах времени. Поэтому с методологической точки зрения совершенно неприемлемым является определение грамматического времени у Грассри как времени субъективного» [72, 222].

Проф. А. А. Холодович предлагает обойти вопрос о соотношении между объективным временем и грамматическими временами: «Если некоторые наши языковеды, и в частности, японоведы, вводя понятие „объективного" времени в языке, разумеют под этим „время физики", то они занимаются не наукой о языке, а пустословием. Независимая переменная *t* и „моменты" как ее значения имеют в физике ряд интерпретаций, и пока еще никто из лингвистов, в том числе и те японоведы, которые упражняются в использовании этого понятия в грамматике японского языка (назовем в первую очередь Н. А. Сыромятникова и И. В. Головнина), не показал, какая связь существует между любой из этих интерпретаций и языковым временем. Теория времени в языке может свободно быть изложена без обращения к таким понятиям, как „субъективный", „объективный"» [137, 79]. Однако и я, и И. В. Головнин говорим не об «объективном времени в языке», а об объективном времени в реальной действительности, в котором протекают все отражаемые языком процессы (если только они не являются вымышленными). Между физическими теориями времени и грамматическими временами связи нет, так как народ создает грамматические категории веками без учета теорий быстро развивающихся точных наук, в том числе и физики.

И самому А. А. Холодовичу удается избежать лишь термина «объективный»: «Достаточно принять элементарное исходное положение, что язык представляет собой набор пред-

ложений, что каждое предложение содержит в себе информацию о событии, а событие существует как таковое (разрядка моя. — *Н. С.*) только в том случае, если оно обладает признаком „когда", — иными словами, если оно приурочено к какому-то времени» [там же]. Да, каждое событие приурочено к какому-то отрезку объективного времени, но это вовсе не обязывает нас, говоря об этом событии, непременно применять грамматическое время. Как показал И. Ф. Вардуль, именное сказуемое без связки в японском языке не дает указания на время [см. 19]. Думаю также, что язык — набор не предложений, а лишь их моделей, которые в речи заполняются соответствующим лексическим материалом.

Каков же критерий выбора говорящим формы того или иного грамматического времени? Большинство лингвистов считает таким критерием момент речи; причем некоторые ссылаются на удобство, целесообразность этого критерия. Такие ссылки должны быть отвергнуты с самого начала, так как искажение действительного положения в том или ином конкретном языке не может быть допущено, каким бы удобным оно ни казалось Только реальные факты языка могут быть приняты как аргументы для той или иной точки зрения в этом вопросе.

Теорию момента речи как универсального критерия различения грамматических времен подвергает критике Н. С. Поспелов: «Ориентировка в грамматическом учении о времени на момент речи порочна с точки зрения общей теории языка уже потому, что непосредственно апеллирует к конкретному психологическому содержанию высказывания, а не к его обобщенному значению, не закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты абстрагирующей работы человеческого мышления» [96, 295].

«В сущности говоря, настоящее время невозможно прикрепить к моменту речи» [96, 300].

«...Если категорию наклонения, как морфологическую категорию, мы должны рассматривать как выражение обобщенного отношения к действительности самого глагольного действия независимо от точки зрения говорящего лица, то и категория глагольного времени отражает объективное время не с точки зрения говорящего лица, т. е. не в отношении к моменту речи» [96, 293]

К тому же, момент речи мог бы быть единственным критерием лишь для языков с тремя временами — настоящим, прошедшим и будущим. А для тех языков, в которых времен больше, необходимы дополнительные критерии для отнесения временных форм к различным прошедшим или будущим временам. Обычно таким критерием является временное отношение между теми действиями, о которых идет речь: одна

форма указывает на то, что действие совершалось одновременно с другим тоже прошедшим (имперфект), другая — что оно совершилось раньше (плюсквамперфект), третья — что оно должно было наступить после другого прошедшего (так называемое будущее в прошедшем). Резко ослаблено значение момента речи в языках с двумя временами: во многих из них одни и те же формы обозначают и действия, происходящие в момент речи, и будущие действия. В таких языках различаются (при условии, что роль момента речи остается максимально-возможной) действия уже прекратившиеся и действия еще не прекратившиеся (независимо от того, начались они к моменту речи или нет). Как отмечает М. М. Гухман, «Временная парадигма, включающая два члена настоящее ~будущее — прошедшее, и трехчленная временная парадигма (настоящее — будущее — прошедшее) основываются на разных типах противопоставлений, что не может не влиять на структуру плана содержания грамматической категории» [45б, 126]. Есть и языки, в которых одна форма передает действия, уже начавшиеся (как прекратившиеся к моменту речи, так и не прекратившиеся, т. е. прошлые и настоящие действия формально не различаются), другая форма обозначает еще не начавшиеся (т. е. будущие) действия. Таков, например, одульский (юкагирский) язык [см. 56а, 169], а также йоруба в Западной Африке [см. 148, 72—73].

Кроме того, надо иметь в виду, что даже момент речи — это не одно и то же для разных языков. Так, в русском и японском языках момент речи может обозначать не только настоящее говорящего лица, но и время речи того лица, речь которого пересказывается: «Он сказал, что придет, и действительно пришел». Во французском, английском, шведском и ряде других языков вместо русского будущего времени здесь надо было бы применить форму «будущего в прошедшем», т. е. форму времени, отличную от формы будущего грамматического времени. Точно так же и одновременность по отношению к моменту речи в прошлом, т. е. к моменту, о котором рассказывается, выражается в этих языках не формой настоящего, как в русском и японском, а формой имперфекта или другими особыми формами. Значит, если бы даже было доказано, что настоящее время в русском языке и настояще-будущее в японском употребляются только в значении указания на одновременность с моментом речи, то все равно пришлось бы признать, что момент речи в этих языках не всегда совпадает с настоящим говорящего лица и является лишь одним из двух критериев для выбора временных форм.

Е. Кржижкова, разделяя мнение А. Добиаша, пишет: «Еще А. Добиаш [см. 47, 152]...тонко подметил, что „современность, преждевременность и послевременность... представ-

ляют собою... времена, измеряемые не говорящим, а тем, от имени кого говорящий передает мысль"» [68, 21].

Следовательно, никак нельзя априори считать момент речи универсальным критерием для всех языков, в том числе и для японского. Какой критерий (или критерии) используется говорящим при выборе форм того или иного грамматического времени, можно установить лишь в результате кропотливого исследования материалов данного языка.

Отмечая важнейшие недостатки традиционной грамматики русского языка, акад. В. В. Виноградов писал: «Изучение значений и оттенков этих форм (прошедшего. — *Н. С.*) времени, условий их употребления представлялось излишним. Ведь все сказано самим их названием: прошедшее время — это и есть прошедшее...» [23, 557].

Здесь В. В. Виноградов в сущности формулирует задачи изучения времен, которые должны ставить себе грамматисты, исследующие любой язык, обладающий грамматическими временами: изучать значения и оттенки значений временных форм и условия их употребления.

А. В. Исаченко также справедливо отмечает, что «величайшей опасностью для всякого языковеда является своеобразный „номинализм". Из того, что форма *он бросает* традиционно называется „настоящим временем", нельзя еще делать заключения, что эта форма действительно обозначает „настоящее время". В „настоящем определения" (имеется в виду présent de définition типа „Прямая *есть* кратчайшее расстояние между двумя точками"), например, очень трудно усмотреть какие бы то ни было семантические элементы, позволяющие нам характеризовать семантику этой формы именно как „настоящее"» [57, 462].

Очевидно, что название того или иного грамматического времени должно определяться общим значением этого времени; в различных языках названия грамматических времен могут быть неодинаковыми.

Принятые в работе термины «непредшествующее время» и «предшествующее время» обосновываются всем собранным конкретным материалом. (Эти термины уже применены мной в других печатных работах [см. 118; 120; 121; 122; 123].)

Под каждым грамматическим временем новояпонского языка, как оно трактуется в работе, понимается грамматическая категория — ряд таких форм глаголов, связок и прилагательных, которые, обладая общей морфологической приметой, выражают одинаковое отношение времени обозначаемого ими процесса или качества ко времени другого процесса или наличия качества.

Чем же морфологически отличаются формы одного времени от форм другого в новояпонском языке?

Традиционная японская грамматика считает, что значение

прошедшего времени, совершенности и т. д. свойственно особому вспомогательному глаголу *та*. Некоторые грамматисты считают *та* суффиксом в составе глагола. Форма же на *-у*, как лишенная суффикса, нередко совершенно не рассматривается японскими грамматистами.

Правильное определение того, чем именно материально выражается в спрягаемых формах новояпонского языка то или иное временное значение, принадлежит к достижениям советского японоведения. Впервые писал об этом О. В. Плетнер: «Основным признаком глаголов первого спряжения является согласный звук в корне (простой основе) формы настоящего времени, а также наличие двух основ: одной для настоящего времени и других связанных с ним форм, другой для претерита (прошедшего времени)» [91, 69]. Но поскольку корень сам по себе не может обладать грамматическим значением, логичнее считать, что временную семантику непредшествования сообщает ему нулевой суффикс (более частое значение выражается экономнее), противопоставленный *-т-/-д-*

Очень интересно упоминание о «других формах», связанных с формой настоящего времени. Очевидно, речь идет в первую очередь о бессуффиксальной срединной форме (второй основе) и условном деепричастии: *тобу* 'летаю', *тоби* 'летя', *тобэба* 'если лечу (полечу)', 'когда летел' принадлежат к одному грамматическому времени, что морфологически выражается посредством одного и того же корня *тоб-* во всех трех формах. К тому же времени надо, разумеется, отнести и *тобо:* 'давай полетим', *тобанай* 'не летаю', 'не полечу', *тобитай* 'хочу летать', где к корню с нулевым показателем непредшествующего времени присоединены форманты наклонений: вероятно-пригласительного — *-о:*, отрицательного — *-най/-ну*, желательного — *-тай; -и-* и *-а-* играют роль соединительных гласных. Поскольку исторически форма *тобо:* произошла от *тобаму*, ясно, что морфема *-а-* (со значением неконечности и неуверенности в совершении действия) была ранее и здесь.

Перечисленным формам противостоят: *тонда* 'летел (полетел)', *тондэ* 'полетев', *тондара* 'когда полетел (полечу)', *тондаро:* 'вероятно летел' с производной основой *тонд-*, которая приобретает в новояпонском языке грамматическое временное значение предшествования. Точно так же, как и от глаголов на *-бу*, образуется основа предшествующего времени от глаголов на *-му* и на *-ну: ёнда* 'читал', *синда* 'умер'. Таким образом, фонетическое изменение (выпадение *и* в формах *тобитару, тобитэ* и т. п.), которое привело к озвончению суффикса *т* и переходу губных *м, б* в переднеязычное *н* в результате неполной взаимной ассимиляции, имело своим следствием создание новой основы предшествующего времени.

Глаголы на *-ру, -цу, -у* (<*-фу*) имеют основу предшествующего времени на *-тт- тору* 'беру' — *тотта* 'брал', *мацу* 'жду' — *матта* 'ждал', *кау* 'покупаю' — *катта* 'покупал'

Глаголы на *-ку, -гу* в формах предшествующего времени теряют последний согласный звук корня *каку* 'пишу' — *кайта* (из *какитару*) 'писал', *савагу* 'шумлю' — *савайда* (из *савагитару*) 'шумел'

Глаголы на *-су* в западных диалектах также теряют последний согласный корня Хотя в национальном языке *-с-* сохраняется, можно говорить о двух основах и у глаголов на *-су*, а также у глаголов второго спряжения, так как формы *дас-у, дас-и, дас-эба* противопоставляются формам *дасит-а, дасит-э, дасит-ара* (*дасу* 'вынимать'), а формы *табэр-у, табэ, табэр-эба* противопоставляются формам *табэт-а, табэт-э, табэт-ара* (*табэру* 'есть')

Следовательно, у форм предшествующего времени роль его показателя играет основа на *-т-/-д-*, а окончания *-а, -э* или *-ара* в современном языке играют роль различителей между формами предшествующего времени *табэта* — конечная (определительно-заключительная) форма, *табэтэ* — форма срединного сказуемого-деепричастия, *табэтара* — форма срединного сказуемого с условно-временным значением Тем самым в системе времен новояпонского языка форма на *-тэ/-дэ* входит в парадигму форм предшествующего времени

Таким образом, временное грамматическое значение выражается в новояпонском языке основой спрягаемого слова Грамматические различия между формами с одинаковой основой находят свое отражение в разных окончаниях, обозначающих не время, а принадлежность к тому или иному наклонению, конечность или срединность и т п

Грамматические времена являются грамматическими категориями глаголов и прилагательных

Под грамматической категорией в работе понимается форма или ряд форм, имеющих общую морфологическую примету с одинаковым грамматическим значением. Грамматическая категория есть единство формы и содержания, т е грамматического значения Грамматическая форма выражает грамматическое содержание Одна грамматическая категория противопоставляется другой (другим) и по форме и по содержанию Следовательно, синонимичные формы могут относиться к одной грамматической категории, но одна и та же форма в тотальном употреблении (т е от большинства глаголов, например) не может относиться к двум противоположным категориям

С этой точки зрения неправильно называть грамматической категорией времени всю совокупность грамматических времен данного языка они составляют систему грамматических категорий (см «Заключение», § 1), а не одну катего-

рию, ибо каждое время имеет свою форму и свое особое значение.

Ряд авторов, в их числе И. П. Иванова, называют категорией времени всю систему времен. И. П. Иванова считает, что «общим грамматическим значением для категории времени является отношение времени действия к моменту речи...» [55, 7]. Однако:

а) такое неконкретное положение нельзя назвать определением значения, так как оно указывает лишь на общий характер этого значения;

б) если признавать категорией всю совокупность временных форм, то она не будет обладать морфологическим единством;

в) при подобных формулировках не делается различия между обобщением, произведенным в ходе развития данного языка, что выразилось в создании единой формы для каждого отдельного времени, и обобщением, выведенным лингвистами произвольно; в последнем случае нельзя относить к одной категории те формы, которые противопоставлены одна другой и морфологически, и по значениям;

г) отдельное время оказывается у этих авторов лишь «частным компонентом категории» [55, 4]. Но они нередко проявляют непоследовательность, называя категорией и отдельное время: «Следует отметить... правоту тех грамматистов, которые считают, что будущее время как грамматическая категория реально имеется в английском языке» [55, 55];

д) «категория времени» оказывается синонимом «системы времен», ненужным по сути дублетом. В таком случае от одного из этих терминов следовало бы отказаться.

Предлагаемое понимание грамматической категории является не новым, а одним из существующих. Так, Б. Н. Головин отмечает: «Практика исследования сделала соответствующие выводы: нужно изучать не грамматические значения сами по себе и не их формальные показатели сами по себе (хотя такое раздельное изучение иногда возможно и полезно), а реально существующие в языке единства тех и других. Именно за этими единствами практика исследования (но не грамматическая теория!) и закрепила термин „грамматическая категория". Именно в этом смысле применяется этот термин в книге акад. В. В. Виноградова „Русский язык" и во множестве других работ по грамматике...» [29, 32]. Можно согласиться с «элементарным и минимально достаточным определеннем грамматической категории», которое дано Б. Н. Головиным: «Это реально существующее в языке единство грамматического значения и формальных средств его выражения» [там же]. Непонятно только, как это определение можно применить к грамматическим временам, называя «грамматической категорией» совокупность ее «внут-

ренних членов (например, настоящее, прошедшее и будущее время глагола) или сочленов» [29, 33]. Ведь ни морфологическим единством, ни общностью значения противопоставленные одно другому времена не обладают.

Есть и другое определение грамматической категории, основанное на бинарных противопоставлениях: «Собственно грамматическую категорию можно определить как отношение, выраженное в грамматическом строе языка через противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм: это единство взаимоисключающих противоположностей ... это раздвоение единого» [147, 56]. Вряд ли, однако, сам автор этой формулировки Д. А. Штелинг понимает «раздвоение единого» как превращение когда-то единой формы в две. Подобное явление наблюдается лишь в лексике, где один корень может иметь противоположные значения: «начало» и «конец», «свет» и «тень» и т. п. (например, японск. *кагэ* 'тень', но *кага-яку* 'сиять'). В грамматике же не единство, а система категорий. С точки зрения системной лингвистики грамматическая категория не отношение, а элемент системы.

Глава вторая

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВРЕМЕН

Временные формы, имеющие относительные (или соотносительные) значения, в противоположность прямым (или абсолютным), выражают время не по отношению к моменту речи, а передают объективную временную связь процесса, о котором говорится, с другим процессом. Они указывают, что процесс, выраженный глаголом, совершался (совершается или будет совершаться) либо одновременно с другим упоминаемым процессом, либо до, либо после него.

Все признают, что в ряде языков есть особые относительные грамматические времена. Кроме того, в некоторых языках временные формы, имеющие прямые значения, могут употребляться и в относительных. Однако, как это ни странно, специалисты по японской грамматике совершенно упускали из виду возможность того, что времена и в японском языке могут оказаться относительными.

Поэтому, прежде чем приступить к исследованию соответствующих фактов японского языка, представляется необходимым хотя бы коротко осветить употребление грамматических времен в относительных значениях в других языках.

В русском языке, как и в японском, финитные временные формы не делятся на абсолютные и относительные. Хотя в большинстве случаев русские личные глагольные формы имеют то или иное абсолютное значение, существует и относительное употребление времен, которое акад. В. В. Виноградов справедливо причисляет к важнейшим сторонам грамматического строя, ставит на первое место среди наиболее актуальных проблем русской грамматики [см. 23, 3]. Его слова применимы и к грамматике новояпонского языка, в котором относительное употребление времен распространено гораздо шире, чем в русском.

О временах финитных форм В. В. Виноградов писал: «Релятивное, относительное употребление форм прошедшего времени соприкасается, а иногда пересекается и даже сливается с соотносительным их употреблением для выражения одновременности, предшествования или последовательности по отношению к другой глагольной форме времени в составе сложного

синтаксического целого (особенно разнообразно — в конструкциях с союзами времени, причины и условия)» [23, 569].

В настоящей работе собственно относительное и соотносительное значения не разграничиваются, так как японский язык формально их не дифференцирует.

Относительные времена в истории русского языка, как это показывают ее исследователи, в частности проф. С. Д. Никифоров [см. 85, 159—160 и 170—173], играли немалую роль.

Специалисты по временам славянских языков отмечают, что «очень часто релятивное время соотносится с временем, которое тоже является релятивным: „...повторил он, *чувствуя*, что слова *иссякают*..."» [13в, 203]. Действительно, «иссякают» обозначает здесь одновременность с «чувствуя», которое в свою очередь выражает синхронность с «повторил». Но считать релятивными формы прошедшего времени в речи о прошлом можно, мне кажется, только тогда, когда они окружены формами настоящего в значении одновременности (см. далее примеры из русских сказок) и сами выражают предшествование. В предложении «Я видел, как качались от ветра стены домов...» (Паустовский) нельзя вслед за А. В. Бондарко усматривать значение одновременности в «качались» [см. 13в, 205]. Ведь говоря об одновременности «качались» с «видел», мы занимаемся семантическим, а не грамматическим анализом. Морфологически одновременность остается невыраженной. Основное и главное — выбор формы произведен при ориентации на момент речи. Следовательно, здесь абсолютное время. Кстати, как отмечает Е. Кржижкова, «В русском языке такой тип выражения временной соотносительности встречается чаще, чем, например, в чешском, как было отмечено Б. Илеком. Он, как и В. Бек, склонен объяснять проникновение прошедшего на место настоящего влиянием западноевропейских языков...» [68, 22]. Недаром в сказках, язык которых не испытал влияния этих языков, прошедшее время в значении одновременности не встречается. Думается, что как раз в ы р а ж е н и я временной соотносительности (одновременности) в подобных примерах нет, даже в том случае, если по общему смыслу оба действия и были одновременны.

Очень часто времена в относительных значениях употребляются в сказках, как русских, так и переводных.

Например: «Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так внизу и *мелькают. Летит* Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно» (Ск., 28).

В связи со значением одновременности, которое имеют формы «мелькают» и «летит», формы прошедшего времени на «-л» приобретают значение предшествования следующему действию, а не настоящему говорящего лица: действие «подхватил» предшествует действию «понес», а действие «понес» (т. е. «начал нести») предшествует действию «мелькают».

«Андрей бросил колечко — оно *катится*. Андрей *идет* за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник *тащится*.

Устанут идти, поедят сухарей и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес...» (Ск., 18).

В этом отрывке формы «катится», «идет», «тащится» обозначают одновременные действия. В связи с этим и форма «бросил» приобретает значение не прошедшего времени по отношению к моменту речи, а предшествования по отношению к следующим упоминаемым действиям. «Устанут», «поедят» — это формы будущего времени, которые, как на это указывал еще Потебня, в речи о прошлом обозначают предшествующие неоднократные действия, каждый раз доводящиеся до конца.

Подобного рода относительное употребление времен в русских сказках не исключение, а скорее правило:

«Посеяли. Уродилась пшеница на славу.

Старик со старухой *не нарадуются, ходят* каждый день пшеницей *любуются:* пшеница стеной *стоит,* колос колоса *тучнее.* Соседи *завидуют:*

— Эдакого урожая век не видано!

Приспело время хлеб убирать» (Неч., 48).

Изучая употребление времен и цитируя при этом отрывки, в которых форма настоящего времени выражает действие, происходившее одновременно с другим действием, выраженным формой прошедшего времени, нужно доводить цитату до первого глагола, стоящего в прошедшем времени. Цитата, оборванная на глаголе в настоящем времени, не будет достаточно доказательной, так как по ней невозможно установить, совершалось ли действие, выраженное формой настоящего времени, одновременно с действием, выраженным формой прошедшего времени, или нет [1].

«Сиделец кликнул жену да ребят, и подсели все к старику за стол. *Сидят угощаются.* Старик выпил сладкого винца...» (Неч., 51).

Здесь глаголы «сидят» и «угощаются» выражают действия, совершаемые одновременно и не предшествующие тому действию, которое обозначено глаголом в прошедшем времени «выпил». Все продолжали сидеть и угощаться, когда старик пил.

«Вышли из лесу — и скоро показался впереди город. Перед самым городом на царских лугах большое стадо коров *пасется.* Подошли поближе...» (Неч., 14—15).

«Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец,

[1] Это правило цитирования должен иметь в виду исследователь как русских, так и любых других источников, если он намерен изучить употребление времен не только в зависимых, но и в главных предложениях. К сожалению, в большинстве работ при исследовании времен ограничиваются, в лучшем случае, рамками сложного предложения.

сели у окошка и *разговаривают,* друг на друга *любуются. Живут* — горя *не знают,* и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту...» (Ск., 31).

«Тут Гвидоновы войска ужаснулися, снаряжение боевое кинули и побежали с поля боя прочь. А свои ратники прибодрилися: *наседают* да *бьют, гонят* вражью силу.

Иван коня поворотил:

— Теперь и без меня управятся!

Навстречу ему *едут* царские старшие зятья с боярами, *торопятся* свои полки догнать, *машут* саблями, „ура" *кричат.* Мимо проскакали...» (Неч., 40).

Таких примеров из русских сказок можно привести неограниченное количество. Нельзя, однако, назвать все формы настоящего времени в речи о прошлом «историческим настоящим», так как их роль в подобных текстах не стилистическая, а чисто грамматическая. Как только речь заходит о действиях, следующих одно за другим, неукоснительно употребляются формы прошедшего времени.

Н. С. Поспелов пишет: «От случаев praesens historicum следует отличать употребление воображаемого настоящего, когда действие, фактически прошлое, рассматривается как наличное. Таково, например, употребление настоящего времени в начальных предложениях описания выхода Петра в „Полтаве" Пушкина: „Выходит Петр. Его глаза сияют". Немного далее, когда формы настоящего времени обозначают сменяющие друг друга действия, они употребляются в историческом значении» [96, 296, сн. 4].

Следует иметь в виду, что нередко действия, выраженные формами «воображаемого настоящего», одновременны по отношению к первому упомянутому за ними действию, стоящему в форме прошедшего времени. Подобные случаи, на самом деле, нельзя считать подлинным историческим настоящим. Они являются примерами относительного употребления временных форм в значении одновременности.

Кроме того, Н. С. Поспелов пишет: «Особый модальный характер употребления настоящего времени в историческом значении выражается в том, что здесь глагольное действие, отнесенное в план прошлого, рассматривается как уже не наличное» [там же].

Однако наличие действия в момент речи — это скорее чисто временной, чем модальный, критерий. Прошедшие действия, обозначаемые формами настоящего времени, передаются все же с полной достоверностью. Такие действия не р а с с м а т р и в а ю т с я как уже не наличные, а фактически я в л я ю т с я прошлыми. Но сама форма настоящего времени в речи о прошлом не указывает на предшествование моменту речи и является в подавляющем большинстве случаев относительной (см. выше примеры из сказок), оставаясь формой

изъявительного наклонения без дополнительного модального оттенка.

Широкое употребление относительных времен наблюдается во французском языке. Но в нем, как и в некоторых других романских и германских языках, — и в этом их принципиальное отличие от русского языка — есть особые относительные времена.

«Характерной особенностью французского глагола является также то, что он выражает понятие одновременности, предшествования или следования не только по отношению к настоящему моменту, но и по отношению к любому моменту в прошедшем или будущем» [66, 187].

«Во французском языке формой времени обозначается... временное отношение (одновременности, предшествования и следования) данного действия к данному времени» [12, 256].

«Своеобразный характер французской системы обнаруживается тогда, когда действие связывается не с настоящим (с моментом речи), а с прошедшим или будущим временем, потому что при таких условиях во французском языке, в противоположность русскому, употребляются особые формы настоящего, прошедшего и будущего, „относительные времена", в которых особенно наглядно выявляется, что выражают они не время, как таковое (т. е. настоящее, прошедшее и будущее), а именно одновременность, предшествование и следование» [там же].

Однако во французском языке предшествование прошлому, будущему в прошедшем, настоящему и будущему дифференцировано.

В немецком языке «перфект употребляется как относительная форма для выражения предбудущего, независимо от того, выражено ли основное действие презенсом или будущим первым. Чаще всего перфект в значении предбудущего встречается в придаточных временных или условных» [81, 76].

Таким образом, «почти целиком вытесняя будущее второе в значении предбудущего» [там же], немецкий перфект приобретает значение предшествования вообще, т. е. превращается в чисто относительное грамматическое время.

В иранских языках времена, имеющие прямые значения, могут употребляться и в относительном значении. Так, в персидском языке «настоящее время имеет значение как „абсолютного", так и „исторического" настоящего времени, а также используется в значении будущего времени, если такой смысл придает ему контекст; в живом изложении оно может обозначать прошедшее действие, одновременное другому прошедшему же действию, т. е. для того момента являющееся как бы настоящим» [17, 7].

В языке пушту (афганском) относительное употребление

времен наблюдается как в главном, так и в придаточном предложениях. Форма настоящего времени имеет «в определительном и дополнительном придаточных предложениях значение конкретного действия, наличного в момент совершения действия главного предложения» [52, 13].

Для исследования относительных времен японского языка принципиальное значение имеют данные о временах современного арабского литературного языка, потому что, судя по исследованию А. А. Ковалева, относительные значения являются основными значениями «простых» времен арабского глагола: «На основе видового значения „незаконченности" действия выросло общее временное значение данной формы — значение временной параллельности, одновременности (разрядка моя.— *Н. С.*) действия по отношению к моменту высказывания или какому-либо другому моменту, о котором прямо или косвенно говорится в предложении» [60, 82—83].

Видимо, такую чисто относительную форму не стоит и называть настоящим временем, как это делает А. А. Ковалев. Тем более, что противопоставленная ей форма, называемая им прошедшим временем, весьма часто употребляется и в речи о будущем, выражая, как следовало ожидать и как явствует из многочисленных примеров, приведенных А. А. Ковалевым, предшествование.

Кроме простых времен А. А. Ковалев находит в арабском языке и аналитические времена: давнопрошедшее, будущее предварительное и будущее в прошедшем. Их он, не колеблясь, называет относительными [см. 61]. Другие авторы принимали одновременность и предшествование как основные значения синтетических времен арабского языка за совершенность и несовершенность [см. 108, 73 и сл.], что убедительно раскритиковано А. А. Ковалевым.

Весьма интересный материал по временам нанайского и маньчжурского языков приведен в работах В. А. Аврорина. Грамматические явления этих языков имеют особое значение для японистики: грамматический строй нанайского и маньчжурского языков, как известно, близок к грамматическому строю японского языка. В частности, идентичен у них и порядок слов (сказуемое — на последнем месте, определение предшествует определяемому). Глагол, как и в новояпонском языке, может выступать в качестве определения, не меняя своей формы: *най нирухэн* 'человек написал', *нирухэн най* 'написавший человек', *най нируйни* 'человек пишет', *най нируйни бичхэ* 'письмо, которое человек пишет' [см. 6, 32].

Однако В. А. Аврорин называет такие формы «именем действия», с чем трудно согласиться. Н. И. Фельдман отмечает, что «вряд ли правомерно выключение этого, как его именует В. А. Аврорин, „предицированного имени действия" из

системы форм глагола» [129, 232]. Дело в том, что В. А. Аврорин разбирает свойства глагольных форм нанайского языка, сопоставляя его не с другими алтайскими языками, а только с русским языком. Между тем, такие вопросы, как наличие глагола в том или ином языке, должны решаться единообразно для всей семьи языков с общими свойствами соответствующих форм.

Недостатком работ В. А. Аврорина, как и работ многих других авторов, писавших о временах в разных языках, является и то, что времена исследуются в них только в пределах сложного предложения. Таким образом, вопрос об употребительности тех или иных форм в главном предложении в связи с временами следующего за ним предложения не ставится. О фактах нанайского и маньчжурского языков, введенных в научный оборот В. А. Авророным, будет идти речь и в пятой главе, где рассматриваются временные формы перед временными союзами. В настоящей главе обращается внимание лишь на употребление временных форм в условных предложениях в речи о будущем.

В. А. Аврорин, отмечая в нанайском языке наличие двух основных времен, традиционно именуемых настоящим и прошедшим, пишет:

«Что же вносят показатели так называемых „настоящего" и „прошедшего" времен в значения слов, обозначающих второстепенные действия? Устанавливают ли они временные отношения между моментом совершения второстепенного действия и моментом речи? Как будто бы, иногда устанавливают. Это имеет место, когда временные показатели в сказуемом и обстоятельственном обороте совпадают. Во всех же прочих случаях — не устанавлнвают. В них показатель настоящего времени свидетельствует о том, что к началу главного действия второстепенное уже началось и еще не закончилось или кончается в самый момент начала главного действия. Показатель же прошедшего времени свидетельствует о том, что к началу главного действия второстепенное уже закончилось. И только. Ничего большего мы в этих показателях найти не можем» [6, 34—35].

«Примеры показывают, что главное действие мыслится или происходящим одновременно с действием второстепенным или наступающим непосредственно вслед за совершением второстепенного действия, которое, несмотря на свою совершенность, представляется еще в какой-то степени длящимся. Другими словами, главное и второстепенное действия по времени их совершения находятся в разных отношениях к моменту речи. А если это так, то мы вправе были бы ожидать в них и одинакового временно́го оформления. В действительности же дело обстоит, как видим, иначе» [6, 34].

«*Эси-кэ симбивэ баогохан осини-ка, нэ вадямби* 'А те-

перь, тебя нашла если, обязательно убью', 'Теперь уж, если я тебя найду, то обязательно убью' (Хитрая лиса)» [6, 37].

В подобных примерах, как указывает В. А. Аврорин, «мы видели, что показатели прошедшего времени сопутствуют названиям тех мыслимых в будущем действий, которые после своего окончания послужат условием для совершения других действий. Иначе говоря, они сопутствуют названиям действий, мыслимых уже окончившимися» [там же].

Приведя примеры использования в условных предложениях формы настоящего времени в речи о будущем, В. А. Аврорин пишет: «Форма настоящего времени у подчиненных имеи действия говорит здесь о том, что они обозначают такие мыслимые в будущем действия, течение, а не окончание, которых является условием для совершения других действий. Показатель настоящего времени в этих случаях указывает не на время, а на продолжение, незаконченность действий, т. е. служит видовым формантом» [6, 38].

С этим заключением В. А. Аврорина нельзя согласиться. Здесь скорее выражается одновременность, а не видовое значение незаконченности. К тому же далее он сам отмечает: «Как показывает приведенный выше материал, в нанайском языке отчетливо обнаруживаются следующие две полярно-противоположные категории основных видов: 1) вид окончившегося, прекратившегося действия и 2) вид неокончившегося, продолжающегося или еще не начавшегося действия. Условно эти виды можно было бы наименовать „окончательным" и „неокончательным".

Так же как и в основных видах русского глагола, здесь доминирует идея конца действия, но, в отличие от русского, конец действия не рассматривается как полное его завершение, дающее тот или иной результат. Конец действия означает для нанайского языка лишь то, что это действие ранее было начато, но в данный момент уже не продолжается. Такое видовое деление еще ближе стоит к временным категориям, чем русское, и поэтому имеет бо́льшие возможности для развития в их направлении» [6, 39].

Судя по этому определению, такие значения являются именно предшествованием и непредшествованием. Но В. А. Аврорин не применяет этих терминов, хотя указания на предшествование и одновременность как на значения рассматриваемых форм в его работах есть.

Весьма показателен и материал маньчжурского языка, приводимый В. А. Аврориным в другой работе: «Маньчжурские имена действия в отношении категорий „времени" дают в основных чертах ту же картину, что и имена действия в наиболее близком к маньчжурскому нанайском языке» [7, 63].

В. А. Аврорин приводит следующие примеры: «*Си (ни)*

алара дэ си доньчжимби 'При твоем говорении я слушаю' и *Си (ни) алара дэ би доньчжихаби* 'При твоем говорении я слушаю' (явная опечатка, должно быть 'слушал'.— *Н. С.*)... *Си (ни) алаха дэ би доньчжимби* будет значить: 'После того, как ты сказал, я слушаю (буду слушать)'» [7, 64] и далее пишет: «Здесь мы уже не находим даже намека на отношение момента совершения второстепенного действия к моменту речи» [там же].

«Во всех остальных синтаксических позициях момент речи не играет решительно никакой роли для характеристики обозначенного именем действия, а здесь, в позиции сказуемого (главного предложения. — *Н. С.*), он играет такую роль лишь потому, что это вызывается самой синтаксической позицией...» [7, 65].

Большим достоинством работ В. А. Аврорина о временах нанайского и маньчжурского языков с общелингвистической точки зрения является исследование времен в различных синтаксических позициях. Однако утверждения В. А. Аврорина, что времена в главном предложении определяются отношением к моменту речи в силу самой синтаксической позиции, не подкреплены материалом и представляются скорее не выводом из исследования, а априорной предпосылкой. Думается, что времена в главном предложении нанайского, маньчжурского и других тунгусо-маньчжурских языков следует изучить в широком контексте, выяснив, в какой связи находятся времена сказуемого одного предложения и сказуемого следующего.

* * *

При всей краткости приведенных материалов видно, что относительные времена имеются во многих самых различных языках. В некоторых языках, наряду с абсолютными, существуют специальные относительные времена. Но есть и языки (арабский, нанайский, маньчжурский), в которых, насколько можно судить неспециалисту по этим языкам, имеются и чисто относительные времена, являющиеся основными.

Грамматические времена типа плюсквамперфекта нельзя приравнивать к чисто относительным временам, так как несомненно, что действие, выражаемое плюсквамперфектом (в тех языках, где такая форма имеется), не только соотносится с другим прошедшим действием, но и может быть отнесено только к прошлому: «Формы плюсквамперфекта и преждебудущего времени сами по себе указывают на определенное (прошедшее или будущее) время по отношению к моменту речи. Именно отношением к моменту речи эти времена предшествования и отличаются друг от друга» [13в, 207]. Зато такое время, как немецкий перфект, после вытеснения

им будущего второго (т. е. предбудущего) приобретает уже чисто относительное значение.

Таким же чисто относительным временем в бирманском языке является «предшествующее прошедшее или предшествующее будущее (какое из них — можно решить из контекста)» [161, 69].

Нельзя не отметить, что, несмотря на свою распространенность, относительные времена или относительные значения времен менее изучены, чем другие стороны грамматического строя. Даже там, где относительные времена выявляются весьма четко, лингвисты нередко не замечают их. В результате методика и теория изучения относительных времен превращаются в проблему общего языкознания, при решении которой должен быть широко использован сравнительный материал как родственных, так и неродственных языков.

При этом, однако, желательно отказаться от двух общепринятых терминов: «план прошлого (будущего и т. п.)» и «точка отсчета». Когда говорят о «плане прошлого», имеют в виду определенную часть объективного времени, протекшего до момента речи. Будет точнее, вслед за К. М. Любимовым [см. 76], именовать объективное прошлое, будущее, настоящее отрезками объективного времени. Правда, при этом мы как бы именуем время термином, взятым из обозначения пространства, но ведь так мы поступаем очень часто. Взять хотя бы положение о «линейности речи». В действительности речь разворачивается во времени, она по существу своему диахронична. Но при фиксации ее (как на магнитную пленку, так и письменными знаками) происходит подмена временной протяженности протяженностью в пространстве. При озвучивании записи можно несколько ускорять темп речи или замедлять его, но факта обратного перекодирования протяженности в пространстве протяженностью во времени невозможно избежать. Строго говоря, линейна лишь зафиксированная, а не звучащая речь. Заменяя «четвертое измерение» (время) первым, мы условно можем говорить и о линейности речи и об отрезках объективного времени. Момент речи в объективном времени можно уподобить точке на прямой. Можно назвать ее ориентиром или критерием выбора форм абсолютных грамматических времен, но «точка отсчета» — это просто необдуманный перенос термина из математики в область, где никакого счета как раз не производится [см. также 122, 207]. Недаром такие стремящиеся к строгости рассуждений лингвисты, как А. В. Исаченко, этих терминов не применяют.

Глава третья

ВРЕМЕНА СРЕДИННЫХ СПРЯГАЕМЫХ ФОРМ

Раздел I

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Времена деепричастий в разных языках

Срединные формы японского языка в известном смысле сходны с деепричастиями, которые в тех языках, где они есть, например, во многих индоевропейских, изучены гораздо лучше, чем в японском. Поэтому привлечение иноязычного материала не только ценно для сопоставлений, но и может помочь исследователю сделать правильные выводы в отношении одного языка, если они уже сделаны на сходном материале других. Рассмотрим временные значения деепричастий в ряде языков.

Общеизвестно, что русские деепричастия имеют относительные временные значения. А. М. Пешковский писал: «Категория времени в деепричастиях... обозначает не отношение времени процесса ко времени речи, а отношение его ко времени главного действия (выраженного глаголом)» [89, 138—139].

Формы «читая» и «прочитав» («прочтя») «совсем не те настоящее и прошедшее, какие мы нашли у глагола, хотя соотношение между одной и другой формой здесь совершенно то же и значения совершенно аналогичны. Можно сказать, что и там и тут настоящее обозначает одновременность, а прошедшее — предшествование, но там дело идет об одновременности с временем речи и о предшествовании времени речи, а здесь — об одновременности с временем главного действия (выраженного глаголом) и о предшествовании времени главного действия» [89, 139].

Как видно, А. М. Пешковский считал одновременность и предшествование основными временными значениями русских деепричастий. Эту точку зрения разделяют Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и другие русские грамматисты [1].

[1] Очень важно тонкое наблюдение акад. Л. В. Щербы, подметившего, что видовые различия при выражении деепричастиями одновременности и

Временные значения деепричастий в башкирском языке Н. К. Дмитриев определял как не имеющие отношения к настоящему, прошедшему, будущему. «Авторы некоторых школьных учебников классифицируют деепричастия по времени, относя деепричастия типа *алгас* к прошедшему времени, деепричастия типа *алып* — к настоящему, а деепричастия типа *алганса* — к будущему... Однако наблюдения над фактами разговорного и литературного языка в одинаковой мере показывают, что значение каждого деепричастия определяется тем, в каком отношении находится это деепричастие к основному глаголу...

Деепричастие на *-а* и *-й* обозначает такое действие, которое происходит одновременно или параллельно с действием основного глагола» [46, 187].

«Деепричастие типа *алып* указывает только на то, что это действие предшествует основному, а деепричастие типа *алгас* указывает на следующие два момента: а) это действие предшествует основному и б) отделено от него минимальным промежутком времени» [46, 188].

Основное временное значение деепричастия типа *алганса*, как явствует из книги Н. К. Дмитриева, — последовательность.

Некоторые ценные замечания относительно временных значений корейских деепричастий сделал Г. Рамстедт. Так, говоря о деепричастиях на *-ко*, он писал: «Этим окончанием снабжается первый из двух глаголов в том случае, когда оба глагола находятся в сочинительной связи, т. е. когда они выражают два действия или качества, сопровождающие одно другое, подразумевая под этим либо одновременность, либо равноценность их с точки зрения говорящего» [101, 119]. «Если два действия не одновременны..., то употребление данного деепричастия имеет в виду отметить одинаковую важность этих действий» [там же].

Из многочисленных срединных форм корейского глагола Рамстедт упоминает и деепричастие одновременности: «Значение деепричастия: „тем временем", „пока", „в то время как"; оно указывает на то, что действие, выраженное деепричастной формой, длится в течение того времени, которое необходимо для действия, выраженного следующим, главным глаголом» [101, 133].

Таким образом, можно считать, что оба рассмотренных деепричастия выражают относительное временное значение одновременности.

О деепричастии прошедшего времени с окон-

предшествования «как-то стираются» [144, 177]. Очевидно, значения одновременности и предшествования он также считал временными.

чанием *-а* Рамстедт писал: «Эту форму можно было бы назвать деепричастием предшествования. Она выражает идею предшествования действия, обозначенного первым глаголом, действию, обозначенному вторым глаголом. Эта же форма служит для выражения того, что действие, обозначенное первым глаголом, менее существенно для говорящего, нежели второе действие» [101, 120].

«Деепричастие будущего времени... Окончание этого деепричастия *-ке*» [101, 122].

«Это деепричастие может быть также названо деепричастием последования. Оно выражает идею последования (во времени или в мысли говорящего) действия, обозначенного первым глаголом, действию, обозначенному вторым глаголом» [там же].

Вообще, как указывает проф. Г. Д. Санжеев, «почти во всех известных нам языках мира в слитных или сочиненных предложениях говорится о ряде действий, протекающих одновременно или одно за другим» [105, 116].

Таким образом, деепричастия во многих языках, в том числе и в структурно близких японскому, имеют относительные временные значения [2].

Раздел II

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

§ 2. Бессуффиксальная форма, форма на *-тэ/-дэ* и форма на *-нагара*

Как известно, русскую фразу «Я сижу и читаю» нельзя перевести на японский язык, употребив две конечные формы глаголов. Первая форма непременно должна быть срединной. Точно так же при бессоюзном сочинении двух предложений сказуемое первого из них принимает ту или иную срединную форму; только при наличии союза первое сказуемое может принять конечную форму. Такое же явление наблюдается и в ряде алтайских языков. Поэтому употребительность срединных форм в этих языках значительно выше, чем употребительность деепричастий в индоевропейских языках; союзы же в этих языках употребляются реже, чем в современных индоевропейских.

[2] Есть языки, совсем не имеющие деепричастий, как, например, немецкий и арабский. Есть и такие, которые имеют только одно деепричастие, как, например, таджикский язык; разумеется, единственная срединная форма не может быть временной, так как с ее помощью нельзя дифференцировать несколько времен.

В специальной литературе распространена точка зрения, полностью отрицающая наличие собственного временного значения у срединных форм японского языка. Этот взгляд восходит еще к Родригесу. Приводя примеры, в которых срединными сказуемыми являются *wosore* и *nigakou,* по его терминологии «корни» глагола и прилагательного, он писал: «*wosore* — корень, и поэтому он имеет смысл настоящего времени индикатива, так как принимает время и наклонение [конечного] глагола *wosorou* ['страшиться']; ... *nigakou* — корень адъективного глагола *nigai* ['быть горьким'], но он имеет значение настоящего времени индикатива, потому что принимает время [конечного] глагола...» [237, 14]. Рассказав о том, что в японском языке срединные сказуемые не могут стоять в «форме индикатива», а непременно принимают «форму корня», Родригес замечает, что «в таком случае корень, который предшествует [конечному сказуемому], должен пониматься в том же времени и в том же наклонении» [там же].

О деепричастии на *-тэ/-дэ* Родригес писал: «Причастие прошедшего времени *motomete* подобно по времени индикативу, перед которым его ставят: оно принимает его время и соответствует конъюнктиву. Пример для настоящего: *Korewo tadazite mirouni* 'Установив это, смотрю'. Пример для прошедшего: *Motomete kita* '[Я] пришел после получения'. Пример для будущего: *Motomete sinyô* [шинжёо] 'Когда [я] получу (после получения), я вам преподнесу'» [237, 26].

Ту же точку зрения разделяют и некоторые современные ученые. Проф. Е. М. Колпакчи отмечает, что «эти глагольные формы лишены признака времени и мыслятся в том времени, в котором стоит конечный глагол» [62, 029].

Акад. Н. И. Конрад пишет о сочинении посредством второй основы следующее: «Первый тип сочинения представляет собой случаи, когда первое из сочиняемых предложений укладывается в один ряд со вторым, но таким образом, что само по себе оно не является законченным сполна. Его время, наклонение, иногда залог определяется этим вторым предложением... время, наклонение конечного сказуемого определяет собой те же элементы срединного сказуемого» [65, 285].

Н. И. Фельдман полагает, что «у глагола в соединительной форме не выражено ни время, ни наклонение, ни синтаксическая функция, но должны быть выражены залог, вид и отрицание; последнее, если оно требуется, конечно» [127, 981].

В «Учебнике японского языка» говорится: «Деепричастие с суффиксом *-тэ* не выражает времени, время обозначается формой заключительного сказуемого, независимо от того, выражает ли деепричастие обстоятельственно-подчинительную связь или сочинительную» [54, 195].

Но, как отмечает И. К. Бунина, «среди глагольных форм, выражающих относительную грамматическую хронологию

действий, находим и ... деепричастия и причастия, которые следует поэтому включить в систему грамматических форм, выражающих хронологические отношения действий. Как известно, эти формы в системе времен обычно не рассматриваются, на том основании, что они „своего времени" не имеют» [16, 20].

Одной из причин, мешавшей до сих пор признать временные значения деепричастий, является, говоря словами Н. И. Фельдман, «общий закон сочинения», который «состоит в том, что все однородные члены предложения, кроме последнего, принимают соединительную форму, особую для каждой части речи, и только последний получает грамматическое оформление, связывающее его с другими членами предложения. Таким образом, значение формы последнего из сочиняемых членов распространяется на все предыдущие» [127, 980].

Действительно, из двух или нескольких слов, стоящих в одном и том же падеже, лишь последнее слово принимает суффикс данного падежа; остальные соединяются друг с другом союзами, реже — паузами. Однако аналогия со срединными формами глаголов является неполной, так как имеется не одна соединительная форма глаголов, а несколько пар. Одна форма может отличаться от другой по грамматическому времени.

Другой причиной является то, что бессуффиксальную форму (вторую основу), если она играет роль сказуемого первого (и вообще непоследнего) из сочиненных предложений с особым подлежащим, можно перевести на русский язык только той же временной формой, какой переводится сказуемое главного предложения. Например: *Соко-нива, уцукусий кусага итимэн-ни* хаэ, *каваирасий тори-га омосироку утаттэ имасита* (Т, IV, 111) 'Там красивая трава повсюду *росла,* прекрасные птицы приятно *пели*'. Поскольку на русский язык срединное сказуемое здесь нельзя перевести деепричастием (так как в русском языке деепричастие не может иметь особого подлежащего), у ряда авторов складывается мнение, что срединная бессуффиксальная форма заимствует время у конечного глагола.

Время, выражаемое этой формой, действительно совпадает со временем конечного глагола, но это объясняется не отсутствием у нее временного значения, а свойственным ей значением о д н о в р е м е н н о с т и. Это признают даже авторы, отрицающие временной характер срединных форм вообще. Значение деепричастия на *-тэ* многие определяют как значение п р е д ш е с т в о в а н и я, не замечая, что одновременность и предшествование — это временные значения, как принято считать в общем языкознании, и в частности в грамматике русского языка.

Отрицая временной характер формы на *-тэ,* некоторые

авторы называют ее формой совершенного вида [см. 128, 852—853]. Казалось бы, деепричастие совершенного вида должно противопоставляться деепричастию несовершенного вида. Между тем Н. И. Фельдман, развивающая эту точку зрения, противопоставляет форме на *-тэ* форму на *-нагара* как «деепричастие настоящего времени, выражающее одновременность двух действий...» [128, 853].

Однако такое определение вызывает следующие возражения:

1. Форму, которая, по мнению автора, не имеет временного значения, нельзя называть формой настоящего времени.

2. Принадлежность к совершенному виду, даже если бы она была доказана, вполне совместима и с временным значением, так как все конечные видовые формы японского языка имеют и временные значения.

3. В русском и японском языках категория вида свойственна всем формам данного глагола. Так, японский длительный вид имеет и срединные и конечные формы всех наклонений. Следовательно, и совершенный вид не может иметь только одну форму, притом срединную.

4. Наименование «деепричастие совершенного вида» не имеет ничего общего с наименованием других форм, образованных от той же основы типа *тотт-, мит-,* которые к совершенному виду не отнесены; из-за этого парадигма типа *тотэ — тоттара — тотта* оказывается разобщенной; выходит, что входящие в парадигму формы ничего общего по грамматическому значению не имеют; морфологическая общность трех форм не находит при такой трактовке никакого объяснения.

Несколько иначе, чем Н. И. Фельдман, развивает теорию совершенного вида формы на *-тэ* И. Ф. Вардуль: «Анализ произведений Кобаяси Такидзи и материалов, использованных дополнительно, не позволяет согласиться с теми грамматистами, которые отказываются признать за *-тэ* значение показателя совершенности действия. Одновременно нельзя отрицать и то, что *-тэ* не всегда имеет значение законченности... *-тэ* имеет два значения. Одним из них является указание на законченность, совершенность передаваемого действия... Второе значение *-тэ* союзное» [18, 176—177].

Возможно, на подобных точках зрения отразилась этимология *-тэ* — второй основы от *-цу* (суффикса совершенного вида в старояпонском языке). Впечатление, что *-тэ* и в современном языке имеет значение законченности, создается потому, что предшествование конца действия, выраженного деепричастием, понимается как завершенность этого действия. Но это далеко не всегда так. Например: *Тё:до, сиори-о* митэ *кёнэн-но нацу-но кото-о омоидасита ё:ни.* (Кокуго, Тюгаку, 2[1], 38) *'Увидев* закладку, [я] вспомнил лето прошлого

года' (говорящий продолжал смотреть на закладку, вспоминая лето прошлого года); *Ватаси-ва, сиори-о тэ-ни* тоттэ, *сибараку, Миядзима-но омоидэ-ни фукэтта* (там же, 37) 'Взяв в руки закладку, я погрузился на некоторое время в воспоминания о Миядзима' (здесь форма на *-тэ* также обозначает лишь предшествование начала одного действия началу другого: говорящий взял в руки закладку и продолжал держать ее, вспоминая о Миядзима); *Кёнэн-но нацуясуми-ни, тити-ни* цурэрарэтэ, *Хиросима-кара, Миядзима-э итта...* (там же, 36) 'Летом прошлого года, *сопровождая* отца в каникулярное время, [я] отправился из Хиросима в Миядзима...' (говорящий находился с отцом во время всего путешествия, но начал сопровождать его раньше выезда из Хиросима).

Поскольку значение предшествования начала одного действия началу другого свойственно и ряду русских деепричастий совершенного вида, наличие такого оттенка значения у японских форм на *-тэ* приводит многих японистов к мысли, что деепричастия совершенного вида есть и в японском языке. Однако русскому «уйдя», например, придает значение вида не сама деепричастная форма, не окончание, а глагольная основа (в частности, префикс *у-*). Ничего подобного в японском языке нет.

На это могут возразить, что в японском языке, имеющем вообще очень мало префиксов, значение совершенного вида придает деепричастию суффикс, т. е. *-т-/-д-*. Но в таком случае значение совершенности должно быть свойственно и форме на *-та/-да,* где имеется тот же суффикс. Следовательно, эта форма противопоставлена форме на *-тэ* как конечная срединной: 1) для этих форм характерна морфологическая общность; 2) они всегда имеют одинаковое ударение (*таБЭру* 'есть', но *ТАбэта* 'ел', 'съел', *ТАбэтэ* 'съев', 'поев', 'начав есть'); 3) форма на *-тэ* может быть заменена формой на *-та.* Последнюю закономерность подметил проф. Е. Г. Спальвин, анализируя пример *Мисе-е итте, пан во катте, кане во харатте, уци е каеримасита* 'Я пошел в лавку, купил там хлеба, заплатил за него деньги и вернулся домой': «Если... каждое сочиненное предложение превратить в главное, то все отдельные сказуемые должны быть в данном случае облечены в форму прошедшего времени» [114, 75—76].

Кроме того, бессуффиксальная форма заменится формой на *-у,* если срединное сказуемое в этой форме превратить в главное. Возьмем пример: *Наруходо, они-но* ё:-дэмо ари, *хитоно ё:-дэмо ару* (Т, IV, 116) 'Действительно, *и* на черта *похож* и на человека похож'. Полная параллельность частей этого слитного предложения очевидна. Если после *ари* поставить точку, оно должно превратиться в *ару.*

Японский лингвист Мацусита Дайсабуроо считал, что формы на *-та* и на *-тэ* имеют одинаковое временное зна-

чение, и в этом — рациональное зерно его трактовки. Правда, он определял это временное значение как «завершенность» (*канрёо*).

И. Ф. Вардуль подвергает резкой критике точку зрения Мацусита. Видимо, И. Ф. Вардуль прав, отрицая подчинительный характер *-тэ*. Однако ограничиваясь только срединными формами, он не улавливает взгляда Мацусита на времена в целом и иногда не совсем правильно его интерпретирует. Так, Мацусита под завершенностью понимал не вид, а именно время. «Канрёо должно быть также одним из грамматических времен» [174, 420],— писал он. Значит, Мацусита не отрицал временного характера *-тэ*, как может показаться, если не сопоставлять раздел о *-тэ* в его книгах с разделом о *-та*. Более того, Мацусита отвергает точку зрения Ямада, считавшего, что суффиксы старояпонского языка *-ну* и *-цу* не имели отношения ко времени.

И. Ф. Вардуль не соглашается с утверждением Мацусита, состоящем в том, что *-тэ* всегда обозначает законченность. Действительно, доказывая это положение, Мацусита прибегал к явным натяжкам. Видимо, значение *-тэ* (а значит и *-та* и *-тара*) какое-то иное.

И. Ф. Вардуль приводит высказывание Мацусита о *-тэ*: «Грамматическая законченность указывает не на законченность реального явления. Она говорит о том, что идея явления рассматривается как законченная. Поэтому предшествование и последование есть порядок, базирующийся на способе обращения с идеями. Этот порядок не обязательно совпадает с порядком самих явлений» [175, 268] [3].

Утверждение о законченности идеи явления — софизм, нужный Мацусита для того, чтобы объяснить как употребление *-тэ* в примере *Тонари-ва канэ-га* аттэ *ути-ва бимбо.-да* [см. там же] 'У соседей деньги *есть,* а наш дом беден', так и применение «законченного (совершенного) времени» в речи о будущих действиях, которые не только не закончены в момент речи о них, но, может быть, даже и не начаты.

В «Учебнике японского языка» говорится, что время деепричастия на *-тэ* «обозначается формой заключительного сказуемого» [54, 195]. Это положение опровергается легко. Возьмем пример из того же учебника: «*Кё: коно сигото-о* хадзимэтэ *мё: нити-мадэ-ни оварimас* 'Начав эту работу сегодня, закончу [ее] завтра'» [там же]. Действие *хадзимэтэ* 'начав' никак не относится к моменту речи. Ни из японского, ни из русского предложений нельзя узнать, начал ли говорящий работу к моменту речи или еще нет. Таким образом, действие, обозначаемое деепричастием, не обязательно должно относиться к тому же времени, к какому относится конечное ска-

[3] Мой перевод несколько отличается от перевода И. Ф. Вардуля [см. 18, 172].

зуемое. Кроме того, можно сказать и *Кино: коно сигото-о* хадзимэтэ *мё:нити-мадэ-ни оваримас* 'Вчера эту работу *начав,* завтра [ее] окончу'. Из этого примера явствует, что время деепричастия *хадзимэтэ* 'начав' не определяется временем глагола *оваримас* 'закончу'.

Вопрос о временных значениях деепричастий правильно освещал проф. А. А. Холодович, разбирая «примыкающее отношение» типа «глагол+ глагол»: «Примыкающее отношение вносит новое содержание во взаимоотношение двух действий, заключающееся в указании временного соотношения двух действий (разрядка моя. — *Н. С.*) и в качественной характеристике одного действия другим» [132, 168].

Каково же это временное соотношение? Это выясняется из следующих формулировок А. А. Холодовича: «Зависимый глагол в форме предварительного действия (так называемое деепричастие прошедшего времени, имеющее окончание *тэ*)» [132, 169].

«Зависимый глагол в форме одновременного действия (так называемого деепричастия настоящего времени, имеющее окончание *цуцу*)» [132, 170].

Правда, цитированная книга А. А. Холодовича посвящена одному из стилей старописьменного языка — стилю военной документации. Поэтому в этой книге не исследуются такие формы, как «вторая основа+*нагара*». Система времен старописьменного языка отличается от современной. Вместе с тем грамматика текстов, написанных на старописьменном языке в XX в., уже далеко не та, какой она была в эпоху старояпонского языка. Так, стиль военной документации отличается от старого литературного языка не только «своей особой лексикой», но и «суженной, отобранной морфологией» [132, 7].

К срединным формам относится также деепричастие на *-нагара,* которое встречается, хотя и редко, уже в древнеяпонской литературе (см. Такэтори, 3) и в памятниках XVI—XVII вв. В современном языке оно стало употребляться чаще, вытесняя бессуффиксальную форму в речи о второстепенных действиях. Общеизвестно, что деепричастие на *-нагара* выражает одновременность [см. 65, 311], поэтому доказывать это снова нет необходимости.

Переходим к анализу фактического материала.

Как уже сказано выше, форма на *-тэ* имеет значение предшествования вообще, т. е. в один случаях — предшествования конца одного процесса началу другого (далее сокращенно «предшествование конца»), в других — предшествования начала одного процесса началу другого (сокращенно «предшествование начала»). Ср. «затянув песню» — предшествование начала, «затянув пояс» — предшествование конца. Япон-

ские примеры: *Каги-о* хадзуситэ, *хэя-кара нукэдасу хима-мо наку...* (Кокуго, Тюугаку, 2[1], 16) 'Не имея времени для того, чтобы, *отперев* дверь, выскочить из комнаты...' (предшествование конца); *Нива-ни* таттэ *аоидэ ита ватакуси...* (там же, 30) 'Я смотрел вверх, *стоя* (букв. *став*) в саду...' (предшествование начала). В русском языке значение начала или конца действия заложено в самом глаголе, во всех его формах. Ср. «сел и застрочил» (т. е. начал быстро писать или окончил строчить на швейной машине) и «сяду и застрочу». Специфика японского языка сказывается в том, что оттенок начала или конца действия свойствен только формам на *-т-/-д-*. Кроме того, лексическое значение глаголов оказывает в японском языке гораздо меньшее влияние на грамматическое значение их форм. По-видимому, от большинства глаголов возможны формы на *-тэ/-дэ* как с оттенком предшествования начала действия, так и с оттенком предшествования конца. Неразличение этих двух оттенков — древнее явление: *Кагуяфимэ-во* мимафошиу-шитэ, *моно-мо куфазу омофицуцу, кано ифэ-ни* икитэ, *татазуми арикикэрэдомо, кафи арубэкумо аразу* (Такэтори, 2—3) '*Желая увидеть* Кагуяфимэ и мечтая [о ней], [они] ничего не ели; но хотя [они], *придя* к ее дому, стояли и ходили [вокруг], успеха добиться не могли' (здесь форма *мимафошиу-шитэ* 'желая увидеть' обозначает предшествование начала, а форма *икитэ* 'придя' — предшествование конца); *Соно катацубури-во* тоттэ *тако:* тобиагари, *иши-но уени вотосашерарэи* (Е, 449) '*Взяв* эту улитку, высоко *взлетите* и бросьте ее на камень' (здесь срединные формы дифференцированы: *тоттэ* обозначает предшествование начала, *тобиагари* — одновременность).

Форма на *-тэ* имеет еще одну особенность. Если в русском языке деепричастие выражает второстепенное действие, а изъявительные формы — так называемое равносильное действие, т. е. столь же важное, как и главное (ср., например, «*Усевшись*, я стал писать» и «Я *сел* и стал писать»), то в японском языке форма на *-тэ* в роли срединного сказуемого может выражать как то, так и другое: *Кокэмару-ва никкори* вараттэ *соно юми-оториагэ, тэцу-но я-о* цугаэтэ, *мангэцу-но ё:ни хикисиборимасита* (Т, IV, 120) 'Кокэмару, *усмехнувшись,* взял лук и, *вложив* в него железную стрелу, согнул [его] так, что [он стал похож] на полную луну'. *Вараттэ* 'усмехнувшись' — действие второстепенное, а *цугаэтэ* 'вложив' — одно из основных. Но формально они не различаются.

В отличие от формы на *-тэ* бессуффиксальная форма выражает только равносильные действия. Она противопоставлена деепричастию на *-нагара,* выражающему побочные, второстепенные действия. Форме же на *-тэ* ничего не противопоставлено, поэтому она может употребляться и в том, и в

другом значении. Примеры: *Кё:дай-ва, соно отоко-ни «Кокэмару» тою: на-о* цукэ, *сибараку ути-ни* оку *котони симасита* (Т, IV, 116—117) 'Братья решили *назвать* этого человека «Кокэмару» (Моховик) и *оставить* [его] на некоторое время у себя в доме' (здесь несомненно два равносильных действия); *Мадзу додай-о* цукуттэ, *сорэкара иппоиппо такаку* набори, *сайго-но мокутэки-ни тассуру ё:ни насай* (Т, XI, 73) 'Старайтесь сначала *заложить* основы, а затем шаг за шагом *подниматься* выше и достигать конечной цели' (речь идет о высотах науки); *Соно ато, Норинага-ва таэдзу* бунцу:ситэ *Мабути-но осиэ-о* укэ, *сидэй-но канкэй-ва хиитинитито симмицу-но до-о куваэта...* (Т, XI, 73—74) 'После этого Норинага, постоянно *переписываясь* с Мабути, [*стал*] *получать* от него указания, и их отношения как учителя и ученика с каждым днем крепли...'.

Приведем для сравнения предложение, в котором форма на *-нагара* имеет оттенок второстепенности действия: *Ватакуси-ва ё:яку хотто-сита кокоромоти-ни наттэ, макитабако-ни* хи-о цукэнагара, *хадзимэтэ моноуй мабута-о* агэтэ, *маэ-но сэки-ни коси-о ороситэ ита комусумэ-но као-о итибэцу-сита* (А, 131/2) 'Наконец, я почувствовал некоторое облегчение и, *закуривая* папиросу, в первый раз *поднял* вялые веки и бросил взгляд на лицо девочки, усевшейся напротив'.

Поскольку посредством формы на *-тэ* нельзя дифференцировать значения второстепенности и равносильности, иногда для указания на одинаковую важность первого и следующего действий глагол, обозначающий первое из них, употребляется в бессуффиксальной форме, даже если оба действия не совпадают во времени: *Рю:кю:-ни фунэ-о моттэ китэ, гайкоку-карано ироирона бусси-о хидзё:ни ясуку* каи, *сорэ-о Кагосима я Модзи я О:сака-ни урисабаку сё:бай-о ситэ ита* (Токуда, 11) '[Он] приобрел судно, приехал на Рюкюу и занимался тем, что, задешево *скупая* различные иностранные товары, распродавал их в Кагосима, Модзи или Оосака'.

Однако в художественной литературе за счет бессуффиксальной формы растет употребительность деепричастий на *-нагара* в речи о побочных действиях и на *-тэ* в речи о равносильных действиях, особенно в сложносочиненных предложениях. В ряде случаев применение бессуффиксальной формы (японский термин *рэнъё:кэй* 'форма [для] связи') расценивается уже как архаизм. Так, Мицуя указывает, что употребление ее в предложениях типа *Кадзэ-га* фуки *амэ-га фуру* (букв. 'Ветер *дуя*, дождь идет') в настоящее время должно рассматриваться как результат влияния старописьменного языка. Предложения типа *Кадзэ-га* фуйтэ *амэ-га фуру* (букв. 'Ветер *подув*, дождь идет') он оценивает как чисто разговорные [см. 179, 95]. В таких случаях форма на *-тэ* теряет, разумеется, значение предшествования.

Следует отметить, что еще в 1902 г. Кусано предостерегал от противоположной ошибки: «...употребление *-тэ* в таких примерах, как *кадзэ* фукитэ *карасу наку* (букв. 'ветер *подув,* вороны каркают') должно быть признано ошибочным» [цит. по 18, 210]. Он явно имел в виду старописьменный язык: это показывают грамматические формы примера (*фукитэ* вместо новояпонского *фуйтэ*).

В «Токухоне» бессуффиксальная форма встречается главным образом в рассказах о далеком прошлом: *Кё:дай-ва, омои то:ри тайсё:-то* нари, *корэмадэ Юривака-но ита, риппана сиро-ни* сундэ, *ибаттэ имасита* (Т, IV, 114) 'Братья, как и думали, *стали* полководцами и, *поселясь* в прекрасном замке, в котором до сих пор жил Юривака, заважничали'. См. также примеры из «Токухона», приведенные выше (Т, IV, 120; Т, XI, 73; Т, XI, 73, 74).

Но изредка бессуффиксальная форма употребляется в позиции срединного сказуемого и в рассказах бытового содержания: *Цуки-ва, кумо-ни хайтта ка то омоу то, сугу* дэ, *дэта ка то омоу то, сугу мата хаиримас* (Т, IV, 41) 'Только подумаешь, что луна зашла за облака, как вдруг [она] *выходит,* только подумаешь, что [она] вышла, [она] вдруг снова заходит' (см. также Т, III, 44—45); *Карэра саннин-ва* юки-*мо* каэри-*мо, киганэнаку вараттари ханаситари-сита* (А, 174/2) 'И *идя туда,* и *возвращаясь* [обратно], они все трое непринужденно смеялись и разговаривали'.

Большой материал художественных произведений Кобаяси Такидзи, Сига Наоя и других современных писателей исследовал И. Ф. Вардуль. Он отмечает, что «основными средствами соединительного сочинения следует считать вторую основу и форму с суффиксом *-тэ* (или деепричастную форму). А такие соединительные формы, как форма с частицей *дэ* (срединная форма связки) или форма с суффиксом *-тари* (многократный вид), в качестве средств сочетания предложений встречаются очень редко [18, 145]. «Соединительные союзы, прежде всего *си,* встречаются сравнительно редко» [там же].

«В „15 марта" (произведение Кобаяси Такидзи. — *Н. С.*) число случаев формы на *-тэ,* сочетающей предложения, в два раза превышает число случаев так же употребленной второй основы. Это соотношение несколько увеличивается в пользу формы с *-тэ* в „Деревне Нумадзири" и в „Отсутствующем помещике". А в „Краболове" и в „Людях пригорода" форма на *-тэ* встречается почти в два с половиной раза чаще второй основы.

Примерно то же соотношение между второй основой и формой на *-тэ* наблюдается в „Хрестоматии" („Токухон") и у Кикути. Наоборот, в просмотренных нами рассказах Сига Наоя связь предложений через вторую основу — явление бо-

лее частое, чем употребление в той же функции формы с *-тэ*» [18, 145—146].

С этими данными можно сопоставить мои наблюдения над языком произведений Акутагава Рюноскэ, в которых бессуффиксальная форма встречается очень редко. Видимо, для литературного языка еще нет установившейся нормы употребления второй основы.

§ 3. Форма на *-тэ+кара*

Предшествование как грамматическое значение формы на *-тэ*, если она сопровождается исходным *кара*, никакого сомнения не вызывает. В этой конструкции *кара* применялось раньше, чем в роли причинного союза после конечных временных форм (см. о *кара* в пятой главе, § 50).

Примеры употребления формы на *-тэ+кара* в языке XVII в.: *Е, ко:* шитэ воитэ-карава, *икафодо нэтэ-мо курушю: гозарану* (К, I, 64) 'Ну, *после того как* [я] так *поел,* неплохо и вздремнуть маленько'; *Ворэ-мо соно ё:ни, мидзукусо:* вомоварэтэ-карава, *ирану фодони, Сакодоно-но токоро-е юкимасуру зо* (К, I, 83) '*Раз* и ты *стал* так плохо *думать* [обо мне, я] ухожу к господину Сако, так как [это никуда] не годится'; *Арэ-во нандэ арэкаши,* табэтэ-кара *ясураимашё:* (К, I, 63) 'Чем бы это ни оказалось — *съем, а потом* отдохну'; *Мофая коно тэй-ни* наттэ-карава, *до:мо фанасарэмай га* (К, I, 180) '*После того, как* это *произойдет,* вы меня уже никак, наверно, не отпустите'; *Ия, муко:-э* цуйтэ-кара *шинжё:* (К, I, 125) 'Нет, заплачу *после того, как пристанем* к противоположному берегу'; *Шибукаки* кутэ-карава, *усо-но фукарэну моноджя* (К, I, 188) 'Терпкой хурмы *наевшись,* в дуду дуть не сможешь'.

Вполне употребительна эта конструкция и в современном языке. Например: *Сорэ-га тагаини бунгаку тою: кё:цу:-но вадай-га* дэкитэ-карава, *иёиё ситасими-га масита ё:-дэ атта* (А, 174/1) '*С тех пор, как* у них *появились* общие литературные темы для разговора, их дружба, как будто, еще больше окрепла' (см. также Т, II, 42—43).

§ 4. Форма на *-тэ + ва*

Особый случай представляет употребление деепричастия на *-тэ* в качестве срединного сказуемого, когда к *-тэ* присоединяется частица *ва*.

Акад. Н. И. Конрад пишет: «В том случае, если связующая два предложения форма на *-te* подкрепляется выделительной частицей *wa,* связь между двумя предложениями может получать некоторый условный оттенок. Например:

Koko-e haittewa warukaro: 'Если войти сюда — будет плохо...'

Omokuttewa motenai 'Если тяжело — не смогу удержать'... Этот условный оттенок, однако, не обязателен и вообще вызывается не грамматической формою, а реальным соотношением понятий» [65, 314].

Мацусита указывал, что после формы на *-тэ + ва* речь идет обычно о каком-либо неприятном следствии. Ср. примеры Н. И. Конрада, а также *Гудзугудзу-ситэ* итэ-ва *дамэ-да* (С, 22/2) '*Если будешь* мешкать, [тебе] придется плохо'. Но не всегда в таких случаях следствие является неприятным.

Проф. А. А. Холодович пишет о форме на *-тэ+ва* следующее: «Форма *-тэ* является и тут знаком того, что одно действие предшествует другому, т. е. знаком консекуции предшествования. Однако вместе с тем имеется и дополнительный оттенок. Этот дополнительный оттенок состоит в том, что форма выражает не простую последовательность двух событий, а такую, где одно действие быстро и непрерывно, неоднократно сменяется другим» [135, 419]. Собранные мной примеры подтверждают это определение: *Сорэ-о сюдзин-ни кикоэнай ё:ни, мадо-но токоро-э* китэ-ва *утаимасита-но-дэс* (С, 27—28) 'Она *придет, бывало*, к окну и споет так, чтобы не было слышно хозяевам'. Из общего контекста видно, что это действие происходило неоднократно [см. также 119, 129].

В ряде случаев деепричастия на *-тэ/-дэ+ ва* можно переводить на русский язык формой будущего времени совершенного вида, которая в речи о прошлом используется, как известно, «для выражения действия повторяющегося, но каждый раз законченного» [69, 35]. См. и статью А. Г. Рябкина [103а].

Еще А. А. Потебня установил, что форма будущего времени совершенного вида в русском и ряде других славянских языков означает в таких случаях предшествование первого действия следующему, нередко выражаемому историческим настоящим [см. 99, 107—120].

Это дает возможность применять в переводе историческое настоящее и там, где в японском оригинале после деепричастия на *-тэ+ва* в конечном сказуемом следует форма на *-та/-да*. На отнесенность действия к прошлому может указывать русская частица «бывало».

Раздел III

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

§ 5. Формы на *-тэ + мо*, на *-нагара*[*мо*] и форма типа *торэдо*[*мо*]

Форма на *-тэ*, соединяясь с частицей *-мо*, приобретает дополнительное уступительное значение, сохраняя значение предшествования: *Эрай дзо!* Короидэ-мо, *ёку симаи-мадэ ха-*

ситта (Т, IV, 26) 'Молодец! *Хоть* [ты] *и упал,* но хорошо бежал до конца'; *Икура* ибаттэ-мо, *соко-кара тобиориру котова дэкимай* (Н, 91/1) 'Сколько бы [ты] *ни хвалился,* а оттуда спрыгнуть не сможешь'.

Форма на *-тэ+мо* входит в состав широко употребительного оборота разрешения: Хайттэ-мо *ий дэс ка*? 'Можно войти?' (букв. '*Войдя хоть,* хорошо будет?').

И здесь значение предшествования несомненно [4].

Частица *-мо* присоединялась к форме на *-тэ* и в старояпонском языке. Широко употреблялась форма на *-тэ+мо* в языке XVI—XVII вв. Примеры: *Вара-дэ* цукуттэ-мо *вотоко-ва вотоко-джя* (К, II, 72) '*Даже сделанный* из соломы мужчина остается мужчиной' (пословица); *До:* вошшярэтэ-мо, *конничи-ва наримашену* (К, I, 137) 'Что бы вы *ни говорили* — сегодня не могу'; *Ватакуши-ва идзуку-ни* фушеттэ-мо, *курушю: гозарану* (К, I, 169) 'Мне все равно, где прилечь' (букв. 'я, где бы *ни лег,* плохо не будет').

В ряде случаев применяется обрамляющая конструкция *татои... -тэ+мо: Арэ-ва* татои *учидасу то* ю:тэ-мо, *инуру котодэва гозарану* (К, I, 117) 'Она, *хотя и говорила,* что прибьет, но уходить — такого еще не бывало'; Татои *гай-во* нашито:-тэ-мо, *има коно тэй-дэва канаванэба, во-идэ-во мачизонзуру* (Е, 502) '*Если бы даже* [я] *захотел причинить* [вам] вред, теперь в таком состоянии не смогу [этого сделать], поэтому жду вашего прихода'.

Как видно из примеров, форма на *-тэ+мо* применяется как в речи о прошлом, так и в речи о будущем.

В современном японском языке форме на *-тэ+мо* противопоставляется форма на *-нагара[мо]*, которая принадлежит к формам непредшествующего времени и обозначает одновременность: *Ни:сан-ва, гохан-о* табэнагара-мо, *сидзю: никоники-ситэ имасита* (Т, IV, 18) 'Старший брат, *даже обедая,* все время улыбался'.

В кёогэнах, «Esopono Fabulas» и «Qincuxu:» форму на *-нагарамо* обнаружить не удалось. Это объясняется не только малой употребительностью формы на *-нагара,* но и тем, что в ту эпоху форма на *-нагара* и без частицы *мо* имела уступительное значение: *Ворэ* аринагара, *ё: юкито: вориятта но* (К, I, 83) '*Хотя я существую,* [ты] захотела уйти'; *Еи, кокона фито-ва, ри-во* мочинагара, *макэру тою: кото-ва наи ё но* (К, I, 80) 'Ну, не может быть, чтобы такой человек, как я, проиграл дело, *имея* правду [на своей стороне]'; *Сатэмосатэмо ентова* мо:шинагара, *аноё:на вотоко-во моцу-ва, мэйвакуна кото-дэ гозару* (К, II, 86) 'Да-а, *хотя и говорят* — судьба, но иметь такого мужа — [это] беда'; Фабакаринагара *шинже-*

[4] Аналогичное употребление уступительных оборотов отмечено в нанайском языке В. А. Аврориным [см. 6, 36].

машеи (К, II, 132) 'Хотя и неловко, [все же] преподнеси!' (см. также Е, 493); *Маннака-е* торикомэрарэнагара... (К, II, 350) 'Хотя [меня] *занесло* в самую середину [толпы]...'; *Сорэ-ни цуитэ, кунимото-е, нанзо миягэ-во тотоноетэ, ичимон-но монодомо-е торашето: зонжитарэдомо, наганага-но зайкё:-нарэба, саё:но кото-мо* вомоинагара, *наримашенанда* (К, I, 338) 'Хотя [я] хотел приготовить домашним какой-нибудь подарок и *думал* об этом во время долгого пребывания в столице, [я] не смог [этого сделать]'.

Судя по просмотренным источникам, в языке XVI—XVII вв. форма на *-нагара* без уступительного значения почти совершенно не употреблялась. На одновременность действий указывала в большинстве случаев бессуффиксальная форма. Но употреблялась форма на *-нагара* даже в уступительном значении очень редко, поэтому правильнее будет считать, что в ту эпоху форме предшествующего времени на *-тэ + мо* была противопоставлена не форма на *-нагара,* а особая синтетическая срединная форма типа *торэдо[мо], мирэдо[мо]*, идущая из древнеяпонского языка: Фара-ва татэдомо, *мадзу маташшярэи* (К, I, 79) 'Хоть [вы] *и сердитесь*, обождите минутку'; *Тадзунэ-ни* маирито:-гозарэдомо, *цуини мада мукоири-во итасану ёттэ, нанитомо маиринику: гозару, то мо:шитэ-мо, маиразуба наримасумаи* (К, I, 22) 'Хотя [я] *и хочу пойти* спросить [тестя], но [мне] очень неудобно идти, потому что [я] еще не нанес [ему] визита; однако, что ни говори, а идти нужно'; *Ано вотокомэ-га, яма-е юкэ то* мо:шедо, *яма-емо маиримашезу, та-во карэ то* мо:шедо, *кари-нимо маиримашену* (К, II, 71) 'Этот негодяй, *хотя* [я] *и говорю* [ему]: «В лес иди!» — в лес не идет; *хотя* [я] *и говорю*: «Поле коси!» — и на косьбу не идет'; *Соно уе, яма-емо юказу, мата карита-га* арэдо, *карану то иваруру* (К, II, 72) '«Кроме того, и в лес не ходишь, и не косишь, *хотя есть* нескошенное поле»,— говорит [она]'; *Аноё:на вотоко-ва, ябу-во* кэтэ-мо, *гонин я саннин-ва* кэдашимасурэдо, *фитори ару канабо:ши-га фубин-ни гозару* (там же) 'Хотя таких мужчин [как мой муж] хоть пруд пруди (букв. *если даже* заросли *пнуть* ногой — пять и три *выбьешь*), единственного ребенка жалко'.

Последний пример особенно показателен, так как формы на *-тэ+мо* и на *-эдо* употреблены здесь в одном предложении. Форма на *-тэ+мо* указывает на предшествование (но не моменту речи, а следующему действию), а форма на *-эдо* говорит о постоянной возможности, существующей одновременно с действием, выраженным сказуемым главного предложения.

Приведенные выше примеры относятся к речи о настоящем. Есть немало примеров употребления формы на *-эдо* и в речи о прошлом. Значение формы на *-эдо* при этом не изменяется; она продолжает иметь уступительное значение и вы-

ражать одновременность: *Ягю:-ва ицу фикиагуру зо то* матэдомо матэдомо, *кицунэ-ва ширану каво шитэ иру...* (Е, 491) 'Хотя бык [все] *ждал и ждал,* когда же [его] вытащат, лисица сделала вид, что [она ничего] не знает...'; *Карю:до соно токоро-во* тôрэдомо, *шика-во мицукэидэ, юкисугита* (Е, 494) 'Охотник, *хотя и проходил* здесь, ушел, не заметив оленя' (в этом предложении действие *тôрэдомо* 'проходил' и действие *мицукэидэ* 'не заметив'— одновременны); *Кодомо варэ-мо варэ-мо то чикара-во цукуитэ воттэ* мирэдомо, *сукошимо канавананда* (Е, 491) '*Хотя* дети наперебой изо всех сил *пытались* сломать [веник], [они] не смогли [этого сделать]'; *Тадаима тэучи-нимо итасо: ё:ни* зонзурэдомо, *кё: учимаирито мо:сурэба, мияко-но ё:су-мо укэтамаварито: зонзуру* (К, I, 71) '*Хотя* [я] только что *думал* [тебя] поколотить, но, если [ты] говоришь, что посетил столицу, я хочу послушать о том, как выглядит столица'; *Сарэба, мидомо-мо со: вомо:тэ, ироиро* житай-сурэдо, *каеттэ тано:да фито-га, фарадатэрарууру ни ёттэ, жефи-но:укэатта* (К, II, 78) '*Хотя и* всячески *отказывался,* но потом — делать нечего — взял [барабан], потому, что хозяин сердился' (слуга отказывался, хозяин сердился — оба действия происходили одновременно); *Табитаби фито-во* яримасурэдомо, *цуйни санъё:-во итасану* (К, I, 135) '*Хотя* [я] часто *посылаю* [к нему] людей, [он] никак не рассчитывается' или '*Хотя* [я] много раз *посылал* [к нему] людей, [он] до сих пор не рассчитался [со мной]' (здесь речь идет о прошлом, так как говорящий, произнеся эти слова, сам тут же отправился к должнику; ср. К, I, 84); *Ия, фодо-ва* маиранэдомо, *кутабирэтэ гозару фодони, мадзу коно токорони сукоши ясураимашё:зу* (К, I, 25) '*Хотя* [я] *прошел не* много, но устал, поэтому сначала здесь отдохну'.

В последнем примере уступительная форма непредшествующего времени применена там, где в русском языке обязательно нужно употребить форму прошедшего времени. Это связано с особенностями употребления в японском языке форм отрицательного наклонения: действие, которое не имело места, не может считаться предшествующим другому (об этом подробнее говорится в седьмой главе, § 3). Ср. использование отрицательной формы *итасану* в примере, приведенном выше, а также употребление формы *воримашену* в предложении *Сокораатари-во тадзунэмасурэдомо, воримашену* (К, I, 22) 'Хотя [я] вокруг искал, [никого] там не нашел (букв. нет)'. Здесь поиски происходят одновременно с отсутствием того, кого ищут. На это указывает срединная форма непредшествующего времени с уступительным значением. Но отсутствие человека, которого искали, одновременно и со следующим упоминаемым действием. Поэтому мы не находим в этом примере форму предшествующего времени отрицательного наклонения *воримашенанда,* которая соответствует современ-

ной форме восточных диалектов и национального языка *оримасэн-дэсита.*

В приведенных выше примерах форма на *-эдомо* употребляется только в речи о настоящем и прошлом. Примеров употребления этой формы в речи о будущем обнаружить не удалось.

§ 6. Формы типа *торитарэдо[мо]*

В противоположность форме на *-тэ+мо* старая синтетическая форма на *-тарэдо[мо]* обозначала предшествование только в речи о прошлом: *Яи бо:зу, атама-ва* марумэтарэдомо, *моно-ва ширану* (К, I, 50) 'Эй, бонза, *хоть* [ты] *и обрил* [себе] голову, а ничего не понимаешь'; *Мидомо-мо до:зо санъё:-во иташитай ё:ни* зонжитарэдомо, *карэкорэ иташитэ, восонаваттэ, мэйваку-ни гозаро* (К, I, 136) '*Хотя* я и *думал* вовремя рассчитаться, но, будучи занят то тем, то другим, запоздал и, наверное, причинил вам беспокойство'; *Мидомова мё:га-во* табэмашитарэдомо, *моно-во фироимашита* (К, I, 114) 'А я, *хоть и ел* мёога, но вещи подобрал'[5]; *Шюжюни шиан-во шитэ* митарэдомо, *бэчини шёо ё:-мо но:тэ...* (Е, 490) '*Хотя* [они] всячески *пытались* что-нибудь придумать, ничего другого не оставалось делать...'; *Сорэ-дэ даймё: сё:мё:-но, какаесашшярэ, мияко-но чё:хо:-ни, сорэгаши фитори* нокошитэ вокашшярэтарэдомо, *соната-но амари фосисо:на фодони, юко: ка то мо:су кото-дэ воджяру* (К, I, 154) '*Хотя* меня нанимали большие и малые князья и *оставляли* одного со своими столичными драгоценностями, может быть, мне все-таки пойти [к вашему хозяину], тем более что вы так сильно этого хотите'.

Выше приведены примеры употребления формы на *-тарэдомо* от глаголов второго спряжения и неправильного глагола *суру.*

Примеры употребления формы на *-тарэдомо* от глаголов первого спряжения: *Макотони коно атари фо:бо:-ни ури-во* цукуритарэдомо, *сорэгаши-га ё:на-ва гозарану* (К, I, 353) 'Действительно, *хотя* в округе повсюду *посеяли* дыни, таких [хороших], как мои, [ни у кого] нет'. Примечательно, что здесь сохраняется старая форма без редукции *и* (можно было ожидать форму *цукуттарэдомо*). Ср. также: *Соноги-нараба, Шёуемон ё: аттэ* маиритарэдомо, *во-мэ-ни какараидэ модотта то вошяттэ таморэ* (К, I, 136) 'Скажите [хозяину], что, *хотя* Шёуемон *и приходил* по делу, но, не застав его, вернул-

[5] Пример взят из фарса «Догонсоо» («Трава глупца»), сюжет которого построен на поверье о том, что тот, кто ест траву мёога, глупеет. Глагол *куу* 'есть' имел в ту эпоху в предшествующем времени основу *кут-*, а не *ку:т-*, как можно было ожидать.

ся домой' (см. также К, I, 85); *Тадэ-во* кутарэдомо *васурэта* (К, I, 114) 'Хотя [я] *ел* [траву] тадэ, но [все-таки] забыл'.

В таком памятнике языка XVI в., как «Qincixu:», форм на *-тарэдомо* не оказалось.

§ 7. Уступительная форма вероятного наклонения

В языке XVI—XVII вв. суффикс *-до[мо]* присоединялся не только к формам изъявительного наклонения, но и к основе на *-э-* формы вероятного наклонения: *Коно таби шеккан-но* кувае:зурэдомо, *касанэтэ, шэккан-но куваё:зуру* (К, I, 9) 'Хотя [тебя] *следовало бы* наказать сейчас, но [я тебя] накажу, если [это] еще раз [повторится]' (см. также К, I, 213) [6]; *Вонорэ бо:зу-дэ накуба куби-во* фанё:зурэдомо, *юрусу* (К, I, 77) 'Если бы ты не был бонзой, [я] *отрубил бы* [тебе] голову, *но* [я тебя] прощаю'; *Аямари-но мада нэ-во сасану учинива, аратамуру кото-мо* канаво:зурэдомо, *фуруи куше-ва аратамэникуи кото-джа* (Е, 496) 'Зло *можно было бы* исправить, пока [оно] еще не пустило корни, *но* укоренившиеся привычки исправить трудно'; *Варэ-га* шикарозурэдомо, *сару моно-то кё: шё:бу-во шита то вомое* (К, I, 255, 256) 'Хотя ты *наверно будешь ругаться* [когда узнаешь], но [все же я тебе скажу], что [я] сегодня играл с одним человеком'; *Сарэба, тю:ки-ва, ядо-дэ гозараба, кусури-во* чё:го'-иташимашё:зурэдомо, *точю:-но кото-дэ гозару* (К, I, 298) 'Ну, а от паралича [я] *приготовил бы* лекарство, если бы [я] был дома, но [я] в пути'; *Яката-дэ нараба, ношицукэ-во* шинжё:зурэдомо, *мичи-дэ во:та ги-дэ гозару ни ётгэ... корэ-во шинзуру то мо:шитэ курэи* (К, I, 219) 'Если бы [я] был в усадьбе, [я] *преподнес бы* ношицукэ [7], но поскольку [мы] встретились в дороге... скажи, что [я] преподношу [меч]'; *Тадаима* шё:кваншёозурэдомо, *фуро-е ирэба соно фуроагари-но тамэни такуваевокэ* (Е, 410) 'Хотя [я] *съел бы* [их] *с удовольствием* сейчас, но [я] иду купаться, поэтому сберегите [эти плоды] до того времени, [когда я вернусь]'.

Как видно, уступительная форма вероятного наклонения в большинстве случаев употреблялась в сослагательном смысле, т. е. в речи о действиях, вообще не состоявшихся.

§ 8. Форма типа *тору-томо*

В языке XVI—XVII вв. существовала аналитическая уступительная форма, которая образовалась из формы непредшествующего времени изъявительного наклонения на *-у* и

[6] *-Но* в форме *шеккан-но* является показателем винительного падежа (а не родительного!). это результат фонетического перехода -Nw- в -nn- [см. 123, 81].

[7] Ношицукэ — пластинка из драгоценного металла, которая прикреплялась к ножнам меча.

частицы *-томо*. Как указывал Кольядо, эта уступительная форма была по значению более экспрессивной, чем другие уступительные формы [см. 220, 23]. Она имела значение непредшествования. Примеры: *Тадаима во-тэучи-ни нару то мо:-шитэ-мо, е ватаримасумаи.* — *Нан-джя,* тэучи-ни нару-томо *е-ватарумаи* (К, I, 175) 'Если бы даже [вы мне] сказали, что сейчас меня изобьете, [все равно я] не могу переходить вброд. Что! *если даже* [я тебя] *буду бить,* не сможешь переходить?!' (в этом предложении речь идет о будущем); *Има-ва каё:но моно-во* акинаимасуру-томо, *ичи-но тана-во казари, манзо:-кужи-во юрусарэ, суезуе-ва, кингин-надо-во акино: ё:ни ита-шитай то зонзуру* (К, I, 186) '*Хотя* теперь [я] *торгую* такими [дешевыми] вещами, [я] постараюсь занять первый лоток, — добиться освобождения от всех налогов и, в конце концов, торговать золотом и серебром' (см. также К, I, 195). Здесь форма на *-у+томо* показывает, что действие, выраженное этой формой, продолжается в течение большого периода времени, обозначенного наречием *има* 'теперь'.

Частица *томо* употреблялась и в старояпонском языке, но тогда она присоединялась к заключительной основе глаголов и к первой основе прилагательных [см. 207, 1081—1082]. В новояпонском языке заключительная форма перед *томо* вытесняется определительной. Вот почему у Кольядо встречается форма *aguru tomo* вместо старой *agu tomo* [см. 220, 23].

Частица *томо* присоединялась и к конечной форме отрицательного наклонения: *Яияи, фякузаши-ни* навазу-томо, *кванзаши-ни нае* (К, I, 256) '*Если* [ты] *не свяжешь* [бечевки] на сто монет, свяжи хоть на десять'; *Мэ-нива* миезу-томо, *кондо-ва рё:нин-шитэ сагашимашё* (К, I, 272) '*Хотя не видно*, [давай] на этот раз поищем вдвоем'. Суффикс *-зу* является суффиксом заключительной формы отрицательного наклонения на *-зу,* в противоположность форме на *-у* изъявительного наклонения, перед *-томо* не вытесняется определительной формой: в изученных памятниках форма на *-ну+томо* не зарегистрирована. (См. также К, I, 269, 346, 352, 376, 489, 503; К, II, 382).

Изредка встречается и форма вероятного наклонения на *-о:+томо*: *Мата, фана-во кэмбуТ-ни* гозаро:-томо, *кинжейджя то ю:тэ мишена* (К, II, 399) '*А если даже придут* смотреть цветы, скажи „Запрещено!" — и не показывай' (ср. также К, I, 245, 492). Однако в языке XVI—XVII вв. форма на *-о:* не имела временного значения (об этом подробнее сказано в четвертой главе).

Формы на *-у + томо* и *на -о: + томо* встречаются и в современном языке.

§ 9. Форма типа *торитаритомо*

Форме на *-у* + *томо* была противопоставлена форма на *-таритомо,* которая осталась такой же, какой она была в старояпонском языке: она состоит из заключительной формы на *-тари* (а не из второй основы!) + *томо.* Кольядо дает форму *agueta ritomo* (вместо ожидаемой *aguetatomo*), неправильно расчленяя ее на *agueta* и «частицу *ritomo*» [220, 23]. В изученных мною памятниках эта форма встречается довольно часто, но реже, чем форма на *-тарэдомо.* Примеры: *Татои во:камэга* китаритомо *соцумэ-воба учикороитэ, кава-во фаидэ нокё: зо* (Е, 499) 'Если даже волк придет, [я] его убью, сдеру [с него] шкуру, [а тушу] выброшу'; *Ияфая фитори цукавасарэмасуру кважя-но ги-дэ гозарэба, во-фима то* мо:шитаритомо, *кудасарэмаи то зонжи, касо:-дэ, кё:учимаири-во итадшитэ гозару* (К, I, 70) 'Ведь я у вас единственный слуга, поэтому, думая, что вы [все равно] не дадите мне отпуск, *если даже* [я его] *попрошу,* [я] тайком посетил столицу (см. также К, I, 222—223, 320; К, II, 357); *Ияия, ядо-во* ю:таритомо, *вошириярумаи* (К, I, 425) 'Нет-нет, *пусть даже* [я] *скажу,* где [я] живу, [ты все равно] вряд ли знаешь [это место]'; *Нан-но а:то* ю:таритомо, *фитоучи-ни шитэ курё- зо* (К, I, 510) 'Что же, *хотя* [ты] и *сказал* [это], [я] уложу тебя одним ударом'; *Вонорэ-га, соноготокуни кучи-во аки, тэ-во фирогэ, номо:* то вомо:таритомо, *номарэмаи зо* (К, I, 511) 'Хотя ты и раскрыл так рот, расставил руки и *подумал:* „Проглочу", — проглотить не сможешь'. Все зафиксированные примеры доказывают употребление формы на *-таритомо* в значении предшествования как в речи о будущем (в основном), так и в речи о прошлом. Эта форма образуется главным образом от глаголов, выражающих процессы речи и мысли.

§ 10. Общий обзор уступительных форм в языке XVI—XVII вв.

Как показано выше, в языке XVI—XVII вв. существовала сложная система уступительных форм, которая находилась в процессе перестройки. Одни формы выходили из употребления, как устаревшие морфологически (форма на *-таритомо*) или как не чисто относительные (форма на *-тарэдомо,* употреблявшаяся только в речи о прошлом и форма на *-домо,* не употреблявшаяся в речи о будущем); другие — впоследствии стали употребляться гораздо чаще (форма на *-нагара[мо]*). Отсюда можно сделать вывод, что сохранились только чисто относительные формы — форма на *-тэ*+*мо* и противопоставленная ей форма на *-нагара[мо].* Этот процесс вытеснения абсолютных и не чисто относительных уступительных форм происходил одновременно с подобным же процес-

сом в системе условно-временных форм [см. следующий раздел, а также 118, 128—129]. Форма типа *куваё:зурэдомо* тоже исчезала, встречалась редко. Такую форму вообще нельзя считать временной, как это делал Родригес (относя ее к числу форм будущего, а также плюсквамперфекта), так как не было противопоставленной ей формы предшествующего времени [8].

§ 11. Появление уступительного союза *кэрэдо[мо]*

Другим процессом, разрушавшим систему срединных уступительных форм, было образование уступительного союза *кэрэдо[мо]*.

Юдзава полагает, что *кэрэдо[мо]* появляется в языке XVI—XVII вв., отделившись от уступительных форм прилагательных, в первую очередь от форм дубитативного наклонения типа *арумажикэрэдомо>арумаикэрэдомо* 'хотя вряд ли имеется' [см. 201, 214—215]. Вследствие выпадения *ж'* произошло переразложение формы: она стала пониматься как *арумаи+ +кэрэдомо,* а гласные *а* и *и* позволили сопоставить эту форму с формами прилагательных, тем более что форма на *-маи* изменялась в то время подобно прилагательным, имея наречную форму *-мажику,* определительную *мажи[к]и* и др. Юдзава приводит интересный пример: *фисашикикэрэдомо* вместо *фисашикэрэдомо* 'хотя и долго', где перед *-кэрэдомо* оказалась определительная форма, а не корень прилагательного [см. 201, 214].

В изученном материале *-маикэрэдомо* встретилось один раз: *Мадзу тэнкатайфэй мэдэтаи миё-джя фодони, саё:но кото-ва* арумаикэрэдомо... (К, I, 153—154) '*Хотя* [ныне] такая вещь (война. — *Н. С.*) *вряд ли может случиться,* так как [сейчас] счастливый век великого мира в подиебесной, *но...*' В таком употреблении *кэрэдомо* еще не отделилось от слова. Однако в предложениях *Ину-ва* сутэмажии кэрэдомо, *камисама-ва сутэсашерарэтэ коно бун-ни гозару* (Е, 424) 'Собака вас *не бросит, а* супруга бросила — вот какое дело'; *Ю:мажии кэрэдомо...* [см. 201, 214] 'Хотя и говорили...' форма дубитативного наклонения перед *кэрэдомо* приобретает окончание, свойственное конечной форме перед союзами и союзными словами. Тем самым и *кэрэдомо* начинает рассматриваться как самостоятельное служебное слово — союз, хотя паузы перед ним, конечно, не было. Но это особенность подавляющего большинства союзов в ту эпоху: пауза, если она

[8] Кроме разобранных форм Родригес приводит еще формы длительного вида типа: *yôde attaredomo, yôde aro·zuredomo, yôde aritomo, yôde attatomo, yôde aro:tomo, yôde attareba tote* [см. 184, 128], но практически они употреблялись редко.

вообще имеется, наступает после союза (см. запятую после *кэрэдомо)*.

Однако надо отметить, что в изученных памятниках не встретилось ни одного примера типа *такай кэрэдомо* 'хотя и высок', т. е. такого, где *кэрэдомо* шло бы после прилагательного в конечной форме. Это противоречит мнению Юдзава, что следующим этапом отделения *кэрэдо[мо]* было употребление его после прилагательных. В моих материалах *кэрэдо[мо]* во всех случаях следует после к о р н я прилагательного, т. е., как и в старояпонском языке, является еще суффиксом: *Сатэ ё-но нака-ни нагусами-ва* во:кэрэдо, *сашё:-фодо вомоширои моно-ва наи* (К, I, 447—448) 'Ну *хотя* на свете развлечений *много,* [другого] такого интересного, как охота, нет'; Фадзукашикэрэдо *маво*: (К, II, 133) '*Хотя* [мне] *и стыдно,* — станцую' (ср. К, I, 391); *Вомоширокэрэдо...* (К, II, 175) 'Хотя и интересно...'; *Дамасарэтару-ва* никукэрэдомо, *фаяшимоно-га вомоширои* (К, II, 277—278) '*Хотя и неприятно,* что тебя обманули, но песенка интересная'; *Ясашикэрэдо...* (К, II, 472) 'Хотя и приятно...'; *Ано ё:на вотоко-ни, нокорибо:и кото-ва* накэрэдо, *фитори ару канабо:ши-га, фубин-ни гозару* (К, II, 79) '*Хотя* такого мужа много жалеть *нечего,* единственного ребенка жалко' [9].

Подобные примеры, в которых *-кэрэдо[мо]* является суффиксом, не свидетельствовали бы против мнения Юдзава, если бы в исследованных памятниках *кэрэдо[мо]* не встречалось и после глагольных форм. Тогда можно было бы считать, что *кэрэдо[мо]* отделилось еще только в немногих формах дубитативного наклонения. Однако в действительности *кэрэдо[мо]* встречается и после глаголов в форме на *-та* и в форме на *-о:*.

Примеры употребления конструкции «форма на *-та+кэрэдо[мо]*»: *Има-мо* акэта кэрэдо, *тарэ-мо наи* (К, I, 528) '*Хотя* [я] только что *открывала* [дверь],— [я там] никого не видела'; *Кагами то ю: моно-джя га, корэ-ва мукаши-ва камигами-но такарамоно-дэ, нингэн-но моцу моно-дэва* накатта кэрэдомо, *има-ва нингэн-но ташинамидо:гу то наттэ, миякодэва икаё:но иящики моно-мадэмо корэ-во моцу* (К, I, 341) 'Это так называемое зеркало; *хотя* в древности оно было драгоценностью богов, *а не* предметом, которым обладают люди,

[9] В исследованном материале не найдены формы желательного наклонения со сложным суффиксом *-такэрэдомо* Вместо них употребляются аналитические формы. *Сараба сараба сараба то* мо:шитаку-ва арэдомо, *мидомо-га маиру-мо, коко-джя* (К, II, 393) '*Хотя* [мы] *хотели сказать* [друг другу] До свиданья, до свиданья, до свиданья! — но [это делать незачем], так как и я иду в эту же сторону'; Юругитаку-мо накэрэдомо, *даннашо:-но нодзоми-нараба, ито мата юруго ё* (К, II, 417) '*Хотя* [я] *и не хочу шевелиться,* но, если господа этого желают, [я] еще немного шевельнусь'; *Корэ-ва* ярито:-ва арэдомо .. (К, II, 298) '*Если бы даже* [я] *хотел отдать* [тебе] это .'

теперь [оно] превратилось в любимый прибор людей, а в столице даже самые низкие люди его имеют'. (См. также К, I, 442.)

Конструкция, состоящая из формы на *-та+кэрэдо[мо]*, впоследствии вытеснила форму на *-тарэдо[мо]*, но в языке XVI—XVII вв. обе формы еще сосуществовали: *Сарэба тори-га наку ка наку ка то зонжитэ, зуйбун* киитэ имашитарэдомо, *цуини* накимашенанда кэрэдомо, *фи-га такэтэ гозару фодони, мадзу маиттэ гозару* (К, I, 311—312) 'Хотя [я] долго *прислушивался,* думая, запоют ли птицы? запоют ли? — [они так и не запели]; *хотя* [они] *и не запели,* [я] пришел [будить вас], так как солнце поднялось высоко'.

Примеры употребления конструкции «форма на *-о:+кэрэдо[мо]*»: *Яи, юкуюку-ва на-вомо* цукё: кэрэдомо, *то:бун Имамаири то цукуру* (К, II, 288) '*Хотя* в будущем имя [ему] *присвоят,* пока назовем [его] Имамаири'; *Сорэгаши корэ-ни* имашё: кэрэдомо, *Таро:кважя-во корэ-ни вокимасуру* (К, II, 480) '*Хотя* я здесь *буду,* оставляю здесь [и] слугу Тароо'.

Конструкция «форма на *-о:+кэрэдо[мо]*» могла употребляться в одном предложении с другими уступительными конструкциями: *Моттомо коната-нива саё:-дэ* гозаро: кэрэдомо, *шэкэн-кара мимашитэ, ано готокуни атама-во* фарарэтэ-мо, *во-дэири-мо:санэба нарану ка то мо·шимасу* (К, 1, 269) '*Может быть,* с вашей стороны это и правильно, *но* люди, поглядев [на это], говорят, что [я не] должен приходить к вам, *если* вы меня *бьете* по голове'. (См. также К, I, 305.)

Конструкция «форма на *-о: + кэрэдо[мо]*» вытеснила впоследствии форму типа *куваё:зурэдомо.* Эта конструкция и эта форма отмечены Родригесом в рубрике «Будущее время» [см. 184, 128]: *yomo:queredomo* 'хотя и будет читать' (упоминания о конструкции «форма на *-та+кэрэдо[мо]*» — у Родригеса нет).

В текстах XVI—XVII вв. не удалось обнаружить ни одного примера употребления конструкции «форма на *-у+кэрэдо-[мо]*», хотя такая конструкция впоследствии появилась и вытеснила форму на *-эдо[мо]*, по крайней мере, из живой речи. Нет этой конструкции и у Родригеса.

В рубрике «Перфект» [см. 184, 127] Родригес дает форму *yomiqueredomo* (в текстах не зафиксирована). Это позволяет выдвинуть другое предположение о происхожденни *кэрэдо[мо]* как союза: не выделилось ли *кэрэдо[мо]* из форм типа *мита[ри]кэрэдо[мо]*? В связи с исчезновением *-ри* в форме типа *митари* во всех позициях, *ри* могло бесследно отпасть и здесь. А форма *мита* стала рассматриваться как конечная. Следовательно, *кэрэдо[мо]* оказалось выделенным. Значение *-кэрэ-* в таких формах было иным по сравнению со значением в формах прилагательных: оно выражало нечто вроде плюсквамперфекта (в староЯпонском языке) с эмфатическим

оттенком [см. 58, 386—387]. Именно поэтому *-кэрэ-* еще не могло употребляться после формы на *-у* и после прилагательных, также имевших значение непредшествующего времени.

В изученных памятниках союз *кэрэдо[мо]* употребляется только после форм на *-о:* и на *-май*, вообще лишенных временного значения. В дальнейшем, однако, *кэрэдо[мо]* как союз теряет всякое временное значение (чему способствовало исчезновение самого суффикса *-кэри* как временного показателя). Тогда только появилась возможность применять *кэрэдо[мо]* после форм непредшествующего времени глаголов и прилагательных.

Раздел IV

УСЛОВНО-ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ

§ 12. Современные условно-временные формы и их морфология

В современном японском языке имеются две особые срединные формы, обладающие наряду со значением условно-временной связи между предложениями и собственными временными значениями. Это формы типа *торэба, тоттара[ба]*. Первая образована от основы непредшествующего времени, вторая — от основы предшествующего. Раньше, однако, таких форм было больше. Еще сто-двести лет назад в живом употреблении (не говоря уже о старописьменном языке, в котором эти формы применялись до самого последнего времени) было четыре формы:

тораба — тоттара[ба]

торэба — тоттарэба

Считалось, что первая пара выражает предположительное условие, вторая — реальное. Так, Д. Смириов писал: «Между условными с оконч[анием] *еба,* с одной стороны... и *аба*—с другой... есть некоторое различие: окончание *еба* имеет значение более положительного условия, относится к случаю действительно происходившему, или, по крайней мере, вероятному; *ба* и *аба* имеют значение условия более предположительного и относятся к случаю, который вовсе не происходил, или же допускается как одно предположение. На деле, впрочем, мало обращается внимания иа это различие и обе формы в ежедневном употреблении часто смешиваются; но в письме это различие соблюдается» [110, 99].

О том, что действие, обозначенное формой на *-тара[ба]*, соотносится по времени не с моментом речн, а с временем совершения действия, обозначенного следующим глаголом, писали Д. М. Позднеев [см. 92, 80], И. Куроно и В. П. Пана-

ев [см. 73, 543]. О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов [см. 91, 79—80], Р. Ланге [см. 231, 99], Х. Хендерсон [см. 224, 272] и автор данной работы [подробнее см. 118, 123—124].

Но есть и другие точки зрения: так, проф. Е. М. Колпакчи считала, что «условие конкретного характера выражается вспомогательной частицей *-тара*» [62, 033], а «условие общего характера выражается вспомогательной частицей *ба*» [62, 034].

В другой своей работе Е. М. Колпакчи также писала:

«*Kakeba* 'если писать' (условно-временное наклонение — выражает условие общего характера).

Kaitara 'если бы написал' (условно-временное наклонение — выражает условие коикретного характера, нередко близко к сослагательному наклонению: *Kaitara yokatta* 'хорошо было бы, если бы написал')» [63, 25].

Однако эти положения даны без особых доказательств и без критики теории временного различия между формой на *-ба* и формой на *-тара*[*ба*].

Н. И. Фельдман пишет: «Форма с окончанием *ба* образует условные предложения как обобщенного, так и конкретного характера, а форма с окончанием *тара* — только конкретного...» [128, 881]. Но Н. И. Фельдман не отрицает и временного значения условных форм: «...обе формы могут образовать предложения временного значения, а именно выражать действие, непосредственно предшествующее действию главного сказуемого. В этом значении шире применяется *тара, ба* же применяется редко, обычно только при изложении вопроса и ответа» [там же].

При изучении срединных условных форм нужно рассмотреть их в нескольких планах: в морфологическом, историческом и в плане исследования значения и употребления в современном языке.

Как будет показано ниже, значение и употребление условных форм находится в прямой зависимости от их морфологической структуры. Поэтому вопрос о составе условных форм должен быть изучен в первую очередь. Вопрос же об употреблении условных форм в современном языке затрагивается в работе лишь постольку, поскольку он имеет отношение к временным различиям между ними.

Существует три точки зрения на морфологическое членение форм типа *торэба, мирэба*. Одна, традиционная, выделяет в этих формах «четвертую основу» (*торэ-, мирэ-*) и формант *-ба*. О. В. Плетнер выделял у глаголов первого спряжения корень (т. е. *тор-*) и суффикс *-эба*, у глаголов второго спряжения — корень, суффикс и соединительное *-р-: ми-р-эба* [см. 91, 79]. О. Ваккари эти же формы членит иначе: *э*-основа+*ба* и простая глагольная основа+суффикс *-рэба* [см. 240, 303].

Образование форм типа *торэба* и *мирэба*, как оно происходило исторически, правильно объясняется с традиционной точки зрения. Однако в современном языке, в котором форма на *-э+домо* не употребляется ни в живой речи, ни в художественной литературе, морфологическая граница уже не отделяет *-э-* от других суффиксов (кроме *-ба*), т. е. начинает стираться. Здесь можно говорить уже о членении формы типа *торэба* только на две морфемы: *тор-+эба*. То же находим и во втором спряжении: *мир-+эба*.

Основа *мир-* выделяется при сопоставлении, по крайней мере, трех форм: *мир-+у, мир-+эба, мир-+арэру* (форма страдательного залога), а если вспомнить и форму на *-домо* (*мир-+эдомо*), то и четырех. Если бы *-р-* действительно играло здесь роль соединительного согласного, то перед ним должна была бы стоять одна из тех основ, к которым присоединяются глагольные суффиксы, т. е. или первая, или вторая. У глаголов второго спряжения эти основы совпадают с корнем, однако у неправильных глаголов *куру* 'приходить' и *суру* 'делать' первые основы будут *ко, сэ*, а вторые — *ки, си*. Ясно, что основы *кур-, сур-* в формах *курэба, сурэба* не являются ни первыми, ни вторыми.

Таким образом, совершенно очевидно, что условная форма образуется от глаголов всех спряжений одинаково.

Существуют три точки зрения и на образование формы типа *тоттара[ба], митара[ба]*:

Первое спряжение	Второе спряжение
тотта+ра[ба]	*мита+ра[ба]*
тори+тара[ба]	*ми+тара[ба]*
тотт+ара[ба]	*ми+тара[ба]*

Д. Кольядо объяснял образование формы типа *тоттара[ба], митара[ба]* присоединением «частицы *raba*» к форме претерита [см. 220, 34]. Согласно традиционной точке зрения, эта форма образуется присоединением к второй основе *тара[ба]*. При этом происходят те же фонетические изменения, что и при образовании формы на *-та*. О. В. Плетнер писал: «В японском языке имеется еще специальная форма для условного прошедшего — с суффиксами: *ара* или *араба* для 1-го спряжения, наращивающаяся на претеритальную основу, и *тара* или *тараба* — для 2-го» [91, 79].

Объяснение образования условной формы для глаголов первого спряжения, сформулированное О. В. Плетнером, можно считать правильным (за исключением редакционной неувязки — не «наращивающаяся», а «наращивающимися»). Но, видимо, нет оснований под «претеритальной основой» (или, по предлагаемой в работе терминологии, — «основой

предшествующего времени») понимать только основу, в истории которой зафиксированы определенные фонетические изменения. Иначе нужно было бы признать наличие претерита при... отсутствии претеритальной основы не только у глаголов второго спряжения, но и у таких глаголов первого спряжения на *-су*, как, например, *дасу* 'вынимать'. *Дасита* следует считать членимым на *дасит* + *а*, а *даситара* — на *дасит* + + *ара*.

§ 13. История условно-временных форм в новояпонском языке

Как сказано в начале раздела, в современном языке из четырех условных форм остались две — типа *торэба* и типа *тоттара*[*ба*].

В современном языке форма на *-тара* может выражать и то, что раньше обозначалось формой на *-тарэба*, и то, что обозначалось формой на *-тараба*. Этот факт понимается японской традиционной грамматикой как слияние обеих форм в результате фонетического видоизменения *тарэба* в *тара* (через *таря:*>*таря*) и *тараба* в *тара*. Такая точка зрения оказала влияние и на русских японистов. Д. Смирнов писал: «Окончание *таре ба* или *тараба* обыкновенно сокращается в *тара*» [110, 96].

Н. И. Конрад также считает, что современная форма на *-тара* двоякого происхождения. Он пишет: «Только в свете такого анализа становится понятиым, почему внешне одинаковая форма на *tara* встречается в двух совершенно различных случаях. На деле же это — разные по происхождению *tara*, сохраняющие каждая свой основной смысл: *tara* от 1-й основы (taraba→tara) — возможный, *tara* от 4-й осиовы (tareba→tara) — реальиый» [65, 325].

Сохраняются, по мнению Н. И. Конрада, различия между реальной и возможной связью и у формы непредшествующего времени: «Условиая форма, образуемая от 1-й основы, имела в виду связь двух действий только предполагаемую или возможную; условная форма, образуемая от 4-й основы, говорила о связи реальной. Например:

Towaba, kotaemu 'Если бы спросить, — вероятно ответили бы'.

Toeba, kotaeru 'Когда спрашнвают, — отвечают'.

Исчезла ли эта смысловая разница из языка в настоящее время? Ни в коем случае. Но та форма, которая представляла собою связь возможную, т. е. 1-я основа+*ba*, исчезла. Как же язык выходит из положения? Ответ на это ясен из всего предыдущего: изгнав из глагольного спряжения форму — 1-я основа+*ba*, язык привлек для обозначения возможной связи форму от вспомогательного глагола *tari* — *tara*

и стал приставлять ее ко всем прочим глаголам. Таким образом, получившийся пробел оказался заполненным» [65, 323—324].

Итак, Н. И. Конрад полагает, что форма типа *тоттара* заменяет в современном национальном языке три старых формы: *тоттараба*, выражавшую только возможную связь, *тоттарэба,* выражавшую реальную связь, и *тораба,* выражавшую «связь двух действий только предполагаемую или возможную». Отсюда можно сделать вывод, что значение и употребление четвертой формы типа *торэба* существенно не изменилось.

Но если даже исчезновение формы типа *тоттарэба* можно объяснить фонетическими изменениями, то исчезновение формы типа *тораба* трудно объяснить так же. Ведь по аналогии с переходом *тарэба>тарэа>таря:>таря>тара* можно было бы ожидать следующего развития форм типа *торэба* и типа *тораба:* форма типа *торэба — торэба > торэа > торя: > торя > тора*; форма типа *тораба — тораба > тораа > тора: > >тора.* Между тем, если формы типа *тоттаря* и типа *торя* встречаются, хотя и не часто, уже в текстах XVII в., форм типа *тораа, тора* нет даже в современном языке, где формы типа *торя* широко представлены в живой речи и диалектах. Кроме того, в японском языке вообще нет случаев перехода *ря* в *ра.* Все это ставит под сомнение общепринятую точку зрения, согласно которой современные формы на *-тара* по существу являются двумя омонимичными формами различного происхождения и значения.

До сих пор оставался невыясненным и вопрос о том, почему от пары *тоттара[ба] — тоттарэба* осталась первая форма — *тоттара,* а от пары *тораба — торэба* — вторая.

Для ответа на указанные вопросы я проанализовал употребление этих форм в эпоху, когда они были вполне живыми, поставив перед собой следующие задачи:

1. Выяснить, каково было общее значение форм типа *тораба — тоттара[ба]*: действительно ли они выражали возможное (или по терминологии других авторов, гипотетическое) условие.

2. Выяснить, каково было грамматическое различие между формами типа *тораба — тоттара[ба]*: не выражала ли форма на *-тара[ба],* как и форма на *-тарэба,* именно предшествующее условие, что отмечалось многими авторами в отношении современной формы на *-тара.*

3. Выяснить, каково было общее грамматическое значение форм типа *торэба — тоттарэба*: действительно ли они, в отличие от форм типа *тораба — тоттара[ба],* выражали лишь реальное (категорическое) условие.

4. Выяснить, каково было семантическое различие между формами типа *торэба — тоттарэба:* не было ли оно анало-

гичным различию, существовавшему между формами *тораба — тоттара[ба]* (ведь их морфологические различия совершенно аналогичны).

5. Установить, употреблялись ли все четыре формы в речи о настоящем, прошлом и будущем, или применение некоторых из них было ограничено речью о каком-либо одном или двух отрезках времени.

6. Установить, в какой связи находилось употребление и значение срединных условно-временных форм с употреблением и значением соответствующих им конечных форм, а также срединных уступительных форм.

7. Найти причины исчезновения форм типа *тораба* и *тоттарэба.*

Рассмотрим конкретный материал по каждой форме отдельно.

§ 14. Форма типа *тораба (такакуба, торазуба)*

Примеры употребления формы типа *тораба (такакуба, торазуба).* В речи о настоящем: Араба *исоидэ ёбэ* (К, I, 183) '*Если* [перевозчик] *есть,* поскорей позови [его]; Араба *мо:ше* (там же) '*Если* [такие стихи] есть, прочти [их]'; *Ха, кавари-га* ираба, *икафодо-наритомо яро:* (К, I, 188) 'Ну, *если нужно* заплатить, заплачу, сколько бы ни стоило'; *Яи сокона моно, каки-во кутэ* фадзукашикуба, *гомэн-нарэ то ю:тэ, вотто шедэ инэ* (К, I, 120) 'Ах, ты такой-сякой! *Если* [тебе] *стыдно,* что [ты] съел [мою] хурму, то скажи: «Извините» и, не производя шума, уходи'. Здесь данную форму принимает первая основа прилагательного.

Есть примеры употребления этой формы и в отрицательном наклонении: Цуказуба, *икафодо-наритомо, факикакэ ворэ* (К, I, 3) '*Если не приклеивается,* плюй [до тех пор, пока не приклеится]'.

В классическом японском языке форма типа *тораба,* как правило, не употреблялась в речи о настоящем. Отдельные случаи применения этой формы в речи о настоящем в литературе XIV в. Отиаи Наобуми квалифицировал как «ошибки»: *Кё:жин-но манэ тотэ, вовожи-во* фашираба, *сунавачи, кё:жин-нари* («Цурэдзурэгуса», цит. по 182, ч. IV, стр. 145) *Если* [кто-либо] *бежит* по улице, подражая сумасшедшему, значит [он] сумасшедший'. Однако никакой ошибки здесь не было: просто форма на *-ба* обозначала лишь вероятное действие, на что и указывала первая основа. Отиаи считал, что и конечное сказуемое должно в таком случае ставиться в предположительной форме. Но так было не всегда.

В речи о прошлом не удалось зафиксировать ни одного случая применения формы, состоящей из первой основы *+ба.*

Примеры употребления формы типа *тораба* в речи о будущем: *Мичимичи мэйщё-га* араба *катарэ* (К, I, 53) '*Если* по дороге *будут* знаменитые места, скажи' (ср. К, I, 6, 8, 112); *Камаетэ* накаба, *вôкамэ-ни яро:зу* (Е, 498, 499) '*Если* нарочно *будешь плакать,* волку отдам'; *Коно ё:ни шитэ* тораба, *икафодо-наритомо торарё:* (К, I, 354) '*Если* так *брать,* [я] смогу взять сколько угодно'.

Проанализировав примеры употребления формы, состоящей из первой основы +*ба,* в речи о настоящем и будущем, можно увидеть, что гипотетической связи здесь нет. Так, в примере из «Esopono Fabulas» угроза отдать плачущего ребенка волку высказана, конечно, в категорическом тоне, форма же *накэба* не употреблена потому, что говорящему не было известно, будет ли ребенок плакать. Впрочем, в ту эпоху почти все будущие действия рассматривались только как возможные. С временной точки зрения форма типа *тораба* во всех случаях означает, что действие, выраженное ею, происходит одновременно с действием, упомянутым далее.

(О союзе *нара*[*ба*] 'если', 'когда' см. пятую главу, § 32.)

§ 15. Форма типа *торэба (такакэрэба, торанэба)*

Примеры употребления формы типа *торэба (такакэрэба, торанэба)* в речи о настоящем: *Ия, вомае-во* мимасурэба, *во-самураи-со:ни гозару* (К, I, 75) '*Когда смотришь* на вас, кажется, что вы самурай'; *Татои гай-во нашито:тэ-мо, има коно тэй-дэва* канаванэба, *во-идэ-во мачизонзуру* (Е, 502) 'Если бы даже [я] захотел причинить [вам] вред, теперь в таком состоянии [я] *не смогу* [этого сделать], *поэтому* жду вашего прихода'; *Мо:ши, моно-во* вошяранэба, *нантомо мэйваку-дэ гозару* (К, I, 354) 'Послушайте, [меня] больше всего волнует, что [вы] ничего *не говорите*'.

В речи о всевременных и повторяющихся явлениях эта форма встречается очень часто. Примеры: *Cocoroni canaximiga* areba, *cacusarenu* (Q, 509) '*Если* в сердце *есть* печаль, скрыть [это] невозможно'; *Ицумо бон-ни* нарэба, *вакайшю:-га водори-во шераруру* (К, I, 357) 'Всегда, *когда наступает* [праздник] бон, молодежь устраивает танцы'; *Фун, кё:утимаири-во* сурэба, *шю:-ни фима-во кована фо:-дэ ворисо: ка* (К, I, 70—71) 'Ну, а разве это законно — не просить у хозяина отпуск, *когда собираешься* посетить столицу?' [10]; *Учи-но моно-во* ярэба, *ури-во нусумивору ни ёттэ, сорэгашино майничи маиранэба нарану* (К, I, 355) '*Когда посылаю*

[10] Форма *ворисо.* представляет собой соединение второй основы глагола бытия *вору* (современное *ору*) и остатка старого вспомогательного глагола *со : ро* '.

домашних, [они] крадут дыии, поэтому я ежедневно должен ходить [на бахчу сам]'; *Ха:, мё:га-во* табэмасурэба, *дон-ни наримасуру ка?* (К, I, 113) 'Как, *если* мёога *едят,* становятся дураками?'

Примеры употребления формы типа *торэба* в речи о прошлом: Кикэба, *мукоири-нива, ироироно жиги-га гозару гэна* (К, I, 11) '[Я] *слышал, что* при визите жениха [к тестю] совершают, как будто, различные церемонии'; *Мада сато-ни каеро:зуру ё:-га* накэрэба, *мата уши-во куро:та* (Е, 497) '*Так как* еще *не было* (букв. нет) [никакой] возможности вернуться в деревню, [он] съел и корову' (мы находим здесь форму *накэрэба* 'так как нет', а не *накаттарэба* так как не было' потому, что возможность совершить действие, о котором говорится в придаточном предложении, не появилась и тогда, когда производилось действие, выраженное сказуемым главного предложения); *Коноджю: гожен-ни* цумэтэ арэба, *шинчиво кватто кудасарэта* (К, I, 6) 'На этих днях, *когда* [я] *находился* при дворе, [мне] неожиданно пожаловали много новых владений' [здесь, как и в следующем примере, *арэба* входит в состав сложной формы с перфектиым оттенком значения. Хотя речь идет об объективном прошлом (говорящий в момент речи находится уже у себя дома), мы не находим здесь формы *аттарэба.* Это объясняется тем, что форма *арэба,* как и другие формы с основой непредшествующего времени, обозначает одновременность, а не настоящее время]; *Ичи-но тана-во казаттэ* гозарэба, *ано мономэ-га танасаки-ни воттэ, нокумаи то мо:су...* (К, I, 197) (*Когда* [я], украсив первую лавку, *находилєя* [здесь], этот тип обосновался перед лавкой и сказал, что не уйдет'.

Из примеров употребления формы типа *торэба* в речи о прошлом ясно видно, что условно-временно-причинная связь, устанавливаемая этой формой, указывает именно на одновременную причину или условие.

Форма типа *торэба* встречается, хотя и редко, в речи о будущем: *Корэ-ни* макэрэба *икага-джя* (К, I, 152) 'А *если* в этом [состязании я] *потерплю поражение,* каково будет?' *Мата* исоги-нарэба, *амата-но дэши-га ацуматтэ, во-мигушиво кэдзури, во-тэ-во кизами, коромо-но фида-во ториитасу-новоба, сатэ сорэгаши-га никава-во моттэ, фитафитато* цукэмасурэба, *токи-но мани дэкэмасуру* (К, I, 144) 'А *если* [вам надо] *срочно,* то скоро будет готово, так как соберется много учеников; они будут обстругивать голову [деревянной статуи], вырезать руки, делать складки на платье, а я *буду* все это аккуратно *склеивать'.*

Показательно, что в обоих предложениях и конечные глаголы в речи о будущем стоят в форме изъявительного наклонения, что в ту эпоху было еще редким явлением. Форма типа *торэба* (как форма изъявительного наклонения) также

сравнительно редко употреблялась в речи о действиях, еще не происходящих. Однако впоследствии, по мере вытеснения формы типа *тораба* и вообще форм вероятного наклонения из речи о достоверном будущем, расширилось и употребление формы типа *торэба*.

Таким образом, форма типа *торэба* была уже в ту эпоху чисто относительной формой и употреблялась в речи о всех трех отрезках времени, обозначая одновременное условие, причину или указывая на то, что процесс, выраженный срединным сказуемым, совершался одиовременно со следующим упоминаемым процессом.

§ 16. Форма типа *тоттара*[*ба*]

Форма типа *тоттара*[*ба*] в речи о настоящем не употребляется.

В речи о прошлом эта форма встречается довольно часто. Прнмеры: Мимо:тараба *фара-во татэтэ, коёи-ва бан-во шитэ иру кото-мо аро:* (К, I, 356) '*Если* [хозяин] *посетил* [поле], [он] рассердился и сегодня вечером, возможно, сторожит [его]'; Мимо:тараба, *коноё:ни шитэ-ва вокумаи* (там же) '*Если бы посетил*, так бы не оставил'; *Тоби-га* кутараба, *фута-га шезу-ни аро: га, тарэ-га кута зо* (К, I, 64) '*Если бы съел* коршун, крышка не была бы на месте; кто же съел?'; *Коно жибун-воба* зонжимашитараба, *тэцудаи-ни маиримашё: моно-воба* (К, I, 137) '*Если бы* [я] *знал* когда, [я] пришел бы помочь' (из текста ясно, что действие уже окончено, помогать поздно); *Зонжё:-но токи сорэфодо сугуни кокоро-га* аттараба, *има коно гай-воба укэмаи моно-во* (Е, 495, 496) '*Если бы* сердце [змеи] при жизни *было* таким же прямым, как ее [тело сейчас, она] теперь не погибла бы'; *Сасае-во* моттара, *ё: воджяро: моново* (К, I, 131—132) 'Ах, как было бы хорошо, *если бы* [мы] *захватили с собой* бамбуковую фляжку' (из текста ясно, что путники уже отошли от дома). Придаточное предложение в последнем примере выражает пожелание, относящееся не к будущему, а к прошлому; в главиом же предложении речь идет о настоящем [11].

Во всех примерах употребления формы типа *тоттара*[*ба*] в речи о прошлом говорится или о действии, реально не осуществленном, или о действии, которое можно только предполагать. Форма на *-тара*[*ба*] обозначает предшествование или прошлому, или настоящему в равной степени.

Чаще всего форма типа *тоттара*[*ба*] употребляется в речи

[11] Как видно из примеров, формы на *-о:/-о* и на *-маи* могли употребляться в речи о любом отрезке времени, в том числе и в речи о прошлом. Этим формам не была противопоставлена какая-либо форма с основой предшествующего времени. Следовательно, они вообще не были временными.

о будущем. Примеры: *Нанджи-нимо моташетэ, томони* цурэтара *ёкаро: моново* (К, I, 128) 'Вот хорошо бы было, *если бы* и ты *сопровождал* меня с таким мечом'. Грамматически этот пример аналогичен предыдущим, но реальная ситуация другая: самурай, идущий по дороге, видит человека с хорошим мечом; он обращается к слуге, а тот понимает его слова как повеление отнять меч. Значит, действия и придаточного и главного предложений относятся к будущему. Примечательно, что в примерах в речи о будущем и в предыдущем примере в речи о прошлом употреблены одни и те же глагольные формы: *Саринагара, моно-ни* ёсоетара, *вобоесашшярэмашё: ка* (К, I, 35) 'Ну, а *если* с чем-нибудь *сравнить*, вы вспомните?'; *Саринагара, тано:да фито-га тю: мон-но вокосарэтэ гозару фодони, корэ-ни* во:тараба *каимашё:* (К, I, 101) 'Но *если* [ваш товар] *будет соответствовать* письменному заказу, который дал [мне] хозяин, [я его] куплю'; *Гожё:-во* цукавасарэтара *ё: гозаримашё* (К, I, 16) '*Если бы* вы *послали* письмо, было бы хорошо'. Как видно из широкого контекста, в последнем предложении речь идет о будущем: слуга возвращается с полдороги, советуя хозяину написать письмо той знакомой, к которой он его послал. Форма на *-тара* обозначает здесь предполагаемое действие в будущем.

Однако в подавляющем большинстве случаев связь, устаиавливаемая формой на *-тара*[*ба*], вполне реальна: *Кэдамоно-га* митараба *кимо-во цубуитэ, атари-ева ёруиаи* (К, I, 355) '*Если* зверь *увидит* [это пугало], [он] испугается и сюда не подойдет'; *Арэ-е* гозаттараба, *мадзу фунэ-ни норашшярё:* (К, I, 124) '*Когда придете* туда, прежде всего садитесь в лодку'; *Шитэ, кураи-ни* макэтараба, *сонофо:-ва урико-ни нару ка* (К, I, 40) 'А *если* по рангу [ты] *окажешься ниже*, ты станешь [моим] подручным?'; *Муко-но* вашетараба, *корэ-е то мо:ше* (К, I, 106) '*Когда придет* жених, скажи: «Сюда!»'; *Кочира* муитара *тоттэ каму зо* (К, I, 69) '*Если повернешься* сюда, [я тебя] возьму и съем'; *Но:но:, ё-га* акэтараба, *со:со: тори-ни воджярэ я* (К, I, 169) 'Ну, а *когда настанет* утро, приходите забрать [шляпу]'.

В ту эпоху формы некатегорических наклонений в речи о будущем употреблялись даже в отношении таких процессов, в наступлении которых нельзя сомневаться. Непреложным является и характер связи, устанавливаемый таким формами.

Формы на *-тараба* и формы на *-тара* совершенно идентичны по смыслу. В фарсах нередко одно и то же действующее лицо употребляет то форму на *-тараба*, то форму на *-тара* от одного и того же глагола: *Яи, сорэгаши-ва коёи, во-цу:я-во мо:су фодони, нанджи-ва, сорэ-ни воттэ, тори-га* уто:тараба, *вокошимашеи.— Тори-ва нанитори-дэ гозаримасуру зо?—Донна яцу но, ниватори-га* уто:тара *вокошимашеи* (К, I, 53) 'Ну, я проведу эту ночь в бдении, поэтому ты оставайся здесь и,

когда птицы *запоют,* разбуди [меня]. — А какие птицы? — Вот глупец! *Когда* петухи *запоют,* разбуди' [12].

Таким образом, из анализа примеров употребления формы на *-тара[ба]* в языке XVI—XVII вв. видно, что уже в языке XVI—XVII вв. эта форма употреблялась почти так же, как и в современном литературном языке.

Примеры употребления формы на *-тара[ба]* в современном языке:

Конна токоро-о Тэруко-га митара, *доннани иссёни наитэ курэру-дэ аро:* (А, 177/1) *'Если бы* это *увидела* Тэруко, как бы [она] плакала бы вместе [со мной]!' В этом предложении речь идет о действии, реально не имевшем места.

Ханасу-но-о ямэтара,
То:ку-дэ хибари-га найтэ ита (Кокуго, 3[1], 27)
'Когда перестали разговаривать,
[Оказалось, что] вдали пел жаворонок'.

Здесь речь идет о реальном действии в прошлом; форма на *-тара* употреблена в значении, которое ранее было лишь у формы на *-тарэба.*

Хаси-но сита-о митэ итара,
Сакура-но ханабира-га,
Нарандэ нагарэтэ икимасита (там же, 34)
'Когда посмотрела под мост,
[Увидала, что] лепестки вишен
Уплывали один за другим'.

В этом примере форма *митэ итара* обозначает предшествование начала.

Уккари-ситэ, ототои-кара минаидэ итара, *отамадзякуси-ва, минна, маэаси-га дэтэ симатта* (там же, 47) *'Пока* [я], замотавшись, с позавчерашнего дня *не смотрел* [на них], у всех головастиков выросли передние ноги'. Здесь также имеется предшествование начала: ноги выросли не сразу после того, как рассказчик в последний раз посмотрел (начал не смотреть) на этих головастиков; между началом первого действия и началом второго прошел какой-то период времени.

Форма на *-тара* в речи о будущем в основном встречается в прямой речи, в диалоге: *Э:то, коно нингё:-о митэ, корэ-то*

[12] В изученных источниках не обнаружены написания типа *-ТАРАА,* хотя в фарсах буква *А* используется в ряде междометий для указания на долготу *а.* Значит, графический способ обозначения долготы *а* существовал Поэтому нет уверенности, что ход развития *-тараба* в *-тара* был именно таким, как обычно указывают [см. 65, 324]. Возможно, отпадал сразу весь слог *ба,* поскольку формы на *-тараба* и *-тара* сосуществуют в течение веков. Впрочем, для выявления форманта *-тараа* необходимо обследовать все памятники (не только XVI—XVII вв., но и более раннего периода), начиная с тех, в которых впервые встречаются примеры отпадения *-ба.*

соккури-но э-о кайтара, *до:*? (там же, 66) 'А что, *если*, смотря на эту куклу, *нарисовать* точно такую картину?'; *Э-дакэ-дэ насини, дзи-мо* кайтара? (там же) 'А *если* не только [нарисовать] картинку, но и *написать* текст?'; *Ути-ни оитэ аримас кара, то* кайтара? (там же) 'А *если написать*, что [она] лежит дома?'; *Коно посута:-но бунсё:-ва, донна фу:-ни* наоситара, *мотто ёку нару дэсё: ка* (там же, 68) 'Как бы *исправить* текст этого объявления, *чтобы* [он] стал лучше?'

В последнем примере речь идет о вполне реальном будущем действии. Однако сказуемое главного предложения имеет связку в форме вероятного наклонения. Ср.: *Анатагата-га Кимикосан*-даттара, *киндзё-но ути-э итта токи, нанто иттэ тадзунэмас ка* (там же, 63) '*Если бы* вы *были* [девочкой] Кимико, что бы вы спросили, когда пришли в соседний дом?' Здесь условие — явно нереальное. Тем не менее, конечное сказуемое стоит в форме изъявительного наклонения. И это предложение, и предыдущее — вопросительные. Значит, формально гипотетические и реальные условия в современном языке не различаются.

§ 17. Форма типа *тоттарэба*

Форма типа *тоттарэба* в речи о настоящем не встречается.

Примеры употребления этой формы в речи о прошлом: *Нё:бо:-во* саттарэба, *кокоро-га суккирито шита* (К, I, 116) '*Когда* [я] *прогнал* жену, сразу отлегло от сердца'; *Вонора-га фава роккацуки мае-нимо мидзу-во* нигорашитарэба, *икадэка соно цуми-во нанджи-ва ногарё: зо* (Е, 443) '*Ведь* твоя мать шесть месяцев тому назад воду *замутила*, — как же ты избежишь наказания за это?'; *Ха-ха, макото-ни* фирогэсашшрэтарэба, *фатэ икаи суефиро-дэ гозару* (К, I, 101) 'Действительно, *когда* [вы ее] *раскрыли*, [стало видно, что это] очень большая «раскрывалка»'; *Фиру* митарэба *ури-га икаи кото миета га, ёру-джя ни ёттэ миену* (К, I, 354) '*Когда* [я] днем *смотрел*, дынь было видно множество, но [сейчас] ночь, поэтому не видно'; *Нусунда ури-во, сару во-мэ-во какэрарурy ката-е* шинжё:-иташирарэба, *сатэ-мо ёи ури-джя, корэ-ва сочи-га тэсаку ка то во:шерарэта ни ёттэ, наканака, ватакуши-но тэсаку-дэ гозару то* мо:шитарэба, *сатэмо ёи ури-джя... то во:шерарурy* (К, I, 355—356) '*Когда* [я] *преподнес* краденые дыни одной особе, с которой [я] встречаюсь, [она] сказала: «Очень хорошие дыни, это ты вырастил?» — *Когда* [я] *сказал:* «Да, это я вырастил», — [она] говорит: «Это очень хорошие дыни»...'; *Соно токи чичи зуваидомо-во кôтэ фодоки, ичибадзуцу мэнмэнни* ватантарэба, *зо:са-мо но: вотта* (Е, 491, 492) '*Когда* отец, попросив прутья, развязал их и *роздал* каждому [сыну] по одному, [сыновья] без труда

их сломали'; *Ниватори-но кое-мо* кикоеиандарэба, *шишиво: тачимачи тоттэ каяитэ...* (Е, 482) '*Когда* голоса петухов *стали не слышны,* лев немедленно вернулся...' (здесь форма отрицательного наклонения *кикоенандарэба* 'стали не слышны' имеет значение предшествоваиия начала: петухи продолжали молчать и во время возвращения льва); *Шиши моттэ-но хокани аивадзуро:тэ, санзан-но тэи-дэ* аттарэба, *ёродзу-но кэдамоно сорэ-во тоитомуро: кото, фима-мо накатта* (Е, 502) '*Когда* лев очень сильно заболел и *находился* в тяжелом состоянии, множество зверей беспрерывно его навещало' (форма на *-тарэба* также обозначает предшествование начала: сначала лев оказался в тяжелом состоянии, а потом его стали посещать; но он продолжал болеть и во время этих посещений); *Варэ-ва минасусо-ни* итарэба, *нажени кава-но камиводу нигосо: зо* (Е, 443) '*Ведь* я *находился* ниже по течению, как же [я] мог замутить реку выше?!'; *Коко кашико-во* мимаваитарэба, *фаши-ва соно аружи-во санзанни* саитарэба, *урамитэ ю: ва...* (Е, 483) '*Когда* [хозяин] *заглядывал* [в ульи], пчелы сильно его *искусали; тогда* [он] с горечью говорит...' (здесь исследуемая форма встречается дважды: в первом случае она обозначает предшествование начала, во втором — предшествование конца).

Встречаются и предложения, в которых зиачение предшествования у формы на *-тарэба* не столь очевидно. В таких предложениях форму на *-тарэба* имеет глагол *зонзуру* 'думать'; *Ёби-ни маваримашё: то* зонжитарэба, *фая воидэ-насарэта* (К, II, 77) '*Только* [я] *подумал* идти [вас] звать, а вы уже [сами] пожаловали'. Впрочем, это предложение можно понимать и так: говорящий хочет подчеркнуть, что он думал идти приглашать гостя р а н ь ш е, чем тот пришел; *Сорэгашиёримо саки-о ко: моно-ва арумаи то* зонжитарэба, *каккофариga кёрорито шитэ вору* (К, I, 196) '[Я-то] *думал,* что раньше меня никто не придет, а [тут] уютно устроился барабанщик'. Конечно, и здесь можно полагать, что явиться на рынок первым говорящий задумал д о того, как туда пришел барабанщик.

Изредка *-тарэба* сокращается в *-таря: Кокоро-га навотта то* зонжитаря, *варасуру такуми-дэ гозатта* (К, I, 200) '*В то время как* [я] *думал,* что [его] отношение [ко мне] улучшилось, [он] захотел заставить [меня] разбить [мои горшки]' (пожалуй, это единственный из собранных примеров, в котором исследуемая форма выступает не в относительном значении); *Касасаги-но фаши-во* ваташитаря (К, II, 142) '*Когда перешел* [через] мост Сороки' (отрывок из песни, повторяется дважды); ...Васурэтаря... *сусо-ни каннакудзу,* фукя *чирашита...* (К, I, 519) '...*Когда забыл...* в подоле опилки, *подул* [ветер, и они] разлетелись' (из песни, повторяется в К, II, 113). Форма *фукя* произошла от формы *фукэба.*

В изученных текстах встретился только один пример употребления формы типа *тоттарэба* в речи о будущем: *Сорэ-нараба, зуибун каво-во едоттэ митэ,* нитарэба, *сонатамо шиаваше, мидомо-мо квафо:-джя* (К, I, 392) 'Раз так, [я] попробую хорошенько разрисовать [твое] лицо; *если* [ты станешь] *похожей* [на нее], — и тебе счастье и мне удача'. Однако форма *нитарэба* является здесь условно-временным деепричастием непредшествующего времени от отглагольного прилагательного *нита* 'похожий', а не деепричастием предшествующего времени от глагола *ниру* 'быть похожим', условная форма которого *нирэба* в текстах не встретилась.

Из этих примеров видно, что форма типа *тоттарэба* является не чисто относительной формой: она выражает только прошлые действия, при этом она обозначает предшествование как другому прошлому процессу, так и настоящему.

Поскольку действие, выраженное этой формой, всегда вполне реально, связь, устанавливаемая ею, может быть названа причинно-временной, ибо условных деепричастий с таким суффиксом не найдено. В языке XVII—XVIII вв. форма на *-тарэба* оставалась еще живой [см. 204, 86]. Затем она вытесняется формой на *-тараба.* Тем самым в речи о прошлом исчез способ различения с помощью форм деепричастий реальных и нереальных действий в условно-временных придаточных предложениях.

§ 18. Употребление и трактовка условно-временных форм в современном языке

Многие авторы делят условные формы на «условное настоящее» (форма типа *торэба*) и «условное прошедшее» (форма типа *тоттара*). Роз-Иннес писал: «Условное настоящее часто употребляется вместо условного прошедшего и наоборот» [238, 17]. Видимо, он полагал, что форма типа *торэба* должна была бы употребляться только в речи о настоящем, а форма типа *тоттара* — только в речи о прошлом. Однако он сам признает, что это не соответствует действительному употреблению этих форм. Он приводит пример: *Sukoshi ki wo tsukereba koware-nai no ni* (там же). 'Если бы вы были внимательнее, оно бы не разбилось, но...' Речь идет о прошлом, но применена форма на *-эба.* Другой пример Роз-Иннеса: *Dekitara motte kite kudasai* (там же); это предложение может означать и 'Если готово, принесите, пожалуйста' и 'Когда будет готово, принесите, пожалуйста'. Из приведенных примеров ясно, что форма типа *тоттара* не указывает на отношение к моменту речи, выражая предшествование вообще (подобно форме на *-тэ,* с которой она имеет общую основу типа *тотт-*).

Употребление обеих условно-временных форм современ-

ного языка как в речи о прошлом, так и в речи о будущем заставляет некоторых авторов отказаться от терминов «условное настоящее» и «условное прошедшее» и назвать эти формы «первым и вторым условным», тем самым скорее уклоняясь от точного определения, чем выражая особую точку зрения на эти формы. Так, Е. Г. Спальвин писал: «В действительности, однако, не делается никакого различия между первым и вторым условным. Они часто совершенно безразлично заменяют друг друга» [114, 55]. По-видимому, такое представление сложилось у Е. Г. Спальвина именно потому, что он искал различия между этими формами, принимая за критерий момент речи. Подметив тот факт, что они применяются и в речи о прошлом и в речи о будущем, Е. Г. Спальвин счел это «безразличной заменой».

Употребительность формы типа *торэба* ограничивается сферой литературного языка. В живой речи эта форма вытесняется конструкцией «форма на *-у* (*-тэ иру, -най*) + союз *то*» (см. пятую главу). Лишь в особых оборотах такого вытеснения не происходит. Так, форма на *-ба* сохраняется в устойчивой конструкции долженствования: *Хаккири вакару ё:ни, ки-о* цукэнакэрэба наримасэн (Кокуго, 3[1], 31) 'Чтобы ясно понять, *надо обращать* внимание'. Особой конструкцией можно считать, видимо, форму на *-ба* + *ий: Доко-э тори-ни* икэба ий *но ка* (там же, 66) 'Куда же *лучше пойти,* чтобы получить?' Перед *ий* может встречаться и форма на *тара* (см. там же, 56, 64, 65).

Вне этих оборотов форма типа *торэба* встретилась на 113 страницах I книги «Кокуго» для 3-го года обучения лишь один раз: *Сансэнти-гурай-ни* нарэба, *усироаси-га дэру то, сэнсэй-га оссятта...* (там же, 46) '«*Когда* [головастики] *станут* примерно трехсантиметровыми, [у них] появятся задние ноги», — сказал учитель...'.

В оборотах долженствования форма типа *торэба* встретилась 6 раз, в обороте с *ий* — один раз.

А форма на *-тара* в этой же книге встретилась в речи о прошлом 16 раз, в речи о будущем — 10 раз, с гипотетическим условием — 2 раза, в обороте с *ий* — 3 раза. В оборотах долженствования эта форма не встречается.

В IV книге «Токухона» форма на *-ба* также встретилась только один раз, а форма на *-тара* — 11 раз.

С другой стороны, конструкция «форма на *-у (-тэ иру)* + + союз *то*» встретилась в указанной книге «Кокуго» свыше 20 раз. Ясно, что именно эта форма заменила форму типа *торэба.*

Правда, в литературных произведениях ряда писателей форма на *-ба* еще сохраняется. Но сказать, что формы на *-тара* и на *-ба* безразлично заменяют одна другую, никак нельзя.

Традиционная японская грамматика не связывает формы на *-тара* и на *-ба*. Форма на *-тара* рассматривается как одна из разновидностей формы на *-та* (с чем, по существу, нельзя не согласиться), а форма на *-ба* рассматривается как сочетание: глагольная основа+«служебное слово» *ба*. Одна с другой эти формы не сопоставляются и изучаются в разных частях морфологии. Так, Киэда Масуити в своей «Грамматике японского языка» приводит всего три примера с формой на *-тара:* два примера употребления этой формы в речи о прошлом помещает в параграф «Служебные глаголы прошедшего временн» [см. 58, 455] и один пример употребления в речи о будущем — в параграф «Служебные глаголы законченности действия» [см. 58, 458]. Примеры употребления формы на *-ба* помещены в разделе «Союзные служебные слова»; формам типа *торэба* и *тораба* за всю их документированную историю отводится в книге Киэда всего полторы страницы [см. 58, 585—586].

Японские авторы не замечают, что форма на *-ба* исчезает из живой речи, так как они, видимо, не отличают свободного употребления этой формы от употребления ее в особых оборотах, где она остается вполне живой. К таким оборотам можно причислить еще оборот типа *сурэба суру ходо...* 'чем больше делать, тем...'. Например: ... Хаякэрэба хаяй *ходо Нихон-но кокумин-ни тоттэ ю:эки-дэ ару* («Акахата», I.VI.1950) '...*И чем скорее, тем* полезнее для японского народа'.

Конструкцию «форма на *-ба+косо*» Киэда относит к разговорному языку в письменной форме, а не к живому разговорному [см. 58, 586]. Такая конструкция имеет причинное значение: *Сикаси, канабун-дэ* арэба-косо, *то:дзи-но кокуго-о дзию:дзидзай-ни цукаттэ, соно дзидай-но сэйкацу-о комакаку уцусидасу кото-га дэкита-но дэс* (Т, XI, 15) 'Однако *именно потому, что* [она писала] слоговой азбукой, [она] смогла свободно использовать японский язык того времени и отобразить детально жизнь своей эпохи'. Здесь ясно, что использоваиие слоговой азбуки было тем о д н о в р е м е н н ы м условием (причиной), благодаря которому мог быть использован живой язык соответствующего времеии.

Более подробно функции формы на *-ба* рассматривает Маруяма Римпэй. Он находит у этой формы шесть значений: 1) «предположнтельное условие» (где форма типа *торэба* заменила форму типа *тораба*); 2) причинность (форма на *-ба+косо*); 3) «соположение обстоятельств»: *Канэ-мо* арэба, *хима-мо ару...* 'И деньги *есть* и свободное время есть...'; 4) употребление в обороте типа *сурэба суру ходо;* 5) одновременность действий: *Ути-ни* каэрэба *сугуни ину-га тобицуку* '*Когда* [я] *возвращаюсь* домой, ко мне сразу же бросается собака'; 6) заранее определенное условие: *Коно кураи-ни*

какэрэба *тайсита моно-да* 'Если так можно *писать*, это ужас что такое' [см. 171, 285—287].

Маруяма создает слишком дробные рубрики: между «предположительным» и «заранее определенным условием» исчезла формальная разница. Следовательно, с моей точки зрения, различение их является сейчас анахронизмом. Остальные функции имеют одно общее — одновременность. В данном случае разные оттенки значения формы на *-ба* не так существенны: важно, что ни один оттенок не противоречит временному значению формы — одновременности.

Наконец, необходимо остановиться на вопросе о том, не являются ли формы на *-ба* и на *-тара* формами особого условного наклонения. Теория об условном наклонении принадлежит к наиболее старым положениям японской грамматики. Первым автором, применившим термины «конъюнктив» и «субъюнктив» к срединным формам японского языка, был Родригес. Только на основании его работы можно утверждать, что форма *гозаримашёоба* в предложении Гозаримашёоба, *утавашярэмашеи* (К, I, 185) '*Если есть* [такие песни], спойте!' не является ошибочной. Родригес характеризовал эти формы как диалектные:

«Так, в Фижен (по современному произношению Хидзэн, название провинции на о-ве Кюсюу.— *Н. С.*) говорят:

Motomeôba, motomete aro:ba вместо *Motomeba, motometaraba,*

Miou:ba, mite aroba вместо *Miba, mitaraba, ...*

Narawo:ba, naro:te aro:ba вместо *Narawaba, narotaraba*» [237, 18].

Однако принадлежность таких форм к вероятному наклонению легко установить по их морфологическому строению: здесь *-ба* присоединялось прямо к конечной форме вероятного наклонения. Важно, что Родригес, даже относя условные формы к двум разным наклонениям, нимало не сомневался в их принадлежности к тому или иному времени.

Термин «условное наклонение» применяли также Д. Смирнов и Е. М. Колпакчи. Подробную характеристику условным формам дал Н. И. Конрад. Рассматривая наклонения, он указывает, что «можно говорить также и о наклонениях условном и уступительном. Однако ... наклонения условное и уступительное являются вторичными: некоторые из основных наклонений, как, например, желательное, могут ставиться и в условном и в уступительном; кроме того, эти два наклонения могут встречаться только в качестве сказуемых придаточного предложения» [65, 185].

Иначе говоря, нет и не было конечных форм, которые можно было бы причислить к условному наклонению. Кроме того, надо иметь в виду, что применение условной формы

в придаточном предложении не предопределяет какой-либо формы конечного сказуемого; как показано выше, она может быть любой.

Видимо, формы на *-ба* и на *-тара* правильнее было бы назвать условными деепричастиями, как называют монголисты срединные условные формы на *-басу* и на *-бал* [см. 107, 59].

В языке XVI—XVII вв. форма типа *тоттара[ба]* принадлежала к вероятному наклонению, а форма типа *торэба* — к изъявительному. Однако, когда из языка исчезли формы типа *тораба* и типа *тоттарэба*, оставшиеся формы перестали различаться по наклонению. Они различаются теперь только по времени. В плане модальности они являются утвердительными и противопоставляются условным отрицательным формам.

ВЫВОДЫ

1. Срединные формы глаголов и прилагательных новояпонского языка, как и деепричастия многих других языков, в том числе и русского, имеют относительные временные значения — предшествования (формы на *-тэ/-дэ, -тэмо/-дэмо, -тара/-дара*) и одновременности, параллельности (бессуффиксальная форма, деепричастие на *-нагара-[мо]*, условная форма типа *торэба,* а в публицистическом стиле и старописьменном языке и деепричастие на *-цуцу*[13]).

2. В языке XVI—XVII вв., как показало специальное изучение литературных памятников того времени, было больше срединных форм, чем в современном японском языке. С тех пор сократилось не только общее количество срединных форм, но снизилась и их употребительность [см. 120, 80—82]. Это связано с увеличением числа и ростом употребительности союзов, перед которыми идут конечные формы глаголов и прилагательных.

3. Утверждения, что бессуффиксальная форма и форма на *-тэ/-дэ* в японском языке не имеют собственного временного значения и заимствуют время у конечного сказуемого, находятся в противоречии с учением об относительных временах деепричастий в других языках и должны быть отвергнуты. Эти утверждения принадлежат к древнейшим положениям школьной грамматики японского языка для иностранцев, восходящим еще к Родригесу, который сформулировал соответствующее правило для облегчения перевода.

[13] Деепричастие на *-цуцу* в изученных текстах XVI—XVII вв. не обнаружено. Родригес ошибочно включает форму *ёмицуцу* в число форм прошедшего времени письменного языка [см. 237, 67], помещая ее между формами на *-цуру* и на *-цу*. Эта его ошибка объясняется неупотребительностью формы на *-цуцу* в ту эпоху.

4. Срединные формы, в отличие от конечных, почти совершенно не применяются для обозначения последующих действий. Поэтому относительное временное значение бессуффиксальной формы, форм на *-нагара[мо]* и на *-цуцу* приходится определять как значение одновременности, параллельности (иногда, хотя и не часто, одинаковой важности) действия, выраженного этими формами, по отношению к действию, выраженному следующим сказуемым (не обязательно конечным). Ср. со значением непредшествования конечных временных форм, в котором одновременность и последование не разграничены так, как в языках, имеющих особое деепричастие последования.

5. Предшествование надо понимать не только как предшествование непременно конца первого действия, выраженного срединной формой, началу второго, но и как предшествование начала первого действия началу второго.

6. Различие между условными срединными формами современного языка типа *торэба* и типа *тоттара* является различием по относительному времени, а не по модальности. Реальное и гипотетическое условия этими формами не различаются.

7. В японском языке нет сослагательного наклонения. Конечное сказуемое при условной форме, относящейся к нереальному действию, может стоять в изъявительном наклонении и тогда, когда в русском языке совершенно обязательно употребление сослагательного наклонения.

Важно иметь в виду, что сослагательность и предположительность действия, выраженного условной формой, — далеко не одно и то же. Иногда указывают, что русское сослагательное наклонение передается формой на *-тара* в придаточном предложении и формой вероятного наклонения в главном предложении. Но это лишь одна группа фактов. В ряде случаев в изъявительном наклонении стоят даже формы, обозначающие действия, реально не осуществленные.

8. Таким образом, условные формы выражают три грамматических значения: а) время (одновременность или предшествование следующему упоминаемому действию), б) условно-временную или условно-временно-причинную связь между предложениями, которая была и остается всегда категорической, в) модальность (степень достоверности) самого действия придаточного предложения. В современном языке срединные формы имеют три наклонения: утвердительное, отрицательное и желательное. Однако в языке XVI—XVII вв. в условных утвердительных формах морфологически различались изъявительное и вероятное наклонения. Эта вероятность, предположительность самого действия придаточного предложения и принималась многими грамматистами за гипотетичность условия. На самом деле гипоте-

тичность условия выражается и в японском и в русском языках только лексически: «Если бы завтра была хорошая погода, он, *вероятно,* пошел бы гулять». Отсутствие же лексического указания на гипотетичность условия понимается как его категоричность, что не надо смешивать с предположительностью самих действий.

9. В современном японском языке исчезло различие между достоверными и вероятными условными и уступительными формами. Это произошло не без влияния наиболее употребительных срединных форм — бессуффиксальной формы типа *тори* и формы типа *тоттэ*, которые и раньше не различали достоверности и вероятности.

10. В языке XVI—XVII вв. употреблялись следующие срединные уступительные формы:

Изъявительное наклонение

Непредшествующее время	Предшествующее время
торинагара	*тоттэ-мо*
торэдо[мо]	*торитарэдо[мо]*
тору-томо	*митаритомо*

Вероятное наклонение

фанё:зурэдо[мо] 'хотя и отрубил бы' (невременная форма)

В дальнейшем из языка исчезает прежде всего форма типа *фанё:зурэдо[мо]* (редкая и в текстах XVI—XVII вв.), затем форма *торитарэдо[мо]*, как не чисто относительная, употреблявшаяся только в речи о прошлом. Поскольку вся система времен перестраивалась на чисто относительную, эти формы пришли в противоречие с конечными формами и уступили свое место чисто относительным формам. Быстро исчезла форма типа *митаритомо*, устаревшая и по своему морфологическому составу. Дольше других оставалась форма типа *торэдо[мо]*, которая могла употребляться и в речи о прошлом и в речи о настоящем (случаев применения в речи о будущем не зафиксировано).

11. В современном национальном языке встречаются следующие срединные уступительные формы:

Непредшествующее время	Предшествующее время
торинагара-мо	*тоттэ-мо*
тору-томо	*тотта-ттэ*

12. В языке XVI—XVII вв. употреблялись следующие срединные условно-временные формы:

Изъявительное наклонение

Непредшествующее время	Предшествующее время
торэба, мирэба, такакэрэба	*тоттарэба, митарэба*
условно-временно-причинная связь со значением одновременности условия (причины или совершения действия) в речи о прошлом, настоящем, всевременных процессах, изредка о будущем	временно-причинная связь со значениями предшествования причины (или совершения действия) в речи о прошлом

Вероятное наклонение

Непредшествующее время	Предшествующее время
тораба, миба, такакуба	*тоттара[ба], митара[ба]*
значение одновременности в речи о действиях, которые предполагаются: условная связь в речи о настоящем, условно-временная связь (без различения достоверных и вероятных процессов) в речи о будущем	значение предшествования в речи о действиях, которые реально не произошли: условная связь в речи о прошлом, условно-временная связь (без различения достоверных и вероятных процессов) в речи о будущем

Следовательно, сопоставляя условно-временные формы, надо учитывать не только их морфологию, но и употребительность в разных отрезках времени.

Условно-временные деепричастия XVI—XVII вв. в речи о разных отрезках времени

	Изъявительные формы		Предположительные формы	
	непредшествующее время	предшествующее время	непредшествующее время	предшествующее время
Речь о прошлом	*торэба*	*тоттарэба*	—	*тоттара[ба]*
	мирэба	*митарэба*	—	*митара[ба]*
Речь о настоящем	*торэба*	—	*тораба*	—
	мирэба	—	*миба*	—
Речь о будущем	—	—	*тораба*	*тоттара[ба]*
	—	—	*миба*	*митара[ба]*

Значит, по модальности противопоставлялись только две пары из шести теоретически возможных. Это и послужило одной из причин того, что в дальнейшем дифференциация утвердительных условных форм по модальности исчезла.

13. Из четырех основных условных форм, бывших живыми еще в языке XVI—XVII вв., в современном языке остались только формы типа *торэба* и *тоттара,* так как они могли употребляться как чисто относительные. Форма на *-тара* не имела оттенка причинной связи между предложениями, т. е. ее значение было и остается у́же, конкретнее, поэтому форма на *-тара* оказалась более устойчивой, чем даже форма типа *торэба.* Значение формы на *-тара* не вступило в противоречие с тенденцией к разграничению условно-вре-

менной и причинной связей, которая проявилась за последние два-три столетия в создании особых причинных союзов (*кара, нодэ*), не имеющих уже условно-временного оттенка значения (см. пятую главу), и особого условно-временного союза *то*, не имеющего причинного оттенка значения. Употребление этих союзов в эпоху, когда превалировали срединные условно-временно-причинные формы и такие союзы, как *фодони, токоро* 'если', 'когда', 'так как', было редким.

14. Формы типа *тотарэба* и типа *тораба* не имели чисто относительного значения. Первая выражала предшествование только прошедшему или настоящему действию, а вторая — одновременность только с настоящим или будущим процессом. Это и было одной из причин их исчезновения.

15. Происшедшие изменения в срединных условно-временных формах были связаны с изменениями во всей системе времен новояпонского языка. Так, исчезновение различий между изъявительным и вероятным наклонениями у срединных условных форм произошло под влиянием форм типа *тори — тоттэ*, у которых такого различия не было и в старояпонском языке. Исчезновение из живого языка формы типа *тоттарэба* происходило одновременно с исчезновением уступительной формы типа *тоттарэдо*[*мо*], также применявшейся в значении предшествования лишь в речи о прошлом.

Исчезновение формы типа *тораба* в речи о будущем было связано с расширением употребления конечных форм изъявительного наклонения в речи о будущих достоверных фактах. Параллельно этому процессу происходило и вытеснение формой типа *торэба* формы типа *тораба*.

16. Условные формы, различавшиеся по наклонению в языке XVI—XVII вв., нельзя причислить к особому условному наклонению, ибо они, как и уступительные, никогда не имели своих конечных форм.

17. Наименование «деепричастие настоящего времени» (для формы на *-нагара*), употребляемое некоторыми авторами, противоречит их же утверждению, что деепричастия никакого времени не выражают. Деепричастие на *-нагара* является чисто относительной временной формой (как и деепричастие на *-цуцу*) и должно быть названо одновременным деепричастием или деепричастием одновременности.

18. Форма на *-тэ/-дэ* должна быть названа деепричастием предшествования или деепричастием предшествующего времени.

19. Форма на *-тара/-дара* должна быть названа условно-временным деепричастием предшествующего времени.

20. Форма типа *торэба* должна быть названа условно-временным деепричастием непредшествующего времени.

Глава четвертая

ВОПРОС О КОНЕЧНЫХ ВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Разнообразные теории, касающиеся времен конечных форм в новояпонском и современном национальном языке, можно сгруппировать вокруг нескольких, принципиально отличных одна от другой точек зрения.

§ 1. Теория трех времен

Теория трех времен сформулирована впервые Ж. Родригесом в 1620 г.: «Каждое наклонение имеет только три времени, принимаемые соответствующими словами; эти времена, обозначаемые терминами *kouako, guenzai* и *mirai,* суть настоящее, претерит и будущее; имперфект и плюсквамперфект замещаются настоящим и претеритом или причастием прошедшим, сопровождаемым связкой»[1] [237, 12]. Под причастием, сопровождаемым связкой, Родригес понимал форму на *-тэ+ +ару/иру/вору.*

Теория Родригеса довольно верно отражала некоторые явления японского языка в ту эпоху. Форма на *-та* (отрицательная — на *-нанда*) действительно употреблялась в основном в речи о прошлом, форма на *-у* (отрицательная — на *-ну*) — в речи о настоящем и всевременных процессах, в речи же о будущем было обязательным употребление форм на *-о:/-о:зу/-о:зуру* (или дубитативной формы на *-маи*).

Как показывают исследования Е. М. Колпакчи, в старояпонском языке бессуффиксальная форма (типа *тору*) почти не использовалась «для выражения будущего времени» [64, 93]. Е. М. Колпакчи в огромном количестве исследованных текстов обнаружила всего два примера употребления формы на *-у* в речи о будущем (в заключительном сказуемом).

В языке XVII в. форма на *-у* в речи о будущем встречается уже чаще. Например: *Саки-е маиттэ* кошираемасуру (К, I, 167) '[Я] пойду вперед и [все] *приготовлю*' (см. также К, I,

[1] Говоря о «замещении имперфекта и плюсквамперфекта настоящим» Родригес имел в виду перевод этих латинских времен японским настоящим; это интересное наблюдение показывает, что и тогда в речи о прошлом употреблялась форма типа *тору.*

69, 136, 187; E, 491). Однако таких примеров еще немного.

Правда, форма типа *торо:* (дубитативная — типа *торумаи*) уже тогда могла употребляться и в речи о настоящем и в речи о прошлом, что было известно и Родригесу, но 80—85% примеров с формой типа *торо:* употребляются в речи о будущем.

В дальнейшем употребительность форм сильно изменилась. Так форма на *-у* (и на *-най*) стала часто применяться в речи о будущих достоверных фактах, а формы на *-о:* и на *-маи* стали применяться гораздо реже: в современном языке форма на *-о:* составляет, по моим подсчетам, 2—5% общего числа временных форм вместо 6—12% в текстах XVI—XVII вв., а форма на *-маи* — сотые доли процента вместо 2% [см. 120, 81]. Формы на *-озу/-озуру* совсем исчезли.

Однако, хотя употребительность конечных форм в общем как будто бы не противоречила теории трех времен Родригеса, эта теория была неправильна и тогда. Дело в том, что применение форм на *-о:* и на *-маи* в речи о будущем объясняется на самом деле не их временным значением, а их принадлежностью к другому — вероятному (и дубитативному) наклонению, так как всякое будущее действие представлялось только вероятным. Такое явление было в целом ряде языков. Но если вероятным оказывалось какое-либо настоящее или прошлое действие, оно также могло быть выражено той же формой на *-о:/-о:зу/-о:зуру* (или на *-маи*): *Ия, мо фая фотокэ-мо* дэкэмашё:зу (К, I, 145) 'Ну, и [статуя] Будды уже, *наверное, готова'; ...Бан-но моно-ва наи ка ширану. Ару нараба кое-во* татё: *га, наи моно-джя* (К, I, 354) '...Не знаю, нет ли сторожа. Если бы был, *поднял* крик. Нет, должно быть'; *Вонаго-но кото-джя фодони, мада фодо тово:-ва* юкумаи (К, I, 117) 'Эта женщина, *наверно,* еще *не ушла* далеко, так как [она] с ребенком'. Родригес заметил эти случаи, но отнес их к особому наклонению — потенциальному [см. 184, 85—87]. В парадигме этого наклонения форма *agueôzu* фигурирует у него во всех временах [см. 184, 85]. А ту же форму, выражающую достоверные действия в речи о будущем, Родригес относил к изъявительному наклонению.

На самом деле эта форма принадлежит к вероятному (или предположительному) наклонению. Формы этого наклонения не были временными вообще, так как употреблялись в речи о всех отрезках объективного времени и не имели противопоставленной формы на *-т-* [2].

Схема трех времен неприложима и к современному языку, так как в ней форма вероятного наклонения на *-таро*: не на-

[2] Хотя Родригес и относит форму типа *aguetaro* [*zu, zuru*] [см. 184, 51] к формам будущего времени, он отмечает, что «предложение не может оканчиваться этой формой, за ней должно следовать имя» [там же] Однако в изученных мною памятниках эта форма не встретилась ни разу.

ходит себе места [см. 65; 120]. Кроме того, как указывает Токиэда, в современном языке форму на *-о:* «нельзя употреблять по отношению к действиям 2-го или 3-го лица ...оиа означает скорее волю [1-го лица]» [195, 202]. *Дэкакэё:* означает 'ну, пойдем', 'ну, я пойду', а не 'пойдешь', 'пойдет'. А форма какого-либо времени должна относиться ко всем лицам. В современном языке значением 'вероятно, пойдешь (пойдет)' обладает только конструкция *дэкакэру-дэсё:*, где *дэсё:* — форма вероятного наклонения от связки *дэс* — является модальной частицей, а не окончанием будущего времени. *Дэсё:* (в языке XVI—XVII вв. — *дэаро:*) может присоединяться и к форме на *-та*: *дэкакэта-д*[*э*]*аро:*, вытесняя синтетическую форму *дэкакэтаро:*.

Во многих грамматиках японского языка, которые появляются с конца XIX в., по традиции применяется теория трех времен. Таковы грамматики Астоиа, Смирнова, Хага Яити, «Грамматика [японского] разговорного языка» («Ко:гохо:»), составленная комиссией [японского] Министерства просвещения, грамматики Мацумия, Киэда, Колпакчи, Конрада, Фельдман.

Разумеется, каждая трактовка временных форм имеет свои особенности. Так, Хага Яити считал, что «формы вроде *ёмо:, нагэё:, коё:, сиё:* употребляются и в смысле будущего и, переносно, в смысле совершенно предположительном, так как будущее — вещь, изначально неопределенная» [199, 53]. «Формы настоящего времени... часто употребляются в речи о фактах, в отношении которых вообще нет необходимости говорить о времени, а именно, в речи об общеизвестных истинах, регулярных явлениях и т. п. Можно сказать, что в этих случаях времени нет; можно назвать [эти формы] и обычным временем, в противоположность прошедшему и будущему» [199, 52]. Я думаю, что такие явления правильнее назвать в с е в р е м е н н ы м и.

В «Ко:гохо:» отмечается применение формы настоящего времени в речи о прошлом, правда, только при бессоюзном сочетании предложений — явлении довольно редком в японском языке. В пояснении к подобным примерам, данном в «Приложении к грамматике разговорного языка», ее авторы утверждают, что в этих случаях «о прошедших явлениях говорят так, как будто видят их своими глазами» [170, 129]. «В обстоятельственных предложениях, которые имеют смысл прошлого, [формы настоящего] звучат как прошедшие» [170, 130]. Однако самое распространенное отклонение — употребление третьей основы в придаточных предложениях перед союзами и определяемыми именами в речи о прошлом — остается вне поля зрения авторов «Ко:гохо:». Не учитывают они и того, что форма типа *торо:* вытеснена в значении простой вероятности коиструкцией типа *тору-дэсё:*.

Киэда Масуити отмечает применение формы на *-у* в речи о будущем и о всевременных процессах, объясняя это тем, что «грамматика и логика не обязательно имеют одинаковые категории, поэтому получается так, что говорят о действиях безотносительно ко времени; или форма является [формой] настоящего, а значение — будущим, или форма является прошедшей, а значение — настоящим» [165, 318]. «Настоящее время иногда употребляется как неопределенное, иногда как будущее. Однако для грамматики первую роль играет форма, так что время всех этих глаголов считается настоящим» [165, 321].

Д. Смирнов принимает теорию трех времен с серьезными оговорками: «Различие между настоящим и будущим, как утвердительным, так и отрицательным, не столь резко как в русском яз[ыке]; оно не столько во времени, сколько в свойственном каждому из них особом оттенке выражения: первое заявляет о том или другом действии или состоянии как о факте, последнее выражает лишь мнение о нем. Они оба могут быть одинаково переводимы как настоящим, так и будущим временем, смотря по обстоятельствам» [110, 71].

Еще сильнее сомневался в правильности схемы трех времен Е. Г. Спальвин: «Настоящее, в особенности в простом предложении, соответствует более или менее нашему настоящему, но может также относиться и к достоверному будущему...

Будущее время меньше всего отвечает своему названию. Более правильно его можно назвать предположительным временем... оно выражает вероятность или предположение как в настоящем, так и в будущем» [114, 53].

Мысль Е. Г. Спальвина о том, что японское настоящее не соответствует русскому, по крайней мере, в сложном предложении, подтверждается и моими материалами. Однако термин «предположительное время» определяет грамматическое значение формы лишь с модальной точки зрения, а не с временной.

Из русских японоведов еще Д. Смирнов признавал наличие особого вероятного наклонения в новояпонском языке. Но он относил к этому наклонению только две формы: форму на *-таро:,* которую называл «вероятное прошедшее», и аналитическую форму типа *ёму даро:,* которую называл «утвердительное вероятное будущее» [110, 83—84]. По сравнению с ним Е. М. Колпакчи сделала шаг вперед, причислив к вероятному наклонению и формы на *-о:/-ё:.*

Однако Е. М. Колпакчи считала, что пятая основа (форма на *-о:/-ё:*) выражает: 1) будущее время изъявительного наклонения, 2) вероятное наклонение, 3) пригласительное наклонение. Такая трактовка недалека от взглядов Родригеса. Но в современном языке достоверные действия не обозначают-

ся формой на *-о: -ё,* поэтому она не может быть включена в парадигму изъявительного наклонения.

Все формы на *-о:/-ё:* в современном языке (как, впрочем, и в языке XVI—XVII вв.) следует относить только к вероятно-пригласительному наклонению.

Нельзя согласиться и с тем, что наряду с формой на *-о:/-ё:* «для обозначения будущего-достоверного употребляется, как и в русском языке (разрядка моя. — *Н. С.*), форма настоящего времени» [62, 020]. Во-первых, как уже говорилось выше, в современном языке формы на *-о:/-ё:* значения констатации факта не имеют. Во-вторых, нельзя приравнивать очень редкое употребление форм настоящего времени в речи о будущем в русском языке к употреблению формы на *-у* в речи о будущем в японском языке. Ведь в русском языке имеются достаточно часто встречающиеся формы будущего времени изъявительного наклонения, чего в японском языке нет. Любая форма настоящего времени в речи о будущем в русском языке может быть заменена формой будущего времени без всякого ущерба для смысла. Применение же формы на *-у* в речи о достоверном будущем в японском языке является нормой. В-третьих, в большинстве случаев форму на *-у* в речи о будущем нельзя перевести на русский язык формой настоящего.

По моему мнению, Е. М. Колпакчи ошибается, когда говорит, что «вероятное наклонение в будущем времени... понимается в связи с общим содержанием всей речи» [62, 022], ведь наклонение при отсутствии соответствующего наречия узнается именно по окончанию глагола или прилагательного.

Н. И. Конрад, не признавая наличия вероятного наклонения, называет форму на *-о:/-ё:* будущим временем изъявительного наклонения.

Н. И. Конрад правильно указывает, что «вообще японские времена представляют собой явление, для перевода на русский язык достаточно сложное» [65, 175]. В действительности это явление еще сложнее, чем показано в «Синтаксисе японского национального литературного языка», где речь идет лишь о временах в простом распространенном предложении.

Основное внимание Н. И. Конрад уделяет вопросу о соотношении времен и видов в современном японском языке. Он пишет, что *kaite imasho:* значит 'будут писать', *ame-ga futte imasho:* 'дождь будет идти' [65, 178]. Однако реально такие примеры встречаются очень редко. Гораздо чаще форма на *-тэ+имасё:* имеет перфектное значение: *Миги-но мэ-га* цубурэтэ имасё: (Т, V, 43) 'Правый глаз, *вероятно, выбит?*' ...*Маэба-га нисамбон* нукэтэ имасё: (Т, V, 44) 'Два-три передних зуба, *наверно, выпали?*'

Н. И. Фельдман относит к одному изъявительному наклонению категорические положительные и отрицательные

формы, а также некатегорические положительные (т. е. предположительные) и отрицательные (дубитативные) формы, хотя и морфологически и по модальному значению эти формы противопоставлены. Кроме того, если столь различные синтетические формы, как *тобу* 'летает', *тобанай* 'не летает', *тобо:* 'вероятно летает' и *тобумай* 'вероятно не летает' [см. 128, 851], относить к изъявительному наклонению, то значение этого наклонения в японском языке окажется гораздо шире, чем в других языках; четко определить такое общее значение изъявительного наклонения было бы очень трудно.

К одному наклонению можно относить формы разных видов, залогов, времен, обладающие одинаковым модальным значением и морфологической общностью. Если в японском языке морфологически дифференцируются синтетические формы с разными модальными значениями, то, следовательно, они принадлежат к разным наклонениям.

Н. И. Фельдман считает, что одна форма (например, *тобу*), употребляясь в речи в настоящем и в речи о будущем, имеет два значения.

Но, как указывал А. А. Потебня, «два дела разные: в языке имеются две однозвучные формы — одна для настоящего, другая для будущего; и в языке нет форм ни для того, ни для другого. В первом случае сам язык доходит до сознания различня времен...; во втором случае различие времени настоящего и будущего (если оно не обозначено иначе) может быть внесено в значение речи не из нее самой, а с посторонней точки (например, точки зрения чужого языка), на которой язык не стоит» [99, 97].

Таким образом, в русском языке (где всего 5% глаголов — типа «женю», «ориентируюсь» — могут употребляться в одной и той же форме и в речи о настоящем и в речи о будущем) глагол «каждый раз, как употребляется, есть или глагол несовершенный с настоящим или совершенный с будущим» [99, 98].

В японском же языке 100% глаголов в форме на *-у* могут употребляться как в значении одновременности в речи о настоящем и прошлом, так и в значении последовательности в речи о будущем. Следовательно, в системе японского глагола не различаются настоящие и будущие, одиовременные и последовательные действия. Формы, выражающие эти действия, имеют одио значение.

Е. Л. Наврон относит к изъявительному наклоиению формы типа *тору* и *тотта,* к вероятиому — типа *торо*: и *тоттаро:,* с чем нельзя не согласиться. Казалось бы, две формы каждого наклонеиия трудио распределить по трем временам. Однако Е. Л. Наврон пишет: «Настоящее и будущее время изъявительного наклонеиия морфологически совпадают, ио

они различаются в контексте, часто благодаря наличию соответствующих существительных или наречий, обозначающих время» [54, 135]. Но различаются в контексте не сами формы, а именно наречия или существительные, обозначающие время. Если рассуждать, как Е. Л. Наврон, то следовало бы признать наличие трех времен и в тех языках, где «морфологически совпадают» все «временные формы».

В 1960 г. к сторонникам теории трех времен присоединился и проф. А. А. Холодович: «Времен с абсолютным значением в современном японском языке не одно, не два и не четыре, а три (по крайней мере в конечной позиции)...:

прошедшее — *нон-да*

настоящее — *ном-у*

будущее — *ном-о:*» [137, 87—88].

Из этой классификации неясно, куда же относится форма *нондаро:* 'вероятно пил'. Нельзя же обходить ее молчанием. И вообще, если не учитывать различия в употреблении временных форм разных наклонений, нельзя составить правильного общего представления о временах японского языка. Так, А. А. Холодович должен был бы объяснить, почему в речи о прошлом так часто применяются отрицательные формы настоящего времени.

Не замечает А. А. Холодович и того, что все его примеры употребления формы типа *номо:* относятся к действиям 1-го лица («выпью-ка я», «давайте выпьем»), между тем как форма типа *ному* может выражать действия всех трех лиц и в речи о будущем [см. 137, 82—85]. Уже по одному этому форму типа *номо:* нельзя считать особым временем. Эту неполноправную форму А. А. Холодович называет неактуальным (неантиципированным, т. е. непредвосхищенным) будущим [см. 137, 86]. Однако анализом конкретного материала эта точка зрения не подтверждается. А. А. Холодович приходит к мысли о различии между *ному* и *номо:* по актуальности — неактуальности, распространяя на японские формы в речи о будущем особенности перфекта и имперфекта в ...древнегреческом языке, хотя японские прошедшие формы *нонда* и *нондаро:* различаются именно по наклонению (подробнее см. [122]).

Мысль о том, что во всех языках должно быть по три времени, базируется на нашем современном понимании объективного времени. Однако в древности как на Западе, так и на Востоке господствовало циклическое представление о ходе времени.

«Сознание народов Европы, в период раннего средневековья переходивших от варварства к цивилизации, не воспринимало жизнь как процесс, протекающий лишь из прошлого через настоящее в будущее. Подобно регулярному повторению природных и сельскохозяйственных циклов жизнь лю-

дей также осознавалась в категориях вечного возвращения. В потомках возрождаются предки; человеческие поступки приобретают значимость постольку, поскольку повторяют поступки, совершенные ранее божеством, культурным героем, первыми людьми... При подобном переживании времени прошлое не отделяется от настоящего» [45а, 157].

Циклическое представление о времени свойственно не только европейской античности, но и буддизму с его учением о непрестанном повторении золотого, серебряного, медного и железного веков. Как отмечает историк-медиевист А. Гуревич, «Впервые в новое время человек полностью осознал то, что теперь кажется нам саморазумеющимся и очевидным: четкое различие между прошедшим, настоящим и будущим. До конца четким это различие становится только при полном торжестве идеи линейного (векторного) времени. Если циклическое время неуничтожимо и непреходяще, линейное время необратимо и безвозвратно утрачивается...» [45а, 174].

§ 2. Теория двух абсолютных времен — прошедшего и настояще-будущего (непрошедшего)

Осознание некоторыми грамматистами того, что форма типа *торо:* отличается от формы типа *тору* не по времени, а только по наклонению, привело их к теории двух времен. Так, еще Б. Х. Чемберлен писал: «Японский глагол в отличие от нашего четко не различает настоящего и будущего времени (time). Он имеет две формы: одна форма (типа *тору. — Н.С.*) служит для обозначения любого достоверного действия или состояния, настоящего, будущего или обычного, другая (типа *торо:. — Н. С.*) служит для обозначения только вероятного действия, настоящего или будущего. Критерием служит достоверность или недостоверность, а не время (time). Однако будущие действия и явления, по природе вещей, должны быть недостоверными чаще, чем настоящие действия или явления. Поэтому форма, выражающая достоверность, применяется в большинстве случаев к настоящему времени, в то время как форма, выражающая только вероятность, применяется в большинстве случаев к будущему времени. Это и заставило многих авторов, писавших о японской грамматике, назвать первую настоящим временем, а вторую — будущим временем (tense). Но эта терминология в действительности неправильна; она послужила причиной многих недоразумений между европейцами и японцами» [219, 172—173].

«Различие между достоверным прошедшим и вероятным прошедшим совершенно аналогично разнице между достоверным настоящим или будущим и вероятным настоящим или будущим» [219, 175].

Однако термин Б. Х. Чемберлена «достоверное настоящее или будущее» нельзя признать столь же четким, как термин «достоверное прошедшее».

Чемберлен подметил, что формы настоящего времени перед союзами и другими служебными словами (он дает только такие примеры) употребляются «нелогично», т. е. в речи о прошлом, а формы прошедшего времени — в речи о будущем.

И действительно, как показали мои подсчеты, в ряде новелл Акутагава количество форм «прошедшего времени» примерно в два раза меньше, чем в русском литературном переводе тех же новелл (использовался опубликованный перевод Н. И. Фельдман). Вряд ли такой факт можно считать проявлением нелогичности японского языка. Этот факт следует объяснить тем, что грамматические значения русских форм прошедшего времени на «-л» и японских форм на *-та/-да* не совпадают. Грамматические значения форм должны быть определены особо для каждого языка. Употребление времен в японском языке несомненно имеет свою логику, которую надо еще выявить.

К сторонникам теории двух времен относится и С. Бале. «Наклонений насчитывается восемь, — писал он, — изъявительное, дубитативное, условное, уступительное, желательное, повелительное, фреквентатив и деепричастие.

Каждое из четырех первых наклонений включает в себя два времени, одно из которых относится к настоящему и будущему, а другое к прошедшему» [214, 126][3].

Той же теории придерживался и Бернард Блох (Блок). Рассматривая вместе десять глагольных флексий японского языка, он пишет о «непрошедшем индикативе» (форма на *-у*) и «прошедшем индикативе» (форма на *-та/-да*), о «кондиционалисе» (форма на *-тара/-дара*) и т. д. [см. 216, 98—99]. Таким образом, Б. Блох дает отсутствующий у Чемберлена термин «непрошедший индикатив», понимая, что эта форма противопоставляется «прошедшему» именно по своему непрошедшему характеру вообще.

А. А. Холодович в своей докторской диссертации не посвящает специального раздела временным значениям форм. Однако, затрагивая вопрос о временах в другой связи, он применяет термины «прошедшее время» и «непрошедшее время». Против этих терминов можно было бы и не возражать, если бы употребление «непрошедшего времени» в речи о прошлом не было бы столь частым в японском языке.

К сторонникам теории двух абсолютных времен примкнул

[3] Под «дубитативным наклонением» С. Бале подразумевает не форму типа *мо:сумай*, а формы типа *мо со:* и *мо.ситаро:* [см. 214, 131], которые я отношу к пригласительному и вероятному наклонениям.

и И. В. Головнин, в работах которого о временах конечных глагольных форм в современном японском языке использован гораздо больший материал, чем в трудах его предшественников.

Касаясь истории системы времен (наименее изученного вопроса), И. В. Головнин пишет: «В старом литературном языке у многих групп глаголов существовали отдельные определительная и заключительная формы. Постепенно самостоятельная заключительная форма вышла из употребления, а определительная форма стала выступать в функции и заключительной, превратившись в заключительно-определительную форму. Именно с этого периода она начала приобретать значение настояще-будущего времени. До этого периода она... была всего лишь формой управляемого слова, предшествовавшего управляющему как слову определяемому...

Но и заключительная форма глагола в старом языке не была в такой же степени определенной по своему употреблению, как современная форма. Ее временное значение не было таким же абстрактным, как у современной формы» [32, 87—88].

И. В. Головнин усомнился во временном значении формы на *-у* в старояпонском языке потому, что форма *торитари* 'брал', 'взял', например, в определительной позиции превращалась в *торитару*. Действительно, если *-у* присоединялось и к суффиксам перфекта типа *-тар-*, то очевидно, что формант *-у* не имел значения настояще-будущего времени. Однако временным показателем в современном японском языке является не *-у*, а основа типа *тор-*, что было установлено О. В. Плетнером и принято И. В. Головниным.

И. В. Головнин напрасно утверждает, что «благодаря тенденции к все более абстрактному отображению явлений действительности она (форма настояще-будущего. — *Н. С.*) с течением времени ограничила круг своего употребления и превратилась в четкую временную форму настояще-будущего изъявительного наклонения» [32, 88]. Ведь если значение формы все более абстрагируется, то, следовательно, круг ее употребления (при отсутствии других противоборствующих факторов) должен был бы не ограничиться, а, наоборот, расшириться. Так это фактически и случилось: форма на *-у* в речи о будущем стала употребляться за последние три-четыре века гораздо чаще.

Но, действительно, есть и факты ограничения употребления формы на *-у*. Во-первых, в старояпонском языке оканчивались на *-у* формы не только изъявительного, но и некоторых других наклонений. Так, если в новояпонском языке *тору* и *торо:* противостоят друг другу по наклонению, которое выражается в окончании (*-у* — формант изъявительного наклонения, *-о:* — вероятного), то в старояпонском языке форма *то-*

ру противостояла форме вероятного наклонения *тораму,* в состав которой входило, несомненно, то же *-у*. Переход *тораму* > *торан* > *тораu* > *торо:* и также, возможно, отпадение *-ру* в форме типа *митару* — явления чисто фонетические. Хотя в результате таких явлений количество форм на *-у* в потоке речи и сократилось, это никак не связано с «тенденцией к все более абстрактному отображению явлений действительности». Во-вторых, в старояпонском языке на *-у* оканчивались и видовые формы на *-нуру*/*-ну, -цуру*/*-цу, -ру* и форма давнопрошедшего времени на *-кэру*. Окончанием всех этих форм в определительной позиции служило нменно *-у,* что видно из сопоставления с пятой основой на *-э: -нурэ, -цурэ, -рэ, -кэрэ*. Однако исчезновение из языка таких форм на *-у* не имеет прямого отиошения к истории формы типа *тору,* несмотря на то что оно оказало известное влияние на ее положение в системе временных форм.

Одним словом, хотя в старояпонском языке само окончание *-у* и не являлось временным формантом (как ие является и сейчас), у нас нет пока никаких доказательств того, что форма типа *тору* не входила в систему временных форм.

В этой связи важно отметить, что в старояпонском языке формант *-у* не служил окончанием изъявительного наклонения (как это имеет место в новояпонском). Он был лишь окончанием заключительной формы глаголов, а у глаголов первого спряжения и глаголов типа *миру* — и окончанием омонимичной определительной формы. (У глаголов типа *ар-у -у* было окончанием лишь определительной формы.) Только в новояпонском языке в непредшествующем времени окончание *-у* стало противопоставляться окончанию *-о:* как окончание изъявительного наклонения окончанию вероятного. Так же было и в предшествующем времени, пока форма на *-тару* противопоставлялась форме на *-таро:*. Когда же *-ру* отпало, формант изъявительного наклонения в предшествующем времени стал нулевым, а формантом вероятного наклонения в результате переразложения стало *-ро:*.

Слабостью теории двух абсолютных времен является и то, что она не может объяснить весьма распространенные факты употребления формы настояще-будущего отрицательного наклонения в речи о прошлом (см. главу седьмую). Если бы форма на *-та* обозначала прошедшее, то формы отрицательного наклонения прошедшего времени не должны были бы встречаться в речи о прошлом реже, чем формы настоящего. Во всяком случае, в других языках с абсолютными временами такое явление не отмечено. И. В. Головиин считает, что «форма отрицательного настояще-будущего часто употребляется для подчеркивания отсутствия действия в прошлом и, следовательно, его результата в настоящем» [32, 91]. Однако почему в японском языке на-

блюдается такая особенность, как это можно объяснить с точки зрения двух абсолютных времен, И. В. Головнин не говорит. Все 60 примеров употребления глаголов изъявительного наклонения, которые он приводит в своей статье [32], имеют конечные сказуемые в положительной форме. Разумеется, такой подбор является искусственным: ведь И. В. Головнин относит отрицательные формы тоже к изъявительному наклонению; значит, надо было привести и их.

В 50-х годах теорию двух абсолютных времен стал разделять проф. Киндаити Харухико. В специальной статье «Времена и виды японских глаголов» он говорит о «прошедшем времени» и «непрошедшем времени», правда, только от глаголов бытия, прилагательных и связок. Киндаити считает, что настоящие, будущие и «надвременные» факты выражаются одной и той же формой, которая обозначает одно грамматическое время. Он называет это время непрошедшим [см. 164, 65]. Приводя примеры — *Райнэн укэтэ* дамэ-датта *токива, райрайнэн укэру са* 'Если в будущем году *нельзя* будет получить, получим через два года'; *Моси табэтэ* нигакаттара *о-сутэнасай* '*Если* попробуешь и *будет горько,*— брось', — в которых форма на *-та* употребляется в речи о будущем, Киндаити признает, что *-та* в подобных случаях «выражает не прошедшее время, а предшествование (*идзэн*)» [164, 67]. «*Та*, когда оно присоединяется к глаголам состояния и прилагательным, может иметь два значения: а) оно указывает на предшествование по отношению ко времени, когда происходит разговор, т. е. на прошедшее, б) оно указывает на предшествование по отношению к факту, о котором говорится далее» [там же].

Киндаити с полным основанием критикует распространенное среди японских лингвистов мнение, что форма на *-та* в предложениях типа *Кино: карэ-ни атта* 'Вчера с ним встретился' и *Ах! цуки-га дэта!* 'Ах! луна взошла!' имеет разные значения. Он не видит здесь принципиальной разницы [см. 164, 68].

Однако Киндаити напрасно приписывает одному и тому же форманту разные значения в зависимости от того, присоединяется ли он к глаголам состояния, связкам, прилагательным или же к глаголам действия. В последнем случае Киндаити вслед за Мацусита определяет значение *-та* как «законченность», «совершенность». Между тем нет никаких оснований дифференцировать те значения, которые сам язык выражает одной морфемой. Нельзя признать удачным и термин «тай», заимствованный у Мацусита (см. далее). Киндаити применяет этот термин не в значении «вид глагола», как делают многие японские авторы, а в значении, близком к частной грамматической категории вообще, т. е. и время и вид он называет одним и тем же термином. Одна аналитическая

форма оказывается у него принадлежащей к трем «таям» сразу. Наконец, Киндаити не изучил употребления формы на *-та* в реальных контекстах, что помешало ему выявить ее главное значение. О форме на *-у* Киндаити говорит очень мало.

Наиболее строгой по методу и богатой по фактическому материалу из статей японских лингвистов является статья Судзуки [см. 189]. Говоря о двух временах, прошедшем и настоящем-будущем, он ограничивается, однако, лишь формами изъявительного наклонения в позиции заключительного сказуемого. Обратив внимание на то, что отрицательные формы времен употребляются не так, как положительные, он изучает только последние. Признавая наличие предположительного наклонения с положительными формами типа *ёму-даро:* 'вероятно читает (будет читать')' и *ёнда-даро:/ёндаро:* 'вероятно читал' [см. 189, 3], он в данной статье его не исследует, поскольку еще не известно, употребляются ли предположительные формы так же, как и изъявительные, или нет. Важно, что Судзуки не включает форму типа *ёмо:* в число временных вообще (видимо, из-за ее пригласительного значения). Он критикует своих японских предшественников за расчленение временных форм на морфемы и их раздельное изучение, что приводило к невозможности выявить действительную парадигму спряжения. Он отмечает различия у глаголов состояния и действия в выражении настоящего момента речи (см. далее § 12). У глаголов состояния настоящее и будущее выражаются одинаково [см. 189, 14].

§ 3. Теория двух абсолютных времен — прошедшего и будущего

Слишком частое употребление формы на *-у* в речи о прошлом заставляет некоторых авторов усомниться в том, что эта форма вообще является временной. Такую точку зрения развивали Кобаяси и О. В. Плетнер.

Кобаяси раньше Плетнера и некоторых английских и американских японистов стал отрицать временное значение формы на *-у*. Он писал: «При выражении настоящего времени глагол употребляют как есть, не добавляя к нему вспомогательных глаголов (т. е. суффиксов. — *Н. С.*), обозначающих время; но нельзя сказать наоборот, что глагол без вспомогательного глагола, обозначающего время, всегда [выражает] настоящее время.

1. *Тайё:-ва хигаси-кара дэру* ['Солнце всходит на востоке'].
2. *Асита ундо:кай-га ару* ['Завтра — спортивные соревнования'].

Первое [предложенне] является одним из тех, в которых о действии или состоянии говорится безотносительно ко времени. Это называется неопределенным временем. Во

втором — говорится о будущих фактах, но отношение ко времени выражено наречием *асита* ['завтра'], а глагол выражает только идею действия. Кроме того, и при так называемом историческом настоящем глагол не выражает отношения ко времени, а в случаях, когда описывают цепь событий, временные отношения передаются контекстом, внимание же сосредоточивается исключительно на изображении действия. Следовательно, термин „настоящее" нельзя назвать удачным» [166, 244—245].

Разбирая предложение *Коно хон-о ёму хито-ва тю:и-синасай* 'Пусть обратят внимание те, кто читает (будет читать) эту книгу', Кобаяси пишет: «Действие *ёму* является будущим. В старом литературном языке говорится *Коно сё-о ёман монова тю:и-субэси.* Однако в разговорном языке не употребляют вспомогательных глаголов будущего времени. Тем не менее *ёму* не является и формой настоящего времени. Будет ошибкой считать, что прошлые и будущие факты выражаются настоящим. Глагол *ёму* обозначает только идею действия „читать", а то, что оно принадлежит к будущему, узнается из контекста...» [166, 246].

«Неправильно будет думать, что, выражая идеи действий, мы непременно наделяем их временными различиями прошедшего, настоящего и будущего. Логические различия не обязательно выражаются языковыми средствами. Прошедшая, настоящая и будущая формы глаголов вообще не соответствуют логическим прошедшему, настоящему и будущему. В японском языке как грамматические категории имеются только прошедшее и будущее. То, что называют прошедшим, настоящим и будущим — это только логические категории» [167, 389].

В специальной статье «О грамматических и логических категориях, в частности о „времени"» Кобаяси рассуждал так: «В нашем языке существуют суффиксы миожественного числа *-ра, -домо* и др. Однако все понимают, что относить на этом основании имена, не сопровождаемые этими суффиксами, к единственному числу было бы ошибкой. Также ошибочно объявлять *асобу* ['играю', 'играешь' и т. п.] настоящим временем потому, что *асобикэри, асобики* это прошедшее» [168, 74].

Аналогия с суффиксами миожественного числа неудачна, так как в японском языке они встречаются чрезвычайно редко. Пожалуй, в современном языке их применение обязательно только у личных местоимений. И вот именно у местоимений мы находим и единственное число. Если *ватакусидомо* значит 'мы', то *ватакуси* всегда значит 'я'. Однако у подавляющего большинства имен, обозначающих, судя по контексту, не единичные предметы, а именно множественные, этих суффиксов нет.

Между тем формы прошедшего времени употребляются во много раз чаще, чем суффиксы множественного числа. Мы не можем говорить о наличии категории множественного числа у имен существительных, а поэтому не говорим и о категории единственного числа. Однако наличие двух достаточно употребительных противопоставленных одна другой основ типа *тотт-* и *тор-* — непреложный факт. Возражение Кобаяси направлено против самого принципа системности. Он не признает, что грамматические времена противопоставлены друг другу по своим грамматическим значениям. Его аргументация по этому вопросу, как мы видели, несостоятельна. Но другой его довод более серьезен. Кобаяси указывает на то, что третья основа (т. е. форма типа *тору*) употребляется не только для выражения фактов настоящего, но и для выражения прошлых и будущих фактов, а также, разумеется, и всевременных процессов. Он отмечает, что такое же явление наблюдается и в индоевропейских языках, но «различие заключается в том, что в японском языке сфера употребления так называемой формы настоящего времени гораздо шире. Этим наполовину объясняется и то, почему вопрос о грамматических временах давно уже стал объектом ожесточенных споров между японскими грамматистами» [там же].

Это наблюдение, по моему мнению, правильно. Но Кобаяси делает определенную методическую ошибку, не разделяя в вопросе о системе времен старояпонский и новояпонский язык. Между тем, примерно за 1300 лет документированной истории японского языка система его времен претерпела большие изменения. Неверно будет полагать, что с формой на *-у* не произошло никаких изменений по крайней мере у глаголов первого спряжения. Употребление этой формы изменилось; оно сузилось в одних случаях и расширилось в других. А отсюда следует, что изменилось и значение этой формы. Кроме того, в новояпонском языке форма на *-у* не входит уже в ту систему форм, в какую она входила в старояпонском языке. Кобаяси указывает, что форма на *-у* широко употребляется в значении будущего. Форма на *-у* действительно применяется в речи о будущем, но только в новояпонском языке. Однако, обращаясь к прошедшему времени, Кобаяси неоправданно приводит формы с т а р о я п о н с к о г о языка.

К отрицанию временного значения формы типа *тору* приходил и О. В. Плетнер: «Форма на 'у' названа нами формой настоящего времени условно, так как, во-первых, в ней нет столь определенного указания на время, как, например, в прошедшем (praeteritum), во-вторых, самое значение этой формы неизмеримо больше, чем значение простых форм времени прошедшего или будущего (точнее говоря, объем понятия больше, а содержание понятия меньше — формаль-

но здесь отсутствует спецификация времени: время мыслится неуказанным, или вернее — не мыслится указанным)» [91, 67].

Неубедительнымн представляются такие утверждения в работе, где впервые четко показана морфологическая противопоставленность основ «настоящего» и «прошедшего» времен. Из этих утверждений видно, что О. В. Плетнер недостаточно учитывает системность языка, а также не может объяснить употребление формы на *-у* с точки зрения теории абсолютных времен.

Недооценка системиости языка — важнейший недостаток теории двух времен (прошедшего и будущего). Если форма на *-у* не выражает времени, значит и противопоставленная ей морфологическн форма на *-та* перестает противостоять ей по временному значению.

Однако исходные соображения, приведшие Кобаяси, Плетнера и их последователей к отрицанию временного значения формы на *-у,* в значнтельной мере справедливы. Эти авторы, видимо, полагали, что все случаи употребления времеиной формы должны вытекать из ее основного значения и им объясняться. Если большое количество случаев применения какой-либо формы не может быть объяснено ее основным значением, то, следовательно, это значение определено неправильно.

Другое верное соображение — иризнанне своеобразия различных языков в отношении системы времен. Если настоящее время имеется в иидоевропейских языках, это еще не значит, что оно непременно должно быть и в японском.

Однако некоторые положения О. В. Плетнера противоречат теории двух времен. Так, О. В. Плетиер писал: «К временным формам обычно относят также формы на *-о:* для первого и на *-ё:* для второго спряжения: *Ико:, табэё:*. Эти формы называют формами будущего времени. Мы, однако, сочли бы более правильным назвать эти формы на *-о:* н на *-ё:* формами вероятности. Так, например, *табэё:-ка* не значит 'будет есть'. Скорее в нем выражено сомнение, как например, в такой фразе: *Коно о-ката-ва каки-о табэё:-ка* 'Станет ли этот господин есть устрицы?'

Табэё:-ка может иметь и иное значение: 'давайте поедим', но как и в первом, так и во втором случае, оттенка времени не имеется, и поэтому формы на *-о:* (для первого спряжения) и на *-ё:* (для второго спряжения) к формам временным мы не относим, а причисляем их к формам, выражающим вероятность или сомнение» [91, 74].

Действнтельно, форма на *-о:/-ё:* это не форма будущего времени, но поскольку в современном языке ей противопоставлена форма тнпа *табэтаро:*, нельзя считать форму на *-о:/-ё:* совсем лишенной временного значения.

В другом месте О. В. Плетнер пишет: «К... временным формам мы относим две: форму настоящего времени и форму прошедшего.

Однако по существу форма настоящего времени не выражает настолько же определенно настоящее время, насколько форма прошедшего времени выражает прошедшее. Часто форма настоящего времени не выражает вовсе никакого времени, как иногда и в русском...» [91, 72—73].

Из этих высказываний видно, что позиция О. В. Плетнера в вопросе о временах — колеблющаяся. Традиционная терминология, которой он придерживается, не соответствует его взглядам на грамматические значения форм. В сущности О. В. Плетнер уже близко подходит к теории одного временн.

§ 4. Теория одного времени

Грамматисты, не признающие наличие особого будущего времени, но отрицающие временное значение формы на *-у*, приходят к теории одного временн. Этим временем оказывается прошедшее.

Такую точку зрения высказывал Дж. Б. Сэнсом, который о заключительной форме старояпонского языка писал: «Чемберлен назвал эту форму достоверным настоящим, но я склонен думать, что это название вводит в заблуждение. Функция предикативной формы заключается в предикации без отношения ко времени.

Верно, что будучи нейтральной ко времени, она может переводиться на английский язык настоящим временем, но контекст может требовать и других времен. Так, *Gogo rokuji ni kaikanshiki owaru* может означать:

и 'В шесть часов пополудни церемония открытия оканчивается',

и 'В шесть часов пополудни церемония открытия окончилась',

и 'В шесть часов пополудни церемония открытия окончится'.

Точно так же в повествовательной прозе мы находим такие фразы, как *Hatachi no toki ni byo:shi su* 'Он умер от болезни в двадцатилетнем возрасте'. Назвать это историческим настоящим — значит только обойти трудность с помощью терминологии» [239, 131].

С последним положеннем нельзя не согласиться. Однако в книге, посвященной классическому языку, Сэнсом приводит примеры из старописьменного языка, куда форма на *-у* в речн о будущем проникла из современного разговорного языка. В классическом же языке такого употребления не было. Формы современного языка Сэнсом, естественно, не разбирает, хотя «выражение чистой предикации без отно-

шения ко времени» он считает, как видно, значением формы на *-у* во все периоды истории японского языка. Такая точка зрения оказала влияние и на взгляды других авторов, в том числе на взгляды авторов учебников японского языка для иностранцев.

Так, в одном из учебников, вышедших в США, читаем: «Грамматическое время в общем сравнительно маловажный элемент в японском глаголе, и поистине безвременная заключительная форма глагола употребляется и там, где, казалось бы, есть особая необходимость выразить грамматическое время. Единственное грамматическое время, относящееся к прошедшему времени (time), представляет собой разновидность перфекта, который образуется прибавлением *-ta* к неокончательной основе глагола, как например *deshita* от *desu* и *mashita* от *masu*. Строгие правила употребления перфекта трудно сформулировать, потому что очень многое зависит от более или менее субъективных чувств говорящего в каждом отдельном случае, но можно сказать, что эта форма употребляется тогда, когда действие мыслится как окончательно завершенное в какое-то время в прошлом» [221, 9].

Такую теорию нельзя признать правильной, так как не может быть языка с одним грамматическим временем, времен должно быть не меньше двух. Язык представляет собой систему, которая, конечно, постепенно изменяется, но сторонники теории одного времени не считают, что форма на *-у* теряет временное значение — они полагают, что она его никогда не имела. Такие утверждения объясняются тем, что эти авторы оказались не в состоянии установить временное значение формы на *-у*, хотя они уже осознали тот факт, что эта форма не выражает настоящее или настояще-будущее время.

При бессистемном подходе к временным формам оказалось, что и правила употребления единственного времени «трудно сформулировать». Разумеется, ссылки на субъективные чувства говорящего при выборе времен лишены основания. Грамматист должен установить прежде всего грамматические правила употребления временных форм, т. е. такие синтаксические позиции, в которых обязательно применение только одной определенной временной формы, а замена формы одного времени формой другого времени меняет смысл, дает иную последовательность событий. Конечно, иногда почти безразлично, какую временную форму употребить. Так, например, по-русски можно сказать «Завтра я иду в театр» и «Завтра я пойду в театр». Но, во-первых, здесь возможны не все временные формы, а только формы настоящего или будущего. Во-вторых, подобные примеры не встречаются в японском языке, где в таком случае можно употребить только форму на *-у*: *Асу сибай-э юку.*

§ 5. Теория омонимичности временных форм на *-та*

Теорию омонимичности временных форм на *-та* выдвинул Мицуя Сигэмацу. Раздел о временах в его капитальной грамматике содержит некоторые новые наблюдения; в нем особо рассматриваются времена разговорного языка. Мицуя постоянно проводит сопоставления между старояпонским и новояпонским языками—это, разумеется, необходимо в книге, посвященной в основном старояпонскому языку. Однако Мицуя, видимо, полагает, что суффикс *-та* в новояпонском языке, заменяя старые видо-временные суффиксы, выражает те же грамматические значения. Он пишет: «В отношении времен разговорный язык по сравнению с письменным чрезвычайно прост... Времена разговорного языка похожи в общем на современный китайский язык» [179, 356]. *-Та*, по его словам, «есть *-тари* книжного языка без последнего слога. Оно соответствует четырем суффиксам [книжного языка] — *-цу, -ну, -тари, -ри*. Хотя его естественной функцией является выражение совершенности, но так как в разговорном языке нет суффиксов прошедшего [времени], [*та*] выражает и прошедшее время. (Хотя, если говорить с точки зрения языка как такового, прошедшего времени [в разговорном языке] нет, но поскольку в письменном языке имеется явственное различие [между прошедшим и совершенным видом], можно и форму совершенности называть прошедшим)» [там же].

Из высказывания Мицуя неясно, почему «выражение совершенности» является «естественной функцией» формы на *-та*. Очевидно, Мицуя в данном случае брал за основу факт происхождения *-та* из видового суффикса *-тари*. Однако такое происхождение *-та* совершенно не доказывает, что и в современном языке форма на *-та* сохраняет старое значение. Если из языка исчезли старые видо-временные суффиксы *-цу, -ну, -ри*, то, значит, не могло не измениться и значение *-та* (из *-тари*), входившего с ними в одну систему. Кроме того, Мицуя не совсем прав, утверждая, что *-та* соответствует только четырем суффиксам старояпонского языка; ведь исчезли и суффиксы *-ки* и *-кэри*, которые он сам называет формантами прошедшего времени.

Мицуя анализирует предложения современного языка в зависимости от того, как их надо переводить на старописьменный язык. Так, *има кита* ‘сейчас пришел’ Мицуя относит, как можно понять, к совершенному виду на том основании, что в старояпонском языке здесь было бы *китари*, а не как-нибудь иначе. К примеру *Кино: амэ-га футта* ‘Вчера дождь [про]шел’ Мицуя делает примечание в скобках: «неясно, прошедшее или совершенное» [там же]. Для Мицуя неясность заключается в том, что в старояпонском языке можно было сказать как *амэ фурики*, так и *амэ фуритари*. Какую же из этих

форм заменяет нынешнее *футта*? Ответ, с моей точки зрения, должен быть простой: обе формы недифференцированно.

В другой части своей книги Мицуя дает еще более разительные примеры «понятийного» анализа форм современного языка: «...*Има тэгами-о кайта* ['Сейчас письмо написал'], хотя и выражает законченное действие *каку* ['писать'], но мы не говорим, что это действие имело место в прошлом, так как имеется наречие *има* ['сейчас'], обозначающее настоящее время. [В этом предложении] время — настоящее» [179, 309].

Мицуя не учитывает того, что при наречии *има* весьма часто встречаются и формы настоящего времени. Между предложениями со значением «сейчас письмо пишу» и «сейчас письмо написал» есть различие именно во времени, которое и выражается формами глаголов, а не наречием.

Мицуя противопоставляет этому примеру другой: *Кино: кайта тэгами-о кё: ю:бин-ни дасита* 'Вчера написанное письмо сегодня на почту сдал' и анализирует его следующим образом: «...Хотя *кайта* также имеет *та* (как и в предложении *има тэгами-о кайта*. — *Н. С.*), но в письменном языке мы скажем *си* (т. е. употребим форму *какиси*.— *Н. С.*), поэтому [*кайта*] относится к прошедшему, а *дасита* к совершенному [виду]. В разговорном языке нет вспомогательных глаголов прошедшего времени, там применяют *-та*, выражающее законченность, поэтому чрезвычайно трудно установить различие между прошедшим временем и совершенным видом. Но в письменном языке есть ясное различие» [там же].

Разумеется, установление различия между прошедшим временем на *-та* и совершенным видом на *-та* потому и трудно, что в самом новояпонском языке такая дифференциация отсутствует. Если язык для выражения двух прошлых действий применяет одну и ту же форму, нет никаких оснований делить ее значение на два.

Однако это делает не только Мицуя, но и многие другие японские грамматисты. Так, Маруяма Римпэй пишет, что «вспомогательные глаголы времени (т. е. суффиксы. — *Н. С.*) выражают прошедшее, завершенность и будущее. Настоящее выражается одной заключительной формой глагола» [171, 210].

Таким образом, находя в японском языке две омонимичные формы на *-та*, выражающие разные времена, Маруяма и — не так определенно — Мицуя оказываются сторонниками теории четырех абсолютных времен в современном языке.

Теория омонимичности временных форм на *-та* широко проникла в учебную (в том числе и методическую) литературу по японскому языку. Так, Иваи Есио, анализируя предложения с этой формой, в одних случаях называет ее «на-

стоящим завершеным» (ср. английский термин «present perfect»), а в других — «прошедшим» [см. 160, 138].

Такаги Такэси в элементарной грамматике разговорного языка для средней школы также пишет, что «руководствуясь смыслом предложения, следует различать *та* — вспомогательный глагол завершенности и *та* — вспомогательный глагол прошедшего времени» [190, 41]. Отстаивает он эту теорию и в другой свой книге — пособии для учителей родного языка [см. 191, 107].

Известный историк японского языка Есидзава Есинори в учебной грамматике японского языка для средней школы писал: «Различие между *та* завершенным и *та* прошедшим заключается в следующем: если результат уже осуществленного действия сохраняется, то значит это *та* — завершенное, а если нет, это *та* — прошедшее» [156, 76]. Такая точка зрения также основывается на том, что в старояпонском языке в подобных случаях употреблялись две разные формы: на *-тару* и на *-ки*.

Об этом же пишет и Асано: «*Та* выражает и прошедшее и завершенное времена» [151, 120].

Широкое распространение теории двух омонимичных форм на *-та* несомненно было обусловлено влиянием не только грамматики старояпонского языка, но и грамматики английского языка, а также влиянием соображений, близких теории «понятийных категорий». Эти соображения подробно развивал Кобаяси: «Бывает так, что то, что в одном языке выражается просто как логическая категория, в другом языке продвигается до известной стадии по пути к грамматической категории, а в третьем языке — явно приобретает формальное выражение и образует определенную грамматическую категорию. Бывает и так, что, проходя обратный путь, грамматическая категория разрушается и, стремясь в конце концов снова стать просто логической категорией, полностью превращается в нее. В качестве хорошего примера последнего случая можно привести грамматический род в новоанглийском языке, в качестве примера первого — категорию одушевленности и неодушевленности [в славянских языках]» [168, 65].

Ясно, что такая точка зрения не выдерживает никакой критики. Говоря о сохранении рода как логической (т. е. понятийной) категории в новоанглийском языке, Кобаяси путает род и выражение пола, что, как известно, далеко не одно и то же. В древнеанглийском языке грамматическим родом обладали и наименования неодушевленных предметов, не относящихся к какому-либо полу. Но из современного английского языка никак нельзя узнать, каким родом обладало в древнеанглийском языке какое-либо слово, не обозначающее живое существо того или иного пола. Поэтому говорить

о сохранении в новоанглийском языке грамматических родов, даже в виде логических категорий, не приходится.

Кроме того, грамматические роды (даже в тех языках, где они есть) не являются грамматическими категориями, так как, обладая формой, они не обладают другим существеннейшим признаком грамматической категории — значением.

С другой стороны, если допустить, что в каком-либо славянском языке ранее совсем не было различия по окончанию в винительном падеже между одушевленными и неодушевленными именами существительными, то это будет значить, что грамматическому строю данного языка такое различие было вообще чуждо.

При отсутствии в языке какой-либо грамматической категории, имеющейся в других языках, надо считать, что этот язык не проводит категоризации по данному признаку, и ни грамматической, ни понятийной категории данного значения в нем нет.

Однако влияние грамматики старояпонского и английского языков и неверное понимание взаимоотношений грамматических и логических категорий — это лишь часть причин, породивших теорию о двух омонимичных формах на *-та*. Не менее важной причиной явилась мысль, сама по себе правильная, что значение формы на *-та* не может быть объяснено только как прошедшее время. Поэтому все, что не согласуется с *-та* в значении прошедшего, относится за счет другого *-та* — в значении завершенного.

Есть попытки установить и три значения формы на *-та*. Так, по мнению Киэда, форма на *-та* употребляется даже в трех значениях: прошедшем, настоящем и завершенном. К употреблению формы на *-та* в значении настоящего времени Киэда относит такие примеры, как *То:то: амэ-га футтэ кита* [см. 165, 324] 'Наконец, пошел дождь'. С подобной трактовкой согласиться нельзя, так как в этом примере находим обычное предшествование начала: хотя дождь идет и сейчас, но н а ч а л и д т н он несколько раньше момента речи.

К употреблению формы на *-та* в значении завершенного времени Киэда относит предложения типа *Бо:си-о* кабутта *хито-га куру* [см. 165, 325] 'Сюда идет человек, *надевший* шляпу'. Киэда не находит здесь прошедшего времени потому, что это предложение не может означать: 'Сюда идет человек, носивший (когда-то в прошлом) шляпу'. Однако форма на *-та* употребляется в этом случае, видимо, в старом перфектном значении: действие совершено в прошлом, но результат его сохраняется и в тот момент, когда происходит действие, о котором говорится в главном предложении. Действие же завершенное должно было бы быть закончено до этого момента, независимо от того, сохранились нли исчезли его результаты

(как это мы наблюдаем у русских глаголов совершенного вида в прошедшем времени).

Говоря о «вспомогательных глаголах будущего времени», Киэда отмечает, что трудно отличить их от омоимичных «вспомогательных глаголов вероятности или предположения», и находит, что в этом случае «ничего не остается, как руководствоваться наличием в предложении обстоятельств, указывающих на будущее время» [165, 326].

Несколько иную точку зрения развивает Юдзава [см 204, 84—89] и вслед за ним Тода [см. 192], который отмечает следующие значения *-та:* завершенность, перфективность [«акт действия закончен, но результаты его (в виде состояния) в настоящее время налицо»], прошедшее. На «прошедшее» Тода приводит только два примера: *Канто:-дайсинсай-но токидэ* атта (Т, VI, 134) '[Это] *было* во время великого землетрясения в Канто:' и *Сокоэ, Ода Нобунага-га 35000-но дайгун-о хикицурэтэ сэмэкуру тою: сирасэ-га* атта (192, 15) 'Тут *было* [получено] известие, что наступает Ода Нобуиага с тридцатипятитысячным огромным войском'.

Таким образом, Тода ограничивается примерами на полусвязку и глагол бытия. Это не случайность: он специально оговаривается, что *-та* в значении прошедшего времени часто употребляется с глаголами *ару* и *иру* и указывает на то, что бытие или состояние относятся к прошлому. Однако Тода, как и многие другие авторы, берет лишь изолированные предложения вне контекста и, главное, рассматривает форму на *-та* вне системы времен, в отрыве от другого времени, как бы оно ни называлось.

Из приведенных примеров видио, что Тода не представляет себе и правильной методики исследования значений временных форм.

Нельзя ограничиться приведением одного-двух примеров. Надо прежде всего выяснить, действительно ли применение данной временной формы является нормой в данной позиции в речи о данном отрезке времени. Если же именно в этой позиции в речи о том же отрезке времени может употребляться и форма другого времени, то надо объяснить, чем это употребление вызвано и как оно связано с общим значением формы.

Попробуем с такой точки зрения проанализировать первый пример Тода. Это характерное начало рассказа типа «дело было тогда-то». Если форма на *-та* действительно имеет значение прошедшего времени (хотя бы только в данной позиции), то в таком контексте в речи о далеком прошлом мы вправе ожидать употребления связки на *-та* как нормы.

Действительно, форма на *-та* в такой позиции встречается: *Ару амэ-но фуру хи-но гого-дэ* атта (А, 134/1) '[Это] *случи-*

лось во второй половине одного дождливого дня'; *Коно токи-*дэсита (I, VI, 30 '[Это] *случилось* в это самое время'; *Сё:ва-бнэн-но аки-*дэсита (Т, VIII, 8) '[Это] *случилось* осенью 6-го года Сёова'[4].

Однако в большинстве случаев мы находим в подобных зачинах форму на *-у*: *Арухи-но курэгата-но кото-дэ* ару (А, 3/1) '[Это] было (букв. *есть*) однажды перед вечером'; *Ару кумотта фую-но хигурэ-дэ* ару (А, 131/1) '[Это] было (букв. *есть*) однажды зимой в сумерки'; *Тэмпо:-2нэн-9гацу-но ару годзэн-дэ* ару (А, 88/1) '[Это] было (букв. *есть*) однажды утром в 9-м месяце 2-го года Тэмпоо'; *11гацу-но ару харэта аса-дэ* ару (А, 157/1) '[Это] было (букв. *есть*) в одно ясное ноябрьское утро'. (См. также А, 57/1, 186/1.) Встречается форма «настоящего времени» на *-у* и в середине сложного предложения: *Соно* токи-дэс, *досинто о:кий ото-га симасита* (Т, VI, 9) 'В этот *момент* раздался глухой сильный звук'.

При переводе зачинов на русский язык можно употреблять слово «случилось», если связка стоит в форме на *-та,* и — «было», если связка стоит в форме на *-у*. Кроме того, такое сказуемое, как, например, *...аки-дэс*, можно перевести 'стояла осень...'.

Примеры употребления связок в форме на *-та* не служат доказательством того, что эта форма имеет значение прошедшего времени, так как она употребляется в этой позиции реже, чем форма на *-у*.

В коллективной работе сотрудников Государственного института родного языка в Токио примеры на *-та (-таро:, -тара)* подразделяются на четыре рубрики: 1) действие или состояние происходило в прошлом; 2) действие или состояние имеет значение завершенности или осуществленности; 3) действие или состояние продолжается (или сохраняется их результат); такая форма может быть заменена формами на *тэиру, -тэару;* 4) форма имеет значение уверенности, усиления, иногда — восклицания [см. 153, 252—254].

В последней рубрике фигурируют только именные сказуемые со связками *-дэ атта* и *-дэва накатта.* Думается, однако, оттенок усиления или восклицания свойствен предложению в целом и не зависит только от формы на *-та.* Кроме того, в этой рубрике говорится не о временном значении формы на *-та.* В остальном же такая трактовка не отличается от взглядов Юдзава-Тода.

Теория о нескольких омонимичных формах на *-та* порождена неудачами в определении общего значения этой формы и не решает вопроса о нем.

[4] В японских предложениях такого рода обычно отсутствует подлежащее, но им может быть слово *токи* 'время'.

§ 6. Теория четырех времен

Естественно, что многие японские лингвисты не находят у формы на *-та* двух значений. Так, Мацусита Дайсабуроо, определяя значение формы на *-та* (во всех случаях ее употребления), применяет единый термин «канрё:тай» («завершенное время»). По-видимому, под термином «тай», который принято понимать как грамматический вид глаголов, Мацусита имеет в виду частную грамматическую категорию вообще. Совокупность таких категорий он именует термином «со:», обычно применяемым в значении «залог». Таким образом, «дзисо:», по его терминологии, соответствует скорее «системе времен», а «гэндзайтай» — «настоящему времени». Разумеется, понятие «со:» все-таки не вполне адекватно понятию «система».

Мацусита пишет: «В системе времен имеется четыре времени: настоящее, завершенное, прошедшее и мидзэн» [174, 451].

Это положение нуждается в комментариях. К завершенному времени в разговорном языке Мацусита относит форму на *-та,* к прошедшему — выходящую из употребления форму на *-ккэ* [см. о ней у Н. И. Конрада: 65, 175]. К мидзэн Мацусита относит некатегорические формы на *-о:/-ё:* и на *-май.* Этот термин он поясняет так: «В [термине] „мидзэн" содержится мысль о том, что еще не известное (будь то явление прошлое, настоящее, будущее, будь то явление неопределенного времени) предполагается таким, какое при определенных обстоятельствах может стать известным в дальнейшем, т. е. оно мыслится как будущее, но является ли оно на самом деле будущим, или нет,— это другой вопрос» [175, 185].

«„Мидзэн" это то, что обычно называют термином „мирай" [„будущее"], но называть его так неправильно.. » [175, 185].

Кроме этих времен Мацусита находит в современном языке и «сложное время» — «совершенное еще не известное» (*«канрё:мидзэнтай»*), к которому он относит форму типа *сайтаро:* [см. 174, 452].

Мацусита приводит примеры употребления формы типа *сайтаро:* в современном языке и показывает, что в старояпонском языке ей соответствовали по крайней мере три разные формы:

(1) *Уэно-но сакура-ва мо:* титтаро: (старояп. — *тиритарамуу*) 'Цветы вишни в парке Уэно уже, *вероятно, опали*';

(2) *Кино:-ва хана-га* титтаро: (старояп. — *тирикэму*) 'Вчера цветы, *вероятно, опали*';

(3) *Кино: сото-ни оитара коно бонсай-но хана-ва* титтаро: (старояп. — *тирамаси)* 'Если бы цветы в этом ящике выставили вчера во двор, [они] *вероятно, опали бы*'.

Впрочем, Мацусита отмечает, что в современном стиле старописьменного языка в последних двух случаях написали бы *тириси-нараму* [см. 174, 450], т. е. применили бы конструкцию: прошедшее время спрягаемого глагола плюс вероятное наклонение от связки. Значит, способы различения простого предположения и сослагательности исчезли ныне даже в старописьменном языке.

Мацусита отрицает утверждения, встречающиеся в ряде старых руководств и идущие от Родригеса, что форма на *-таро:* обозначает будущее [см. там же].

§ 7. Теория видового значения временных форм

Отказ от теории абсолютных времен привел некоторых грамматистов к тому, что они прежде всего стали сближать временные формы японского языка, особенно форму на *-та,* с видами. Так, Х. Хендерсон пишет: «Это *-та* указывает на законченность действия и поэтому образует то, что в общем соответствует прошедшему или перфектному временам в английском языке. Однако важно отметить, что временной элемент не обязательно входит в значение этой формы. Все прошедшие действия завершены, и поэтому форма на *-та* может быть применена тогда, когда в английском языке мы употребили бы прошедшее время. Но не все завершенные действия непременно прошедшие: поэтому форма на *-та* может быть употреблена в некоторых предложениях, в которых английское прошедшее время было бы неприменимо» [224, 269—270].

В русском и советском японоведении такая точка зрения не нашла отражения, так как всякий японист, знающий русский язык с его видовой системой, понимает, что японская форма на *-та* — это не совершенный вид.

Однако такая точка зрения оказала свое влияние на взгляды некоторых авторов, пишущих на английском языке. И если Хендерсон прямо еще не назвал устанавливаемое им значение формы на *-та* видовым, то В. П. Леманн и Л. Фауст делают это: «Японские временные окончания несколько отличаются по своему значению от глагольных окончаний [других языков], которые обозначают только временные отношения... Японское глагольное окончание... обозначает законченность или незаконченность действия, т. е. и вид, и время.

Настоящее время обозначает действие, которое не завершено: *Hasso: su* 'Посылка не завершена', 'Он посылает/будет посылать'.

Прошедшее время обозначает действие, которое завершено» [232, 52].

Учебная грамматика Леманна и Фауста посвящена только

старописьменному языку. Однако положение о полувидовом характере временных форм они относят и к современному национальному языку.

Гендерсон, Леманн и Фауст приходят к пересмотру существующих точек зрения на употребление временных форм прежде всего потому, что теории абсолютных времен не могут удовлетворительно объяснить это употребление. «Есть... некоторые случаи употребления японских временных форм, которые могут быть поняты только на базе японской системы видов, — пишут Леманн и Фауст. — ...Одним из таких случаев является применение отрицательных форм. Чтобы перевести [на японский язык предложение] „Мы еще не отправили", надо сказать *Hasso: sezu* 'Не отправляем' (*sezu,* а не *sezariki*), отправление еще не имело места, т. е. оно не завершено. Вот почему употреблена форма настоящего времени, подразумевающая незавершенное состояние» [232, 52—53].

Действительно, употребление форм отрицательного наклонения не может быть понято с точки зрения теории абсолютных времен. Казалось бы, теория видового значения японских временных форм дает объяснение этим фактам. Однако, если бы форма на *-та* имела значение совершенного вида, вспомогательные глаголы *симау, оку, киру, хатэру,* которые, присоединяясь к деепричастию на *-тэ* или ко второй основе, указывают на законченность действия, были бы не нужны. Кроме того, эти вспомогательные глаголы не могли бы употребляться в форме на *-у,* которая, по мнению Леманна и Фауста, обозначает незаконченность.

§ 8. Теория отсутствия системы времен

Более вдумчиво, чем авторы учебных руководств на английском языке, подходил к вопросу о временах японского языка видный японский грамматист XX в. Ямада Ёсио. Он отмечает, что «*-та* происходит от *-тари* письменного языка, но... в разговорном языке *-тари*... претерпело большие изменения и по форме, и по значению, и по употреблению» [209, 119]. Сравнивая примеры *Тадаима каэримасита* 'Только что вернулся' и *5нэн-маэни То:кё:-э кита* 'Пять лет тому назад приехал в Токио', *Кино: амэ-га футта* 'Вчера [про]шел дождь' и *Тётто матта* 'Немного подождал', *Има соко-э кита* 'Теперь туда пришел' [см. 209, 120], Ямада не находит в них разных значений формы на *-та*, как это делают другие авторы. Он, видимо, полагает, что общее значение формы на *-та* должно объяснять и все частные случаи употребления этой формы. Ямада приводит примеры: *Тогатта яма* 'Остроконечная гора'; *Ину митаё:на моно* 'Нечто, похожее на собаку'; *Кино: сё:кай-ситэ оита хито-га кита ка* 'Пришел ли человек, которого представили вчера?'; *Кино: иттарэба инакатта*

'Когда вчера пришел, то не застал' [см. там же] — и на основании их заключает: «Есть и миение, что *-та* выражает прошедшее, но из этих примеров можно понять, что *-та* — это не так называемое прошедшее. Мы видим, что объяснения в духе европейских грамматик не так уж плодотворны» [там же].

Ямада приходит к мысли, что «*-та* выражает или воспоминание или решимость» [209, 119] и что в японском языке «нет времен в европейском смысле» [там же].

При этом он правильно применяет термин «сложные суффиксы» в приложении к видо-временным суффиксам, отвергая старый термин «вспомогательные глаголы» [см. 207, 408 и сл.].

Ямада не находит в японском языке будущего времени, он относит суффикс старояпонского языка *-му* (вместе с суффиксом *-маси* и отрицательными суффиксами *-дзу* и *-дзи)* к «суффиксам, выражающим идею ирреальности» [207, 453].

Ямада излагает теорию вопроса о грамматическом времени. Приводя цитаты из Кирхмана и Вундта, он резюмирует их так: «Философски говоря, время реально существует. Однако первым условием того, что мы его осознаем, надо считать наше субъективное существование» [207, 416—417].

С этим утверждением, разумеется, нельзя согласиться. Первым условием осознания времени является именно то, что время — это одна из форм объективно существующей материи. К тому же и наше существование есть тоже факт объективный.

«Выражение временных различий между действиями, процессами, состояниями и т. п. в английском и немецком языках все называют временами глаголов. То же делают и наши (т. е. японские. — *Н. С.*) грамматисты, черпающие из того же источника. Только среди старых языковедов не было ни одного, кто бы назвал [эти формы] временами спрягаемых частей речи, хотя и нельзя сказать, что эти языковеды не употребляли слов „прошедшее" и „будущее"» [207, 421].

В предложениях типа *Тайё:-га хигаси-ёри идзу* 'Солнце всходит на востоке' (пример взят у Суита) Ямада усматривает действия, «стоящие над различиями во времени, но сохраняющие временной характер» [207, 423].

Однако в предложениях типа *Хаккин-ва моттомо омоки киндзоку-нари* 'Платина — самый тяжелый металл', по мнению Ямада, «выражается действие сознания, которое [я] называю чистым определением, стоящим над временем как таковым» [там же].

Хотя Ямада и полагал, что «эти различия будут сразу же признаны читателями, закалившими свой мозг в размышлениях» [там же], но согласиться с ним невозможно. Во-пер-

вых, платина со всеми своими качествами существует во времени, а не над ним. Во-вторых, восход солнца — действие не столь постоянное, относящееся к «вечному времени», сколько периодическое. В-третьих, лингвиста должны интересовать не различия между многочисленными разновидностями самих действий или качеств, а то, какие из этих различий дифференцируются грамматически в данном языке в данный период его развития. Поэтому различать постоянные действия и происходящие только в данный момент мы вправе лишь в том случае, если сам язык выражает их разными формами. В русском языке, например, нет подобной дифференциации.

Рассматривая «подлинное настоящее», соотносящееся с прошедшим и будущим, Ямада прежде всего обращает внимание на применение такого настоящего в речи о прошлом и будущем. Он отмечает, что подобное употребление имеет место не только в японском языке, но и в других языках. Ямада ссылается, в частности, на английский и немецкий языки, цитируя Суита и Хайзе. При этом, однако, он не замечает, что в японском языке это явление распространено гораздо шире.

Ямада приводит слова Суита: «Нельзя забывать, что „грамматическое время" всегда подразумевает грамматическую форму. Есть много способов выражения различий во времени, при которых обходятся без грамматического времени. Так, в [предложении] „Я отправляюсь завтра" будущее выражено наречием „завтра", а сам глагол стоит в настоящем времени. Мы считаем „отправляюсь" настоящим потому, что эта форма обычно обозначает настоящее время (time), а когда форма однажды получила определенное название, она сохраняет его при всех вариациях значения» [207. 425] и далее пишет: «Если считать, что с помощью настоящего мы выражаем будущее, это будет поистине совершенно нелогично, и хотя он (Суит.— *Н. С.*) так говорит, я с ним никак не могу согласиться» [там же].

В цитате из Хайзе, приведенной Ямада, утверждается, что «смешение времен» нередко имеет место «для оживления и красоты речи, в риторических целях» [там же]. «Если так, — замечает Ямада, — то изучение этого — дело риторики, а не грамматики» [207, 426].

Далее Ямада переходит к разбору точки зрения Окадзава, автора одной из немногих старых статей о грамматических временах [см. 180], который также касается вопроса об употреблении форм настоящего времени в речи о прошлом и будущем. Окадзава замечает, в частности, что многие японские грамматисты неправы, считая нелогичным употребление форм настоящего времени в речи о будущем, так как такая тенденция «существует и в старой и в новой литературе, и на Востоке и на Западе у всех людей. Поэтому нет оснований

осуждать ее с логической точки зрения» [цитирую по работе Ямада, см. 207, 426—427].

Ямада признает нелогичным не столько само употребление настоящего в речи о прошлом и будущем, сколько объяснение, которое обычно этому дается. Он пишет: «Если факт является будущим или прошедшим, а наше сознание выражает его как реальность, это ничуть не является ни противоречием, ни нелогичностью. Однако если считать, что...[выражение будущего и прошедшего] достигается формой настоящего времени, тут впервые создается впечатление нелогичности» [207, 428].

Ямада отмечает, что до него на это указывал Кусано. Из обширной цитаты, приведенной Ямада, видно, что Кусано считал применение третьей основы в речи о прошлом «обыкновением говорить только о самом действии или состоянии, не употребляя обычно слов (формантов. — *Н. С.*), которые могли бы уточнить: прошедшее это действие или нет» [цитирую по работе Ямада, см. 207, 430]. Ямада возражает против подобного объяснения употребления формы на *-у* в речи о прошлом и отрицает утверждение Кусано о том, что такое употребление — особенность именно японского языка.

В то же время Ямада, соглашаясь с Кусано, считает, что применение формы на *-у* в речи о прошлом не является ошибочным, наблюдается с древнейших времен и не может быть объяснено употреблением настоящего в смысле прошедшего.

Ямада утверждает, что предложения типа «„Платина — самый тяжелый металл" совершенно лишены грамматического времени и термин Суита „нейтральное настоящее" к ним неприменим» [207, 431]. По мнению Ямада, такие предложения представляют собой суждения, а о грамматическом времени можно говорить лишь тогда, когда речь идет о событиях [см. там же].

С такой оценкой всевременных процессов и качеств согласиться нельзя. В некоторых языках форма настоящего времени употребляется в подобных предложениях потому, что процесс (или качество) сохраняется и в настоящем. Есть и языки, где в речи о настоящем употребляется другая форма, например форма длительного вида. Однако Ямада не ставит вопроса о том, могут ли всевременные процессы выражаться в японском языке при помощи формы длительного вида на *-тэ иру*, всегда ли они выражаются формой на *-у*.

Ямада далее пишет: «Но если мы сократим сферу, в которой возможно различение „времен" (изъяв из нее предложения типа „Платина — самый тяжелый металл". — *Н. С.*), чем же окажется так называемое настоящее? Чем окажутся так называемые прошедшее и будущее? И объяснения Суита, утверждающего, что [эти грамматические времена] разграничивают события с точки зрения времени, и объяснения Хай-

зе, считающего, что [они] выражают события, исходя из отношения к настоящему моменту говорящего лица, нельзя признать удовлетворительными. По этому вопросу могут быть два мнения: согласно первому, [времена] выражают события, которые существуют в трех отрезках времени (за основу принимается настоящий момент); согласно второму, — времена выражают то, как осознаются эти явления темпорально. Если первые мы назовем временами процессуального типа („досасики"), то вторые следует назвать временами идеального типа» [207, 433].

«Хотя Окадзава говорит, что времена европейских языков временно-процессуального типа, а наши — процессуального, я думаю, что их времена процессуального типа, а наши — идеального. Больше того, я верю, что и те и другие должны быть идеального типа» [207, 434].

Тем самым Ямада отрицает принадлежность времен японского языка к таким временам, критерием различения которых служит момент речи. Он приводит два варианта предложения со значением 'Сегодняшняя работа уже окончилась':

Коннити-но сико:-ва судэни оварики;

Коннити-но сико:-ва судэни овару (*овару* букв. 'кончается').

И пишет: «Я объясняю это так: вторым [предложением] мысль об окончании работы мы выразили непосредственно, а первым мы выразили ее как воспоминание. Итак, то, что принадлежит к так называемой сфере прошлого, не обязательно связано с [применением] „суффикса воспоминания". Хотя то, что может составить вспоминаемое действие, должно быть непременно фактом сферы прошлого, но факты сферы прошлого не обязательно должны вспоминаться. Поэтому я полагаю, что мое объяснение устранило прежние трудности» [207, 437—438].

Такое объяснение было бы близко к истине, если бы л ю б о й прошедший факт мог быть выражен в языке двояко — или формой прошедшего времени или формой настоящего. Однако изучение языкового материала показывает, что не существует полной свободы выбора временных форм: в одних случаях о б я з а т е л ь н о употребление формы на *-та* даже в речи о будущем, в других — формы на *-у* даже в речи о прошлом; наконец, иногда, хотя и можно вместо формы одного времени применить форму другого, содержание высказывания от этого изменится, последовательность событий будет уже другая. А если бы вопрос заключался только в том, вспоминается данный факт или непосредственно представляется, применение форм обоих времен в речи о прошлом было бы свободным во всех случаях.

Кроме того, Ямада забывает, что форма на *-та* употреб-

ляется в новояпонском языке и в речи о будущем. Это уже совсем нельзя объяснить с точки зрения «воспоминания».

Правда, форма старояпонского языка на *-ки*, примерами употребления которой оперирует Ямада, как будто не применялась в речи о будущем. Но тогда нельзя механически переносить выводы из рассуждений о грамматике старояпонского языка на современный язык, как это делал Ямада, приписывая значение «воспоминания» не только форме на *-ки*, но и форме на *-та*, обладающей совсем другим грамматическим значением.

Исходя из правил употребления форм старописьменного языка, несколько изменившихся к XIX—XX вв., Ямада приводит два варианта фразы со значением «Завтра состоится выпускной вечер':

Асу соцугё:сики-о оконау (*оконау* букв. 'совершают');

Асу соцугё:сики-о оконаваму.

«Хотя действие в первом примере, — говорит он, — с точки зрения подразделений [объективного] времени есть будущее, но так как дело это уже решенное, оно выражено как непосредственное представление; а во втором примере — [действие] выражено как ожидаемое» [там же].

«Само собой разумеется, что при выражении сферы будущего не обязательно применять предположительную форму. Это аналогично [факультативности применения суффикса] воспоминаиия» [207, 438—439].

Многие грамматисты, как указывает Ямада, называя предположительные формы будущим, вынуждены признать, что они обозначают также предположение. «Но различить — где что — трудно. Грамматисты только говорят об этом, а способов различения не указывают. С моей точки зрения, так называемое будущее — это именно предположение, поэтому у будущего нет двух употреблений — есть только одно» [207, 439].

«Кроме предположения не существует никаких других [грамматических] способов выражения так называемого будущего.

Таким образом, я отрицаю так называемые грамматические времена и с точки зрения происхождения мысли, и с точки зрения грамматического объяснения, и с точки зрения состояния яп0ского языка» [там же].

По мнению Ямада, прошедшее и настоящее — времена реальные, основанные на восприятии, — противопоставлены будущему как времени предположительному [см. 207, 440].

Такое положение допустимо, если рассуждать отвлеченно, в отрыве от фактов конкретного языка. Однако из истории японского языка известно, что, если в старояпонском языке в с е будущие действия представлялись только как предполагаемые, то в новояпонском языке уже есть способы различе-

ния вероятных будущих действий (формы на *-о:/-е:* и на *-у+ дэ аро:*) и вполне достоверных (форма на *-у*), т. е. действия, относящиеся к объективному будущему, на разных этапах развития японского языка выражались по-разному. Значит, утверждение Ямада о постоянной предположительности будущего не соответствует фактам японского языка.

Ямада, догадываясь об одном возражении, которое может быть ему сделано, писал: «Одиако тут есть одно сомнение. Если все обстоит так, как я объясняю, то получается, что какую форму ни возьми, все будет правильно. Может быть, тут вообще нет правил? Эти опасения напрасны. Я трактую о законах [языка], а не об образцах для сочинений. Когда применять [форму, обозначающую] непосредственное представление, в каких случаях выражать вспоминаемое действие, как употреблять форму предполагаемого действия — все это зависит от собственного усмотрения каждого. Я этого не касаюсь» [207, 440—441].

Таким образом, отказавшись от изучения правил, нужных, якобы, лишь для авторов письмовников, Ямада сознательно ограничивается отвлеченными рассуждениями.

В дальнейших главах будет доказано, что в большинстве случаев употребление времен зависит ие от произвола говорящего, а диктуется законами языка, которые должны изучаться на большом конкретном материале определенной эпохи.

Точка зрения Ямада оказала влияние на некоторых лингвистов. Так, Миядзаки Сэйдзи писал: «Если время представляет собой грамматическую категорию, которая обозначает реальное временное отношение действий, мы можем сказать, что соответствующей временной системы в японском языке нет, т. е. нет в том смысле, в каком она (как понятие „временная система". — *Н. С.*) употребляется в европейских грамматиках... В японском языке так называемые времена представляют собой различия в субъективных отношениях [говорящего] к какому-либо действию, состоянию... или качеству деятеля» [235, 109].

Миядзаки смешивает временные и модальные значения, истолковывает их субъективно-идеалистически, считая, что времена в японском языке выражают не временные отношения между действиями, протекающими в объективном времени, а лишь субъективное отношение к ним.

В практических вопросах он в сущности остается на позициях теории трех времен, лишь переименовывая их в «решенное» (форма на *-у*), «завершенное» (форма на *-та*) и «нерешенное» (форма на *-о:*) [см. 235, 110]. Отмечая, что форма на *-у* может относиться и к будущим действиям, Миядзаки ничего не говорит о ее употреблении в речи о

прошлом; он пользуется традиционным приемом изучения временных форм лишь в простых предложениях, в отрыве от контекста.

Сторонником теории Ямада был и Хосоэ Ицуки, написавший книгу о временах английского языка, в которой привлечены материалы и других языков [см. 200].

К школе Ямада примыкает и современный грамматист Сакакура Ацуёси. В разделе «Вспомогательные глаголы прошедшего и совершениого», названном так, по-видимому, лишь в силу грамматической традиции, он рассматривает и временные суффиксы старояпонского языка и современный суффикс *-та*. По мнению Сакакура, было бы правильнее сказать, что эти суффиксы «выражают субъективную позицию говорящего, то, как он воспринимает и передает [действия] — то ли вспоминая, то ли подтверждая, — чем говорить, что [эти суффиксы] обозначают прошедшее или завершенное...» [185, 248—249].

Сакакура, подобно Ямада, на которого он ссылается, не применяет термина «будущее время» по отношению к форме на *-о./-е:*; раздел, в котором разбирается эта форма, назван «Вспомогательные глаголы предположения» [см. 185. 251 и сл.].

Сакакура считает, что *ари* в *тэари,* от которого произошло современное *та,* «первоначально выражало объективное наличие или состояние», но затем, «постепеино морфологизируясь, стало в конце концов обозначать иастроение говорящего, утверждающего [что-либо]» [185, 249].

Такую же мысль высказывает и Камэи Такаси: «...В японском языке нет вспомогательных глаголов времени. Однако это не значит, что японский язык не обладал с самого начала средствами для выражения времен» [162, 691].

Из того факта, что форма на *-у* обозначает и будущие действия и «вечиые истины», Камэи, вслед за Ямада, делает вывод: «В японском языке нет особой формы, выражающей настоящее время» [162, 690]. По мнению Камэи, в яповском языке иет и особой формы будущего времени; вместе с тем противопоставление настоящего и прошедшего не всегда четко. Так, по словам Камэи, о подходящем трамвае говорят и *Хора, дэнся-га куру* 'А, трамвай подходит' и *Хора, дэнся-га кита* 'А, трамвай подошел'. Форма длительного вида «обозначает не настоящее время, а длительность (стоя, например, в трамвае, можно сказать: *Има бокува «Кокугогакудзитэн»-но гэнко:-о кайтэ имас* ['Сейчас я пишу работу для „Словаря по японскому языкознанию“'])» [там же].

«В яповском языке в современную эпоху получило развитие лишь выражение прошлого — [формы типа] *ёнда, кайта, мита* и т. п. Однако наряду с этим надо обратить внимание на существование таких форм, как *моэсакару* в предложении

Моэсакару *хи-но нака-э тобикондэ кодомо-о сукуидасита* ['Бросился в *пылающий* огонь и спас ребенка']» [там же].

Таким образом, Камэи оказался одним из немногих, кто обратил внимание на употребление формы на *-у* в речи о прошлом в определительном предложении, но истолковал он этот факт неправильно. Он, видимо, считает, что такие факты говорят о еще недостаточном развитии грамматической категории прошедшего времени в японском языке. С определительными предложениями Камэи сопоставляет предложения типа *Има анохито-ни атта* 'Сейчас с ним встретился'. «*Атта* — действие законченное, но с точки зрения субъекта — настоящее. Следовательно, форма типа *ёнда,* пожалуй, близка до известной степени к немецкому перфекту» [там же].

Действительно, у этих форм есть известное сходство: обе формы — и форма перфекта в немецком языке и форма на *-та* в японском языке — относительные. Но этого как раз и не видят даже те японские лингвисты, которые признают, что времена в японском языке не являются абсолютными.

К сторонникам теории отсутствия грамматических времен в японском языке можно отнести еще одного современного грамматиста — Токиэда Мотоки. Однако, продолжая держаться старой точки зрения, он считает *-та* не суффиксом, а «словом, выражающим наличие или состояние» [195, 198]. По мнению Токиэда, «*ари* в этом *тэари* (от которого происходит *-та*), постепенно превращаясь в морфему, начинает выражать вместо наличия или состояния уверенное суждение говорящего о событии» [195, 199].

Но «уверенное суждение о событии» — это модальное значение как формы на *-та,* так и формы на *-у,* это общее значение всех форм изъявительного наклонения. Наличие такого значения не снимает вопроса о временных различиях между этими формами. Если признать значением формы на *-та* «воспоминание», как это делает Ямада, то непонятно, почему нельзя так же определить и значение формы на *-у* в речи о прошлом.

§ 9. Теория деградации видо-временных форм

Как видно из предыдущего, многие японские лингвисты поняли, что есть принципиальная разница между временами японского языка и абсолютными временами европейских языков. Но в чем эта разница заключается, почему она возникла — японские лингвисты объясняют неодинаково. Некоторые из них усматривают в сокращении числа видо-временных суффиксов на протяжении известной истории японского языка «деградацию» его видо-временной системы.

Так, Мацуока Сидзуо в разделе «Временное спряжение», имеющем подзаголовок «Неудовлетворительное состояние со-

временного языка», говоря о выражающих временные значения «вспомогательных глаголах», писал: «В разговорном языке их употребительность резко упала, и сейчас невозможно удовлетворительно выразить времена, которые обычно применяют европейцы. Даже люди, умеющие читать и писать на старописьменном языке, сохраняют лишь смутное представление о его временах. По-видимому, мало кто из этих людей способен дать временам точное объяснение» [172, 205].

Действительно, в новояпонском языке гораздо меньше видо-временных суффиксов, чем в старояпонском. Но к переводу с европейских языков это не имеет прямого отношения, так как средствами родного языка нужно переводить не формы, одну за другой, а содержание.

Однако замечание Мацуока о том, что даже знающие старояпонский язык сохраняют лишь смутное представление о его временах, весьма показательно. Разумеется, для говорящих на современном японском языке множество видо-временных форм старояпонского языка должно казаться излишним. По данным А. А. Холодовича, даже в языке военной документации, который сохранил многие грамматические особенности старописьменного языка, из 27 разновидностей старых видо-временных суффиксов осталось лишь 7 [см. 132, 4—5]. Видимо, это произошло именно в результате влияния общенародного языка.

О «деградации» японского языка писал и Мацусита: «*...ники, никэри, тэки, тэкэри, тарики, тарикэри, рики, рикэри* и т. д. ...имеют тонкие отличия и невыразимые оттенки. Однако в современном разговорном языке прошедшего времени нет, и во всех случаях, когда раньше применялись эти суффиксы, теперь употребляется одно *-та*. Этот момент — несомненная деградация японского языка, хотя в других отношениях он во многом достиг, конечно, большого прогресса» [174, 440—441].

Сама мысль о деградации языка вряд ли возникла у японских грамматистов самостоятельно. Скорее всего в этом сказалось влияние европейских грамматистов XIX в., многие из которых усматривали в упрощении грамматического, в первую очередь морфологического, строя романских языков (по сравнению с латинским) деградацию. В действительности сокращение числа форм в процессе развития языка говорит не о деградации, а, наоборот, о создании новых, более абстрагированных категорий, что знаменует собой совершенствование грамматического строя, «самонастраивание системы», прогресс языка.

Нельзя согласиться и с тем положением Мацусита, что многим сложным видо-временным суффиксам старояпонского языка соответствует в современном японском языке только одно *-та*. Как будет показано ниже, в речи о прошлом при-

меняется и форма на *-у*, и форма на *-тэ иру*, и форма на *-тэ ита* (имеется в виду только изъявительное наклонение).

§ 10. Теория субъективного критерия времен

Как уже говорилось, некоторые грамматисты убедились, что момент речи не может быть критерием различения грамматических времен в японском языке. По теории Мацусита, критерием времен является сам говорящий, который мысленно переносится в любой отрезок объективного времени: «При настоящем времени идея события трактуется так, как будто сам [говорящий] (критерий времени) помещен в то же время и в то же место, где и когда совершается событие. Настоящее — грамматическое время — совпадает с реальным настоящим. Однако, когда при [грамматическом] настоящем времени [говорящий] помещен. ...в прошедшее или будущее, грамматическое настоящее время не совпадает с реальным настоящим» [174, 415]. «При совершенном времени идея события трактуется так, словно [говорящий] (критерий времени) помещен непосредственно после события и провожает его. Если время, в которое помещается [говорящий] (критерий времени), т. е. время непосредственно после события, является реальным настоящим, законченность глагольного времени совпадает с реальной законченностью события» [174, 418]. Мацусита специально замечает, что в данном случае он не имеет в виду перфект.

В старописьменном и старояпонском языках Мацусита находит и прошедшее время (формы на *-ки* и на *-кэри*). «Прошедшее время выражает воспоминание» [174, 432]. «То, что Ямада Ёсио назвал *ки, кэри* „суффиксами воспоминания", поистине превосходная точка зрения» [174, 433].

По мнению Мацусита, при употреблении прошедшего, «помещая себя (критерий времени) после прошлых событий, их вспоминают ретроспективно.

...Бывает, что оно употребляется для того, чтобы вспомнить о реальных прошедших событиях, но ... бывает и так, что оно выражает настоящие события как прошлые» [174, 432].

«Грамматические времена являются формами глаголов, употребляющимися по отношению ко времени. Однако они указывают не на реальное время, когда совершается действие, а только на способ обращения с идеей, относящейся ко времени» [174, 414].

Таким образом, с точки зрения Мацусита, употребление времен зависит от произвола говорящего, который по-своему осознает время и по-своему выбирает временные формы. Однако такое утверждение не основано на изучении фактического материала и легко опровергается (см. главу пятую).

§ 11. Теория непостоянного критерия времен

Мицуя и Мацусита считают, что критерий времен непостоянен.

Мицуя посвящает вопросу о критерии времен целый раздел. Он понимает ошибочность теории, по которой в каждом языке должно быть три абсолютных времени: «То, что английский и подобные ему языки в противоположность китайскому, в котором времен нет, часто употребляют прошедшее время и в статьях и в эпосе, является свойством этих языков, а не правилом, распространяющимся на любой другой язык» [179, 366].

Мицуя отмечает широкую употребительность в японском языке формы настоящего времени в речи о прошлом и дает свое объяснение этому явлению:

«Хотя все факты, которые имели место в мире, — прошедшие, описывать их в прошедшем времени было бы весьма затруднительно. Дело в том, что наше мышление может даже прошедшие действия отвлечь от времени и мыслить как таковые» [179, 365]. По-видимому, Мицуя понимает употребление настоящего в речи о прошлом как безвременное.

«Хотя, вообще говоря, язык выражает мысли и факты, но мысли в отношении одного и того же факта не обязательно идентичны. Следовательно, один и тот же факт не всегда выражается одним и тем же оборотом речи. Это соотношение между фактом и речью нужно усвоить в первую очередь. Подобно тому, как [мысль] *оидэ-насай* ['заходите пожалуйста'] выражается более чем десятью оборотами — *оидэ-кудасаюэ, оидэ-кудасарубэси, оидэ-кудасарэтаси, оидэ-арамахоси, оидэ-о коу* и т. п., по-разному могут быть выражены и времена... Следует выделить две разновидности времен: 1) совпадающие с фактами и 2) с фактами не совпадающие» [179, 363—364].

Под «совпадением времен с фактами» Мицуя имеет в виду употребление формы прошедшего времени в речи о прошлом, настоящего — в речи о настоящем и т. п. Однако его аналогия с лексическими синонимами к грамматическим временам не применима, так как эти синонимы не представляют собой определенной системы, члены которой были бы противопоставлены друг другу по значению.

«Однако фактическое время выражается в языке наречиями. И [когда применяют] так называемое историческое настоящее, говорят, помещая себя в этот период, отчего настоящее постепенно перемещается. Это похоже на то, как в театре прошедшее играют в настоящем» [179, 365].

Таким образом, Мицуя вплотную подходит к выводу, что момент речи не всегда служит критерием употребления времен. При употреблении исторического настоящего, когда о

ряде последовательных действий говорят, применяя формы настоящего, критерием времени оказывается, в сущности, тот момент в последовательной цепи событий, о котором говорится.

Если же о прошедших событиях речь ведется в прошедшем времени, критерием становится настоящий момент. «Произведения, которые описывают историю и т. п., часто берут за основу фактическое настоящее, поэтому в них часто употребляется [грамматическое] прошедшее. Но в действительности оба этих стиля нередко смешиваются, поэтому бывает, что читатель становится в тупик» [179, 365—366].

К теории непостоянства критерия времен приходит, правда с других позиций, и Мацусита: «Реальное время, беря критерием истинное сознание, различает прошедшее, настоящее и будущее, и его критерий постоянен. А грамматические времена глаголов, хотя и берут критерием сознание, имеют непостоянный критерий, так как это сознание может быть и истинным и воображаемым» [174, 414].

Так, неумение найти подлинный критерий времен приводит Мацусита к субъективистской точке зрения. Закономерности употребления времен остаются невыясненными.

Разумеется, не все лингвисты, считающие критерий времен непостоянным, имеют сходные взгляды на времена вообще. Но все они признают наличие по меньшей мере двух критериев, меняющихся в неопределенном порядке, без какой-либо закономерности.

С такой оговоркой к сторонникам теории непостоянного критерия времен можно причислить и И. В. Головнина, который в современном языке находит как абсолютное, так и относительное употребление временных форм. По его мнению, критерием времен может быть то момент речи, то отношение между явлениями реальной действительности, о которых говорится. При этом остается неясным, когда же и в каком порядке один критерий заменяется другим.

§ 12. Теория «длительный вид — настоящее время»

Тот факт, что форма длительного вида сравнительно редко употребляется в речи о будущем, приводит к мысли, что «...настоящее время в точном смысле выражается настоящим временем длительного вида...» [130, 42]. Тогда, как полагает автор этой теории Н. И. Фельдман, можно считать, что «для обозначения будущих действий применяется форма настоящего общего, которая приобретает значение будущего в сочетании с соответствующими наречиями или благодаря контексту в целом» [130, 43].

Таким образом, в своей последней работе Н. И. Фельдман соглашается с мнением, что «...в современном языке нет осо-

бой формы будущего времени...» [там же]. Но наличия особого предположительного наклонения она не признает: «...каждое время может быть выражено в категорической и некатегорической форме» [130, 43—44].

Судзуки Сигэюки, противопоставляя простую форму на *-у* форме длительного вида на *-тэ иру,* методически совершенно правильно сравнивает предложения с одним и тем же обстоятельством времени *има* 'теперь'. Таким образом, влияние значения обстоятельства элиминируется: при одинаковом лексическом наполнении разница в значениях предложений зависит исключительно от временных значений самих глагольных форм: «*Има, хи-о* окосимас (будущее)» [189, 8], т. е. 'Сейчас огонь *зажгу*', но *Има, хи-о* окоситэ имас (настоящее-будущее)» [там же], т. е. 'Сейчас огонь *зажигаю/буду зажигать*'. При этом Судзуки уточняет, что лишь формы на *-у* от глаголов действия могут относиться к будущему. Но это не значит, что они имеют значение будущего как основное. Не забудем, что Судзуки исследует глаголы только в позиции заключительного сказуемого. В других позициях они весьма часто относятся и к настоящему и к прошлому.

Не совсем ясно, причисляет ли Н. И. Фельдман отрицательные формы к тому положительному наклонению, которому они противопоставлены формально и семантически: «Утверждение — отрицание является категорией глагола постольку, поскольку оно выражается синтетически, и потому большинство форм существует в положительном и отрицательном аспекте...» [130, 42]. Но теория аспектов, проникшая в японоведение из тюркологии, была бы правильной, если бы существовали единые форманты — один для утверждения, другой для отрицания. Конечно, формант утверждения мог бы быть и нулевым. Однако единого форманта отрицания мы в японском языке не находим. Каждому наклонению противостоит форма, его отрицающая: *торэ* 'бери' — *торуна* 'не бери'; *торо:* 'давай возьмем' — *торумай* 'вряд ли возьмем', 'вероятно не возьмем'; *тору* 'беру', 'возьму' — *торанай* 'не беру', 'не возьму'. Единый формант отрицания есть, но не в японском, а в русском языке (где, разумеется, частица «не» не является глагольным формантом). Думается, что учение об отрицательном аспекте обязано своим возникновением переносу явления обобщения всякого отрицания с русского языка на японский, в котором система наклонений состоит из пар рядов форм (позитивных и негативных). Каждый ряд представляет собой особое наклонение (см. также «Заключение»).

Мнение, что форма на *-тэ иру* превратилась в современном языке в форму настоящего времени, теоретически вполне допустимо. Есть языки (например, хинди), в которых значение настоящего времени изъявительного наклонения передает-

ся аналитической формой. Однако и форма на *-тэ иру* и форма на *-у* широко употребляются в значении одновременности (или шире — непредшествования) и в речи о прошлом, на что указывает и Н. И. Фельдман [см. 130, 43]. Значит, разница между ними не временная, а именно видовая. Кроме того, есть и случаи применения формы на *-тэ иру* и в речи о будущем (особенно часто *маттэ иру* 'буду ждать'). (См. главу восьмую, раздел второй.)

§ 13. Теория многих времен

В своей грамматике разговорного языка, вышедшей еще в 1901 г., Мацусита развивал оригинальную теорию времен, которая, однако, не встретила поддержки и от которой он сам впоследствии отказался. Однако то, что говорится в этой книге о временах, интересно как хронологически первая попытка, хотя еще и несовершенная, подойти к теории относительных времен.

Прежде всего Мацусита различал два разряда времен: *васэцудзи* 'времена речи' (т. е. времена, ориентированные на момент речи, иначе говоря, абсолютные времена) и *дзидзё:-дзи,* что можно приблизительно перевести как 'ситуационные времена'. Времена речи он подразделял на настоящее, прошедшее, будущее и неопределенное [см. 173, 178].

«Ситуационное время, будучи одной из категорий спрягаемого слова, берет в качестве критерия ситуацию, о которой говорится; [ситуационное время] показывает, что факт, обозначаемый этим спрягаемым словом, происходит одновременно, раньше или позже ситуации, взятой в качестве критерия. Так, *хадзиматтэ оро:* в предложении *Мо: осой кара, ватакуси-га гакко:-э цуку коро-нива дзигё:-ва хадзиматтэ оро:* ['Уже поздно, поэтому, когда я приду в школу, занятия, наверно, начнутся'] показывает, что действие *хадзимару* ['начинаться'] предшествует ситуации *хадзиматтэ ори* ['начались'] или *цуку* ['приду']. Или *дэё: то ситэ отта* в предложении *Ватакуси-га тэйсяба-э цуйта коронива кися-ва дэё: то ситэ отта* ['Когда я пришел на вокзал, поезд уже собирался отходить'] показывает что действие *дэру* ['отходить'] является последующим по отношению к взятой за критерий ситуации *дэё: то ситэ отта* ['собирался отходить'] или *цуйта* ['пришел'].

Ситуационные времена нельзя смешивать с временами речи. Хотя такие формы, как *хадзиматтэ оро:* в приведенном выше примере, с точки зрения времен речи обозначают будущее..., с точки зрения ситуационных времен *хадзиматтэ* является предшествующим по отношению к *оро:*. Хотя *дэё: то ситэ отта* с точки зрения времен речи — прошедшее, с точки зрения ситуационных времен оно является последующим. Это различие нужно хорошо усвоить.

Ситуационные времена делятся на три [времени]: *гэндзэн* 'одновременное', *кидзэн* 'предшествующее' и *сё:дзэн* 'последующее'.

Одновременное [время] обозначает, что факт, выражаемый спрягаемым словом, является одновременным по отношению к ситуации, о которой говорится. Например, формы *юку* ['иду'], *титта* ['опали'], *каэро:* ['вернусь'] в предложениях *Ватакуси-ва кё: юку* ['Я сегодня иду'], *Хана-ва кино: титта* ['Цветы вчера опали'], *Ватакуси-ва асу каэро:* ['Я завтра вернусь'] соответственно обозначают то, что факты *юку* ['идти'], *тиру* ['опадать'], *каэру* ['вернуться'] одновременны по отношению к ситуациям *юку, титта, каэро:*. Одновременное [время] выражает это формами, которые еще не констатируют изменений по отношению к ситуационному времени.

Предшествующее [время] является категорией, которая обозначает то, что факт, выражаемый спрягаемым словом, предшествует ситуации, о которой говорится. Например, формы *дэта* ['отошел'], *хикэта* ['закрылось'], *каэттэ оро:* ['возвращусь'] в предложениях *Ватакуси-ва кися-но дэта токи тэйсядзё:-э цуйта* ['Я пришел на вокзал, когда поезд отошел'], *Гакко:-но хикэта дзибун-ни дэкакэё:* ['Выйдем, когда школа закроется'], *Ната-га куру токинива ватакуси-ва каэттэ оро:* ['Когда вы придете, я уже, наверное, вернусь'] соответственно обозначают то, что факты *дэру, хикэру, каэру* предшествуют ситуации *дэта, хикэта, каэтта* (если говорить, исходя из времени речи, то *хикэта, каэттэ оро:* являются будущим)» [173, 182—184].

«Последующее [время] является категорией, которая обозначает, что факт, выражаемый спрягаемым словом, следует за ситуацией, о которой говорится. Примеры: *Ватакуси-ва кися-га дэё: то суру токи тэйсядзё:-э цуйта* ['Я пришел на вокзал, когда поезд собирался отойти'], *Гакко:-но хадзимаро: то суру дзибун-ни дэкакэё:* ['Выйдем, когда [будут] собираться начать занятия в школе']. [Временные формы соответственно] обозначают, что факты *дэру* ['отойти'], *хадзимару* ['начинаться'] являются последующими по сравнению с ситуациями *дэё: то суру* ['собираться отойти'], *хадзимаро: то суру* ['собираться начать'] и *цуку* ['прийти'], *дэкакэру* ['выходить']» [173, 184, 185].

Как видно из приведенных выше высказываний Мацусита, он понял, что момент речи не является универсальным критерием временных форм и что критерием времен нередко служит отношение одного действия к другому действию, о котором говорится в том же предложении.

Однако эта теория с самого начала имела недостатки, из-за которых она не смогла получить широкого распространения.

Во-первых, Мацусита ограничился рамками одного пред-

ложения. Правда, если в предложении несколько сказуемых, то можно показать временные отношения, существующие между ними. Но если предложение простое и взято вне контекста, нельзя судить, почему в нем применена форма одного времени, а не другого. Мацусита сравнивает в простом предложении данную форму глагола с... исходной формой третьей основы этого же глагола, которой в предложении нет. Такое сравнение является явной натяжкой и ничего не доказывает.

Во-вторых, Мацусита, правильно определив те значения, которые выражают ситуационные (т. е. относительные) времена, — одновременность, предшествование, последование — не выяснил, какие же формы обладают этими значениями. По теории Мацусита одновременность, например, может быть выражена любой формой. Это, разумеется, неверно.

В-третьих, Мацусита не учел, что в японском языке последование и одновременность грамматически не различаются. Он допустил ошибку, установив три относительных времени вместо двух.

Однако раздел его работы «Предшествующее [время]» является ценным. Здесь Мацусита, по-видимому, впервые заметил, что форма на *-та* и в речи о прошлом и в речи о будущем имеет *одно* значение — предшествование. Но Мацусита все же не удалось установить у формы на *-у* значение одновременности. Зато он подметил, что форма на *-тэ оро:* может обозначать предшествование и по отношению к ранее упомянутому действию.

По мнению Мацусита, речевые и ситуационные времена могут сливаться друг с другом. Мацусита перемножает их (4×3) и в результате делает вывод — в японском языке имеется 12 (!) времен [см. 173, 186].

§ 14. Теория относительных времен

Таким образом, мы видим, что хотя вопрос о временах в японском языке трактовался в большом количестве работ и по нему было высказано немало противоречивых суждений. предложенные решения нельзя признать удовлетворительными.

Между тем в русском японоведении уже давно наметилась другая линия исследования, учитывающая явление, известное в самых различных языках, — относнтельные значения временных форм.

Об этом еще в 1911 г. писал Д. М. Позднеев. Прежде всего он признавал специфику японского языка: «Наклонения и времена японского глагола соответствуют европейским в чрезвычайно отдаленном смысле, если только соответствуют» [92, 48].

Формально принимая схему трех времен (с оговоркой, что

форма будущего имеет вероятное значение), Д. М. Позднеев в своем учебнике дал уже специальный урок под названием «Употребление времен». Он писал: «Разные наклонения и времена японских глаголов не всегда точно соответствуют русским глаголам. Общее правило относительно употребления настоящего, прошедшего и будущего, сохраняя особенность значения для последнего, заключается в том, что настоящим временем в японской речи считают более тот момент, о котором говорится, чем тот, когда идет речь» [92, 77].

«Настоящее время изъявительного наклонения, кроме обозначения действительности, как и по-русски, [например] *дэру* 'я выхожу', — выражает также:

А. В подчиненных предложениях одновременность с будущим или прошедшим временами глагола главного предложения: [*Ватакуси га*] *тацу токи* [*ни*] *хаха га тайсоо накимасита* 'Моя мать очень плакала, когда я уезжал'; *Хи га курэру токи* [*ни*], *каэримасёо* 'Я возвращусь, когда будет смеркаться' (под условием сохранения специального смысла будущего времени).

Б. Достоверность и употребляется (как и в русском языке) для обозначения будущего времени, при абсолютной достоверности и решенности: *Асу, Токёо э икимасу* 'Я еду завтра в Токио'; *Комбан китто маиримасу* 'Сегодня вечером я приду непременно'.

В. Сопутствуемое словом *кото,* оно употребляется как существительное, или подобно нашему неопределенному наклонению, или же в смысле отвлеченного слова» [92, 77—78].

Как видно из этой цитаты, Д. М. Позднеев правильно установил значение изъявительного наклонения, хотя он и не выяснил, чем же морфологически выражается наклонение и чем время. У него нет еще и определения общего временного значения формы типа *дэру.*

Очень важно впервые сформулированное положение о том, что форма на *-у* обозначает «в подчиненных предложениях одновременность с прошедшим или будущим временами глагола главного предложения». Однако к этому положению надо сделать одно очень существенное добавление: если определенная форма (в данном случае — форма настоящего времени) в определенной синтаксической позиции (в данном случае — в придаточном определительном предложении) имеет определенное временное значение (в данном случае — значение одновременности) в речи о прошлом и в речи о будущем, то есть все основания полагать, что та же форма в той же синтаксической позиции и в речи о настоящем будет выражать то же относительное временное значение.

Недостатком приведенных выше определений значения формы настоящего времени является некоторое смешение мо-

дального и временного значений. В самом деле, форма на *-у* в речи о будущем обозначает достоверность, но несомненно, что и в речи о настоящем эта форма имеет то же модальное значение. Значит, незачем выделять в особую рубрику употребление формы на *-у* в речи о будущем по признаку достоверности.

Нельзя согласиться и с третьим, весьма распространенным до сих пор положением, что форма на *-у*, сопутствуемая словом *кото*, применяется подобно существительному или подобно русской неопределенной форме, так как перед *кото* может употребляться и форма на *-та*, а также формы отрицательного и желательного наклонений.

Однако, несмотря на перечисленные недостатки и некоторую неполноту, указания Д. М. Позднеева о значении одновременности у формы на *-у* в подчиненных предложениях были в то время совершенно новыми и правильно отражали действительное положение в языке. Изучение формы на *-у* Д. М. Позднеевым было связано с анализом формы на *-та*, о которой он писал: «Прошедшее время показывает, что данное обстоятельство имело место, исполнено.

А. Оно может обозначать действие законченное: *Ано хон во ёнда* 'Я читал эту книгу'.

Б. Может обозначать действие еще продолжающееся: 'Поезд опаздывает' *Кися га окурэта;* 'Вот он прибывает' [*Има*] *кимасита.*

В. Оно может быть также рассматриваемо как прошедшее время и по отношению к тому моменту, о котором идет речь: *Ханая га кита токи, кику во каамасу (каимасёо)* 'Когда придет продавец цветов, я куплю хризантем'; *Цици га синда токи сэйёо э икимасу (икимасёо)* 'Когда мой отец умрет, я отправлюсь в Европу'; *Арэ ва сутэта хоо га ии* '[Будет] лучше это бросить'» [92, 79].

В рубрике «А» речь идет, по-видимому, о предшествовании моменту речи, хотя сам Д. М. Позднеев и избегает такой формулировки. Значение формы на *-та* в примерах рубрики «Б» по моей терминологии можно объяснить как предшествование начала: поезд начал опаздывать; он начал прибывать.

В рубрике «В» впервые отмечается тот факт, что форма на *-та* (по крайней мере в придаточных предложениях) может рассматриваться как прошедшее время не только по отношению к моменту речи, но и по отношению к тому моменту, о котором идет речь, или по отношению ко времени совершения следующего упоминаемого действия.

Имеет большое значение и то, что это свойство времен японского языка — их относительный характер (по современной терминологии) — Д. М. Позднеев распространял и на форму на *-тара*, т. е. частично и на срединные формы.

Однако эта теория в свое время не получила признания и, хотя была повторена Д. М. Позднеевым в 1923 г. [см. 93], не нашла отражения в последующих печатных трудах по грамматике японского языка.

В конце 30-х годов при изучении языка японской художественной литературы мне удалось подметить, что форма на *-у* в определительной позиции может иметь значение одновременности. В дальнейшем я пришел к выводу, что и в позиции сказуемого главного предложения эта форма в речи о прошлом выражает действие, параллельное следующему упоминаемому, а форма на *-та* обладает значением предшествования. Эти положения я использовал в педагогической практике, в частности при чтении курса истории японского языка, и в аспирантском реферате (1947 г.).

Позднее, мой ученик В. Н. Орлов поставил перед собой задачу на материале японских переводов с русского языка (токийские издания Чехова и Тургенева) проверить, является ли относительное значение формы на *-та* ее основным значением.

Опубликованные краткие выводы работы [см. 86] подтверждают положение об относительном значении формы на *-та*.

В. Н. Орлов сделал важное наблюдение: в ряде случаев в начале рассказа или самостоятельных разделов, когда речь шла о нескольких действиях, совершавшихся в прошлом одновременно, первое из этих действий было выражено в японском переводе формой на *-та,* а действия, упоминаемые далее, — формой на *-у*.

Относительные значения конечных временных форм в придаточных предложениях признает и И. И. Фельдман [см. 128, 875—876].

Однако Н. И. Фельдман ограничивает значение предшествования у формы на *-та* только рамками временного придаточного предложения. Как будет показано ниже, форма на *-та* может иметь значение предшествования в любом придаточном предложении (см. шестую главу), а также и в главном предложении (см. седьмую главу).

Более подробно, чем в работах, опубликованных ранее, вопрос о конечных временных формах современного японского литературного языка разработан в диссертации И. В. Головнина. В этой работе И. В. Головнин использовал богатый фактический материал японских художественных произведений и переводов с русского.

И. В. Головнин отрицает наличие в японском языке особого будущего времени, присоединяясь к тем грамматистам, которые считают, что различия грамматических значений форм на *-у* и на *-о:/-ё:* заключаются в их неодинаковой модальности, в частности в принадлежности к различным накло-

нениям. Тем самым он приходит к теории двух времен, правильно распределяя четыре конечные глагольные формы по двум временам и двум наклонениям.

И. В. Головнин признает, что в подчиненных предложениях особое соотносительно-временное значение имеется как у формы на *-у* (параллельность или последование), так и у формы на *-та/-да* (предшествование). Кроме того, он приводит примеры относительного употребления и конечных форм главных предложений [см. 32, 90—95].

К положительным моментам работы И. В. Головнина можно отнести также применение термина «всевременной» (вместо «вневременной»).

Однако диссертация И. В. Головнина и статья, написанная по ее материалам, имеют и недостатки.

Основными значениями конечных временных форм японского языка И. В. Головнин признает абсолютные значения, причем это положение не дается как вывод в результате исследования большого материала, а принимается как аксиома со ссылками на «внутреннюю организацию» и «самую природу глагольного грамматического времени» [32, 96].

Если даже относительные значения выросли из прямых, как утверждает И. В. Головнин [см. там же], из этого еще не следует, что в современном японском языке прямые значения остались основными. Исчезновение имперфекта и замещение его настоящим временем при выражении одновременности в речи о прошлом отмечается, например, в бурском языке (африкаанс) [см. 241, 410]. При этом форма перфекта приобрела значение предшествования [см. 241, 411].

В течение столетий употребительность временных форм в чисто относительных значениях могла вырасти и в японском языке настолько, что относительные значения временных форм стали основными.

И. В. Головнин рассматривает каждую временную форму изолированно от всех остальных. Сначала приводятся примеры на «прямое значение», потом на «соотносительное», затем на «переносно-модальное» и «переносно-видовое». Между тем и в разделах о прямом значении встречаются примеры, в которых формы глаголов употреблены в соотносительном значении. Однако такие примеры никак не анализируются. И. В. Головнин не ставит вопроса о том, в каких значениях (абсолютных или относительных) временные формы встречаются чаще. Примат прямого значения утверждается без каких-либо подсчетов употребления временных форм в разных значениях.

Как и другие лингвисты-японисты, И. В. Головнин не изучал временные формы в различных синтаксических позициях, поэтому он не смог сформулировать частные правила употребления времен перед союзами и союзными словами. Он не об-

ратил внимания на то, что перед многими союзами форма на *-та* и форма на *-тэ иру* не употребляются.

Нельзя согласиться с И. В. Головниным, когда он выделяет особые значения временных форм — переносно-модальное и переносно-видовое. Он пишет, что «прошедшее может передаваться как настоящее, еще не исчезнувшее, и выражаться формой настояще-будущего в ее переносно-модальном употреблении... например: *...То:кё:-но нан дзю:ман-но иэ-ва, итидо-ни синдо:-сита. Кавара-га* отиру, *мадогарасу-га* тобу, *исигаки-га* кудзурэру („Токухон", VI, 135) '...Несколько сот тысяч домов Токио дрогнуло одновременно: падает черепица, летит оконное стекло, рушатся каменные стены'» [32, 86]. Вряд ли читатель восприиимает это предложение «как настоящее, еще не исчезнувшее», вряд ли он может подумать, что стены продолжают рушиться. Применение здесь формы на *-у* в речи о прошлом объясняется тем, что действия, о которых идет речь, присходили одновременно. Никакого иного модального оттенка, кроме свойственного всем формам изъявительного наклонеиия указания на достоверный факт, здесь нет.

Видимо, И. В. Головнин полагает, что форма на *-у* в речи о прошлом имеет разные зиачения: в главном предложении — переносно-модальное, в придаточных — соотносительное. Однако на материале по крайней мере славянских языков доказано, что «относительное значение форм времени нельзя сводить к употреблению в придаточном предложении. Обозначение действия формой относительного или абсолютного времени определяется не конструкцией предложения...» [16, 57].

Переносно-модальным значением И. В. Головнин считает настоящее историческое [см. 32, 90]. Однако к настоящему историческому можно относить лишь стилистическое (факультативное) употребление настоящего в речи о прошлом (об этом подробнее сказано в седьмой главе). Все же случаи, представляющие собой норму, должны найти грамматическое истолкование.

И. В. Головнин не объясняет, почему в речи о прошлом форма на *-най* употребляется чаще, чем форма на *-накатта*. Он дает примеры только с положительными формами. Разумеется, такой подбор примеров является искусственным.

Исследовав на большом материале временные формы в разных синтаксических позициях, я выдвинул теорию двух чисто относительных времен в японском языке.

При помощи двух основных чисто относительных времен, обозначающих объективное предшествование и непредшествование, временные связи между процессами реальной действительности, о которых говорится, устанавливаются не-

посредственно, минуя момент речи, т. е. выбор временных форм не зависит от отношения времени совершения действия к настоящему говорящего лица.

С такой определенностью мысль о наличии в каком-либо языке системы чисто относительных времен была выдвинута впервые. Поэтому она нуждается в серьезном обосновании, что и является задачей последующих глав.

ВЫВОДЫ

1. Наблюдения ряда исследователей над японским языком показывают, что к одному и тому же грамматическому времени могут принадлежать различные формы, как почти синонимичные, так и относящиеся к разным наклонениям и видам.

Так, в языке XVI—XVII вв. к предшествующему времени принадлежали формы: синтетическая на *-та* и аналитическая на *-тэ ару (гозару, вору, иру)*. Аналитическая форма имела перфектный оттенок, но в ряде случаев могла свободно замещать синтетическую форму, выражающую предшествование вообще (разные глаголы бытия в составе аналитической формы обозначали различные степени вежливости).

2. Если некоторые формы действительно почти синонимичны, то ни одно из выдвигавшихся положений об о м о н и м и ч н о с т и временных и модальных форм не выдерживает критики:

а) относить одну и ту же форму к разным временам на том основании, что она соответствует формам нескольких времен латинского, русского или любого другого языка, нельзя. При употреблении в современном японском языке формы на *-у* и в речи о настоящем и в речи о будущем обобщается то, что в современном русском языке дифференцируется. Форма на *-у* в японском языке выражает одно грамматическое время и имеет одно значение;

б) нельзя также относить одну и ту же модальную форму к разным наклонениям, как это делают некоторые авторы, исходя из того факта, что одна форма может обозначать действия с неодинаковой степенью реальности. В языке XVI в. почти все будущие действия, даже те, которые должны были наступить неминуемо, обозначались формами типа *торо:/торо:зу/торо:зуру* или формами других, также некатегорических, наклонений. Неминуемые и предполагаемые действия в речи о будущем начали различаться грамматически только тогда, когда первые действия стали выражаться формами изъявительного (или отрицательного) наклонения. Относя формы на *-о:/-о:зу/-о:дзуру*, обозначавшие неминуемые действия, к изъявительному наклонению, а те же формы, когда они обозначают предполагаемые действия,— к некатегорическим на-

клонениям, Родригес и его последователи в сущности оценивали степень вероятности самих действий вместо изучения ее выражения в языке;

в) если одна форма новояпонского языка сменила несколько форм старояпонского, из этого не следует, что эта форма имеет несколько разных временных значений. Новояпонский язык обобщил те значения, которые старояпонский язык дифференцировал.

3. Не все конечные формы глаголов и прилагательных новояпонского языка являются временными. К временным формам могут быть отнесены лишь те, которые противопоставлены формам другого времени того же наклонения и вида как формально, так и по своему временному значению. Формы типа *торо:/торо:зу/торо:зуру* не имели противопоставленной им формы типа *тоттаро:* (в текстах XVI—XVII вв. не обнаружена) и могли употребляться не только в речи о будущем, но и в речи о гипотетических действиях в настоящем и прошлом. Следовательно, эти формы вообще не были временными.

В современном японском языке форма дубитативного наклонения типа *торумай* 'вряд ли берет (возьмет)', а также все формы повелительного и запретительного наклонений не являются временными, так как противопоставленных им форм другого времени того же наклонения не имеется.

4. Форма, бывшая ранее невременной, может войти в систему временных форм как форма одного из времен при появлении противопоставленной ей формы другого времени.

Так, форма типа *торо:*, ранее не являвшаяся временной, впоследствии, с появлением формы *тоттаро:* 'вероятно брал (взял)', приобрела временное значение.

5. Форма, бывшая временной, может утрачивать свое временное значение, приобретая модальное.

Так, из форм на *-о:* в современном японском языке сохраняют чисто предположительное значение непредшествующего времени вероятного наклонения лишь формы прилагательных и вспомогательных глаголов. Эта же форма от полнозначных глаголов может выражать лишь действия 1-го лица. При этом она имеет пригласительный характер: *торо:* 'возьмем-ка', 'возьму-ка', 'давай-ка я возьму'. Кроме того, форма типа *торо:* перестала применяться в определительном предложении. По этим причинам ее употребительность в современном языке сократилась почти в пять раз по сравнению с употребительностью в языке XVI—XVII вв. Значение 'вероятно возьмет' имеет конструкция *тору-дэсё:*, где *дэсё:* (форма вероятного наклонения от связки *дэс*) превратилось в модальную частицу, не имеющую временного значения (ср. *тотта-дэсё:* 'вероятно взял').

Следовательно, формы типа *дэсё:, торо:* нельзя считать формами будущего времени изъявительного наклонения, так

как временные формы японского языка не имеют личных окончаний и могут относиться ко всем трем лицам. Больше того, форма типа *торо:* перестает быть временной формой вообще. Однако этот процесс еще не завершен, и пока противопоставление *торо:* — *тоттаро:* в какой-то мере остается.

6. В отличие от русского языка именное сказуемое без связки не имеет в японском языке временного значения и может относиться к речи о любом отрезке времени.

7. Наличие форм конечного сказуемого, не принадлежащих к определенному грамматическому времени, предопределяет наличие предложений, не относящихся к временным вообще.

8. С морфологической точки зрения наиболее правильными являются теории, признающие в современном японском языке д в а грамматических времени — формы с основой типа *тор-, мир-* и формы с основой типа *тотт-, мит-*. Таким образом, временное значение заключено в о с н о в е, а не в окончании.

9. Большинство сторонников теории двух времен, называя эти времена прошедшим и непрошедшим (или настояще-будущим), считают их абсолютными, ориентированными на момент речи.

Однако ряд особенностей синтаксического употребления временных форм противоречит этому положению:

а) форма непрошедшего времени слишком часто встречается в речи о прошлом, а форма прошедшего времени употребляется примерно вдвое реже, чем в русском переводе тех же текстов форма прошедшего времени на «-л»;

б) употребление отрицательных форм отличается от употребления положительных, что для языков с абсолютными временами не характерно. В речи о прошлом формы непредшествующего времени отрицательного наклонения нередко употребляются и тогда, когда в соответствующих положительных предложениях применяются формы предшествующего времени изъявительного наклонения.

Б. Х. Чемберлен и его последователи усматривали в различном употреблении положительных и отрицательных форм японских глаголов нелогичность самого языка. Но, как правильно отмечает А. В. Исаченко, «если отрешиться от тирании схоластической традиции и постараться вскрыть объективно существующие отношения, выражаемые грамматическими формами, то пресловутая „нелогичность" языка окажется несколько менее „нелогичной", ибо грамматические формы всегда выражают „нечто", а это „нечто" имеет свой коррелят в реальном мире внеязыковых сущностей» [57а, 43].

10. Нельзя объяснять употребление форм непрошедшего времени в речи о прошлом как применение исторического на-

стоящего, известного и в индоевропейских языках. В японском языке формы непрошедшего времени гораздо чаще употребляются в речи о прошлом, чем историческое настоящее в индоевропейских языках. Историческое настоящее — явление стилистическое, а не грамматическое. Любая форма исторического настоящего может быть заменена формой прошедшего времени. Между тем в большинстве случаев формы на *-у,* на *-най* и на *-о:* в речи о прошлом не могут быть заменены соответствующими формами прошедшего времени. Следовательно, употребление форм непрошедшего времени в речи о прошлом является в этих случаях грамматической нормой.

11. Лингвисты, не признающие временных значений у форм на *-у* и на *-о:*, создали теорию одного времени, которое понимается как «разновидность перфекта».

Поскольку система не может состоять из одной грамматической категории, языка с одним грамматическим временем нет и не может быть.

12. Многие японские лингвисты видят принципиальную разницу между временами японского языка и европейских языков, но объясняют ее неодинаково. Некоторые авторы (Мацуока Сидзуо, Мацусита Дайсабуроо) считают, что современный японский язык, утратив большую часть видовременных суффиксов, в этом отношении деградировал.

Однако утрата старых временных форм объясняется созданием новой системы времен, состоящей из более абстрагированных грамматических категорий, которые являются признаком совершенствования грамматического строя.

13. Теория видового значения форм на *-у* и на *-та* приписывает этим формам значение несовершенности и совершенности. Но употребление в форме на *-у* вспомогательных глаголов со значением законченности действия противоречит этой теории (ср. совершенный вид в русском языке, не имеющий форм настоящего времени).

14. Нельзя согласиться и с теорией непостоянного критерия временных форм, так как она не устанавливает порядка смены критериев. Однако эта теория порождена непригодностью момента речи как универсального критерия выбора временных форм в современном японском языке, что осознано такими серьезными учеными, как Ямада, Мицуя и Мацусита.

15. Только теории, учитывающие относительное значение японских временных форм, дают объяснение максимальному количеству случаев их употребления.

16. История вопроса показывает, что многие лингвисты не изучали язык современной японской художественной литературы и публицистики. Их рассуждения ведутся на крайне скудном материале, нередко сочиненном самим грамма-

тистом. Это одна из причин, порождающих разнобой в решении вопросов о временах.

17. Все авторы, писавшие о временах японского языка, разбирают каждое время в отрыве от другого. Тем самым от их внимания ускользает то, что в определенной синтаксической позиции не встречаются формы того или иного времени.

Необходимо сделать попытку взять за основу синтаксические позиции и на большом материале исследовать, формы каких времен, видов и наклонений встречаются перед тем или иным союзом или другим служебным словом, в позиции определения и в главном предложении, и найти объяснение обнаруженным закономерностям.

Нельзя, однако, считать, что временное значение формы определяется синтаксической позицией. Последняя влияет иногда лишь на выбор формы. Значение же формы остается одним и тем же в любой позиции (немногие исключения см. в VI разделе пятой главы).

Только при таком подходе временные формы предстанут как система противопоставленных друг другу грамматических категорий, а не как простой набор сосуществующих форм.

Глава пятая

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД СОЮЗНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ И КОНЦОВКАМИ

Раздел I

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Определение союзных элементов и обоснование структуры главы

В главе изучается употребление и значение конечных форм обоих времен перед союзами, союзами-суффиксами, союзными словами, союзными речениями и частицами, связывающими придаточные предложения с главными или одно придаточное с другим. Такие служебные слова и частицы названы союзными элементами. В особых разделах рассматриваются временные формы перед некоторыми концовками (*кото-га дэкита* 'мог' и т. п.).

Под союзами понимаются служебные морфемы, которые выражают соединительную связь между однородными именными членами (*то, я*) или временную, противительную или соединительную связь между предложениями (*то, я, нара, си, га*), но не употребляются в качестве членов предложения. Союзы не могут сопровождаться ни частицами, ни падежными суффиксами.

Союзами-суффиксами названы такие эиклитики, которые непосредственно присоединяются как к члену предложения, так и к придаточному предложению, не изменяя кардинально своего значения. Самостоятельно они не употребляются, но в отличие от союзов могут сопровождаться некоторыми падежными суффиксами и частицами. Например: *готони, ни* [*ва, мо*], *мадэ* [*ни, ва, нива, мо*], *идзэн, идзё:, катавара.* Союзы-суффиксы не соединяют однородные члены предложения.

Союзные слова могут быть самостоятельными членами предложения (выступая в именном, а не в союзном значении). Очень часто они сопровождаются падежными суффиксами и частицами, например: *токи* [*ни, ва, нива*], *маэ* [*ни, нимо, ва, кара*], *уэ* [*ни*]. Почти все союзные слова употребляются и после родительного падежа имени как послелоги.

Союзные речения обычно состоят из падежного суффикса и полнозначного слова [+частица]. Например: *га хаяй ка, ни цурэ[тэ], ни цукэ[тэ], ни ситагаттэ.* Однако в позиции между предложениями союзные речения, несмотря на морфологическую разъединенность, представляют собой функционально определенное лексическое единство.

Изучение временных форм и их значений перед временными союзными элементами особенно необходимо. Оно дает возможность наиболее точно определить основное значение формы на *-у*. Если форма на *-у* выражает одновременность, то перед союзным элементом со значением одновременности она должна употребляться даже в речи о прошлом. Если же основным значением формы на *-у* является настоящее момента речи, то в речи о прошлом перед союзными элементами, выражающими одновременность, гораздо чаще, чем форма на *-у,* должна встречаться форма на *-та,* обозначающая прошедшее время.

Как показало изучение фактического материала, на употребительность временных форм существенное влияние оказывает значение союзных элементов, а не их структура или этимология. Поэтому параграфы, в каждом из которых изучаются временные формы перед одним определенным союзным элементом, сгруппированы в разделы в зависимости от временного значения этих служебных слов.

Раздел II

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД СОЮЗНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ОДНОВРЕМЕННОСТЬ

§ 2. Временные формы перед союзом *то* 'если', 'когда', 'как только'

Происхождение союза *то* объясняется по-разному. Некоторые авторы (Н. И. Фельдман и др.) находят, что значение *то* — условно-временного союза находится в органической связи со значением *-то* — суффикса соединительного падежа [см. 129, 270] [1]. Другие авторы (в частности Е. М. Колпакчи) считают, что «*то* восходит к существительному *токи*» [62, 037] 'время', которое употребляется с древних времен и в союзном значении, точнее, в функции союзного слова.

Связь условно-временного союза *то* с суффиксом соеди-

[1] Подобная связь обнаруживается и в монгольском языке, на что указывает проф. Г. Д. Санжеев: «Будущее причастие в совместном падеже выражает действие, одновременно с которым совершается или связано другое...» [105, 187].

нительного падежа *-то* весьма вероятна. (Вторую теорию, возводящую союз *то* к *токи*, рассмотрим ниже, на стр. 139.)

Отдельные примеры употребления союза *то* встречаются в древнейших памятниках японского языка. Так, в 107-м стихотворении «Манъёосюу» читаем: *Имо мату то татинурэну* '*Когда* [я] ждал любимую, [я] промок [под дождем]'. Но такие случаи очень редки, вообще же в старояпонском языке не отмечается применение союза *то* в условно-временном смысле. Ямада Ёсио в старояпонском языке находит союз *то* только с уступительным значением, равнозначный *томо*. Такое *то*[*мо*] присоединялось к заключительной форме глаголов [см. 207, 605—607, 1081—1083, 1434, 1450] или к форме вероятного наклонения на *-му*, впоследствии на *-о:/-ё:*.

Ж. Родригес и Д. Кольядо не упоминают о наличии условно-временного союза *то* в языке XVI—XVII вв. Они отмечают лишь связывающий имена соединительный союз *то*, который существовал и в старояпоиском языке. Из условных союзов Родригес называет только *нараба, ба* и *нивоитэва* [см. 237, 89]. И действительно, в датированных памятниках последнего десятилетия XVI в. союз *то* с условно-временным значением не встречается, а уступительное значение у союза *то* продолжает сохраняться. Однако в кёогэнах, изданных в 1660 г., можно уже зафиксировать несколько случаев применения после формы на *-у* союза *то* в условио-временном смысле; это является одним из доказательств влияния языка XVII в. на язык кёогэиов. Но и в языке XVII в. условно-временной союз *то* встречается еще редко, что можно объяснить широким употреблением в ту эпоху синтетических условно-временных и условно-временно-причиинных форм [см. 123, 278].

В дальнейшем употребительность конструкции «форма на *-у*+союз *то*» расширяется за счет формы на *-эба*. Это одно из проявлений замены сиитетических срединных форм аналитическими. В языке той эпохи стали дифференцироваться условно-времеиная и причинная связи. Конструкция «форма на *-у*+*то*» унаследовала от формы на *-эба* только условно-временное значение. В кёогэнах эта конструкция, хотя встречается и не часто, относится ко всем действиям, кроме однократных действий в настоящем, так как в речи о настоящем она почти всегда обозначает многократно повторяющееся или обычное [2] действие.

Как показывает изученный материал, существует три вида временных отношений между действием, выраженным глаголом, стоящим перед союзом *то*, и действием, о котором говорится в следующем предложении (главном или другом

[2] Под обычным действием (в отличие от действия, совершаемого многими субъектами многократно) здесь и далее имеется в виду действие, обычно производимое многими субъектами только один раз. Например: «Когда распускаются почки...»

придаточном): 1) оба действия совершаются одновременно, 2) второе упоминаемое действие началось раньше первого, 3) первое действие началось раньше второго; первое действие может к началу второго закончиться, но и в этом случае никакого промежутка между действиями конструкция с союзом *то* не обозначает.

Рассмотрим эти временные отношения на конкретном материале.

1. Оба действия одновременны: *Кицунэ-ва мацуба-дэ* фусубэру то *иягару то юу* (К, I, 461) 'Говорят, лисицы не любят, *когда* [их] *окуривают* хвоей'; *Ко:* иташимасуру то, *кицу: фирогаримасуру* (К, I, 103) '*Когда* так *делаешь,* [зонтик] сильно раскрывается'; *Тани-о* дэру то, *атари-га сукоси хироку наттэ кимасита* (Т, V, 70) '*Когда* [река] *вышла* [3] из ущелья, ее долина стала немного шире'; *Ко:фукуни* кураситэру то *тоси-ва торанай ё* (И, 110/2) '*Если живешь* счастливо, то не стареешь'; Хатараканайдэ иру то, *доннани омосирой кото-дэмо, дандан цумаранаку наттэ куру-но да* (Кокуго, 2[2], 72) 'Дело в том, что, *если не работаешь,* даже самые интересные вещи постепенно становятся скучными'; *Ёсиносан-га* инай то *орэ-ва саппари цумаранай...* (И, 133/3) '*Когда* Ёсино *нет*, мне совсем скучно'; *Дэ, ко: коно онна-ни као-о* мирарэру то, *кусугурарэру ё:на, кацугарэтэру ё:на ки-га ситэ, мё:ни магиракасу кикай-га наку натта* (И, 152/2) '*Когда* она так на него *смотрела,* [он] чувствовал, как будто с ним зангрывают, над ним подшучивают, и терял способность уклоняться от [этого взгляда]'.

Как видно из приведенных примеров, конструкция «форма на *-у*+союз *то*» в значении полной синхронности обычно употребляется в речи о повторяющихся или постоянных процессах. В речи о прошлых однократных одновременных действиях эта конструкция применяется сравнительно редко.

2. Второе упоминаемое действие началось раньше первого: *Мадзу арэ-э* маиру то, *нанито-яра фисокани атта...* (К, I, 234, 235) '*Когда* [я] *пришел* туда, [оказалось, что там] происходило что-то секретное...'; Миагэру то, *о:кий хаси-га аттэ, хито я, курума я, мма-га то:ттэ имасита* (Т, V, 72—73) '*Когда* [мы] *посмотрели вверх,* [мы увидели там] большой мост, по которому двигались люди, повозки и лошади' (мост находился на этом месте давно, и движение по нему началось задолго до того, как на него посмотрели); *Арухи, хамабэ-о* то:ттэ иру то, *кодомо-га о:дзэй ацуматтэ, наника саваидэ имасита.* Миру то, *камэ-о иппики цукамаэтэ, корогаситари, татаитари ситэ идзимэтэ иру-но дэс* (Т, III, 108) 'Однажды, *когда* [он] *шел* по берегу моря, [он услышал, как] собравшие-

[3] Формы непредшествующего времени перед союзами в речи о прошлом переводятся на русский язык формами прошедшего времени.

ся там дети громко шумели. *Смотрит,* [они], поймав черепаху, мучают [ее]: то опрокидывают, то бьют'; *Цуки-но хикари-ни сукаситэ, атиракотира* сагасимас то, *мацубаяси-но нака-ни иси-но ро:-га аримасита* (Т, VIII, 44) '*Когда* [она] при свете луны *стала искать* повсюду, [она обнаружила, что] в сосновой роще была каменная темница'; *Мотто сусундэ* икимас то, *кондо-ва, танигава-дэ, хитори-но вакай онна-га, сикусикуто накинагара, сэнтаку-о ситэ имасита* (Т, IV, 60, 61) '*Когда* на этот раз [они] *прошли* еще дальше, [они увидели, что] на горной речке одна молодая женщина стирала, горько плача'.

3. Первое действие началось раньше второго. В изученных текстах примеры такого временного отношения преобладают: Во-мэ-ни какару то, *мадзу нанджи-га кото-во товашярэтэ ару зо* (К, I, 234) '*Когда* [я] *увидел* [ее, она] прежде всего спросила о тебе'; *Сибараку* суру то, *одзи:сан-га дэтэ кимасита* (Т, III, 82) '*Прошло* немного времени, *и* появился дедушка'; *Сикаси, соно утини, ото:сан я ока:сан-но кото-о* кангаэру то, *ути-э каэритаку наримасита* (Т, III, 116—117) 'Однако, *когда* [он] *подумал* об отце и матери, [ему] захотелось вернуться домой'.

Перед союзом *то* встречается форма на *-тэ иру*: *Кани-га, сита-кара* нагамэтэ имас то, *сару-га, асоби-ни кимасита* (Т, II, 20) '*Когда* краб снизу *глядел* [на хурму], пришла в гости обезьяна'.

Конструкция «форма на *-у* + союз *то*» постоянно употребляется в обороте [*ка*] *то омоу то* 'как только', 'лишь только' (букв. 'так думает когда'). При этом значение 'думать' у глагола *омоу* совершенно исчезает: *Сорэ-га као-ни какатта* ка то омоу то, *Урасима-ва, ками-мо, хигэ-мо, итидони массирони наттэ, сивадаракэ-но одзи:сан-ни наттэ симаимасита* (Т, III, 121) '*Лишь только* он (дым.— *Н. С.*) коснулся лица, волосы и борода Урасима поседели, и он превратился в морщинистого старика' (ср. Т, II, 90—91).

Во всех приведенных примерах первое действие, хотя и началось раньше второго, полностью не заканчивается, не прерывается при начале второго.

Однако можно привести не меньшее количество примеров, в которых речь идет о действиях, сменяющих друг друга: *Синго-га отицуйта коэ-дэ аннай-о* коу то, *конамаикирасий 17—8-но сёсэй-га сё:дзи-о акэта* (И, 109/2) '*Когда* Синго негромко *попросил* разрешения войти, нагловатый на вид ученик, лет 17—18, раздвинул сёодзи[4]; *Тя-о хакондэ кита Сидзуко-га* дэтэ юку то, *оку-но караками-га аитэ, макитабако-но фукуро-о цуканда Синго-га хайттэ кита* (И, 111/2) '*Когда ушла* принесшая чай Сидзуко, раздвинулись внутренние перегородки и вошел Синго с кисетом'; *Ватакуси-га каго-но то-о* акэмас

[4] Сёодзи — раздвижная перегородка (стена) японского дома.

то, *ямагара-ва тобидаситэ*... (Т, IV, 55) 'Когда я открыл дверцу клетки, синица выпорхнула...'.

Когда перед союзом *то* стоит глагол со значением «окончиться», параллельности двух действий не может быть даже на небольшом отрезке временн. Примеры: *Кё:-ва саиваи дое:би-на нодэ, дэюгё:-га* суму то *сугу каэтта* (И, 114/2) 'Сегодня, к счастью, суббота, поэтому, *как только окончились* занятия, [она] сразу же пошла домой'; *Айсацу-га* суму то, *Сидзуко-ва сугу, Тиэко-га катадзукэкакэта нуимоно-ни мэ-о цукэтэ, «ма: ий гара нэ»* (И, 117/3) '*Когда окончились* приветствия, Сидзуко сразу же обратила внимание на шитье, которое начала приводить в порядок Тиэко, [и сказала]: «О, хороший материал!»'. На немедленное начало второго действия указывает в подобных примерах и наречие *сугу* 'сразу', 'сейчас же', наличие которого, однако, не обязательно: *Суккари сигото-га* суму то, *унтэнсю-ва, одэисантати-ни, «Са:, до:дзо. О-матидо:сама-дэсита» то иимасита* (Т, III, 97—98) '*Когда* работа *была* совсем *окончена,* шофер сказал дядям: «Ну, пожалуйста. Я заставил вас долго ждать»'.

Но и при отсутствии наречия *сугу* одно действие как бы непосредственно переливается в другое.

Все три разновидности употребления конструкции «форма на *-у*+союз *то*», в которых временные отношения, казалось бы, неодинаковы, имеют, однако, одно общее свойство: между первым и вторым действиями не мыслится какого-либо промежутка времени. При этом подлежащие при обоих сказуемых бывают и разные. Но во всех случаях перед условно-временным союзом *то* не может быть поставлена форма на *-та.*

Какие же отсюда следуют выводы?

Во-первых, употребление форм на *-у,* на *-най* и на *-тэ иру* перед союзом *то* в речи о всех отрезках времени показывает, что значение этих временных форм в данной позиции чисто относительное. Это значение нельзя назвать одновременным, параллельным, так как в ряде случаев первое действие к началу второго полностью заканчивается (хотя и нет ощутимого временного промежутка между первым и вторым действиями), а в других случаях первое действие (выраженное глаголом, находящимся в позиции перед союзом *то*) происходит позже второго. Особой же формы для обозначения последовательности в современном японском языке нет. Обобщая эти оттенки значения, правильнее будет говорить о непредшествовании как основном общем значении всех форм с основой типа *тор-, ми[р]-*, к каким бы видам и наклонениям они ни относились. Время, выражаемое этими формами. следует назвать непредшествующим.

Это время, как будет показано ниже, противопоставлено другому времени с формами основ типа *тотт-, мит-,* обозна-

чающему предшествование с некоторым промежутком между концом (или началом) данного действия и началом следующего.

Во-вторых, можно отвергнуть гипотезу о происхождении *то* из *токи*, так как перед *токи* форма на *-та* употребляется нередко. Кроме того, если бы слово *токи* было старой формой союза *то*, оно или совсем перестало бы употребляться, или звучало бы архаично. Однако *токи* остается живым словом на протяжении всей документированной истории японского языка. Наконец, после *токи*, как известно, часто употребляются суффиксы и частицы — *ни, ва, нива, кара, мо* и т. п. Между тем союз *то* не может сопровождаться никакими энклитиками.

Как же объясняют сторонники теорий абсолютных времен употребление формы на *-у* перед союзом *то* в речи о прошлом?

Авторы грамматик японского языка для иностранцев обычно лишь указывают, что перед союзом *то* употребляется всегда форма на *-у* от глаголов и на *-й* от прилагательных [см. 110, 389; 62, 037].

Г. Плаут в примечаниях к тексту сказки «Момотарoo» называл все случаи применения формы на *-у* перед условно-временным союзом *то* «настоящим историческим» [см. 90, 19]. Такое объяснение не выдерживает критики: историческое настоящее можно в большинстве случаев заменить формой прошедшего времени, а форму на *-та* нельзя поставить перед союзом *то* вместо формы на *-у*.

А. И. Фомин писал: «Суффикс *to* с предшествующим глаголом в утвердительной или отрицательной форме в настоящем времени дает условную или временную связь между предложениями. Переводится *to* в таких случаях по-русски словами: „если" или „когда". Время придаточного предложения в такой конструкции определяется временем главного сказуемого» [131, 93]. Почему перед *to* употребляется только форма настоящего времени, А. И. Фомин не указывает.

Многие японские авторы вообще не ставят вопроса о том, какие временные формы могут употребляться перед союзом *то*. Так, Киэда пишет: «В разговорном языке, присоединяясь к заключительной форме спрягаемых слов, *то* употребляется, когда:

а) обозначает предположение о прямой связи с еще не осуществленным условием: *Амари* сябэру то *цукарэру даро:* '*Если будешь* много болтать, устанешь'; *Хаяку* каэранай то *симпай-суру дэсё:* '*Если не вернешься* скоро, [я] буду беспокоиться';

б) обозначает предположение о прямой связи с осуществленным условием. Этот случай необходимо отличать от предыдущего случая: *Амари* сябэру то *цукарэру* '*Когда* много *болтаешь*, то устаешь'; *Хаяку* каэранай то *симпай-суру* '*Когда не возвращается* скоро, [я] беспокоюсь';

в) обозначает, что два факта существуют одновременно. Хотя здесь и высказывается прямая связь, но значения условия нет; здесь просто союзное употребление. Это — одновременное изложение: *Рёко:-кара* каэру то *бё:ки-ни натта* '*Когда* [я] *возвратился* из путешествия, то заболел» [58, 587].

Думается, Киэда напрасно стремится найти различие между осуществленным и неосуществленным условием, т. е. между предложениями, которые должны переводиться на иностранные языки или с временным или с условным союзом. Такого различия в японском языке нет. Примеры же, которые, по мнению Киэда, указывают на одновременность, как раз такого указания не содержат: к моменту начала второго действия первое уже закончено. Непонятно, какое предположение можно видеть в предложении «Когда не возвращаешься скоро, я беспокоюсь». Здесь высказано прямое утверждение. Предположение в примере с *даро:* выражается имеино связкой предположительного (вероятного) наклонения, а не самим союзом *то*.

Н. И. Конрад рассматривает союз *то* в специальном параграфе «Синтаксиса...», носящем название «Особые случаи дополнительных предложений в соединительном падеже». «...В японском языке, — пишет он, — существует ... подчинение посредством *to,* могущее быть названным условно-временным, так как оно совмещает в себе и условный смысл и временной, конечно — не одиовременно, но в разных смысловых комбинациях» [65, 338].

Однако при отсутствии в начале предложения союза *моси* 'если' (который в художественной литературе и живой речи встречается редко) условно-временное значение союза *то* остается нерасчлененным. Это отражается даже на переводе: союз *то* на русский язык часто можно переводить и «когда», и «если».

Но даже в тех случаях, когда русский язык требует при переводе только определениого союза — или «если», или «когда», — в японском языке такой дифференциации нет. Поскольку конструкция с условным оттенком ничем не отличается от конструкции с временным оттенком, по-видимому, правильнее считать, что союз *то* имеет только одно значение — условно-временное.

Так, например, предложение *Хаяку* окинай то, *гакко:-га окурэмас* (Т, II, 97) в контексте должно переводиться '*Если* быстро *не встанешь,* опоздаешь в школу'. Но, разумеется, в другом контексте то же предложение может быть переведено на русский язык и по-иному: '*Когда не встают* рано, опаздывают в школу' или '*Когда не будут* рано *вставать,* будут опаздывать в школу'.

А. А. Холодович касается вопроса употребления формы на *-у* перед условно-временным союзом *то* в плане изучения

грамматических отношений вообще: «Бесспорно реальным для японского языка является отношение прошедшего времени к непрошедшему. Однако не во всех случаях это отношение оказывается налицо. Так, по-видимому, это отношение нейтрализуется в некоторых зависимых предложениях (например, в предложеннях быстрой смены во времени одного события другим); быть может, этим объясняется, что в такого рода предложениях, как *Гакко:-о соцугё:-суру то, сугу куни-э каэтта* 'Как только окончил школу, немедленно уехал в провинцию', в придаточном предложении 'Как только...' никогда не может быть сказуемого в прошедшем времени: отношение здесь снимается в пользу непрошедшего времени» [135, XXXVII].

Однако, как было показано выше, условно-временной союз *то* употребляется для связи не только быстро сменяющих друг друга действий, но и действий одновременных. Кроме того, выше были отмечены нередкие случаи применения союза *то* после глагола, обозначающего действие, начинающееся позже второго упоминаемого действия. Употребление перед союзом *то* только форм непредшествующего времени объясняется основным временным значением самих глагольных форм. Это особенно ясно из предложений, в которых союзные речения *то томони, то иссёни, то до:дзини* 'вместе с', 'одновременно с' соединяют глаголы, обозначающие действия одиовременные, а не сменяющие друг друга.

§ 3. Форма на *-у* перед союзным речением *то томони* 'вместе с', 'одновременно с'

Из названных выше трех союзных речений *то томони* является наиболее древним. Пример на *то томони* после глагола в форме на *-у* дает уже Кольядо: *mosu to tomoni* [см. 220, 58]. Однако он не приводит в этом примере сказуемого главного предложения, поэтому не ясно, подметил ли он применение формы на *-у* перед *то томони* в речи о прошлом, или он имел в виду употребление его только в речи о настоящем. В изученных текстах XVI—XVII вв. встретился лишь один пример на конструкцию «глагол+*то томони*» [см. 123, 297].

В современном языке эта конструкция более распространена. Перед ней может употребляться только форма на *-у*: *Ватакуси-ва коно э-но маэни таттэ, сорэ-кара укэру кандзи-о* адзиваy то томони, *ко:ю: гимон-мо мата сасихасамадзу-нива ирарэнакатта-но-дэ ару* (А, 134/2) 'Стоя перед этой картиной, я *переживал* навеваемое ею чувство, *и вместе с этим* [я] не мог отделаться от [мучившего меня] вопроса'; *Карэ-но на-ва сисон-но* уэру то томони, *сидайни то:ку-мадэ цутаваттэ итта* (А, 287/2) '*По мере того как увеличивалось* [его] потомство, становилось известным и его имя'; *Ватаси-ва итидзи-но ики-*

до:ри-га сидзумару то томони, *дзибун-о хансэй-суру ки-ни наттэ ита* (X, 18/2) *'По мере того как проходило* [мое] недолгое негодование, [мне] захотелось обдумать свои поступки'; *Соно-го Мацуока-ва Кумэ-га Мияура-э* уцуру то томони, *Хонго: готё:мэ-э гэсюку-о уцутта* (А, 161/1) Мацуока переехал на другую квартиру — Хонгоо, № 5 — *одновременно с тем, как* Кумэ *переехал* в Мияура'; *Саннэн-о* кю:дай-суру то томони, *тайгаку-ситэ симаимасита* (X, 32/2) '[Я] *выдержала экзамен* за 3-й год [обучения] *и одновременно с этим* оставила школу'; *Канодзё-но хокани, хаха-о* куваэру то томони, *соко-дэ мата ватаси-но куро:-ва нибай-нимо самбай-нимо наранэба наранакатта* (Уно, 351/1) 'Кроме нее к семье *прибавилась* и моя мать, *в связи с чем* мои заботы должны были возрасти вдвое и втрое'; *«Ие. Бэппин.» то ко:фу-но хитори-га, уротаэтэ какэкому о-Ё:-но сугата-о* миру то томони *сакэнда* (Нагаи, 76/2) '«Ой! Красавица!» — вскричал один из рабочих, *завидев* о-Ёо, которая случайно натолкнулась [на них]'; *Карэ-но сэйкацу-ва ко:фуку-дэ* ару то томони, *хо:ман-дэ атта кара* (Кик., 3/3) 'Его жизнь *была* счастливой *и* обеспеченной' (если бы временные формы в этом предложении имели абсолютные значения, его следовало бы перевести: 'Его жизнь является [сейчас] счастливой, а [раньше] была обеспеченной', что было бы неправильно).

См. также: Уно, 351/1; А, 135/2, 188/3; Кумэ 244/2, 246/2, 257/3; Кик., 3/2; Нагаи, 79/2, 146/2, 152/1, 182/3, 185/2, 188/1, 189/3, 195/3, 196/1.

Эти примеры показывают, что во всех стилях современного языка перед *то томони*, даже в речи о прошлом, употребляется лишь форма на *-у*. Иначе говоря, в этой позиции форма на *-у* имеет только относительное значение непредшествования. Формы на *-най* и на *-тэ иру* в такой позиции не встречаются.

§ 4. Форма на -у перед союзным речением *то иссёни* (от кит. *исюй*) 'вместе с', 'одновременно с'

В изучении материале *то иссёни* встречается между предложениями чрезвычайно редко и притом только после субстантивированной формы на *-у: Ватакуси-ва Танакасанга* икимасу-но-то иссёни *икимасита* [см. 194, 182] 'Я ушел *одновременно с тем, как ушел* Танака'; ... *Янаи-га* каэру-но-то иссёни... (Кумэ, 247/2) '...*Одновременно с тем, как пошел домой* Янаи...'

§ 5. Временные формы перед союзным речением *то до:дзини* (от кит. *туншы*) 'одновременно с'

Примеры на *то до:дзини* особенно показательны, так как значение союзного речения совпадает в данном случае с постулируемым временным значением самой глагольной формы.

Если бы японские временные формы имели в подобных позициях и абсолютные значения, мы должны были бы встретить и предложения типа русского «Он смотрел в окно и одновременно разговарнвал по телефону». Однако глагол перед *то до:дзини* стоит, как правило, в форме непредшествующего времени: *Фунэ-га гэнкай-ни* какару то до:дзини, *мирумиру уми-га арэхадзимэта* (А, 481/1) 'Пароход *вышел* в открытое море, *и одновременно с этим* море начало заметно волноваться'; *Коси-но ороти-о тайдзи-сита Сусано:-ва, Кусинадахимэ-о* мэтору то до:дзини, *Асинацути-га осамэтэ ита бураку-но оса-то нару кото-ни натта* (А, 287/1) 'Сусаноо, уничтоживший дракона в Коси, *женился* на Кусинадахимэ и *одновременно с* [этим] стал старостой поселка, которым [до этого] управлял Асинацути'; *Сикаси* хохоэми-га укабу то до:дзини, *мэ-нива сидзэнто ацуй намида-мо, нидзимидаситэ кита-но-дэ годзаимас* (А, 282/2) 'Однако, *когда* [он] *улыбнулся,* на глазах [у него] сами собой показались слезы'; *Дзибун-ва мон-о* дэру то до:дзини, *хиёригэта-о хайтэ иру-но-ни кокородзуйта* (там же, 326/1) '*Когда* [я] *выходил* из ворот, [я] обратил внимание на то, что надел гэта [5], предназначенные для хорошей погоды'; *То:кё:-но цути-о* фуму то до:дзини, *фукай-то аппаку-тога ватаси-о осоттэ кита* (Х, 14/1) '*Когда* [я] *шел* по земле Токио, мною овладевало [чувство] недовольства и подавленности'; *Ани-ва ватаси-то ханарэтакунай то* омоу то до:дзини, *мата дзибун хитори-нара аситэматои-га най кара, омоикиттэ кацудо:-га дэкиру то омоттэ-мо ирурасикатта-нодэс* (А, 41/1) 'Брат *думал,* что не хочет со мной расставаться, *и в то же время,* по-видимому, думал, что если бы он был один, без всякой обузы, он мог бы решительней действовать'; *Гэнин-ва, ро:ба-но котаэ-га дзонгай, хэйбонна но-ни сицубо:-сита. Со:ситэ* сицубо:-суру то до:дзини, *мата маэ-но дзо:о-га, хияякана бубэцу-то иссёни, кокоро-но ути-э хайттэ кита* (А, 6/1) 'Слуга был разочарован тем, что ответ старухи оказался таким обыденным. И вместе с разочарованием (букв. и *разочаровывается одновременно...)* в его сердце вернулась прежняя злоба, смешанная с легким презрением'. Последний пример примечателен тем, что перед *то до:дзини* в форме на *-у* стоит глагол, только что употребленный в предыдущем предложении в форме на *-та.* Речь идет о том же действии, совершенном в прошлом, однако перед *то до:дзини* оказалось невозможным повторить этот глагол в форме на *-та.*

Изредка предложение перед *то до:дзини* субстантивируется посредством *но*: *Синъитиро:-ва сэйнэн-но кика-о* итамуно то до:дзини, *аваёку манукарэта дзисин-но ко:фуку-о, ёрокобадзу-нива ирарэнакатта* (Кик., 145/2) 'Синъитироо *жа-*

[5] Гэта — деревянная обувь.

лел несчастного молодого человека, но *одновременно* [с этим] не мог ие радоваться собственному счастью, [так как сам он] избежал беды'.

Перед *то до:дзини* возможна и форма отрицательного наклонения на *-най* и прилагательное, хотя они встречаются в такой позиции довольно редко. Примеры: *Сорэ-ва канасими-мо* сукунай то до:дзини, *ёрокоби-мо сукунай асаю:-датта* (А, 234/2) 'Это были дни, когда было *мало* и печалей, и радостей'; *Сорэ-ва канасими-мо* сиранай то до:дзини, *ёрокоби-мо сиранай сё:гай-датта* (там же, 233/1) 'Это была жизнь, *не знающая* печалей, *и вместе с тем* не знающая и радостей'.

Во всем исследованном материале нашелся только один пример применения формы на *-та* перед *то до:дзини*: *Со:ситэ, .. боку-га, канодзё-то кэккон-суру тою:* кэссин-о сита то до:-дзини, *Сагами-но кайган-ни итэн-ситэ итта кото-о, кими-ва ситтэ иру-даро:* (X, 24/2) 'Ты, вероятно, знаешь, что я... *решил* жениться на ней *и в то же самое время* переселился на берег моря в Сагами'. Здесь употребление формы *сита* перед *то до:дзини* объясняется тем, что действие, выраженное этой формой, происходило раньше второго действия (рассказчик сначала решил жениться, а потом, женившись, вместе с женой переехал в Сагами). Следовательно, форма на *-та* употреблена в этом предложении в своем основном значении предшествования. А *то до:дзини* 'и в то же самое время' примеиено здесь потому, что это союзное речение может выражать значение не только самого момента действия, но и бóльшего по протяженности отрезка времени. Этот пример употребления формы на *-та* перед *то до:дзини*, хотя и редкий сам по себе, нельзя все же рассматривать как исключение: и глагольные формы и союзное речение сохраняют здесь свое основное значение.

Особый случай представляет собой конструкция «деепричастие на *-тэ*+*кита*+*то до:дзини*». Здесь *кита* является вспомогательным глаголом и значения 'пришел' не имеет. Точнее говоря, *кита* в таком употреблении (после деепричастия от глагола, не обозначающего движения) показывает на приближение не в пространстве, а во времени, включая тот момент, о котором говорится. Например: *Токорога сайкин вагакуни-дэва гэнсирёку-но хэйвариё:-ни тайсуру кансин-га* такаматтэ кита то до:дзини, *гэнсуйбаку-но кё:и-ни тайсуру кансин-га усурагицуцу ару-но-дэва най ка то ю:рё-сарэру* («Сэкай», 1956, № 124, стр. 56) 'Однако возникает беспокойство, не забывают ли у нас об угрозе (букв. не ослабевает ли в нашей стране интерес к угрозе) атомной войны *по мере того как растет* интерес к мирному использованию атомной энергии'.

Особенность данного сложного предложения заключается в том, что действие *усурагицуцу ару* 'ослабевает' относится

к настоящему. Почему же действие *такаматтэ кита* 'растет', о котором говорится в придаточном предложении, выражено формой предшествующего времени, если оба действия происходят одновременно (ведь ясно, что интерес к мирному использованию атомной энергии продолжает расти). Видимо, форма на *-тэ кита* является особой аналитической формой, не обозначающей прекращения действия к моменту наступления следующего упоминаемого действия, и заслуживает специального изучения. Как уже отмечалось, завидев приближающийся трамвай, по-японски можно сказать *дэнся-га кита* 'трамвай подошел', что на самом деле означает «трамвай подходит», а еще точнее — «трамвай начал подходить», т. е. форма на *-тэ кита* означает предшествование начала.

Дополнительные примеры употребления формы на *-у* перед *то до:дзини* см. в следующих источниках: Нагаи, 135/3, 156/1, 167/1, 186/3, 195/1; А, 132/2, 239/2. Формы на *-тэ иру* и *-тэ ита* перед *то до:дзини* не обнаружены.

§ 6. Форма на *-у* перед союзами *яиная* и *гаиная* 'как только', 'когда'

Этимологически союз *яиная* представляет собой сочетание: частица *я* (в данном случае вопросительная) + *ина* 'нет' + + та же частица *я*. Таким образом, *ханасу яиная* буквально означает (или, вернее, означало) 'говорит ли нет ли', т. е. 'то ли он сказал, то ли не успел', 'не успел он сказать, как...', 'как только он сказал'.

Союз *яиная* в текстах XVII в. встречается, хотя и очень редко, в речи о прошлом после формы непредшествующего времени: *Ятто ю:тэ тэаваше-во* суру яиная, *фашши фашши то уттэ китарэба, манако-га куракурато шита* (К, III, 15) '*Не успели* [мы] *сказать* «ну» и начать борьбу, как [он] — бац-бац — начал [меня] колотить, так что в глазах потемнело'. Это же предложение находим и в сходном по сюжету кёогэне «Фанаторисумоо» [6].

В современном языке союз *яиная* звучит уже несколько архаично. Однако некоторые авторы все еще его применяют: *Га, канодзё-га соно накама-э* хайру яиная, *мисиранай Фурансу-но кайгунсё:ко:-га, ... сидзукани аюмиётта* (А, 194/1) 'Но *как только* она *появилась* в этой компании, незнакомый французский морской офицер ... спокойно подошел к ней'; *О-Рю:-га... Синго-но као-о* миру яиная *...тасинамэру ё:ни итта* (И, 114/1) 'О-Рюу... *посмотрела* в лицо Синго *и...* укоризненно сказала...'; *Хито-га* окиагару яиная *дампан-о хиракарэта нодэ о:ини ро:байсита* (Н, 99/3) '*Не успел* [я] *встать,* как [он]

[6] В другом издании в этом предложении вместо союза *яиная* стоит союз *то иная* (см. К, II, 172).

уже начал разговор, отчего [я] очень смутился'; *Има акэру мабута-но ура-ни, коно хикари-га* тодоку яиная *дзибун-ва кадзи-да то гатэн-ситэ тобиокита* (Н, 223/3) '*Как только* я увидел (букв. за [мои] теперь открытые веки *проник*) такой свет, я решил, что [это] пожар, и вскочил'; *Сорэ-га дзибун-но мими-ни* хайру яиная ... *Дзибун-ва татимати сай-но хэя-о о:мата-ни ёкогиттэ, цуги-но ма-ни тобидасинагара, нан-да! то донарицукэта* (там же) '*Как только* я *услышал* эти [слова], ... я сразу же большими шагами пересек комнату жены и, вбегая в следующую комнату, вскричал: «Что такое?»'; *Ё:яку-ни ситэ о-Ё:-ва коно нансё-о* ногарэру яиная *какэру ё:ни сакамити-о оритэ итта* ... (Нагаи, 76/2) '*Как только* о-Ёо наконец *миновала* это опасное место, она чуть не бегом спустилась по дороге вниз...'; *Минари-но тигатта о-Ё:-но сугата-о* мицукэру яиная, *гэдзёдомо-ва ... фусинсо:ни соно цумэсаки-кара атама-но уэ-мадэо нагамэта* (Нагаи, 78/2) 'Служанки, *как только заметили* о-Ёо, которая по [своему] виду отличалась [от них], ...подозрительно оглядели ее с ног до головы'; *Сикаси карэ-ва нагай тосицука-о кисоку-ни сибарарэта гакко:-о* соцугё:-суру яиная *кэйкэн-но най вакай мисора-ва тадатини хагэсий кайраку-но ю:ваку-о укэта* (Нагаи, 134/3) 'Однако *как только* он *окончил* школу, где долгие годы был связан регламентом, молодой и неопытный, он сразу же прельстился бурными развлечениями'. См. также: Нагаи, 169/3, 182/2, 189/3, 194/2, 195/2, 198/1.

В речи об обычных фактах: *...Онна-ва цума-то нару яиная...* (А, 354/2) '...Как только женщина становится женой...' (конечное сказуемое стоит в форме на *-у*).

В изученных текстах перед союзом *яиная* формы на *-та*, на *-тэ иру* и формы вероятного наклонения не встречаются. Союз *яиная* употребляется в предложениях, где выражается быстрая смена одного действия другим, причем первое упоминаемое действие рассматривается по отношению ко второму как непредшествующее.

Об употребительности временных форм перед союзом *яиная* пишут Ваккари: «Ya ina уа применяется после простого настоящего глагола» [240, 231], «Ya inaya указывает на почти одновременные действия...» [240, 443]. Тем самым Ваккари косвенно отмечают, что формы на *-та* и на *-тэ иру* перед *яиная* не употребляются.

Разумеется, применение перед союзом *яиная* формы на *-у* объясняется именно ее основным значением — непредшествованием. Надо заметить, что формы отрицательного и желательного наклонений перед союзом *яиная* также не встретились.

В изученных источниках есть примеры и на *гаиная: О-Ё:-ва ... нэдоко-кара* окиру гаиная, *ицумо-но ё:ни коигути-но хантэн-о китэ, ... дзасики-но со:дзи-ни какатта* (Нагаи, 73/1)

'О-Ёо, *как только встала* с постели, приступила к уборке гостиной... надев как всегда куртку с узкими рукавами'; *Сикаси тё:до нитиё:би-ни ататтэ... юмэси-о* сумасу гаинная *мада... фуйто ути-о дэтэ симатта* (Нагаи, 156/1) 'Однако в воскресенье... *как только кончили* ужинать, она быстро вышла из дому...' Из этих примеров видно, что употребление формы на *-у* перед *гаинная* остается чисто относительным [7].

§ 7. Форма на *-у* перед союзом *я* 'когда'

Союз *я* в текстах XVI—XVII вв. не обнаружен, а в художественной литературе XX в. встречается редко. Перед союзом *я* всегда употребляется форма на *-у*: *Ко:эн-но хадзакурано кагэ-бакари-га хая ёрурасику кураку наттэ иру-но-о* миру я, *ватаси-то Иваса-това... котосарани курай кодати-но оку-но косикакэ-о эрандэ коси-о оросита* (Нагаи, 145/2) '*Когда* [мы] *увидели,* что в парке тени от вишен сгустились по-вечернему, мы с Иваса ... выбрали скамейку в глубине особенно темной аллеи и уселись'.

§ 8. Временные формы перед союзным словом *мани* 'пока'

Союзное слово *мани* представляет собой сочетание: существительное *ма* 'свободное место', 'время'+суффикс дательно-местного падежа *ни*. *Мани* принадлежит к большой группе союзных слов, обозначающих как время, так и место (ср. *аида, ути, токоро*).

В текстах XVI в. перед *мани* в речи о прошлом употреблялась только форма на *-у*: *Вана-во нагэсутэтэ мадзу соно аши-во* надэсасуру мани, *фато-ва коно ёши-во мивоёдэ, тачимачи соко-во таттэ инда то мо:су* (Е, 469) '*Пока* охотник, бросив силок, *чесал* свою ногу, голубь, воспользовавшись этим, моментально оттуда улетел, — так рассказывают'.

Вполне употребительным остается *мани* и в современном языке. Перед ним встречаются только формы непредшествующего времени: *Фунэ-но юкутэ-ни, кобуси-ходо-но сирой кумога вайта то омоу то,* миру мани *сорэ-га сора-итимэн-ни хирогаттэ, кондзики-но тайё:-о какуситэ симатта* (И, 317/2) 'Только [я] заметил, что впереди по курсу судна всклубилось белое облачко, напоминающее кулак, как оно, *пока* [я] *смотрел*, расползлось по всему небу и закрыло золотое солнце' (см. также Кумэ, 250/3); *«Ат.» то* омоу мани, *оно-ва, фукай икэ-но нака-э, добунто отитэ симаимасита* (Т, III, 79) 'Не ус-

[7] После формы на *-у* встречается и сочетание *ка ина ка*, но оно не имеет союзного значения и не составляет определенного единства: *...Сорэга хатаситэ дайгакко:-но сэйто-дэ ару* ка ина ка-*ва вакарану-нагара...* (Нагаи, 170/3) '...Не зная, *является ли* он, как можно было ожидать, студентом университета *или нет...*'

пел он ахнуть (букв. ах! — так *думает пока*), как топор плюхнулся в глубокий пруд'.

Мани входит в состав устойчивого словосочетания *мататаку мани* 'пока мигает (мигал)'> 'в мгновение ока', которое фиксируется и словарями. Примеры: Мататаку мани *кю:на хасиго-о ёру-но соко-э какэорита* (А, 6/3) *'В мгновение ока* [он] сбежал по крутой лестнице в ночную тьму' (ср. также Кумэ, 249/2).

Поскольку *мани*, в противоположность *яиная*, обозначает некоторый период времени (хотя иногда и очень короткий), перед ним может встречаться и форма на *-тэ* [*и*]*ру*: *Омосо:на рёко:кабан-о, Синго-га тэцудаттэ, атама-но хагэта Мацудзо:-ни* сэоваситэру мани, *Сидзуко-ва цукудзуку соно ё:су-о митэ ита* (И, 101/1, 2) *'Пока* тяжелый чемодан *взваливали* с помощью Синго на лысого Мацудзо, Сидзуко внимательно разглядывала Синго' (см. также Кумэ, 255/1).

Глаголы в форме на *-у* или на *-тэ иру*, стоящие перед *мани*, обозначают одновременность [8].

Формы на *-та* и на *-тэ ита* перед *мани* не найдены.

§ 9. Форма на -у перед союзным словом *таби*[*ни*] 'каждый раз, когда'

Перед *таби*[*ни*] в речи о прошлом употребляется только форма на *-у*: *Карэ-ва коко-э* куру табини, *канарадзу коно ута-о омоидасита* (А, 335/2) *'Каждый раз, когда* он *приходил* сюда, [он] непременно вспоминал это стихотворение'; *Нобуко-ва кися дэнся-э* нору табини, *доко-дэ-дэмо инсёку-суру кото-о хабакаранай кансайдзин-га мина иясику миэта* (А, 176/2) *'Каждый раз, когда* Нобуко *садилась* в поезд [или] трамвай, ей казались неприятными все кансайцы, не стесняющиеся есть и пить где попало'; *Соко-э нами-га* атару табини, *табурито ю: касукана ото-га кикоэта* (А, 451/1) *'Каждый раз, когда* туда *ударяла* волна, раздавался слабый звук'; *Дэмо соно ока-гэ-дэ, катирито тяван-но ото-га* суру табини *дзибун-дэмо кига цуйтэ, кимоно-о ёгосу кусэ-ва наоттэ юкимасита* (С, 17/2) *'Каждый раз, когда раздавался* звон чашки, [я] сам обращал внимание [на это] и отучался от привычки марать платье'; *Сонна кото-о* миру табини, *ватаси-ва коно тосигаи-но най ро:дзин-ни тайситэ сагэсуми-но нэн-о идакимасита* (С, 19/2) *'Каждый раз, когда* [я] это *видел*, я испытывал чувство презрения к этому старику, ведущему себя не по возрасту'; *Футари-ва би:ру-но кавари-о* суру табини, *«кора» тока «ои» тока ю: котоба-о цукатта* (А, 335/2) *'Каждый раз,*

[8] В предложениях типа *Фудзин-но куру-но-о* мацу ма-ва *канари нагакатта* (Кумэ, 359/1) '[Она] *ждала* прихода мужа довольно долго' *ма* является полнозначным существительным.

когда они *расплачивались* за пиво, [они] произносили такие слова, как «алло!» или «эй!»'; *Хокано бураку-дэва, майнэн мацури-га* ару табини *куби-о тоттэ сонаэтэ ита* (Т, VIII, 15) 'А в других поселках ежегодно, *каждый раз, когда наступал* праздник, доставали голову'; *Боку-ва сигото-о* сумасэру табини *мё:ни ёвару-но-о цунэ то ситэ ита* (А, 352/2) '*Каждый раз, когда я кончал* работу, я чувствовал себя удивительно ослабевшим'.

Форма на *-у* перед *таби[ни]* в речи о прошлом встречается также в следующих произведениях: А, 160/1, 242/1, 363/3, 367/2, 367/3, 380/2; Н, 4/1; Х, 40/2.

Весьма редко *таби* может употребляться без суффикса *ни*: *Такэноко я киноко-га амэ-но* фуру таби *симэтта дзимэнкара атама-о дасу* (Нагаи, 144/3) '*Каждый раз, когда проходит* дождь, ростки бамбука и грибы высовывают из сырой земли свои головки'.

Иногда встречается и удвоение *таби*: *Сукэдзо:-но увасаги кадзин-но кути-ни* нобору табитаби, *карэ-ва дзибун-но миноуэ-о сорэ-то наку кокорохисокани хикаку-сита* (Нагаи, 134/3) '*Всякий раз, когда* слухи о Сукэдзоо *становились* предметом пересудов домашних, он сравнивал с ним свое положение'.

Перед *таби[ни]* не употребляются не только формы на *-та* и *-тэ ита*, но и формы на *-тэ иру* и *най*.

§ 10. Форма на *-у* перед союзом-суффиксом *готони* 'каждый раз, когда'

В «Qincuxu:» *готони* встречается только в предложениях на старописьменном языке: *Fitotabi* xocusuru gotoni, *sunauachi cахосипо cannanuo vomoye* (Q, 518) '*Каждый раз, когда ешь*, вспоминай о трудах тех, кто пашет и сеет'. В разговорном парафразе вместо *готони* стоит *табини: Mono* cu: tabini *tagayexi uyuru xinro:uo vomoiidaxe*. Ср. также: *Fitotabi* qirugotoni, *sunauachi fo:xeqino xincuuo vomoye — Monouo* qiru tabini, *vorinu: toqino xincuuo vomoiidaxв* (там же) '*Каждый раз, когда одеваешься*, вспоминай о трудах тех, кто ткал и шил'.

Готони в современной литературе встречается редко, так как после глаголов оно уже вытеснено союзным словом *табини* и звучит несколько книжно, хотя после имен и наречий оно остается вполне употребительным.

Перед *готони* применяется только форма на *-у*: *Нобуко-ва коно сё:дзёрасий тэгами-о* ёму готони, *канарадзу намида-га нидзиндэ кита* (А, 175/3) '*Каждый раз, когда* Нобуко *читала* это детское письмо, [на глаза у нее] непременно навертывались слезы'; *Цума-но хэндзи-о* омоидасу готони, *синъи-ни*

моэнакатта тамэси-ва най (А, 258/1) 'Не бывало случая, чтобы я не сгорал от стыда, *вспоминая* ответ жены'; *Карэ-ва яма-кара дэтэ* куру готони, *сумидавара-но уэни аруйва иккэнходо-но дзинэндзё, аруйва ... ямамомо-надоо носэтэ, ицумо-но миягэ-о сита* (Токутоми, 104—105) '*Каждый раз, когда* он *возвращался* из леса, он приносил на угольном мешке или дикий ямс длиною в кэн или ... плоды земляничного дерева и всегда дарил их'.

Готони может присоединяться к *таби: Нандомо сиппай-сита га*, сиппай-суру табиготони, *атарасий гэнки-о даситэ, кэнкю:-о касанэта* (Кокуго, 3[1], 92) 'Много раз [он] терпел неудачу, но *каждый раз, когда* [он] *терпел неудачу,* [он] с новой энергией начинал свои исследования'. Здесь так же, как и в случае с *то до:дзини,* оказалось невозможным повторить глагол в форме на *-та.*

§ 11. Временные формы перед союзом-суффиксом *катавара* 'в то же время'

Катавара употребляется редко. Перед *катавара* встречаются только формы непредшествующего времени: *Тагэй-на хито-дэ, вака-но тэнсаку-надо-о* суру катавара, *соно иэ-э уцуттэ китэ карава гокайсё-но камбан-о какэмасита* (С, 19/1) 'Будучи талантливым человеком, [он] *занимался* правкой японских стихов *и в то же время*, после переезда в этот дом, повесил объявление о том, что в его квартире собираются игроки в го'[9]. Пример на *-тэ иру+катавара* при конечном сказуемом в форме на *-та* находим у Нагаи (см. Нагаи, 184/1).

§ 12. Временные формы перед союзным реченнем *ни ситагаттэ* 'по мере того как'

Это союзное речение состоит из деепричастия от глагола *ситагау* 'следовать' и падежного суффикса *ни,* зависящего от *ситагаттэ.* В изученных текстах XVI в. *ни ситагаттэ* встретилось один раз: Шейжин-суру-ни шитаго:тэ, *ночинива дайнусубито-то наттэ...* (Е, 475) '*По мере того как* [он] *рос,* [он] превращался в крупного вора...'

В современном языке *ни ситагаттэ* употребляется только после форм непредшествующего времени: *Хито-ва* сэйтё:-суру-ни ситагаттэ *икани ко:фуку-о усинаттэ юку моно ка-о акиракани кэйкэн-сита* (Нагаи, 163/2) 'Он испытал на себе, что человек, *по мере того как растет,* теряет счастье'; *Соно миатаранай кото-га* табикасанару-ни ситагаттэ, *Найгу-но кокоро-ва сидайни мата фукайни натта* (А, 8/1) '*По мере того как учащались* случаи, когда эти люди не попадались [ему] на глаза, на душе у Найгу снова становилось беспокойно'; *Ки-*

[9] Го — игра типа шашек.

ся-но сусуму-ни ситагаттэ, *донна фу:-ни ситэ ани-ни аттара тою: кангаэ-га атама-о курусимэтэ кимасита* (Х, 66/2) '*По мере того, как* поезд приближался к цели (букв. *двигается вперед*), [меня] стала мучить мысль — как же [я] встречусь со старшим братом' (см. также Кик., 138/3); *Ё-га* фукэру-ни ситагаттэ *каэттэ соко фукаку тодорокидасу то:й курума-но ото-о мими-ни сита* (Нагаи, 136/2) '*По мере того как наступала* глубокая ночь, он начал слышать грохот далеких тележек, которые, как это ни странно, стали греметь где-то глубоко внизу'; *Коно синридзё:тай-ва ёкудзицу мата соно ёкудзицу-то хикадзу-но* тацу-ни ситагаттэ *масумасу хагэсику наттэ итта* (Нагаи, 148/2) '*По мере того как шли* дни, его психическое состояние ухудшалось все более и более'. (См. также Нагаи, 156/2, Кик. 3/3.)

Между глаголом в непредшествующем времени и *ни ситагаттэ* может находиться просубстантивный суффикс *-но*: *Соно каминокэ-га, иппондзуцу* нукэру-но-ни ситагаттэ, *гэнин-но кокоро-карава, кё:фу-га сукоси-дзуцу киэтэ итта* (А, 5/1) '*По мере того как* эти волосы *вырывались* один за другим, из сердца слуги понемногу исчезал страх'.

Примеры употребления форм на *-та, -най* и форм вероятного наклонения перед *ни ситагаттэ* в изученных текстах не найдены. Но форма на *-тэ иру* встречается: *Сикаси соно э-но нака-ни осоросий тикара-га хисондэ иру кото-ва,* митэ иру-ни ситагаттэ *вакаттэ кита* (А, 134/2) '*По мере того как* [я] *смотрел* на картину, [я] начинал понимать, что в ней таится страшная сила'.

§ 13. Форма на *-у* перед союзным речением *ни цукэ*[*тэ*] 'при', 'по мере того как'

Это союзное речение состоит из падежного суффикса *ни* и срединной формы от глагола *цукэру* 'прикреплять'. В изученных текстах *ни цукэ*[*тэ*] употребляется только после формы на *-у*: *Оба я ватаси-то* надзиму-ни цукэ, *анохито-ва энрё-га наку натта...* (А, 51/1) '*По мере того как* [он] *привыкал* к тетке и ко мне, его застенчивость исчезала...'; *Сорэ-о* миру-ни цукэ кику-ни цукэ, *Арисан-но бандзин-ва кокоро-о угокасарэта* (Т, VIII, 15) '*Когда* дикари Алишаня *видели* это [или] *когда слышали* [об этом, они] очень волновались'; *Сикаси урэсий кото, мата, канасий кото-га* ару-ни цукэтэ, *кодомо-ва синда хахаоя-о коисику омоидасита* (СБ, 270—271) 'Однако и в радости *и в* горе мальчик с любовью вспоминал умершую мать'; Одорокиакирэру-ни цукэтэ *ватаси-ва какару муруй-но бо:кэн-о аэтэ сэсимэта соно гэндо:рёку-ни цуйтэ, сарани хагэсий одороки-то фусиги-тоо кандзита га...* (Нагаи, 148/1) '*Удивляясь все больше и больше*, я снова восхищался той энергией, с какой он смело преодолел эти бесчисленные опасности...' (см. также Х, 6/1).

§ 14. Форма на -у перед союзным речением *ни цурэ*[*тэ*] 'по мере того как'

Ни цурэ[*тэ*] состоит из падежного суффикса *ни* и срединной формы от глагола *цурэру* 'брать с собой'. Это союзное речение встречается только после формы на *-у*: *Га, намиутигива-э* тикадзуку-ни цурэ, *дандан исокусаса-мо цуёмаридасита* (А, 357/1) 'Но *по мере того как* [мы] *приближались* к линии прибоя, постепенно начал усиливаться и запах мокрого песка'; *Дзидай-га* сусуму-ни цурэтэ, *дандан уцукусику мигайта моно-мо цукурарэру ё:ни натта* (Т, XII, 10) '*По мере того как шли* века, постепенно стали производиться и красиво отполированные предметы'; *Цуки-но дэ-га ёгото осоку* нарушни цурэтэ *соно хикари-ва дандан саэтэ кита* (Нагаи, 158/3) '*По мере того* как луна *стала* всходить все позднее и позднее, ее свет становился ярче'; *Хи-га* тацу-ни цурэтэ, *Рэна:дова, дандан футари-но кодомотати-то накаёси-ни наримасита* (Кокуго, 4[2], 125) '*Шли* дни, *и* Ренальд постепенно стал привыкать к обоим детям'.

Подлежащее предложения, в конце которого стоит *ни цурэ*[*тэ*], может сопровождаться суффиксом родительного падежа: *Фунэ-но* юрэру ии цурэтэ... (Нагаи, 153/1) '*По мере того как покачивается* лодка...'; *Мидзу-но омотэ-но* тасогарэру-ни цурэтэ... (Нагаи, 152/3) '*По мере того как* поверхность воды *темнеет в сумерках...*'

Перед *ни цурэ*[*тэ*] может стоять и просубстантивный суффикс *-но*: *Тагаини* тикадзуку-но-ни цурэ, *вайсяцу-но мунэ-надомо миэру ё:ни натта* (А, 358/2) '*По мере того как* [мы] *приближались* друг к другу, стала видна даже манишка [его] рубашки'.

§ 15. Форма на -у перед союзным речением *га хаяй ка* 'не успел... как', 'как только' (букв. ' быстро ли?')

Это союзное речение представляет собой сочетание: суффикс именительного падежа *га*+ прилагательное *хаяй* 'быстрый'+вопросительная частица *ка*. *Га хаяй ка* встречается только после формы на *-у*: «*Дон*». кику га хаяй ка, *какэдасимасита* (Т, IV, 22) '*Как только услышали* «дон» (звук гонга. — *Н. С.*), бросились бежать' (здесь нет промежутка между действиями: бегуны взяли старт, как только услышали звук гонга); *Соно утини боку-ва* тобитацу га хаяй ка, *ивано уэ-но каппа-э одорикакаримасита* (А, 373/1) 'Тут я *вскочил и* бросился к каппа [10] на скале'; *Соно каппа-мо нурарито* субэринукэру га хаяй ка *иссанни нчгэдаситэ симаимасита* (А, 377/1) 'Этот каппа тоже *выскользнул* [из моих рук] *и* убе-

[10] К а п п а — сказочный водяной.

жал'; *Ано онна-ва, ватаси-га татиути-о* хадзимэру га хаяй ка, *хито-но тасукэ-дэмо ёбу тамэни, ябу-о кугуттэ нигэта-но камо сирэнай* (А, 256/3) 'Возможно, *как только* я *начал* поединок, она, пробравшись сквозь чащу, убежала, чтобы позвать на помощь'; *Цума-ва орэ-га тамэрау утини, наника хитокоэ* сакэбу га хаяй ка, *татимати ябу-но оку-э хасиридасита* (А, 258/3) 'Пока я колебался, жена *вскрикнула и* моментально побежала в чащу'; *Ватаси-ва 30 — сай-о косита ноти, ицудэмо рэнъай-о* кандзуру га хаяй ка, *иссё:кэммэйни дзёдзё:си-о цукури, фукаири-синай маэни даккяку-сита* (А, 418/2) 'Когда мне перевалило за 30, я всегда, *как только* [начинал] *чувствовать* любовь, с увлечением писал лирические стихи, но не успевали мои чувства разгореться, как я уже остывал'; *Сорэ-га карэ-но као-о миру то, тоцудзэн гэнкакуни кёсю-но рэй-о сита.* Суру га хаяй ка *хитоодори-ни Ясукити-но атама-о одорикоэта* (А, 337/3) 'Когда [Ясукити] посмотрел ему в лицо, [он] неожиданно четко отдал честь. *И моментально* перепрыгнул через голову Ясукити'. Как видно из последнего примера, при повторении глагола *суру*, стоящего в первом предложении в форме *сита,* в позиции перед *га хаяй ка* этот глагол употребляется в форме непредшествующего времени — *суру* (ср. ту же форму в позиции перед *то до:дзини* и *табиготони*).

Японские грамматисты и лексикографы не замечают, что *га хаяй ка* представляет собой определенное единство. Это союзное речение дают лишь японско-английские, японско-русские и другие двуязычные словари на слово *хаяй.*

Перед *га хаяй ка* во многих произведениях находим только форму на *-у* (см. А, 162/1—2, 233/3, 235/2, 236/2, 238/1, 244/2, 255/2, 277/2, 280/3, 281/3, 282/3, 340/2, 347/2, 384/3, 385/3, 388/3, 391/1; Т, VI, 30).

Раздел III

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД СОЮЗНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ПРЕДСТОЯНИЕ (ПОСЛЕДОВАНИЕ)

Как явствует из примеров, приведенных во II разделе, перед союзами, союзными словами и речениями, обозначающими одновременность, формы предшествующего времени практически не встречаются, если между глаголом и союзом нет разделительной паузы. Но в японском языке глаголы, выражающие действие, одновременное по отношению к следующему упоминаемому, грамматически не отличаются от глаголов, выражающих действие более позднее, чем следующее. Поэтому можно ожидать, что и пе-

ред союзными элементами, обозначающими предстояние (последование), употребляются только формы непредшествующего времени.

§ 16. Временные формы перед союзом-суффиксом *мадэ*[*ва, ни, нива*] 'до того как', 'до тех пор, пока не'

Этот союз-суффикс состоит из суффикса предельного падежа *мадэ* [+ частица *ва* или суффикс дательно-местного падежа *ни,* или *нива*].

В позиции после глагола *мадэ* встречается уже в кёогэнах [см. 123, 289], но в текстах XVII в. *мадэ* между предложениями попадается очень редко, поэтому трудно определенно сказать, какая форма была нормой перед *мадэ* в речи о прошлом [11].

В современном языке, как отмечают учебники японского языка для иностранцев, в позиции перед *мадэ* «время глагола всегда настоящее: *Oka:san ga* kaerimasu made, *kodomo wa nemurimasen deshita*» [211, 160] '*Пока* мама [не] *вернулась,* дети не заснули'. Как показал весь изученный материал, в современном языке перед *мадэ*[*ва, ни, нива*] в союзном значении употребляется только форма на *-у*. Например: *Сё:нэнно дзидай-кара... фуцу:кё:ику-о* укэру мадэ, *ватаси-ва моттомо сорэ-о токуини симасита* (С, 23/1—2) 'С детских лет и до тех пор, *пока* [я не] *получил* ... общее образование, я больше всего отличался именно в этом'; *Кокоиоцу-но аки-ни То:кё:-э ю:гаку-ни* дэкакэру-мадэ, *ватаси-но сукина кото-ва ямага-но кодоморасий аракурэта асоби-дэсита* (С, 13/1) '*До того как* [я] в 9[-летнем возрасте] *отправился* учиться в Токио, моим любимым занятием были грубые игры детей гор'.

Когда к *мадэ* присоединяется частица *ва,* придаточное предложение получает дополнительный выделительный оттенок: *Гинсан-ва куни-ни иру коро-кара ватаси-то тигаимаситэ... аси-ни о:кина тогэ-надога сасаттэ-мо оятати-ни* мицукару мадэва *сорэ-о какуситэ иру тою: хо:-дэсита...* (С, 20/1) 'С того времени, когда [мы] жили в деревне, Гин в отличие от меня был таким человеком, что, даже загнав себе в ногу огромную колючку..., скрывал это, бывало, от родителей *до тех пор, пока* [они не] *заметят...*'

Мадэни[*ва*] имеет несколько отличное от *мадэ* значение: *Онна-но ко-мо ... до:ника-ко:ника хоко:-но* дэкиру мадэни *сэйтё:-сита кото-о мо:сиагэтай то омоимас* (С, 2/1) 'Я хочу вам рассказать, что и девочка... *так* выросла, *что научилась* коекак ходить'; *Минна-но тансэй хитоцу-дэ ё:яку гакко:-э* каёу

[11] Довольно распространенное в текстах XVI—XVII вв. употребление *мадэ* (большей частью в виде *мадэи*) в конце главного предложения нельзя считать союзным [см. 123, 221—222].

мадэни *когицукэта-но дэс* (С, 1/3) 'Все усилия были направлены *на то, чтобы* [он] хоть в школу *ходил'; Коно ба:-сан-то идзэн-но ё:ни кути-о кику ё:ни* нару мадэнива, *дайбу ватасинива хонэ-га орэмасита* (С, 9/3) '*Начать* по-старому разговаривать с этой бабкой стоило мне больших трудов' [12].

§ 17. Временные формы перед союзным словом *маэ*[*ни, ва, нива, мо, кара*] 'перед тем как', 'прежде чем'

Это союзное слово представляет собой имя *маэ* 'перед', к которому присоединяется или суффикс дательно-местного падежа *ни*, или частица *ва*, или частица *мо*, или *нива*, или суффикс исходного падежа *кара*. Употребляясь как послелог, *маэни* следует за родительным падежом имени и совмещает пространственное и временное значение: *иэ-но маэни* 'перед домом', *синнэн-но маэни* 'перед новым годом'.

В текстах XVI—XVII вв. *маэни* после глагола встречается весьма редко. Один пример обнаружен в «Esopono Fabulas»: *Кашикои фито-но нараи-нива, мадзу кото-во* фажимэну маени, *соно вовари-во миру моно джя* (Е, 491) 'Обычно умные люди *пока еще не начали* дела, уже предвидят его конец'.

В современном языке *маэ*[*ни*] применяется довольно часто. Перед *маэ*[*ни*] употребляются только формы непредшествующего времени: Нэру маэни *Сюнкити-ва, энгава-но амадо-о итимай акэтэ, нэмаки-но мама сэмай нива-э орита* (А, 179/3) '*Перед тем как лечь,* Сюнкити отодвинул ставню на наружной галерее и в ночном халате спустился в тесный садик'; *Сокодэ канодзё-ва со:саку-о* хадзимэру маэни, *мадзу сэкэн-но сю:кандо:ри, эндан-кара кимэтэ какарубэку ёгинаку сарэта* (А, 174/1) 'Поэтому она, *прежде чем начать* писать, вынуждена была, как водится, начать с замужества'; *Ясукити-ва кё:сицу-э* дэру маэни, *канарадзу кё:касё-но ситасирабэ-о сита* (А, 339/1) 'Ясукити, *прежде чем войти* в аудиторию, непременно просматривал учебник'; *Китто ано отоко-ва* коросарэру маэни, *ёходо тэитай хатараки-дэмо итасита-но-ни тигаи годзаимасэн* (А, 253/2) '*Прежде чем* [он] *был убит,* он, наверно, довольно сильно отбивался'; *Коно о:ги-ва бокуно коко-э* куру маэни *тарэка-но окивасурэтэ итта моно-датта*

[12] В редких случаях, когда *мадэ* завершает собой предложение-подлежащее, после *мадэ* может стоять и суффикс именительного падежа *га*: *Коно каки-но ки-но ару токоро-кара... омоя-но каттэгути-э* юку мадэга, *канодзё-но мидзукуми-ни каёу мити-дэсита* (С, 11/3) 'Дорожка, по которой [женщина] ходила за водой, начиналась там, где росла хурма, и тянулась *до того* [места], *где* [женщина] *входила* в главное здание'. В подобных случаях *мадэ* является не союзом, а суффиксом предельного падежа. Не имеет союзного значения *мадэ* и в следующем предложении: *Тада, муси-га суканакатта мадэ-дэс* (С, 31/1—2) 'Просто [они мне] не нравились'.

(А, 351/3) 'Этот веер кто-то здесь забыл *прежде, чем* я *пришел* сюда'. Наличие в последнем предложении суффикса родительного падежа *-но* после подлежащего придаточного предложения (*боку-но* 'я') вместо суффикса именительного падежа *-га* показывает, что *маэни* является определяемым, а предложение *Боку-но коко-э куру* построено как определительное.

Между придаточным предложением и *маэ[ни]* может стоять наречие: *Суифто-ва* хаккё:-суру *сукоси* маэни, *кодзуэ-дакэ карэта ки-о минагара, «орэ-ва ано ки-то ёку нитэ иру...» то цубуяйта кото-га ару со:-дэ ару* (А, 341/2) 'Говорят, что Свифт незадолго *перед тем, как сошел с ума,* пробормотал, глядя на дерево с засохшей верхушкой: «Я очень похож на это дерево...»'

После *маэ[ни]* нередко встречается и выделительная частица *ва*: *Анэ-га тосиёри-кара кодомо-мадэ цурэтэ отто-то иссёни* кикоку-суру маэнива, *иоирона кото-га аримасита* (С, 18/2) '*Прежде чем* сестра, сопровождаемая всеми от мала до велика, вместе с мужем *вернулась на родину,* произошли различные события'.

Как видно из этого материала, значения *мадэ[ва]* и *маэни[ва]*, когда эти союзные слова стоят между предложениями, почти синонимичны. Однако Акутагава, например, явно предпочитает *маэни.*

После *маэ* может стоять суффикс исходного падежа *-кара*: *Дзю:кити-ва Гэнкаку-но муко-ни* нару маэ-кара *ару гинко:-э цутомэтэ ита* (А, 363/2) 'Дзюукити работал в банке [еще] *до того, как стал* зятем Гэнкаку'.

Если предложение, заканчивающееся словом *маэ,* является определением к имени, после *маэ* ставится суффикс *-но*: *Сорэ-ва Сидзуко-но гакко:накама-дэ атта Хирасава Киёкога, ися-но Като:-то* кэккон-суру маэ-но *хи-дэ атта* (И, 100/3) 'Это было за день *до того, как* Хирасава Киёко, бывшая подруга Сидзуко, *вышла замуж* за доктора Катоо'.

Нередко перед *маэ[ни, кара]* встречается форма отрицательного наклонения на *-най*: *О-Тори-ва Гэнкаку-но* иэкоманай маэ-кара. —*7—8нэн дзэн-кара косинукэ-ни... наттэ ита* (А, 363/3) 'О-Тори совсем слегла еще тогда, когда Гэнкаку был здоров (букв. *с того времени, когда* Гэнкаку еще *не был болен*) — 7—8 лет тому назад'; *Гэнкаку-ва о-Еси-о* какоидасанай наэ-нимо *канодзё-нива «риппана ото:сан»-дэва накатта* (А, 365/2) 'Гэнкаку *и до того, как перестал содержать* о-Еси, не был ей «прекрасным отцом»'; *Ватаси-ва 30-ни* нарану маэни *ару онна-о айситэ ита* (А, 429/3) '*Когда* [мне] *не исполнилось* [еще и] тридцати лет, я любил одну женщину'. В ряде случаев придаточное предложение приходится переводить на русский язык без отрицания: *Мада гэйся-надзонива* нарану маэ, *риппана сё:ка-но мусумэ-дэ атта дзибун* (Нагаи,

137/1) '[Это было] еще *до того, как* [она] *стала* гейшей, когда она жила дома — в достойной купеческой семье'.

Из приведенного материала видно, что во всех собранных примерах перед *маэ*[*ни, ва, нива, мо, кара*] употребляются формы на *-у* или *-най*/*-ну*; формы длительного вида и вероятного наклонения не встречаются.

В тех редких случаях, когда перед *маэни*[*ва*] возможна форма на *-та*, *маэни*[*ва*] не является союзным словом, а имеет пространственное значение: *Модорибаси-но хотори-э маиримас то, мо: соно куби-о* сарасита маэнива, *о:дзэй хито-га такаттэ оримас* (А, 281/3) 'Когда [я] подошел к мосту Модори, *перед* [тем местом, где] *выставили* уже его голову, собралось много народу'.

Употребление перед *маэни* формы на *-у* отмечали Ваккари: «Глагол, предшествуемый союзом *before* и относящийся к настоящему или прошлому, может быть переведен (на японский язык. — *Н. С.*) простым настоящим, за которым следует *тае ni*» [240, 277].

§ 18. Временные формы перед союзным словом *тамэ*[*ни, нива*] 'для того, чтобы'; 'так как', 'потому что'

Тамэ[*ни, нива*] встречается и в старояпонском языке, и в языке XVI—XVIII вв., и в современном языке. *Тамэ*[*ни, нива*] употребляется и как послелог, следующий за родительным падежом имени, и как союзное слово, которое следует за сказуемым целевого или причинного придаточного предложения.

В языке XVI в., как и в старояпонском, перед *тамэни,* если оно имело целевое значение, в основном применялась форма вероятного наклонения [см. 123, 293].

В кёогэнах *тамэ*[*ни, нива*] употребляется редко, причем главным образом в качестве послелога.

В современном языке *тамэ*[*ни, нива*] в целевом значении применяется только после форм непредшествующего времени: *Карэ-ва ися-но мэ-о* сакэру тамэни *гарасумадо-но сото-о нагамэтэ ита* (А, 420/1) '*Чтобы* не смотреть в глаза врачу (букв. *избежать* глаз врача), он смотрел через застекленное окно во двор'; *Курабакку-о* адзакэру тамэни *Рокку-о боку-но маэни татасэта-но-да* (А, 386/1) '*Для того, чтобы разыграть* Крабака, Рока поставили передо мной'; *Корэ-о* каку тамэни, *ано осоросий дэкигото-га окотта-но-дэ годзаимас* (А, 109/3) 'Ведь это страшное дело совершили *для того, чтобы нарисовать* [картину]'; *Карэ-ва омовадзу куби-о тидзимэнагара, сунахокори-но тацу-но-о* сакэру тамэ-ка, *ханкэти-ни хана-о о:ттэ ита Тагути-итто:соцу-ни коэ о какэта* (А, 222/3) 'Невольно втягивая голову в плечи, он обратился к рядовому Тагути, который прятал нос в платок, наверно, *для того, чтобы закрыться* от песка и пыли'; *Карэ-ва аитэ-ни* мицукаранай тамэ, *хито-*

мадзу О:гава-но мидзу-но нака-э сугата-о какусо: то кэссинсита (А, 229/1) 'Чтобы не быть замеченным противником, он решил пока спрятаться в водах реки Оогава'; *Мата кё:фу-ни* хисигарэнай тамэнива, *дэкиру-дакэ ё:ки-ни фурумау хока, сиё:-но най кото-мо дзидзицу-датта* (А, 222/2) 'И действительно, ему ничего не оставалось, как вести себя как можно веселее, *чтобы не поддаться* страху'.

В современном языке формы непредшествующего времени в речи о прошлом могут стоять перед *тамэни* и тогда, когда оно имеет причинное значение: *Ия, аруйва «Ко:носан»-га* ирү тамэни *ёкэй фудзакэру курай-датта* (А, 364/2) 'Напротив, *оттого что* тут *была* «Кооиосан», [он] шутил сверх меры'; *Цума-ва тити-о* номасэрарэну тамэни, *Такаси-ва наку ... то итта* (А, 326/2) 'Жена сказала, что *не может кормить* грудью, *поэтому* Такаси плачет...'

В большинстве случаев, однако, перед *тамэни*, употребленном в причинном значении, ставится форма на *-та*, так как причина чаще всего предшествует следствию (см. А, 279/3, 282/3).

Таким образом, употребление времен перед союзным словом *тамэ[ни, нива]* является чисто относительным. Утверждения некоторых авторов, что *тамэни*, если оно имеет причинное значение, следует всегда после формы на *-та* [см. 10, 77, сн. 2], не соответствуют действительности.

§ 19. Временные формы перед союзным словом *ё:ни* 'чтобы'; 'так..., что', 'словно', 'так'

Это союзное слово образовалось от китайского *ян* (>*яу*>>*ё:*) и наречного суффикса *-ни*. *Ё:ни* имеет два значения: целевое и сравнительное.

Глагол перед *ё:ни* в целевом значении обозначает предстояние, которое в старояпонском языке, как правило, выражалось формой иа *-му*, затем в языке XVI—XVII вв. — формой на *-о:/-о, -о:зу/-озу* или *о:зуру/-озуру: Ицука-то:ка-но учинива,* рачи-мо ако: ё:нимо *зонжитэ гозару га...* (К, I, 338) '[Я] думал, *что* [все] *уладится* в пять-десять дней...'

В дальнейшем в речи о предстоящих достоверных процессах и перед *ё:ни* стала употребляться форма на *-у* или (при отрицании) на *-ну/най*: *Дзётю:-ни асида-о* дасу ё:ни *то итта* (А, 325/3) '[Я] сказал прислуге, *чтобы* [она] *вынула* [мне] асида' [13]; *Ясукити-ва кэйрэй-сарэру-но-мо кэйрэй-ни котаэруно-мо кономанакатта кара, кэйрэй-суру хима-о* атаэну ё:ни, *цумэсё-но маэ-о то:ру токи-ва токуни аси-о хаямэру кото-ни сита* (А, 340/2) 'Ясукити не любил ни получать приветствия, ни отвечать на них; поэтому [он] решил, проходя мимо сто-

[13] А с и д а — деревянная обувь.

рожки, ускорять шаги, *чтобы не дать* возможности [себя] приветствовать'.

Но в художественной литературе *ё:ни* гораздо чаще употребляется в сравнительном значении. Примеры такого употребления встречаются уже в текстах IX в.: *Кагуяфимэ* нотамау яуии *тагавазу тукуриидэту* (Такэтори, 7) 'Сделали без изменений *так, как говорит* Кагуяфимэ'. В подобиых предложениях глагол перед *ё:ни* имеет в большинстве случаев значение одновременности, поэтому глагол в форме на *-у* можно переводить на русский язык деепричастием несовершенного вида: *Хэйтю:-ва аннай-о* коу ё:ни *сэкибараи-о сита* (А, 269/3) 'Хэйтюу кашлянул, *словно прося* разрешения войти'; *Сорэкара дзётю:-но мими-о* хабакару ё:ни, *Тэруко-но хо:-э као-о яринагара... то, хикуй коэ-дэ ицудзукэта* (А, 181/1) 'Потом, *словно боясь* ушей прислуги, нагнулась к Тэруко и тихим голосом продолжала...'; *Суто:в-но хи-ва ики-о* суру ё:ни, *тороторото киирони моэагаттари, досугурой кайдзин-ни сидзундари-сита* (А, 327/1) 'Огонь в печке, *словно дыша,* то вспыхивал желтым пламенем, то исчезал в темном пепле': *О:ура-ва кусё:-о укабэта мама, мидзукара* адзакэру ё:ни *ханасицудзукэта* (А, 340/3) 'Ооура с горькой улыбкой продолжал рассказывать, *словно смеясь* над собой'; *Сё:саку-но футой маюгэ-га,* хикицукэру ё:ни *пирипирито угоита* (И, 113—114) 'Широкие брови Сёосаку задвигались, *как бы приближаясь* друг к другу': *...То, дзибун-ни* мэйдзуру ё:ни *кокоро-ни тикатта* (И, 116/3) 'Поклялась [она] в душе, *словно приказывая* себе...'; *Хаха-ва цума-но котоба-мо* кикоэнай ё:ни... *фу:фу: Такаси-но атама-о фуйта* (А, 326/3) 'Теща, *словно не слыша* даже слов жены... дула иа голову Такаси'.

Но, разумеется, глагол в форме на *-у*, стоящий перед *ё:ни,* можно переводить на русский язык и по другому: *Ёнакагоро-ни нару то, кю:ни, о-цукисама-га дзю:-мо дэта ка то* омоу ё:ни, *атари-га акаруку наримасита* (Т, IV, 34—35) 'Когда наступила полночь, внезапно стало так светло, *что* [можно было] *подумать,* будто взошло десять лун'; Донарицукэру ё:ни *Маггу-ни ханасикакэмасита* (А, 390/2) 'Обратился к Магу *громовым голосом*'; *Ути-ни сурудой писутору-но ото-га иппацу, ку:ки-о* ханэкаэсу ё:ни *хибикиватаримасита* (А, 389/3) 'В доме раздался громкий пистолетный выстрел, прорезавший (букв. *словно отбросивший*) воздух'; *Марудэ мидзу-но ниои-я мо-но ниои-га ото-мо наку кава-кара* татинобору ё:ни, *ураурато такаку ноботтэ итта* (А, 452/1) '[Душа] поднялась высоко в небо, так же беззвучно, *как витали* над рекой запахи воды и водорослей'; *«Сиката-га най, ко:сай-да моно». То* нагэру ё:ни *иттэ, сикиигива-ни коси-о оросита* (И, 112/3) '«Ничего не поделаешь — родственники!»,— *бросил* он и присел на порог'; *«Дарэ-га китэру-н-дай?» — тою: тё:си-ва хикуй нагарани* тасинамэру ё:ии *сурудокатта* (И, 112/1) '«Кто

пришел?» — тон, которым [она] это сказала, был, хотя и спокойным, но укоризненным (букв. был острым, *словно упрекает*)'.

Перед *ё:ни,* когда это союзное слово имеет сравнительное значение, употребляются не только формы непредшествующего времени, но иногда — и предшествующего: *То миру то Яманоути-ва куикакэ-но мугисэмбэй-но яриба-ни* коматта ё:ни *окубё:расику модзимодзи-ситэ, као-о акарамэтэ атама-о сагэта* (И, 113/2) 'Увидев это, Яманоути, *словно* не зная (букв. *затруднилась*), куда деть остатки печенья, смутилась: покраснела и опустила голову'; *...Тада, наника китарубэки фукасигина моно-бакари-о маттэ иру. Тё:до ано Бисэй-га ... эйкю:ни конай коибито-о ицумадэмо* матикурасита ё:ни (А, 452/1) '...Только жду чего-то чудесного, что должно наступить. Совсем *так, как ждал* Вэйшэн до конца своих дней ... возлюбленную, которая так никогда и не пришла'. В этом примере последнее предложение можно считать инверсированной частью предыдущего: 'Совсем так, как ждал Вэйшэн ...так и я жду...'

Во всех собранных примерах глагол в форме на *-та* перед *ё:ни* обозначает предшествующее действие.

Глагол в форме на *-у* и союзное слово *ё:ни*, когда оно имеет сравнительное значение, часто образуют устойчивое сочетание или даже одно слово, переводящееся на европейские языки наречием и включаемое в словари. Например: *моэруё:-ни* 'пламенно' (от *моэру* 'гореть'), *амаэруё:ни* 'ласково' и др. Устойчивое сочетание наречного характера, которое указывает на признак совершаемого действия, образовалось именно от формы на *-у* в значении одновременности. Например: *Га, тада, осаэкирэнай ситто-но дзё:-га,* моэруё:ни *хитоми-о хотэрасэтэ ита* (А, 181/1) 'Но только из-за ревности, которую невозможно [было] подавить, *пламенно вспыхнули* [ее] глаза'.

Подобные сочетания могут употребляться в роли определения. В этом случае, как и так называемые именные прилагательные, они приобретают окончание *-на* (от связки старояпонского языка *нару*): моэруё:на *эндзэцу* '*пламенная* речь', адзакэруё:на *коэ* (А, 6/3) '*насмешливый* голос' и т. д.

Но иногда в роли определения может употребляться и конструкция «форма на *-та* + *ё:на*»: *Цую-ни* араварэта ё:на *усуакари* ... (А, 453/1) 'Слабый свет, *точно умытый* росой...'; *Ватаси-ва маттаку хитори-дэ — хаха-карамо, анэ-карамо ханарэтэ — хаякукара танин-но нака-э* нагэдасарэта ё:на *моно-дэсита* (С, 20/2) 'Я был совсем одинок — отнят и от матери и от старшей сестры — и сызмальства *словно брошен* в люди'.

Однако в этих случаях конструкцию: «форма на *-та* + + *ё:на*» нельзя считать определенным единством, что отражено и в раздельном написании ее компонентов.

§ 20. Временные формы перед союзом *ходо* 'так... что', 'настолько... что'

Этот союз имеет общее происхождение с суффиксом приравнительного падежа *ходо*.

Союз *ходо* (ранее *фодони*) относится к числу наиболее древних японских союзов. В языке XVI—XVII вв. *фодони* имеет нерасчлененное причинно-временно-условное значение, хотя при переводе на русский язык обычно передается один из этих трех оттенков: Исогу фодони, *корэ-ва фая кунимотони цуйта* (К, I, 340) '[Я] *спешил, поэтому* уже прибыл на родину'; *Коноджю:-ва нани то иташита яра, шиаваше-мо* ашю: гозару фодони, *укэтамаварэба утокунин-га ари, муконо иру ёши-во* укэтамавару фодони, *маири муко-ни наро: то зонзуру* (К, I, 108) 'Последнее время как-то так получается, что [мне] *не везет, поэтому когда* [я] *услышал,* что одному достойному человеку нужен зять, [я] решил пойти [к нему] и стать зятем' (в этом предложении *фодони* употреблено дважды: первый раз с причинным оттенком значения, второй — с временным); *Фиказу-во* фэру фодони, *шидаини шиширокконва ёварифатэ, шиндаи кокони кивамата* (Е, 463) '*По мере того, как шли* дни, руки и ноги постепенно слабели и утрачивали способность двигаться'; *Ироиро-но цумору моногатари, мо:цу, уто:цу,* асобу фодони, *фая ёкэ-но карасу-га наита* (К, I, 235) 'Рассказывали различные истории, танцевали, пели, *играли так* [долго], *что* уже [начался] рассвет [и] закаркали вороны' (перед *фодони* стоит форма непредшествующего времени потому, что действия придаточного предложения не прекратились до начала действия главного).

Таким образом, еще в языке XVI—XVII вв. употребление времени перед *фодони* было относительным. Если глагол перед ним обозначал предшествующее действие, употреблялась форма на *-та*, а если непредшествующее — форма на *-у* (даже в речи о прошлом).

В современном языке союз *ходо* имеет несколько иное значение: 'настолько... что', 'так... что'. При таком значении *ходо* глагол, стоящий перед ним, может уже обозначать последующее действие: *Суруто Тякку-ва о:гути-о айтэ, ханамэганэ-га* отиру ходо *вараидасимасита* (А, 375/3) 'Тогда Тяк, открыв свой огромный рот, засмеялся *так, что* пенсне *свалилось*'. *Отиру* 'упасть', 'свалиться' — действие моментальное, однократное, совершившееся в прошлом. Если бы времена перед союзами могли иметь абсолютные значения, то в подобных случаях встречалась бы и форма на *-та*. Однако в изученных текстах последующие действия обозначаются только формами непредшествующего времени: *Нэ:сан-ва* ... одороку ходо *ки-но мидзикай сэйсицу-о моттэ имасита* (С, 19/3) 'Старшая сестра имела удивительно (букв. *до того, что*

удивляются) нетерпеливый характер'; *Соситэ Нодзима-ва дзибун-дэмо хадзукасику* нару ходо *юкайни наттэ кита* (М, 379/3) 'Нодзима развеселился *так,* что самому *стало* стыдно'; *Сикамо ё:яку каэттэ куру то, амагайто:-мо хитори-дэва* нугэнай ходо, *сакэкусай ниои-о кокю:-ситэ ита* (А, 177/1) 'Когда же [он], наконец, приходил, [от него] несло водкой, [и он был так пьян], *что не мог* сам даже *снять* плащ'; *«О-Цурусан» то коэ-о* какэтай ходо *дзибун-ва ситасиса-о кандзита* (М, 314/1) 'Я почувствовал *такую* радость, *что* [мне] *захотелось крикнуть* [ей]: «О-Цурусан!»'.

Форма на *-у* в относительном значении непредшествования перед союзом *ходо* встречается во многих произведениях (см., например, А, 287/1 и 2; М, 304/2, 313/3).

Перед союзом *ходо* употребляется и форма на *-та: Анэ-то иссёни ита аида, ватаси-ва хотондо икари тою: моно-мо* сиранакатта ходо *дзибун-но сё:нэнрасий сэйсицу-га нобитэ итта...* (С, 18/2—3) 'Когда [я] жил вместе со старшей сестрой, мой детский характер развивался *в таких условиях,* что я почти *не знал,* [что такое] гнев'. Употребление здесь формы на *-та* объясняется тем, что она выражает предшествующее действие и имеет причинный оттенок значения, который свойствен и форме на *-тэ* (именно потому, что мальчик жил у старшей сестры, он и не знал, что такое гнев, а это, в свою очередь, повлияло на формирование его характера).

Употребление времен перед союзом *ходо* является чисто относительным.

§ 21. Временные формы перед *цумори-дэ* 'намереваясь', 'полагая, что'

Хотя *цумори* 'намерение' не является союзом, это существительное в творительном падеже на *-дэ* может употребляться между предложениями, связывая их. Глагол, стоящий перед *цумори,* обычно обозначает в таких случаях последующее действие и стоит в форме на *-у*: *Ёй катана-о сэмбон* ацумэру цумори-дэ, *999хон-ва тотта* (Т, III, 42—43) '*Намереваясь собрать* 1000 хороших клинков, [я] достал 999'; *Хатия-ва футатаби ... Синъэцу-э иру* цумори-дэ *Эдо-о дэта* (Кик., 6/2) 'Хатия вышел из Эдо, *намереваясь* во второй раз ... *проникнуть* в Синъэцу'; *Хаха-ва ... нэцу-о* самасу цумори-ка ... *фу:фу: Такаси-но атама-о фуйта* (А, 326/3) 'Теща ... дула на голову Такаси ... *намереваясь сбить* жар, *что ли*' (см. также С, 44/2).

Когда *цумори-дэ* соответствует русскому словосочетанию «полагая, что», предикатив перед ним имеет значение о д н о в р е м е н н о с т и и стоит тоже в форме непредшествующего времени: *Мада* хаяй цумори-дэ *гакко:-э иттара, мо: о:дзэй ки-*

тэ ита (Т, V, 85—86) 'Когда [я] пришел в школу, *думая, что* еще *рано,* там было уже много народу'.

Глаголы, стоящие перед служебными словами со значением предстояния (последования), обозначают предстояние (последование) по отношению к следующему упоминаемому действию. Одиако специальных форм с этим значением в японском языке нет. Поэтому оно выражается теми же формами, что и значение одновременности, т. е. формами непредшествующего времени, которые и в этой позиции имеют чисто относительный характер.

Раздел IV

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД СОЮЗНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ПРЕДШЕСТВОВАНИЕ

Из материалов, приведенных во II и III разделах главы, явствует, что перед союзными элементами, обозначающими одновременность и предстояние (последование), употребляются только формы непредшествующего времени.

Если такое явление объясняется основным значением этих времеиных форм, можно ожидать, что перед союзными элементами, обозначающими предшествование, будут употребляться только формы предшествующего времени, в частности формы на *-та* и на *-тэ*, в речи не только о прошлом, но и о будущем. Это докажет, что употребление этой формы является чисто относительным (по крайней мере, во временных придаточных предложениях).

§ 22. Временные формы перед союзными словами *ато*[*дэ*] 'после' и *ноти* 'после'

Абэ в учебнике для иностранцев пишет, что перед *ато*[*дэ*] «время глагола всегда прошедшее: *Kore wo yomimashita atode, watakushi wa minna ni hanashimasu* 'Когда это прочту, всем расскажу'; *Nippongo wo benkyo:-shimashita atode, watakushi wa furansugo wo benkyo:-shimasu* 'Я буду учить французский после того, как выучу японский'» [211, 161].

И действительно, не только в речи о прошлом, что объяснимо с любой точки зрения, но и в речи о будущем перед союзным словом *ато*[*дэ*] употребляется форма на *-та*: *Со:ситэ Цуру-то фу:фу-ни* нарэта ато-*но кото-о кангаэта. Дзибун-ва фу:фу-то* натта ато *ицумадэмо ко:фуку-ни ирарэру ё:на ки-га суру* (М, 314/3) 'И [я] думал о том [времени, которое наступит] *после того, как* [мы] с Цуру *сможем стать* мужем и женой. Мне кажется, что *после того, как* [мы] *станем* мужем и женой, [мы] всегда будем жить счастливо'.

Употребление формы на *-та* в речи о предшествующем действии в будущем наблюдается и перед союзным словом *ноти*, синонимичном *атодэ*: *Соситэ, ситиканэнкэйкаку-о* канрё:-сита ноти... («Акахата», 19.XI.1958) 'А *после того, как выполнят* семилетний план...'

Поскольку в литературе по вопросу о японских временах признается, что перед *ато* и *ноти* в союзном значении употребляется форма на *-та*, нет смысла приводить дополнительный материал, подтверждающий этот факт. Между тем необходимо разобрать случаи применения перед *ато* формы на *-у*: *Ару токи... сё:гакко:-но кё:ин-га, атарасику кита вакай дзёкё:ин-то цурэтаттэ* юку ато-о *карэ-ва нанигэ-наку цуйтэ итта* (Сига, 301/1) 'Однажды... он без всякого умысла пошел *вслед за* учителем начальной школы, который *уходил* вместе с молодой учительницей, недавно поступившей [на работу]'. Здесь форма на *-у* показывает, что оба действия совершались одновременно, а *ато* имеет не временное, а пространственное значение, т. е. не является союзным словом.

§ 23. Форма на *-та* перед союзным словом *уэ*[*ни, дэ*] 'после'

Союзное слово *уэ*[*ни, дэ*] представляет собой сочетание: *уэ* 'верх'+падежный суффикс *-ни* или *-дэ* (ср. послелог *уэни* 'над', который применяется только после родительного падежа имени).

Перед *уэ*[*ни, дэ*] употребляется только форма на *-та* даже в речи о будущем: *Ёритомо-ва «хитомэ* мита уэдэ» *то Мандзю-о ёбидасимасита* (Т, VIa, 51) 'Ёритомо, сказав: «Один раз *посмотрю, потом* [решу]», — вызвал Мандзю'.

Словосочетание *мита уэдэ* вошло уже в словари как устойчивое; для правильного понимания японских текстов надо знать, что оно может относиться не только к прошлому, но и к будущему: «*мита уэ-дэ* 'после просмотра', 'после того, как посмотрю'» [83, 687]. Приведу примеры: *Тоникаку кири-но харэру-но-о* матта уэни *синакэрэба наримасэн* (А, 372/3) 'Во всяком случае надо [было] *дождаться,* пока туман рассеется, а *потом* [уже] действовать'; *Катагата о-Суми-ва 49нити-дэмо сундара, о-Тами-ни муко-о* атэгатта уэ... *хатарайтэ морао: то омоттэ ита* (А, 297/1) 'Тем временем о-Суми решила, что по истечении 49 дней [траура] *после того, как* [она] *даст* о-Тами [нового] мужа..., [они] будут работать на нее'; *Сайбансё-ва... рё:хо:-но иибун-о киитари, сё:нин я сё:ко-но какицукэ-о* сирабэтари-сита уэдэ, *дотира-но сютё:-га тадасий ка-о хандан-си ... иватасу* (Т, XII, 153) 'Суд ... *после того, как* выслушает показания обеих сторон и *ознакомится* с документальными доказательствами, решает, чьи утверждения правильны, и выносит приговор...' (см. также Т, XII, 154).

§ 24. Форма на *-та* перед союзным словом *бундэва* (от кит. *фэнь*) 'судя по тому, что', 'если', 'раз'

Это союзное слово употреблялось в текстах XVI—XVII вв. после формы на *-та* как в речи о прошлом, так и в речи о будущем: *Я, саё:ни* ё:да бундэва *комаи зо* (К, I, 183) 'Ну, раз [ты] так неуважительно [его] *позвал,* [он] не придет'; *Но:но:, соно ё:ни* наитэ ита бундэва, *рати-га акумаи* (К, I, 117) 'Ну, *раз* [она] так *плакала,* [ты] вряд ли [с ней] поладишь'; *Нуши-во вомо: моно-дэ гозарэба, сорэгаши-но* кимашита бундэва *миемасуру* (К, I, 337) '[Шапка-невидимка] — вещь для хозяина, поэтому, *если* я [ее] *надену,* [меня] будет видно'.

В современном языке *бундэва* не употребляется.

* * *

Сравним употребление форм непредшествующего времени перед словами со значением «до того, как», «перед тем, как» и форм предшествующего времени перед словами со значением «после того, как» в японском языке с употреблением временных форм в маньчжурском языке. В. А. Аврорин пишет: «Весьма показателен порядок сочетания имен действия (глаголов.— *Н. С.)* с послелогами *манги* 'после того, как...' и *онголо* 'до того, как...' Первый из них может следовать только за именами действия в „прошедшем времени", а второй — только за именами действия в „настоящем времени"... Изменение времени [конечного] сказуемого никак не отражается на форме интересующего нас словосочетания *си битхэ бэ араха манги, би тэрэбэ унгимби* 'после того, как ты написал (напишешь) письмо, я его посылаю (пошлю)', хотя маньчжур, говоря так, мог иметь в виду, что письмо это к моменту речи еще и не было написано» [7, 64].

Таким образом, указанная закономерность — относительное употребление времен в данной синтаксической позиции — свойственна как японскому языку, так и некоторым тунгусо-маньчжурским языкам.

Раздел V

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД СОЮЗНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ, НЕ ОБЛАДАЮЩИМИ ЗНАЧЕНИЕМ ОДНОВРЕМЕННОСТИ, ПОСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ КАК ЕДИНСТВЕННЫМ ИЛИ ОСНОВНЫМ

Наряду с союзными элементами, обладающими четко выраженным значением одновременности, последования или предшествования, в японском языке есть немало союзных элементов с более широким значением. Их можно назвать

общевременными. «Общевременные союзы ... указывают только на временной характер подчинительной связи частей сложного предложения и не определяют конкретных временных отношений между главным и придаточным предложениями» [74, 52]. «Для выражения временной соотнесенности действия придаточных предложений, вводимых этими союзами, с действием главных предложений служат иные средства — временные формы глаголов, лексический состав сложного предложения, контекст всего высказывания и другие» [74, 45].

Есть и ряд союзных слов, которые совмещают временное и пространственное значения, в частности: *ути, аида, токоро, тотю:, нака.* Хотя в данном разделе речь идет об их временном значении (значении одновременности), но в других контекстах они могут употребляться и в чисто пространственных значениях: *ути* 'внутри', *аида* 'в промежутке', *токоро* 'место', 'там, где', *тотю:* 'на полдороге', *нака* 'середина'.

Кроме того, имеется немало причинных, уступительных, противительных и других союзных элементов. Употребление времен перед ними также подчиняется определенным правилам, которые и должны быть установлены в результате изучения фактического материала.

§ 25. Временные формы перед союзным словом *токи*[*ни, ва, нива*] 'когда', 'в то время, когда', 'если'

Токи[*ни, ва, нива*] является одним из самых употребительных союзных слов с условно-временным значением.

Если бы в японском языке временные формы перед союзными словами имели абсолютные значения, то перед *токи* в речи о прошлом (даже если бы сказуемое придаточного предложения обозначало действие, одновременное с действием, о котором говорится в главном предложении), как правило, употреблялась бы форма на *-та.* Однако перед *токи* в речи о прошлом настолько часто встречается форма на *-у,* что на это явление обратили внимание уже авторы первых грамматик японского языка. Так, Д. Кольядо писал: «Частица *toqi,* сопровождающая настоящее время, делает его прошедшим несовершенным» [220, 45]. Кольядо имел в виду употребление перед *токи* формы настоящего в речи о прошлом. Но, разумеется, союзное слово не меняет значения временной формы, за которой следует.

Не могут правильно объяснить употребление формы на *-у* перед *токи* в речи о прошлом и современные японисты. Так, О. В. Плетнер писал: «В придаточных предложениях иногда вместо прошедшего может быть поставлено настоящее, именно потому, что смысл главного не заставляет нуждаться в спецификации времени придаточного:

Ватакуси-ва Нихон-э хадзимэтэ куру токи-ни... — 'Когда я впервые приехал в Японию...'

Можно было бы ожидать: *Ватакуси-ва Нихон-э хадзимэтэ кита токини...*, т. е. прошедшего времени (*кита* вместо *куру*). Прошедшее время в этой фразе может быть употреблено, но может быть употреблено и настоящее» [91, 73].

Из этого высказывания Плетнера остается неясным, когда же перед *токи* надо применять прошедшее время, а когда настоящее. Кроме того, приводя пример, Плетнер не счел нужным дать главное предложение, поэтому нельзя понять, в чем же заключается особый «смысл главного». И наконец, вопреки мнению Плетнера, перед *токи* мы находим четкую дифференциацию времен: *Карэра-га мия-о* сагару токи, *карэ-ва хитофури-но цуруги-о тоттэ, «корэ-ва орэ-га Коси-но ороти-о* китта токи, *соно о-но нака-ни атта цуруги-да»* (А, 287/3) '*Когда* они *выходили* из дома, он, взяв меч, [сказал им]: «Этот меч я обнаружил в хвосте дракона из Коси, *когда* [я его] *зарубил*»'. В этом сложном предложении *токи* употреблено дважды. В первом случае перед ним стоит форма на *-у*, так как действие *сагару* 'выходить' не было закончено к началу следующего упоминаемого. Во втором случае форма на *-та* перед *токи* указывает на предшествование (сначала убил дракона, а потом лишь обнаружил меч). (См. также Т, III, 18—19.)

Уже в текстах XVI—XVII вв. встречаются примеры относительного употребления формы на *-у* перед *токи*: *Варавага ёмэири-иташитэ* маиру токи-ио, *кимоирарэта фито-га гозару* (К, II, 85) '[Здесь] живет человек, который был сватом, *когда я выходила* замуж'; *Макотони кунимото-о* идзуру токива, *мияко-есае ноборитараба, бэцуги-ва арумай, ицука-ка то:ка-но учи-нива, рачи-мо ако: ё:нимо зонжитэ гозару га...* (К, I, 338) 'Действительно, *когда* [я] *уезжал* из родных мест, [я] думал, что, приехав в столицу, я все устрою за 5—10 дней...'

В современном языке и в речи о прошлом перед *токи* также употребляется форма на *-у*: *Хаси-но сита-о кугуттэ* то:ру токи, *«го:» тою: дэнся-но хибики-га ситэ...* (Сёто:, 132—133) '*Когда проезжали* под мостом, послышался звон трамвая...'; *Корэ-ва хакасэ-га Саппоро-о* сару токи, *найтэ вакарэ-о осиму гакусэйтати-ни нокосита тою: ю:мэйна котоба-да ё* (Т, XI, 78) 'Эти знаменитые слова профессор сказал студентам, которые не скрывали своих слез, *когда* [он] *покидал* Саппоро'; *...Сирой имоноко-га* дэтэ иру токи-надова, *котони урэсику омоимасита* (С, 5/3) '...Особенно было забавно, *когда показывалась* белая картофелина'; *Ватаси-мо гакко:-но хо:-э ки-га* сэкарэру токи-надова ... *нарубэку хаяй кото-о ямасита* (С, 19/3) '*Когда* я *торопился* в школу ... я делал все как можно быстрее'; *Кантаро:-га* отиру токини, *орэ-но*

авасэ-но катасодэ-га могэтэ, кю:ни тэ-га дзию:ни натта (Н, 91/3) 'Когда Кантарооо *падал,* рукав моего авасэ [14] оторвался, и рука мгновенно освободилась'; *Кино:* тацу токини нэ, *Мацубаракун-га Уэно-мадэ миокури-ни китэ курэта-н-да* (И, 103/1) 'Когда [я] вчера *уезжал,* Мацубара пришел проводить меня до Уэно' (если здесь перед *токи* применить форму на *-та*, изменится смысл предложения: *татта* 'уехал'. Фраза будет означать, что Мацубара опоздал на проводы); *Собава... рё:ри-но дзайрё:-о тори-ни куса-о цундари каэру я каваио-о* тоттари-суру токива, *канарадзу ватаси-о цурэтэ итта* (Токуда, 15) 'Когда бабушка... чтобы приготовить поесть, отправлялась рвать траву, *ловить* лягушек и речную рыбешку, [она] всегда брала меня с собой' (здесь глагол, стоящий перед *токива,* имеет значение предстояния); Нэру токинива, *боку-ва ни:сан-то нарандэ нэмасита* (Т, IV, 20) 'Когда [настало время] *ложиться спать,* я лег рядом со старшим братом' (см. также Токуда, 13; С, 29); *Коно соба-ва ватакуси-но тю:гакусоцугё:-маэни синда га,* сину токинимо, *дзэхи коно маго-о То:кё:-э ярэ... то итта синда* (Токуда, 15—16) 'Бабушка умерла до того, как я окончил среднюю школу, но, *даже умирая,* [она] говорила: «Непременно пошлите этого внука в Токио...»' (хотя здесь можно было бы употребить форму на *-тэ иру,* в этом предложении перед *токи* стоит форма на *-у,* так как форма на *-тэ иру* от глагола *сину* 'умирать' имеет только перфектное значение 'быть мертвым').

Перед *токи* возможно и употребление формы на *-тэ иру: Ватаси-ва кокоромоти-но* ираира-ситэ иру токи-надова, *мо: сукоси хикуй коэ-дэ ёндэ курэ тою: кото-о, кабэгоси-ни танонда кото-мо атта* (Х, 6/2) 'Когда я *выходил* из себя, я, бывало, говорил ему через стену: «Читай немножко потише!»' Однако надо отметить, что в изученном материале форма на *-тэ иру* перед *токи* встречается очень редко.

Перед *токи* применяется в относительном значении даже конструкция «форма на *-тэ* + вспомогательный глагол *симау*», указывающий на законченность действия.

В отличие от русских форм совершенного вида конструкция «форма на *-тэ* + *симау*» может употребляться в речи о любом отрезке времени. Лексическое значение основы *сима-* — законченность действия (*симау* 'кончать'), а временное значение — непредшествование. Пример: «*Кондо-ва орэно миноуэ-да*» — *орэ-ва нусубито-га ябу-но сото-э, сугата-о* какуситэ симау токи, *ко: цубуяита-но-о обоэтэ иру* (А., 258/3) 'Я помню, что разбойник, *исчезая* в чаще, пробормотал: «Теперь надо подумать и о себе»'.

Перед *токи[ва]* глагол может стоять и в форме на *-най: Цуру-ни* аванай токива *сабисику натта* (М, 289/3) 'Когда [я]

[14] А в а с э — одежда типа кимоно.

не встречал Цуру, [мие] становилось грустно'; Аэнай токиниива *майсю: итидо-гурай аи-ни-дэкакэта кото-мо атта* (М, 290/3) 'Примерно раз в неделю, *когда* [я] *не мог встретиться* [с ней, я] выходил ей навстречу'; *Мада Ко:фу-мадэ кися-но* дэкинай токи-но *кото-дэ юку тотю: ару мати-но рёкан-ни томатта* (М, 303/2) 'Это было время, *когда* поезда до Коофу еще *не ходили,* поэтому [он] остановился в одном городе в гостинице'.

Глагол перед *токи* принимает форму на *-та,* если выражаемое им действие предшествует (своим концом или началом) следующему упоминаемому: *Цукиё-но бан-ни, коно мура-но тэйсяба-ни* оросарэта токива, *донна кокоромоти-га сита-дэсё:* (Т, VI, 41—42) 'Что [она] почувствовала, *когда* [ее] *вывели* [из вагона] на эту деревенскую станцию в лунную ночь?'; *Кирэй-да на: — со:* омотта токини, *фуини, о:дзэй-но вараигоэ-га кикоэтэ кита* (Кокуго, Тю:гаку, 1[1], 20) 'Как красиво! — *Когда* [она] так *подумала,* неожиданно послышался смех'.

Перед *токи* встречается, хотя и редко, форма на *-тэ ита*: *Со:со:, кёнэн, Рё:итисан-га* оидэ-ни наттэ ита токи, *ватаси-га «Нацуясумигакусю:тё:»-о торитигаэтэ, Рё:итисан-но-ни какикакэта кото-га аримасита нэ* (там же, 14) '*Когда* в прошлом году *приехал* Рёоити, я по ошибке обменялась [с ним] «Тетрадями для упражнений во время летних каникул» и стала писать в его [тетрадке]'. Здесь форма на *-тэ* имеет значение предшествования конца, а форма *ита* — предшествования начала.

Таким образом, уже в течение нескольких веков перед союзным словом *токи* могут применяться временные формы как со значением непредшествования, так и предшествования. Это дает возможность утверждать, что очень часто временные формы перед *токи* употребляются в относительном значении. Но для того, чтобы считать такое употребление правилом (хотя бы в современном языке), надо рассмотреть и объяснить примеры, в которых в придаточном предложении со сказуемым в форме на *-та* речь идет о действии, которое как будто бы является одновременным по отношению к прошлому действию, выраженному сказуемым главного предложения. В этих случаях на первый взгляд может показаться, что форма на *-та* перед *токи* имеет абсолютное значение.

Однако такое употребление может обусловливаться или оттенком предшествования начала у формы на *-та* (особенно очевидным, когда она имеет и оттенок причинности), или вынужденным п е р е р ы в о м п р о ц е с с а, который выражен глаголом, стоящим перед *токи.* На это обстоятельство обращают внимание Ваккари: «Прошедшее длительное в речи о действии, не совсем законченном, употребляется тогда, когда кто-либо прерывает свое действие во время речи. Этот пере-

рыв превращает действие, о котором шла речь, в только что прошедший факт. С другой стороны, употребление настоящего содержит мысль о том, что действие длится, даже когда исполнитель говорит» [240, 161—162]. К сожалению, сами Ваккари с этой точки зрения рассматривают только простые предложения. Однако, по-видимому, положение о перерыве действия как причине, по которой это незаконченное по существу действие считается предшествующим, является более важным, чем полагали Ваккари. В частности, это положение относится не только к диалогу, но и к повествованию: *Watashi ga* asa no shokuji wo tabete ita toki ni *jishin ga okorimashita* [см. 240, 156] '*Когда я завтракал*, произошло землетрясение' (с началом землетрясения еда была прервана); *Watakushi ga kono hon wo* yonde imashita toki, *Tanaka san ga kimashita* [см. 240, 159] '*Когда я читал* книгу, пришел Танака' (с приходом гостя чтение пришлось прервать).

Разумеется, перерыв действия при наступлении следующего упоминаемого действия расценивается как предшествование, что объясняет многие случаи применения формы на *-та* не только перед *токи,* но и перед другими служебными словами.

Но форма на *-та* перед *токи* обозначает предшествование не только в речи о прошлом, но и в речи о будущем, что особенно показательно для выявления основного значения этой формы. Например: *Коно рё:-но тэ-га ти-дэ акаку* натта токи-о *со-дзо:-ситэ миру-га ёй* (А, 69/1) 'Представляю себе, *как* эти руки *станут* красными от крови'; *Омаэтати-га о:кику наттэ, итиниммаэ-но нингэн-ни* содатиагатта токи, — *соно токи-мадэ омаэтати-но папа-ва икитэ иру ка инай ка, сорэ-ва вакаранай кото-да га* (Арисима, 5/1) 'Еще не известно, проживет ли ваш папа до того времени, *когда* вы вырастете и *станете* взрослыми людьми'.

Подобные примеры приводятся и в работах по японской грамматике: *Ситаку но* дэкимасита токи ни *сирасите о куннасай* [см. 139, 180] 'Соблаговолите известить, *когда закончите* приготовления'; *Хана-но* сайта токини *мата коё:* [см. 179, 356] '*Когда* цветы *зацветут*, [мы] снова придем'.

Нельзя согласиться с тем, как трактует некоторые случаи употребления формы на *-та* перед *токи* И. В. Головнин. Он приводит следующие примеры и дает их перевод: *«Ватакуситати-га сайгони* атта токи *Барубю:су-ва дзибун-но сигото-ни цуйтэ ироиро ватакуси-ни ханаситэ курэмасита* («Минсю Нихон», 2.IX.1950) '*Когда* мы последний раз *виделись,* Барбюс много рассказывал мне о своей работе'; *Ару хито-га, хадзимэтэ фунэ-ни'* нотта токи *уми-га арэта нодэ тайсо: ёваттэ имасита* (Токухон, V, 66) '*Когда* один человек впервые *плыл* по морю на корабле, оно очень бушевало, и он чувствовал себя очень плохо'» [30, 218—219]. Разбирая эти предложения,

И. В. Головнин пишет: «В этих примерах *токи* после *-та* говорит об одновременном осуществлении действий придаточного и главного. Это объясняется тем, что глаголы *ау, нору* не предельные, а длительные, процессуальные по существу своей лексической семантики» [30, 219]. Однако *атта* значит не 'виделись', а 'встретились', *нотта* — не 'плыл', а 'сел и поехал', т. е. в обоих случаях глаголы выражают предшествование начала, в последнем — с некоторым перфектиым оттенком. К тому же, *токи* само по себе не дифференцирует одновременности и предшествования, это делают формы глаголов перед ним.

Следовательно, примеры И. В. Головнина нужно перевести так: '*Когда* мы *встретились* в последний раз...', '*Когда* человек впервые *сел* на пароход *и поехал,* море разбушевалось, и он очень страдал от морской болезни'. Форма на *-та* перед *токи* показывает, что первое действие началось раньше второго (сначала человек сел на пароход, а потом уже море разбушевалось). Если бы глагол перед *токи* обозначал одновременность, была бы употреблена форма *нору*. На предшествование начала указывает и глагол *арэта* 'разбушевалось' (а не 'бушевало').

На основании изученного материала можно сделать вывод, что *токи* обозначает время в самой общей форме — без уточнения. Употребление времен перед *токи* является чисто относительным.

§ 26. Временные формы перед союзным словом *ути*[*ни*] 'пока', 'когда'

Это союзное слово употреблялось еще в старояпонском языке. Относительное употребление формы на *-у* перед *утини* находим уже в текстах XVII в.: *Я:, наника то* мо:су учини, *фая Камакура-ни цуита* (К, II, 230) '*Пока* [я] *говорил о том,* о сем, [я] уже прибыл в Камакура' (сходный пример см. К, II, 194).

Союзное слово *ути*[*ни*] часто употребляется в современном языке. Перед *ути*[*ни*] применяются формы непредшествующего времени: *Итинэм-бакари* тацу утини *Гинсан-но хо:-ва гакко:-о хиитэ симаимасита* (С, 18/1) '*Прошло* около года, *и* Гин оставил школу'; *Сонна кото-га нандока* курикаэсарэру утини, *дандан аки-га фукаку наттэ кита* (А, 177/1) 'Так это *повторялось* несколько раз, *а тем временем* наступила глубокая осень'; *Мада хати-га асимото-мадэ* конай утини, *со:ко:-то сорэ-о фумикоросо: то сита* (А, 290/1) '*Пока* оса еще *не долетела* до ног, [он] старался убить ее'; *Усиро-ни маттэ ита кодомотати-ва, соно канке:-га мада* киэнай утини, *ину-то саки-о арасоинагара, эмоно-о хирои-ни какэтэ итта* (А, 187/2) '*Не успел* еще *отэвучать* выстрел, как ожидавшие поодаль де-

ти наперегонки с собакой бросились искать добычу' (см. также А, 294/2).

Ути[ни] чаще, чем *токи[ни]* означает довольно длительный период времени. Поэтому перед *ути[ни]* часто встречается форма на *-тэ иру*: Митэ иру утини, *нагай, уцукусий о-о... хирогэмасита* (Т, V, 36) '*Пока* [мы на него] *смотрели*, [павлин] распустил ... длинный красивый хвост'; *Конна ханаси-о* ситэ иру утини, *тэйсядзё:-маэ-э кита* (А, 12/3) '*Пока* [мы] *вели* такой разговор, [мы] подошли к вокзалу'; *Сонна монку-о* кайтэ иру утини ... *фудэ-но сибуру кото-мо сайсан атта* (А, 177—178) '*Когда* [она] это *писала* ... перо не раз останавливалось на бумаге'; *Сикаси, корэ-о* кийтэ иру утини, *гэнин-но кокоронива, ару ю:ки-га умарэтэ кита* (А, 6/2) 'Однако, *пока* слуга это *слушал*, в душе у него рождалось мужество'.

Иногда, хотя и очень редко, перед *ути[ни]* встречается форма на *-тэ ита*: *Соно уэни Янаи-то Оно-това, соно тоси-но нацу, соцугё:го-но ясуми-но аида, Бо:сю:-но ару умибэ-э иссёни* иттэ ита утини, *сибасибато сэнсэй-то тэгами-о о:фуку-сита* (Кумэ, 251/3) 'Летом того же года во время каникул после выпускных экзаменов, *пока* Янаи и Оно, *отправившись* на берег моря в Боосюу, *находились* [там], [они] часто обменивались письмами с учителем'. Здесь форма *иттэ* 'отправившись' обозначает предшествование конца, а *ита* 'находились'— предшествование начала.

Употребление времен перед союзным словом *ути[ни]* является чисто относительным.

§ 27. Временные формы перед союзным словом *аида[ни]* 'пока', 'в то время как'

Аида, подобно *маэ, ути, токоро*, совмещает пространственное и временное значение. Как имя *аида* значит 'расстояние', 'промежуток', 'период времени', 'время'; как отыменный послелог, следующий после родительного падежа имени,— 'между', 'среди', 'в течение' [см. 83, 16].

В речи о прошлом перед союзным словом *аида[ни]* в подавляющем большинстве случаев употребляются формы непредшествующего времени: *Кариину-но коэ-га ока-кара* кикоэтэ куру аида, *Рэна:до-ва, будзини коко-дэ курасу котони наримасита* (Кокуго, 4[2], 124—125) '*Пока* с холмов *доносился* лай охотничьих собак, Ренальд (кличка олененка.— *Н. С.*) жил здесь в полной безопасности'; *Боку-ва мутю:ни наттэ* оикакэру аидани *нандомо соно сугата-о миусинао: то симасита* (А, 373/2) '*В то время как* я изо всех сил *гнался* за ним, [я] несколько раз терял его из виду'; *Ито-ва, итисанти, нисанти то*, миру аидани, *нобитэ, нимэ:тору гураи-нимо наримасита* (Т, V, 77—78) 'Паутинка, удлиняясь *на моих глазах* то

на сантиметр, то на два, увеличилась на целых два мѐтра'; *Миямото-ва со:* ю: аиданимо... *суто:в-но кути-э иппай-но сэкитан-о сараиконда* (А, 327/2) 'Миямото, *даже говоря* это ... подкладывал в печь полный совок угля'.

Перед *аида[ни]* часто употребляется форма на *-тэ иру*: *Ко:* ситэ иру аидани, *ватакуситати-ва, то:то: уми-э дэмасита* (Т, V, 73) '*Пока* [все] *шло* таким образом, мы, наконец, вышли в море'; *«Оя.» то*, омоттэ иру аидани, *боку-ва, курума-но кадзу-га, вакаранаку наримасита* (Т, II, 108—109) '*Пока* [я] удивленно смотрел на них, я сбился со счета'. (См. также А, 453/3.)

Иногда перед *аида[ни]* встречается форма на *-тэ ита*: *Ватаси-но* нэтэ ита аидани, *маэ-но тамбо-но инэ-ва суккари кариторарэтэ симаттэ, киирой инамура-га, хирой тамбо-но сокококо-ни дэкитэ имасита* (Х, 70/2) '*Пока* я *спал*, весь рис сжали, и на широком поле там и сям выросли желтые копны'. Форма на *-тэ ита* стоит здесь потому, что действие *нэтэ ита* 'спал' должно было быть прервано, прежде чем могло быть обнаружено действие, о котором говорится в главном предложении.

§ 28. Временные формы перед союзным словом *нака[ни, дэ]* 'пока', 'в течение'

Это союзное слово происходит от имени *нака* 'середина'. Послелог *накани* следует после родительиого падежа имени и переводится 'в [середине]'.

Союзное слово *нака[ни, дэ]* после глагола встречается очень редко. Иероглиф, которым записывается слово *нака*, может читаться и *ути*, поэтому пришлось брать только такие примеры, где самим автором отмечено чтение этого иероглифа как *нака*.

Перед *нака[ни]* в речи о прошлом употребляются формы непредшествующего времени. *Нёобо:-ва коно кото-во нагэитэ, «нанто шеба, коно кушв-во навосо: зо» то* аниживадзуро: накани, *мата вôзакэ-во номи, женго-мо ширазу ёифушита...* (Е, 496) '*Пока* опечаленная жена *мучилась, думая:* «Как бы исправить эту плохую привычку?» — муж снова много выпил и, ничего не соображая, валялся пьяный...'; *Со:ю: коэ-но амэни* мадзиру накани, *ябурэмусиро-о сийта химэгими-ва, дандан синигао-ни каваттэ итта* (А, 237/1) '*Пока* эти голоса *смешивались* [с шумом] дождя, лицо принцессы постепенно мертвело'; *Букоцуна го:кэцухада-но одзи-саэмо,* цуцусиндэ ситэ иру нака-дэ *дзибун-дакэ вадзато со:ю: кото-о сита* (Сига, 138/3) '*Когда* даже невоспитанный дядя — человек неробкого десятка — *вел себя осмотрительно,* я нарочно решился на такую проделку'.

§ 29. Временные формы перед союзным словом *коро*[*ва, ни, кара, мадэ*] 'когда', 'в то время, когда'

Глаголы, выражающие одновременные действия, стоят перед этим союзным словом в форме на *-у* даже в речи о прошлом: *...Това, мада дзёгакко:-ни* иру коро *оба-кара кикасарэтэ, вакэ-мо наку найта кото-га атта* (И, 102/1) *'Когда* [она] *была* еще в женской школе, она, услышав... [об этом] от тетки, горько зарыдала'; *Синсю-но* цукурарэру коро, *ватаси-ва Гин-сан-то иссёни ёку дзю:бако-о моттэ, «умуси»-о вакэтэ мораи-ни каёимасита* (С, 11/1) *'Когда делали* вино, мы с Гином, взяв посуду, частенько ходили за молодым вином'; *Тё:тин-ни ро:соку-но хи-га* уцуру коро-кара, *футари-томо ... савагимаваримасита* (С, 6/1) *'С того времени как зажигались* свечи в фонарях, вы вдвоем ... бегали и шумели'; *Ватаси-ва минна-но ю:хан-но* овару коро-мадэ, *кокоробосоку татицудзукэмасита* (С, 4/1) 'Я продолжал одиноко стоять, *пока* все [не] *кончили* ужинать'.

Придаточное предложение конструируется перед *коро*[*ва, ни, кара, мадэ*] как определительное (нередко с суффиксом родительного падежа *-но* после подлежащего).

Если глагол, стоящий перед этим союзным словом, выражает предшествующее действие, он неизменно применяется в форме на *-та*: *Гинсан-то ватаси-тога иёиё дзё:кё: то* садамата коро-ва, *хаха-но ору хата-га исогасисо:ни хибикимасита* (С, 13/2) *'Когда,* наконец, *было решено,* что мы с Гином отправляемся в столицу, прялка, на которой иряла мать, торопливо застучала'; *Итикиро-мо* сусунда коро-кара *дандан атарига сэнкё:расику наттэ куру* (Т, X, 38) *'Когда* [они] *прошли* километр, все вокруг стало похоже на приют отшельника'; *Ватаси-но* обоэта коро-ва *судэни кувабатакэ-дэ, ринго я киринадо-га хатакэ-но аидани уэтэ аримасита* (С, 11/3) *'С тех пор как я начал* [себя] *помнить,* на плантациях шелковицы в междурядьях уже были посажены яблони и павлонии'. В последнем предложении глагол в форме на *-та — обоэта* 'начал помнить' — выражает предшествование начала (появление самосознания ребенка предшествовало о б н а р у ж е н и ю им этих растений).

§ 30. Временные формы перед союзным словом *токоро*[*га, дэ, ни, о, э*] 'когда'; 'но', 'хотя'

Это союзное слово представляет собой имя *токоро* 'место'+суффикс того или иного падежа; *токоро* относится к словам, совмещающим пространственное и временное значение. Глагол, обозначающий действие, не прекратившееся к началу следующего, стоит перед *токоро* в форме на *-у*: *Ару токи роба то кицунэ дôдо:-шитэ* ю:сан-суру токорони,

нанто шита ка го:тэки-но шишиво:-ни юкиво:тэ, тагаини сорэ дзо то мэ-то мэ-то миавашета токородэ... (Е, 497—498) 'Однажды, *когда* осел и лисица вместе *гуляли*, как-то так случилось, что они набрели на сильного врага — льва, и, когда взглянули друг другу в глаза, то...'; *Е-дэидэ* курушиму токоро-во, *итачи-га митэ...* (Е, 487) '*То, что* [лисица] не может вылезти и *мучается*, увидела ласка...'; *Ясундэ иру токороии...* (Е, 408) '*Когда* [оиа] *отдыхала...*' (См. также К, II, 159, 350; Е, 442, 469.)

Глагол, обозначающий действие, которое закончено, прервано (или будет закончено) к началу следующего, стоит перед *токоро* в форме на *-та* даже в речи о будущем: *Сарина-гара, кататтэ-мо сочи-га мими-га кикоэну фодони, корэ-мо аидзуни,* фатэта токородэ, *тэ-о сашиагэру фодони, соно токи фомэи* (К, I, 387) 'Но если [я] буду рассказывать, твои уши [все равно] не услышат [ведь ты глухой], поэтому и теперь, *когда* [я] *окончу,* дам сигиал — подниму руку, — тогда и хвали'.

Относительное употребление времен перед *токоро* [*га, дэ, ни, о, э*] находим и в современном языке: *Га, татои цуруги-о* нуйта токорога, *карэ-га иппики киру утинива, мо: иппики-га дзо:санаку карэ-о макикоросу-нони тигаи накатта* (А, 291/3) 'Но *если даже* [он] *выхватит* меч, то, пока он зарубит одну [змею], другая, несомненно, легко его обовьет и задушит' (здесь форма на *-та* обозначает будущее действие, предшествующее другому будущему); *Соно гэнрё:-о су-ни хисаситэ, коя-но маэ-дэ хосонагай ито-ни хикинобаситэ* хосу токороо, *ватаси-ва ёку таттэ митэ оримасита* (С, 5/2) 'Я часто стоял и смотрел, *как* [они], смочив эту пряжу в уксусе, вытягивали ее в длинные нити и *сушили* перед [своей] хибаркой'; Коматтэ иру токороэ, *отоно-ни цукаэтэ иру Мандзю-га ёкаро: то мо:-сидасита моно-га аримасита* (Т, VIII, 35—36) '*Когда* [он] *оказался в затруднительном положении*, нашелся человек, сказавший: «Пожалуй, подойдет Мандзю, которая служит в замке»'.

Н. И. Конрад отмечает, что «слово *tokoro* в переносном смысле может означать „время", причем в отличие от ... *toki* и *goro* (*коро. — Н. С.*) и в согласии со своим основным смыслом означает совпадение момента действия главного предложения с действием придаточного. Например: *Watakushi-ga deru tokoro-ni kare-ga kita* 'В тот самый момент, когда я выходил, появился он'; *Nusumu tokoro-wo mita* 'Я наблюдал самый момент, когда он крал эту вещь'; *Yakeshinu tokoro-wo tasuketa* 'Его спасли в тот самый момент, когда он уже сгорал'; *Minna sorotta tokoro-de zembu-ga deta* 'В самый момент, когда все собрались, появилось всё'» [65, 299].

Разумеется, в последнем предложении можно было бы сказать и *сороу* вместо *соротта*. Но значение предложения от

этого изменилось бы: 'В тот момент, когда все собирались... (т. е. еще не все собрались).

Таким образом, в тех случаях, когда действие, о котором говорится в придаточном предложении, не предшествует действию, упоминаемому в главном, перед *токоро* применяется форма непредшествующего времени. Следовательно, употребление времен перед *токоро* является чисто относительным

§ 31. Временные формы перед союзом-суффиксом *ни[ва, мо]* 'когда', 'при'; 'чтобы'

Ни[ва, мо] состоит из суффикса дательно-местного падежа *ни* и частицы *ва* или *мо*. *Ни* нельзя считать падежным формантом, если придаточное предложение с этим союзом-суффиксом, следующим после глагола, не управляется сказуемым главного предложения как предложение-дополнение. Употребление *ни* в союзном значении свойственно уже старояпонскому языку.

В языке XVI в. *ни* встречается после формы на *-у* в речи о прошлом: *Вôкамэ-во санзанни* чё:чяку-суру ни, *ару фито катана-о нуйтэ киро: то шита...* (Е, 467) '*Когда* [лисица] волка всячески *избивала,* один человек, вынув нож, собирался его зарезать...' (см. также Е, 464, 488; К, I, 378, 385).

В современном языке перед *ни[ва, мо]* также употребляется форма на *-у*: *Ватаси-но кокё:-но сю:кан-дэ, хокано хо:бай-о* ёбу нива *«варя» то ии, дзибун-но кото-ва донна мэуэ-но хитоно маэ-дэмо, «орэ»-дэсита...* (С, 16—17) '*Когда* [мы] *звали* какого-нибудь своего сверстника, [мы], по обычаю нашей деревни, называли его «варя», а себя перед любым, даже высшим лицом — «орэ»...'; *Сюдан-дэ ару рэйсэй-о, мотто* цудзукэру нива *Хатия-ва мада вакасугита* (Кик., 5/2) 'Хатия был еще слишком молод, *чтобы продолжать* и дальше сохранять хладнокровие'. (См. также Кокуго, Тюугаку, 1/1, 32; Кик., 143/1; С, 15, 1/2.)

Между *нива* и предшествующим глаголом может находиться просубстантивный суффикс *-но*: *Сорэни о:кина тани-но соко-но ё:на коно ямааи-о дэтэ, бася-нидэмо норэру тою: токоро-мадэ юко: то* суру-но-нива, *дзэхитомо такай то:гэ-о футацу-дакэва косанакэрэба наримасэн-дэсита* (С, 15/2) 'К тому же, *если* [ты] *намеревался,* выйдя из этого ущелья, похожего на дно огромной долины, добраться до места, где можно сесть хотя бы на телегу, [тебе] нужно было непременно перейти через два высоких перевала'.

Если к *ни* присоединяется частица *мо,* то *нимо* не обязательно переводить на русский язык словами «когда», «если» или «при», хотя это значение и остается: *Ката хитоцу* татаку нимо *тадава татакасэмасэн-дэсита* (С, 10/3) '[Он] не разре-

шал *похлопывать* [себя] только по одному плечу' (речь идет о массаже).

Ни[ва, мо] в союзном значении обозначает сопоставление как двух одновременных фактов, так и двух разновременных действий. В последнем случае, если первое действие предшествует второму, глагол ставится в форме на *-та*. При этом очень часто *ни* приобретает уступительное значение. Широко представлено такое употребление *ни* еще в текстах XVI—XVII вв.

Примечательно, что глагол может сочетаться с формантом дательно-местного падежа и в монгольском языке: «Будущее причастие в дательном-местном падеже чрезвычайно употребительно во всех монгольских языках и чаще всего обозначает действие, в момент которого происходит другое действие, причем иногда совпадают лишь конец первого действия и начало второго...» [105, 191].

В языке XVI—XVII вв. относительное употребление времен можно отметить и перед *ни ёттэ* 'так как': Мугон-суру ни ёттэ, *иваво-но уени нагэкакэтэ короитэ куро:та* (Е, 488) '*Так как* [черепаха] *ничего не говорила,* [орел,] бросив [ее] на скалы, убил и съел' (см. также Е, 491, 494, 496, 499).

Ни, соединяясь с *ситэ* (деепричастием от глагола *суру*) и частицей *мо*, образует союзное речение уступительного значения: *Сикаси цукуэ-нива* мукау ни ситэмо, *омоинохока пэн-ва сусуманакатта* (А, 176/2) 'Однако, *хотя* она *и садилась* за стол, перо, вопреки ее ожиданиям, оставалось неподвижным'; ...*Хамурэтто-ни* кё:ми-о мотанай ни ситэмо, *Хамурэтто-но оядэи-но ю:рэй-нива кё:ми-о моттэ ита кара-дэ ару* (А, 337/2) '...Потому что, *хотя* [он] *и не интересовался* Гамлетом, к духу отца Гамлета [он] испытывал интерес'; *Уэ-нара, хито-га* ита ни ситэмо, *до:сэ синин-бакари-дэ ару* (А, 4/1, 2) 'Наверху, *если и были* люди, то только мертвецы' (здесь форма на *-та* обозначает предшествование начала по отношению к тому моменту, о котором идет речь).

Таким образом, и перед союзными речениями, начинающимися с *ни*, употребление времен остается относительным.

§ 32. Временные формы перед союзом *нара[ба]* 'если', 'если бы'

Нара происходит от *нараба* — условного деепричастия непредшествующего времени вероятного наклонения от связки *нари* (из *ни+ари*). Наряду с *нарэба* — условным деепричастием непредшествующего времени изъявительного наклонения — *нараба* употреблялось между предложениями уже в старояпонском языке. Однако в новояпонском языке мы на-

ходим после глагола придаточного предложения только *нара[ба]*. *Нарэба*, хотя и продолжает употребляться, но применяется только после имен, т. е. не как союз, а как связка. Это значит, что всякое *нара* с союзным значением происходит именно из *нараба*. По мнению же Н. И. Конрада, «*нара* тоже по существу два: одно *нара* восходит к *нараба*, другое — к *нареба*» [65, 325]. Это мнение исходит из предпосылки, что раиее после придаточного условного предложения употреблялись как *нараба*, так и *нарэба;* затем в результате фонетической эволюции — «*нараба*>*нара:*>*нара*» и «*нареба*>*нарея*>*нарya*>*нара*» [65, 324] — оба союза слились.

Положение о двояком происхождении *нара* введено в научный оборот давно. Так, еще Д. Смирнов писал: «Оконч[ание] *наре ба* или *нара ба* обыкновенно сокращается в *нара*» [110, 96]. «...*Наре ба* или *нара ба*, сокр[ащенно] *нара*, будучи приставлено к настоящему вр[емени] глагола, образует условное и[аклонение]: *миру нара ба (наре ба), миру нара* вместо *мире ба*» [110, 131]. Однако поскольку случаев перехода *ря* в *ра* в японском языке нет, переход *наря* в *нара* представляется невозможным. И — самое главное — после глагола еще в языке XVI в. употреблялось только *нараба*. В языке XVIII в. *нарэба* употреблялось под влиянием бунго.

Но если даже считать, что вопрос о происхождении *нара* решен, остается по крайней мере еще два вопроса: 1. Почему после имен *нараба* и *нарэба* остались, а после глаголов *нарэба* исчезло еще до XVI в.?; 2. Почему в роли союза сохранилась форма именно вероятного наклонения [по происхождению]? Ведь форма типа *тораба* от всех остальных глаголов уступила свое место форме типа *торэба!*

Нараба и *нарэба* сохранились после имен в качестве условных форм связки, а в связке, как и во всяком глаголе, различие между изъявительным и вероятным наклонениями сохранялось еще долго. А в позицни после глаголов *нараба* при переходе из условной формы глагольной связки в неизменяемую часть речи (союз) утеряло свой предположительный оттенок, так как в японском языке союзы, в частности условно-временные, не делятся на выражающие реальное условие и выражающие гипотетическое условие. Модальность обозначается формой глагола, предшествующего союзу. Это можно подтвердить тем, что уже в текстах XVI—XVII вв. перед *нара[ба]* употреблялись формы всех наклонений, в том числе изъявительного и вероятного: *Ярэярэ тадаима-косо, каё:но иящии шё:баи-итасу томо, ичи-но куи-ни* цунаидэ гозару нара, *ночи-нива нани-во акинаво: то, мидомо-шидаи-джя* (К, I, 468) 'Хотя сейчас я веду такую презренную торговлю, я смогу торговать чем захочу, *если привяжу* [лошадь] к первому столбу'; *Шинзамоно-во* какаетэ гозаро: нараба, *сукоши*

кю:соку-во итасо: то зонзуру (К, II, 283) '*Если* [я] *найму* нового слугу, то, надеюсь, [мне] станет немного легче [15].

Нара[*ба*] может следовать и после глагола в форме повелительного наклонения: *Но: Ичибэе-доно,* иноэ нараба *ино: фодони, итома-во вокушя* (К, I, 116) 'Ну, господин Ичибэй, *если* [вы говорите] — *уходи!,* [то я] уйду, но тогда дайте [мне] развод'.

Все эти примеры показывают, что союз *нара*[*ба*] в новояпонском языке выражал условие вообще, не различая реального и гипотетического условий. Следовательно, наличие еще одного союза было бы совершенно излишним.

Однако на второй вопрос — почему из двух форм старой связки в роли союза оказалась именно *нараба,* а не *нарэба* — пока трудно ответить. Надо, видимо, изучить и более ранние памятники. В известных мне работах по японскому языку этот вопрос не ставится. Более того, многие японские авторы не считают *нара* союзом даже в современном языке. Так, Токиэда находит, что *нара* является условиой формой связки *да.* Он дает такую супплетивную парадигму: первая основа — *дэ,* вторая — *то, ни, дэ,* третья — *да* (заключительная форма), четвертая — *но, на* (определительная), пятая — *нара* [см. 195, 183].

Но если бы *нара*[*ба*] оставалось формой связки, то после придаточного предложения продолжало бы употребляться и *нарэба,* которое скорее всего должно было бы вытеснить *нараба,* как были вытесиены все глагольные формы на *-аба.* Кроме того, между именем и *нара*[*ба*] не могла бы появиться новая связка, которую находим в предложениях *...Соноги-дэ* воджяру нараба... (К, I, 76), *Соноги-дэ* гозаримашё: нараба... (там же) '*Если* такое дело...' Наконец, после подлежащего условного придаточного предложения был бы возможен суффикс родительного падежа *-но.* Однако в придаточном предложении после подлежащего перед *нараба* употребляется только суффикс *-га* (см.: Е, 491; К, I, 370, 387, 386; Q,514). Это последнее обстоятельство опровергает точку зрения о том, что глагол, к которому присоединяется *нара,* субстантивируется. Так, по мнению Н. И. Конрада, *нара* «может встречаться и при глаголах, если данная глагольная форма воспринимается как тайгэн» [65, 325], т. е. как имя.

Переходим к анализу фактического материала для выяснения употребительности временных форм перед *нара*[*ба*]. Примечательно, что в текстах XVI—XVII вв. форма на *-та*

[15] Между употреблением форм вероятного наклонения в новояпонском языке и сослагательного наклонения в русском никакой аналогии нет. В большинстве случаев, когда в русском языке применяются формы сослагательного наклонения, в новояпонском языке стоит форма изъявительного наклонения: *Сашимае-га* ару нараба, *кяцу-во шитомэто: гозару га, тано:да фито-ни шитомэсашемашё:* (К, I, 18) '*Если бы* [у меня] *был* кинжал, [я] бы его прикончил, но [раз нет,] пусть [его] прикончит хозяин'.

перед *нара[ба]* не обнаружена. Один пример приводит Юдзава: *Моши са* атта нараба... [см. 201, 193] '*Если* так...' Однако Юдзава не дает окончания фразы — главного предложения, поэтому неясно, относится форма *атта* к прошлому или к будущему.

В современном языке форма на *-та* перед *нара[ба]* в речи о будущем обозначает предшествование: *Нэ, мосимоё, има кокони Амэрикахэй-га* оритэ кита нара *анта-ва до: суру?* (Токунага, 7) 'Послушай, что ты станешь делать, *если* сейчас здесь *приземлятся* американские солдаты?'; *Канодзё-га, кондо коно ани-ни* атта нара, *донна ки-га суру даро: надо то кангаэта* (И, 101/3) '[Сидзуко] думала о том, что почувствует та [девушка], *если встретится* с ее старшим братом'.

В следующем предложении форма на *-та* обозначает предшествование в речи о настоящем гипотетическом (нереальном) действии: *Мосимо дзинруй-га, мада, «каку» тою: тикара-о* мотанакатта нараба... *кё:-но, ватаситати-ходоно бунка-о моцу кото-ва, дэкинакатта-но-дэва най дэсё: ка* (Кокуго, Тюгаку, 1[1], 38) '*Если бы* люди еще *не обладали* умением писать ... разве могли бы [мы] иметь такую культуру, какая у нас есть ныне'.

Форма на *-та* перед *нара[ба]* обозначает предшествование и в речи о будущем условном действии: *Корэ-кара, моси нагай аида икитэ иру то* симасита нара, *канасими-но киоку-но омони-га, соно аида сидзю: ватакуси-о курусимэтэ инакэрэба наримасэн* (Х, 71/3) '*Если, допустим,* [я] проживу еще долго, тяжесть печальных воспоминаний, должно быть, будет мучить меня все это время' (см. также Нагаи, 149/2; СБ, 270/3; Х, 5/3).

Нара остается вполне живым и после имен: *Миёко-ва, васурэмоно-но* коику:ру-нара, *итто:сё:-га мораэру нэ* (Кокуго, 4[2], 23) '*Если бы были конкурсы* растерях, Миёко могла бы получить первую премию'. В таких случаях *нара* и связка и союз.

Более частое употребление союза *нара* в речи о настоящих, будущих и предполагаемых действиях, чем в речи о прошлом, дает, мне кажется, ответ на поставленный выше вопрос о том, почему в союз превратилась именно форма вероятного наклонения. В языке XV—XVI вв. в речи о будущих действиях и в речи о предполагаемых действиях в настоящем употреблялись только формы вероятного наклонения, поэтому, естественно, что союзом стала именно форма предположительная, вероятная. Но при этом она потеряла свою принадлежность к вероятному наклонению и перед ней начали применяться формы разных наклонений.

Особенностью союза *нара[ба]* и одной из причин его редкого употребления в речи о прошлом является то, что это союз чисто условный: значения 'когда' он не имеет.

Перед союзом *нара*[*ба*] иногда встречается и форма длительного вида: *Моси дзибун-га канодзё-о* айситэ ита нараба, *мокка-но дзибун-но кё:гу:-о канодзё-ни ёку утиакэтэ, соситэ канодзё-ни вакарэтэ мораy кото-мо, дэкиру камо сирэнай* (X, 5/2) 'Если бы я любил ее [издавна], [я] открыл бы ей свое нынешнее состояние и, вероятно, смог бы даже расстаться с ней'.

Употребление времен перед союзом *нара*[*ба*] является чисто относительным.

§ 33. Временные формы перед союзом *нари* 'когда', 'как только'; 'так, как'

Если в предложениях выражается быстрая смена одного действия другим, то перед союзом *нари* глагол стоит в форме на *-у: Карэ-ва* каэттэ куру нари, *ватаси-о хидоку сикаритобасимасита* (Токуда, 27) '*Как только* он *вернулся,* [он] сильно меня выругал'; *Найгу-ва яхари ... фуфукурасий као-о ситэ, дэси-но со:-но* ю: нари-ни *наттэ ита* (А, 9/2) 'Все еще сохраняя недовольное выражение лица... Найгу сделал *так, как говорил* [его] ученик-монах'; *Онна-ва сорэ-о хитомэ* миру нари, *ицуно ма-ни футокоро-кара даситэ ита ка, кирарито сасуга-о хикинукимасита* (А, 255/3) '*Как только* женщина *увидела* это, она моментально выхватила из-за пазухи кинжал'.

Если же между окончанием первого и началом второго действия прошло некоторое время, глагол перед союзом *нари* ставится в форме на *-та*: ...*Тати я юмия-о* убатта нари, *сугуни мата мото-но ямадзи-э дэмасита* (А, 256/3) '*Захватив* меч, лук и стрелы, [я] сразу же вышел на прежнюю горную дорогу' (см. также А, 256/2).

Употребление времен перед союзом *нари* зависит от временной соотнесенности двух действий.

§ 34. Временные формы перед союзом-суффиксом *магива* 'в момент', 'как раз, когда', 'как раз перед'

Магива представляет собой сложное слово, состоящее из имени *ма* 'свободное место', 'время' и имени *кива* 'край'. Словари дают словосочетание *сину магива-ни* 'на краю смерти', 'на смертном одре'. *Магива-ни* может также непосредственно примыкать в имени: *хасся-магива-ни* 'перед самым отправлением поезда'. После глагола *магива* употребляется довольно редко.

Глагол, обозначающий последующее действие, перед *магива* принимает форму на *-у*: *Соно аса-мо яхари ко:ю: дэн-дэ, иёиё канэ-га* нару магива-мадэ, *михараси-но ий никай-но ро:ка-ни тэйкай-ситэ ита-но-дэ ару* (А, 158/2) 'И в это утро он прохаживался по красивому коридору второго этажа *до тех*

пор, пока, наконец, [не] *зазвенел* гонг'; *Котони тю:о:тэйсядзё:-кара кися-ни* норо: то суру магива, *сотто коно тэгами-о канодзё-ни ватасита Тэруко-но сугата-о омоидасу то, нантомо иварэдзу-ни идзирасикатта* (А, 175—176) 'Особенно щемило [у нее] на сердце, если [она] вспоминала, [какой была] Тэруко *в ту минуту, когда* [они] *собирались сесть* в вагон, и сестра потихоньку сунула ей в руку это письмо'.

Однако перед *магива* возможна и форма на *-та*: *Токэй-га 12дзи-о* утиоэта магива, *аидзу-но канэ-га* нарихибиита магива-но *дзё:тай-га араварэтэ иру-но-дэ-ару* [см. 191, 107] 'Значит, тут оказалось положение [наступившее] *после того, как* часы *пробили* 12, *когда отзвучал* сигнальный гонг'.

§ 35. Форма на *-у* перед именами *тотю*: (от кит. *тучжун*), *тю:то* (вместе с предшествующим глаголом означают «по дороге», «на пути»)

Когда *тю:то* или *тотю:* следует за определительным предложением, глагол этого предложения, как правило, в речи о прошлом стоит в форме на *-у*, так как обозначает действие, одновременное на каком-то отрезке времени со следующим упоминаемым действием: *То:нэн-но Акико-ва Камакура-но бэссо:-э* омомуку тотю:, *итимэнсики-но ару сэйнэн-но сё:сэцука то, гу:дзэн кися-но нака-дэ иссёни натта* (А, 196/2) 'В этом году *по дороге* на дачу в Камакура Акико случайно встретилась с молодым писателем, с которым она была немного знакома'; *...нобору тотю:* ... (А, 234/1); *...дэкакэру тотю:* ... (А, 429/1); *...ику тотю:* ... (Кокуго, 4[2], 96). Последние три примера переводятся одинаково — '...по дороге...' *(нобору* 'подниматься в гору', *дэкакэру* 'выходить', *ику* 'уходить').

Когда *тотю:* сопровождается суффиксом локативных падежей и частицами, употребление времен не меняется: *Токорога*, каэру тотю:-ни, *кирэйна сима-га аримасита нодэ...* (Т, IV, 110) 'Однако *на обратном пути* показался красивый остров, поэтому...' [*...каэру тотю:-мо...* (А, 282/3) '...на обратном пути...']; *Майаса Сукиякагаси-э* каёу тотю:-дэ *иссёни нару отоко я онна-но гакко:томодати-но као-ва, ватаси-нива ситасий моно-то наттэ кимасита* (С, 19/2) 'Лица школьных товарищей — мальчиков и девочек, — с которыми я был вместе, *когда ходил* каждое утро в Сукиякагаси, стали мне хорошо знакомы' [*...ико: то суру тотю:-дэ* ... (Х, 71/1) '...по дороге, по которой [я] собирался идти...'].

Придаточное предложение с *тю:то* может превратиться в определение к именному члену главного: *...Мотто сё:нэн-но ватаси-но кокоро-о ёрокобасэта-нова, хикуй хасиго-кара такай хасиго-э* норо: то суру тю:то-но *фукуротодана-но уэкара, сакасани дэнгуригаэси-о уцу кото-дэсита* (С, 24/3) 'Еще больше [я] радовался, [когда] прыгал со шкафа, [находивше-

гося] *на полпути* от нижней площадки лестницы к верхней'.

Как видно из примеров, перед *тотю:* встречаются глаголы движения в форме на *-у*, которая имеет здесь относительное значение одновременности.

§ 36. Форма на *-у* перед союзом-суффиксом *идзэн* (от кит. *ицянь*) 'прежде чем'

Идзэн встречается редко. Этот союз-суффикс сочетается с временными формами подобно синонимичному союзному слову японского происхождения *маэни*: *Кодзин-но дзайаку-ва* окасу идзэн *моси дзю:бун-ни импэй-но дзюмби-о ситэ какатта нара рирондзё: до:ситэмо хаккаку-сэрарэру моно-дэва най* (Нагаи, 149/2) 'Если человек, *прежде чем совершит* преступление, проведет достаточную подготовку для того, чтобы [его] не раскрыли, [оно] логически никак не может быть обнаружено'.

§ 37. Временные формы перед союзом-суффиксом *идзё:* (от кит. *ишан*) 'сверх того'; 'раз', 'поскольку'

В речи о прошлом форма на *-у* перед *идзё:* употребляется в значении непредшествования: Мо:кэдзуку идзё:, *софу-но гэхинна сюми-но ё:нимо омоэта* (Сига, 5/3) '[Это] внушало мысль о том, что дед — [человек] *алчный и сверх того* низменных вкусов'; *Сикаси, вадзавадза муко:-кара дэнва-о какэтэ, котира-э дэмуйтэ китэ ханасу то* ю: идзё:, *соко-ни наника ю:бо:на моно-га ёсо:-сарэта* (Кумэ, 359/1) 'Однако *раз* [она] специально позвонила по телефону и *сказала*, что придет ко мне поговорить, это можно было посчитать обнадеживающим обстоятельством'; *Фудзин-га дзибун-но миката-дэ* ару идзё:, *...гофун-гурай-но нодзоми-ва сёку-ситэ итэ сасицукаэ най тою:, иссю-но дзисин-о моттэ ита кара-датта* (Кумэ, 358/2) '*Поскольку* дама — его друг, ...[он] считал, что может просить [ее] заглянуть [к нему] на пять минут'.

§ 38. Временные формы перед союзным словом *мама[ни, дэ]* '[так,] как есть'

В речи о прошлом перед *мама[ни, дэ]* часто употребляется форма предшествующего времени, обозначающая предшествование с перфектным оттенком: *мэ-о* акэта мама (Миямото, 3, 131) 'с *открытыми* глазами', *дэнто:-о* цукэта мама *нэру* [см. 83, 334] 'спать *при* свете', *бо:си-о* кабутта мама-дэ (там же) 'в шляпе', 'не снимая шляпы' (букв. '*надев* шляпу'). Результат действия, о котором говорится в придаточном предложении, остается и при совершении действия, выраженного сказуемым главного предложения.

Однако, если в придаточном предложении говорится о действии, которое совершалось одновременно со следующим упоминаемым действием, перед *мама[ни, дэ]* стоит форма непредшествующего времени даже в речи о прошлом: *Асино* юку мама *Асакуса-но ко:эн-мадэ аруйта* (Нагаи, 147/3) 'Шли, *куда* ноги *несли,* и дошли до парка Асакуса'.

Глагол перед *мама[ни, дэ]* принимает форму на *-у* даже в том случае, если действие, выраженное этим глаголом, совершилось до следующего упоминаемого действия, но промежутка между ними не было: *Унтэнсю-ва, ки-но нукэта нингэн-но ё:ни,* мэйдзэраруру мамани, *фурафурато какэдасита* (Кик., 145/2) 'Водитель, [совершенно] упав духом, побежал из последних сил, *как* [ему было] *приказано'; Синъитиро:-ва* коваруру мамани, *итимай-но мэйси-о атаэта* (Кик., 150/3) 'Синъитироо, *как* [его и] *просили,* подал визитную карточку'; ...*Коэ-о* какэрарэру-га мама, *коси-о оросу то, иппай кигэн-но ханасидзуки-ни, майбан киматтэ рати-мо наку ханасикондэ симау-но-дэ атта* (Нагаи, 152/1) '...А *когда* [его] *подзывали,* он — большой любитель поговорить — садился и болтал без толку целый вечер'. (См. также Нагаи, 158/1, 160/3, 167/1, 179/, 186/2.)

Таким образом, употребление времен перед *мама[ни, дэ]* является чисто относительным.

§ 39. Временные формы перед союзным словом *каварини* 'вместо', 'вместо того, чтобы'

В качестве отыменного послелога *каварини* употребляется после родительного падежа имени. Как союзное слово *каварини* нередко встречается после глагола в форме на *-у*: *Суруто итоко-ва* хэндзи-о суру каварини, *Гу:румон-но кэйку-о хо:рицукэта* (А, 179/3) 'Тогда кузен *вместо того, чтобы ответить,* процитировал изречение Гурмона'; *Дзэхи о-каинасай то нэн-о* осу каварини, *торикаго-но ко:сяку-о хадзимэта* (Н, 214/1) '*Вместо того, чтобы настаивать:* «Непременно купите!», — [он] начал рассказывать о птичьих клетках'; *Бокура-ва кондо-ва* хикикаэсу каварини... *хидари-э магатта* (А, 353/2) '*Вместо того, чтобы вернуться обратно,* мы свернули на этот раз налево...' (См. также А, 196/1, 236/2, 388/2).

Перед *каварини* может употребляться и форма на *-най*: *Нани хитоцу акудзи-о* хатараканай каварини, *доно курай дзэнко:-о ходокосита токинива, урэсий кокоромоти-ни нару монока* (А, 278/3) 'Появилось ли [у меня] радостное чувство, когда [я] *не совершил* никакого злодеяния, а сделал *вместо* [этого] в какой-то мере доброе дело?' Формы на *-у* и на *-най* перед *каварини* в сущности означают одно и то же: действие фактически не было совершено, поэтому и переводить их

можно одинаково. Так, последнее предложение можно перевести: 'Когда я *вместо того, чтобы совершить...*'

Перед *каварини* применяется и форма на *-та,* обозначающая действие, совершенное до следующего: *...Адэиро-но каса-о* нуйда каварини, *намбандзукин-о кабуттэ ита но-дэс кара* (А, 279/1) '...Потому что [я] *снял* бамбуковую шляпу, *а вместо* [нее] надел колпак южных варваров'.

§ 40. Временные формы перед союзным словом *дзибун* (от кит. *шифэнь*) 'когда'

Дзибун употребляется и как имя ('время', 'пора', 'время года') и в союзном значении между предложениями. Перед этим союзным словом часто встречаются формы непредшествующего времени: *Токоро-га дзансё-га сёсю:-э фурикаваро: то* суру дзибун, *отто-ва арухи кайся-но дэгакэни, асэдзимита эри-о торикакэ: то сита* (А, 176/2—3) 'Но вот однажды *когда* последний период жары [уже] *готов* [был] смениться ранней осенью, муж, отправляясь на службу, захотел заменить пропотевший воротничок'; *Мада карэ-га дайгаку-ни* иру дзибун-надова, *соно шинадзукэ-га... дэёгакко:-ни ита...* (Кумэ, 244/1) '*Когда* он *был* еще в университете, его нареченная ... училась в женской школе...'; *Кури-но хана-га эда-кара* тарэсагару дзибун-нива, *Гин-сан-га ёсоно о:кина кодомо-то иссёни ано эда-кара куримуси-о тоттэ кита моно-дэс га...* (С, 5/2) '*Когда* с каштанов *свешивались* цветы, Гин с другими большими мальчиками принимался снимать с веток гусениц'; *Ано оба:сан-га* икитэиру дзибун *ёку... то шикикасэта...* (СБ, 471/2—3) 'Бабушка, *когда* [была] *жива,* часто говорила...': То:рисугитэ симау дзибун-ни *нару то...* (Нагаи, 140/3) '*Когда* [он] *проходил* по...'

Перед *дзибун* употребляются и формы предшествующего времени: *Ёру-мо* фукэкакэта дзибун *...никай-дэ, когоэ-нагарамо ёй нодо-дэ хаута-о утаттэ иру отоко-га атта* (Нагаи, 140/2) '*Когда спустилась* ночь ... на втором этаже появился мужчина, который пел песню не сильным, но приятным голосом'; *Такома-ни* тайдзай-ситэ ита дзибун, *соно тоси-мо дзю:гацу-но тасика сайго-но доё:би-дэ атта* (Нагаи, 179/1) '[Это] было, наверно, в последнюю субботу октября, *когда* [я] *жил* в Такома' (в этом предложении форма на *-тэ ита* обозначает предшествование начала).

§ 41. Временные формы перед союзным словом *хё:сини* (от кит. *пайцзы*) 'в тот момент, когда'

Перед *хё:сини* часто употребляется форма на *-у*: *Суруто, итидо синатта кури-но куки-га,* ханэкаэру хё:сини, *тиисай камисама-но о-карада-ва, понто сора-э тобиагаримасита* (Т, V, 65) '*В тот момент, когда* пригнувшийся стебелек каштана

снова *выпрямился,* тело маленького божка взлетело ввысь'; *Тикадзуйтэ миру то, табун, фунэ-га* сидзуму хё:сини *нагарэдасита моно-дэсё:* (Кокуго, 5/2/, 9) 'Когда подплыли, то увидели, что [это] был предмет, всплывший, вероятно, *в то время, когда* судно *шло ко дну'; Арухи, ватаси-ва омотэ-но хо:-кара какэдаситэ кимаситэ, ко:си-о акэтэ агаро: то* суру хё:сини *агаригамати-ни хагэсику цумадзукимасита* (С, 25/1—2) 'Однажды, *когда,* прибежав со двора, я *собирался* открыть дверь и войти, [я] сильно споткнулся о порог'. (См. также А. 114/2.)

Перед *хё:сини* встречается и форма на *-та: Атама-о* сагэта хё:сини *нагай ками-но кэ-га, дарарито хитаи-ни бурасагатта* (Х, 93/1) '*Когда* [она] *опустила* голову, длинные волосы свесились [ей] на лоб'; *Атама-о, котти-но мунэ-о атэтэ гуйгуй* осита хё:сини, *Кантаро:-но атама-га субэттэ, орэ-но авасэ-но содэ-но нака-ни хайтта* (Н, 91/2) '*Когда* Кантароо, направив голову мне в грудь, *мотнул* [головой], она скользнула [по телу] и попала в рукав моего авасэ'.

При повторении глагола, употребленного в предыдущем предложении в форме на *-та*, перед *хё:сини* он (глагол) может принимать форму на *-у*: *Кицунэ-ва аватэтэ нигэдасимасита.* Нигэру хё:сини, *кирикабу-ни цумадзуйтэ, аомукэ-ни хиккурикаэримасита* (Кокуго, 1/3/, 57) 'Лиса испугалась и побежала. А *когда* [она] *бежала,* [она] споткнулась о пень и опрокинулась навзничь' (ср. то же явление перед *то до:дзини, табиготони* и *га хаяй ка*).

Употребление времен перед *хё:сини* является чисто относительным.

§ 42. Временные формы перед союзным словом *хадзумини* 'в тот момент, когда'

Хадзумини встречается сравнительно редко. Перед этим союзным словом может употребляться форма на *-у*: *Атто омоттэ, боку, ёкэё: то* суру хадзумини, *уккари тэ-о юрумэтэ симатта-н-дэс* (СБ, 337/3) '*В тот момент, когда* я, ахнув, *собирался* отойти в сторону, [я] невольно разжал руки'; *...Оросу хадзумини...* (Кокуго, Тюугаку, 2/1/, 99) '...Как только [она] уронила...'

Когда нужно выразить предшествование, перед *хадзумини* употребляется форма на *-та*: *Нидай-но нибася-га осоросий икиои-дэ хаситтэ куру-но-о ёкэё: то ситэ о:рай-о* какэдасита хадзумини, *катаппо:-но увагуцу-о докока-э тобаситэ симаимасита* (СБ, 470/1) '*В тот момент, когда* [она] *бросилась бежать* через улицу, стараясь дать дорогу двум подводам, мчавшимся на нее во весь опор, [у нее] соскочил с ноги сапог'. Здесь форма на *-та,* как и вспомогательный глагол *дасу*, обозначает начало действия.

§ 43. Временные формы перед союзным словом *тотан[ни[* (от кит. *тудуань*) 'в тот момент, когда'

Тотан[ни] встречается редко. Перед этим союзным словом может употребляться форма на *-у* даже в речи о прошлом: *Га, соно токи онна-ва фуини мэ-о самасу яиная одороитэ атари-о* миватасу тотанни, *ватаси-но сугата-о митомэтэ, ...као-о оо:тэ цуги-но хэя-но хо:-э нигэкондэ симаимасита* (Нагаи, 189/1) 'Как только женщина проснулась, [она] испуганно *оглянулась* вокруг и *в тот же* момент, заметив меня, ...закрыла лицо и выбежала в другую комнату'.

Если глагол перед *тотан[ни]* обозначает предшествующее действие, он стоит в форме на *-та*: *Га, нэбокэта мэ-о* патипати-сасэта тотанни, *вараигоэ-га окотта нодэ, хатто-сита* (Кокуго, Тюгаку, 1[1], 21) 'Но *как только* [она] *протерла* заспанные глаза, раздался смех, и [она] ахнула'; *Татиагаро: то сита тотан...* (Нагаи, 195/2) 'Как только [он] собрался встать...'

§ 44. Временные формы перед союзом-суффиксом *ёри[мо]* 'чем'

Суффикс сравнительного падежа *ёри* мог употребляться в союзном значении еще в старояпонском языке. В языке XVI—XVII вв. перед *ёри* обычно применялась форма вероятного наклонения: *Самураишю:-ни тада* ирарё:-ёри, *янонэ-во мигакарэ то ие* (К, II, 169) 'Скажи самураям, что, *чем* так *сидеть,* пусть [лучше] чистят стрелы'. В этом предложении форма на *-ё:* выражает предположение; кроме того, имеется в виду будущее действие, а в речи о будущем в ту эпоху, как правило, применялась форма вероятного наклонения (см. также К, I, 394).

В языке XVI—XVII вв., как и в современном языке, глагол перед *ёри* мог употребляться и в форме на *-та:* Вомо:та ёримо *миготона* (К, I, 391) '[Нарисовано] прекрасней, *чем* [я] *предполагала'; Фякунин* воита ёри, *ёи русу-джя* (К, II, 427) '*Чем оставлять* сто человек, лучше оставить [тебя]'. В последнем предложении форма на *-та* относится к будущему (см. также К, II, 399).

В современном языке *ёри* обычно сопровождается частицей *мо* и следует после формы на *-у: Канодзё-ва гайко:-ни* нагамэру ёримо *икубун-кава уцукусий но-ни тигаи накатта* (А, 351/1) 'Несомненно, [теперь] она была еще красивее, *чем* [тогда, когда я] *смотрел* [на нее] при искусственном освещении'; *Га, мэйрэй-о* атаэру ёримо *нобэцуни боку-ни ханасикакэтэ ита* (А, 347/1) 'Однако [он] заговаривал со мной чаще, *чем отдавал* приказания'; *Ясукити-ва идзирасий то* омоу ёримо, *мусиро со:ю: кодзики-но сугата-ни Рэмубурантофу:-но ко:ка-о айситэ ита* (А, 336/2) 'Ясукити скорее любовался фигурой

[стоявшего перед ним] нищего, освещенного в стиле картин Рембранта, *чем был тронут* [его видом]'; *Курабакку-ва бокуни иссацу-но хон-о* ватасу — тою: ёримо *нагэцукэмасита* (А, 386/1) 'Крабак *не передал, а скорее* бросил мне книгу'. (См. также А, 419/3.)

В современном языке после *ёри* довольно часто следует выражение *хока (сиката)-ва накатта*: *О-Суми-ва тада сю:ю: котоба-ни атама-о* сагэру ёри *хока-ва накатта* (А, 303/1) '[В ответ] на такие слова о-Суми ничего не оставалось, *как* [только] *опустить* голову'; *Кэрэдомо оси-ни каваранай бокува... тада футари-но каоиро-о* микурабэтэ иру ёри *хока-ва накатта* (А, 349/3) 'Однако мне, не отличавшемуся от глухонемого (из-за незнания языка. — *Н. С.*), ...ничего не оставалось, *как* [только] *сравнивать* выражение их лиц'; *Ясукити-ва со: синдзитэ ита кара, коно бааи-мо тайкуцу-сикитта мама, якудоку-о* сусумэру ёри *сиката накатта* (А, 339/2—3) 'Ясукити так верил в это, что ему ничего не оставалось, *как продолжать* переводить, страдая от скуки'; ...Иру ёри *сиката-ва накатта* (А, 335/1) 'Ничего не оставалось, *как находиться...*'; *Дэ сиката-наку тайи-ва кокоро-но ути-но фухэй-о коросинагара, тэйёку дзибун-но ё:кю:-о,* магэру ёри *хокани сиката-га накатта* (Кик., 10/2—3) 'Делать нечего,— капитану ничего не оставалось, *как,* подавляя внутреннее недовольство, *изменить* свое требование, сделать хорошую мину при плохой игре'.

Глагол в форме на *-у* перед *ёри* [*хока (сиката) накатта*] обозначает действие, происходившее в прошлом, т. е. употребляется в относительном значении непредшествования.

§ 45. Форма на *-у* перед союзом *томонаку* 'без того, чтобы'

Этот союз состоит из трех компонентов: частиц *то* и *мо* и наречной формы отрицательного прилагательного *наку*.

Перед *томонаку* глагол употребляется только в форме на *-у*: *Сорэкара тарэ-о* ёбу томонаку, «*Тёито дэтэ горан, Ий цуки-да кара*» — *то коэ-о какэта* (А, 179/3) 'И ни к кому [в отдельности] *не обращаясь,* произнес: «Посмотрите-ка! Чудная луна!»'; *Сакки-кара Судзяку-о:дзи-ни фуру амэ-но ото-о,* кику томонаку *кийтэ ита-но-дэ ару* (А, 3/3) '*Не прислушиваясь,* слышал шум дождя, падавшего на улицу Судзяку'; *Сонна о:кина увагуцу-дэс кара, мусумэ-ва ути-о* дэру томонаку *...катаппо:-но увагуцу-о докока-э тобаситэ симаимасита* (СБ, 470/1) 'Оттого, что сапоги были так велики, девочка, *не успев выйти* из дому, ...потеряла где-то сапог'. (См. также Нагаи, 133/1, 137/1, 139/1, 145/2, 190/1, 197/3, 198/3; Кумэ, 244/2, 249/3, 258/1.) Действие, выраженное глаголом перед *томонаку,* фактически не производится. Поэтому оно не может предшествовать последующему действию и передаваться формой на *-та*.

§ 46. Временные формы перед союзным словом *то:ри[ни]* 'как', 'согласно'

Если глагол перед *то:ри* выражает непредшествование, он стоит в форме на *-у*: *Одзисан-но* ю: то:ри, *ватаси-ва мада кодомо-дэсита* (С, 27/3) *'Как сказал* дядя, я был еще ребенком'; *Ванидзамэ-ва, сироусаги-но* ю: то:рини *нарабимасита* (Т, IV, 94) 'Акулы выстроились *так, как сказал* белый заяц' (в первом предложении нельзя вместо *ю:* сказать *итта*, так как второе состояние имело место и одновременно с первым, и даже до него; во втором предложении такую замену произвести можно, но это будет означать, что второе действие произошло не сразу после первого, а некоторое время спустя); *Сикаси карэ-но* юбисасу то:ри, *рё:ган-но фу:кэй-э мэ-о ярунова мотирон боку-нимо фукай-дэва накатта* (А, 347/1) 'Однако и мне, конечно, было приятно смотреть на красивые места, *когда* он [мне на них] *указывал'; Канодзё-ва — ...ани-га хаха-ни* нитэиру то:ри, *...тити-ни нита, отоко-масари-но мусумэ-дэ атта* (А, 288/1) 'Она ни в чем не уступала мужчинам, [она была] так же похожа на отца, ... *как* [ее] старший брат... [был] *похож* на мать'.

Если между действиями придаточного и главного предложений прошел какой-то период времени, перед *то:ри* ставится форма на *-то*: *Боку-ва тада* мита то:ри-о *ю:-но-да* (А, 188/3) 'Я говорю только *то, что* [я] *видел'*.

§ 47. Временные формы перед союзным словом *кагири* 'насколько'; 'пока'

Кагири имеет как пространственное значение (ср. существительное *кагири* 'предел', 'граница'), так и временное. *Кагири* употребляется в речи о прошлом после форм непредшествующего времени: *Арано-ва мэ-но* оёбу кагири, *футарино усиро-кара фукиоросу кадзэ-ни, карэкуса-но нами-о набикасэтэ ита* (А, 292/3) 'Дикое поле, *насколько хватал* глаз, покрылось от ветра, дувшего им в спину, волнами сухой травы' (см. также Т, VI, 56; Нагаи, 172/2).

Предложение, имеющее в конце *кагири,* может быть определением к имени: *Карэ-но мэ-ни* иру кагири-но *фу:буцу-ва, котоготоку ко:рё: сорэ-дзисин-дэ атта* (А, 295/1) 'Ландшафт, *насколько* [его] *охватывал* взгляд, представлял собой сплошную пустыню'.

Перед *кагири* встречается и форма на *-тэ иру*: *...Карэ-ва ямy-наку соно* ситтэ иру кагири-о *ханасимасита* (Нагаи, 199/2) ...Он волей-неволей рассказал *то, что знал'*.

§ 48. Временные формы перед союзом-суффиксом *кураи* 'так... что', 'столько... что'

Перед *кураи* очень часто употребляются формы непредшествующего времени: *Тётто ики-га* томару кураи *сэнака-о утта* (Сига, 6/2) '[Я] *так* ушиб [себе] спину, *что* на мгновение [у меня] *перехватило* дыхание'; *Тан-ва хотондо Ко: Рокуити-о су:хай-ситэ иру-но-ка то* омоу кураи, *нэссин-ни сонна кото-о ханасицудзукэта* (А, 348/1) 'Тань *так* горячо продолжал говорить об этом, *что* [можно было] *подумать,* будто он уважает Хуан Лю-н'; *Моттомо коно ю:мэйна бундзин-ва, итидони кани-о нанадзиппики, пэрорито* таирагэтэ симау кураи, *хибонна ибукуро-о моттэ ита со:-дэ ару* (А, 497/1—2) 'Говорят, этот знаменитый литератор обладал *таким* необыкновенным желудком, *что* в один присест *уписывал* семьдесят крабов'; *Сюнкити-но сё:сэцу-дано, кё:цу:на тидзин-но уваса-дано, То:кё:-то О:сака-тоно хикаку-дано, вадай-ва икура ханаситэ-мо,* цукинай кураи, *такусан атта* (А, 178—179) 'Литературные произведения Сюнкити, новости об общих знакомых, сравнение Токио с Оосака, — тем находилось *столько, что* сколько ни говори, *не исчерпаешь*'; *Торивакэ о-химэсама-но о-соба-карава о-ханарэ-мо:сита кото-га най то иттэ-мо* ёросий кураи, *мономигурума-но о-томо-нимо цуйдзо какэта кото-ва годзаимасэн-дэсита* (А, 106/3) '[В частности, не бывало так, чтобы [она] не сопровождала принцессу во время развлечений, *так что можно* [было] даже сказать, что [она] совсем не отходила [от принцессы]'.

Перед *кураи* встречается и форма на *-та*: *Соно коро эфудэ-о торимаситэ-ва, Ёсихидэ-но миги-ни дэру моно-ва хиторимо арумай то* мо:сарэта кураи, *ко:мэйна эси-дэ годзаимас* (А, 105/1) 'В то время Ёсихидэ был (букв. есть) *таким* знаменитым художником, *что говорили,* будто по снле кисти ни один человек не сравняется с ним'.

§ 49. Временные формы перед *то миэ[тэ]* 'по-видимому'

То миэ[тэ] состоит из двух компонентов: союза *то* 'так' и *миэтэ* (срединной формы глагола *миэру* 'виднеться', 'казаться'). *Миэ*[тэ] остается полнозначной глагольной формой, но употребление времен перед *то миэ*[тэ] подчиняется общим правилам употребления времен перед союзными элементами.

Перед *то миэ*[тэ] может применяться форма на *-у*: *Кусури-га* симиру то миэтэ, *цума-ва као-о сикамэтэ ита га...* (Х, 31/2) '*По-видимому,* лекарство *действовало* — жена кривила лицо...'

В такой позиции встречается и форма длительного вида:

Га, сорэ-нива каги-га какаттэ иру то миэ, *ё:инива аканакатта* (Кик., 146/3) 'Но, *по-видимому,* он [был] *заперт* на ключ и освободить [его] было нелегко'.

Перед *то миэ*[*тэ*] находим и форму на *-та: Каруй сюккэцуга* атта то миэ, *соно сироппой токэй-но до:-ни, токородокоро маккана ти-га, нидзиндэ ита* (Кик., 148/3) '*По-видимому, произошло* легкое кровоизлияние — на его светлых ручных часах были видны яркие пятна крови'.

§ 50. Временные формы перед союзом *кара*[*ни, ва*] 'так как', 'поэтому'

Хотя союз *карани* в причинном значении встречается еще в «Манъёосюу», в старояпонском языке он еще не был общепринятым. В новояпонском языке этот союз начинает употребляться довольно часто, обычно в форме *карава.* В текстах XVI—XVII вв. союз *карава* имел значение 'раз': *Мидомо-га корэ-ни* иру карава, *рё:жи-ва сашену зо* (К, I, 317) '*Раз* я здесь, [я] не допущу безобразия' (см. также К, II, 72); *Корэво* дасу карава, *ё: воджяро зо* (К, I, 87) '*Если* [я] *дам* [тебе] это, [тебе] будет лучше?' Условное значение *карава* в данном примере — не исключение, это видно и из работы Юдзава по языку XVII—XIX вв.: «Бывает, что к *кара* присоединяется *ва* и *карава* приобретает причинное и условное значение» [204, 150]. Таким образом, Юдзава находит *карава* с условным оттенком значения даже в памятниках XVIII в. Это означает, что чисто причинный оттенок значения союза вытеснял другие оттенки постепенно. Родригес и Кольядо еще не отмечали *кара* в числе причинных союзов.

В современном языке перед *кара* в речи о прошлом нередко употребляется форма на *-у: Тити-ва ватаси-но каёу гакко:-о митай то* иимас кара, *...акарэнга-но татэмоно-о мисэмасита* (С, 26/3) '*Так как* отец *сказал,* что хочет посмотреть школу, куда я хожу, [я] ... показал [ему] здание из красного кирпича'; *Гэдзё-га дотира кара оидэ-ни наримасита то* кику кара, *То:кё:-кара кита то котаэта* (Н, 96/3) '*Так как* горничная *спросила:* «Откуда вы приехали?», — я ответил: «Приехал из Токио»'; *Курай токоро-о* юку-но дэс кара, *ватаси-ва баба-то иссёни тё:тин цукэтэ каёимасита* (С, 6/3) '*Нужно* [было] *проходить* по темному месту, поэтому мы с бабушкой ходили с фонарем'; *Сорэ-ва фую-но годзи-горо-*да кара *мада курай ути-дэ атта* (Сига, 158/1) 'Было еще темно, *так как* дело было зимой около пяти часов [утра]'; *Нанибуннимо, иссацу иссацу, итидзи, итидзи-о, гэ-дэ* какиуцусанакэрэба наранай-нода кара, *хон-га икиватаранай-номо, атаримаэ-но кото-да* (Кокуго, 4[2], 103) '*Так как* в любом случае книги *нужно* [было] *переписывать* от руки, экземпляр за экземпляром, буква за буквой, они, естественно, широко не рас-

прошлом, и в русском языке, например, никак нельзя было пространялись'. В двух последних предложениях речь идет о бы употребить здесь формы настоящего времени. Только благодаря относительному значению форм непредшествующего времени в японском языке применение их в подобных случаях оказывается возможным.

Примеры употребления формы на *-та* перед *кара* общеизвестны и здесь не приводятся.

§ 51. Временные формы перед союзом *нодэ* 'так как', 'поэтому', 'потому что'

Этот союз состоит из просубстантивного суффикса *но* и суффикса творительного падежа *дэ* (из *нитэ*). Естественно, что до появления просубстантивного *но* (в середине XVII в.) союза *нодэ* не существовало. Изредка в подобном значении употреблялось *дэ*: *Мидомо-га варо: коэ-га* во:кикатта дэ, *кимо-га цубурэта ка* (К, I, 290) 'Может быть, [он] испугался *оттого, что* я очень *громко* смеялся?'

В современном языке перед союзом *нодэ* в речи о прошлом нередко применяется форма непредшествующего времени: *Масаосан-га, аммари дзё:дзуни, о-исясама-но* манэ-о суру-нодэ, *Ханакосан-ва, кю:ни окасику наримасита* (Т, II, 41—42) 'Масао очень искусно *подражал* врачу, *поэтому* Ханако стало смешно'; *Итибан кися-ни норо: то* ю: нодэ, *тити-то годзихан-горо-ни ути-о дэта* (Т, VIa, 31) '[Мы] с отцом *собирались* сесть на первый поезд, *поэтому* в половине шестого вышли из дому'; *Кэрэдомо, рё:ваки-о гунтай-ни хасамарэ, усиро-карава кэйкан-га* нагурикакэру нодэ, *варэварэ-ва то:то: коко-дэ сан-о мидаситэ нигэдасита* (Токуда, 23) 'Однако с обеих сторон нас теснили войска, а сзади *напирала* полиция, *так что* мы в конце концов смешали ряды и побежали'; *...Со: нару то канэ-га* таринай нодэ, *то:то: ... тю:то тайгаку-си, 1913-нэнни Рю:кю:-ни каэттэ симатта* (Токуда, 18) '...Тогда [стало] *не хватать* денег; вот *почему* [я] в конце концов... прервал учение и в 1913 г. вернулся на Рюкюу'; *Сикаси, до: яттэ митэмо, сукосимо цуна-га* юруманай нодэ, *акирамэтэ, дзитто ситэ имасита* (Кокуго, 3/2/, 98—99) 'Однако, несмотря на все его попытки, веревки нисколько *не ослаблялись, так что* [он] потерял всякую надежду и затих'; *...Асахи-га* сасикондэ иру нодэ *родзи-но ути-ва цукиатари-мадэ мито:сарэта* (Нагаи, 160/2) '...*Светило* солнце, *поэтому* улица была видна до конца'; *Кэрэдомо, фудан, бэнкё:-о* ситэ инай нодэ, *ёмэнай дзи-га икуцумо аримасита* (Кокуго, 2[2], 11) 'Однако, *так как* [он] *не занимался* регулярно, [он] не смог прочесть ряд иероглифов'. В приведенных предложениях формы непредшествующего времени обозначают одновременность.

Но перед *нодэ* форма на *-у* может обозначать и предстоя-

щее действие: *Радзиотайсо:-ни* юку нодэ, *аса-ва годзихан-ни окита* (Т, V, 85) '[Я] *иду* на гимнастику по радио, *поэтому* встал в половине шестого утра'.

Перед *нодэ* иногда стоит имя +*-на* (остаток старой связки *нару)*: *Саннин-ва, кабэсимбун-но сигацуго:-но* хэнсю:-то:баина нодэ, *соно со:дан-о суру тамэ-датта* (Кокуго, 4[1], 8—9) '[Эти] трое [были] *дежурной редколлегией* апрельского номера стенгазеты, *поэтому* [они и собрались], чтобы поговорить о его [подготовке]'.

Нередко перед *нодэ* употребляются и формы предшествующего времени: *Сорэ-дакэно кото-га ... мандзоку-о* кандзисасэта нодэ, *корэ-мадэ арукинуйта ми-но хиро:-то куцу:-тоо Тё:кити-ва цуйни ко:кай-синакатта* (Нагаи, 161/3) 'Одно это *...дало* Тёокити удовлетворение, *так что* он уже не раскаивался, что проделал такой утомительный путь'; *Фумико-ва, дзибун-га эрабарэру кото-надо, сукосимо* кангаэтэ инакатта нодэ, *биккури-сита* (Кокуго, 4[1]13) 'Фумико удивилась, *так как* совершенно *не думала*, что ее могут избрать'.

§ 52. Временные формы перед союзом *нони* 'хотя', 'несмотря на то, что'; 'тогда как', 'когда'

Союз *нони* происходит от союза-суффикса *ни,* перед которым в XVII в. появился просубстантивный суффикс *-но* (ср. *нодэ* и *ни*). Следует отметить, что *но* употребляется перед *ни* не всегда.

Перед *нони* часто встречается форма на *-у*: *Кавадзё:кисэнно китэки-но нэ-но* кикоэру нони, *хадзимэтэ дзибун-но ити то мати-но хо:гаку-тоо сатотта* (Нагаи, 160/2) '*Когда раздался* гудок речного парохода, он впервые понял, где он находится и куда ведет улица'; *Нэнарэта дзибун-но хэя-но нака-да* нони, *Хироко-ва дзибун-но атама-га дотти-о муйтэ иру ка, тоссани хаккири синакатта* (Миямото, 131) '*Несмотря на то,* что [это была] ее собственная комната, где [Хироко] привыкла спать, она, [проснувшись], не могла сразу разобрать, куда же обращена ее голова'.

Перед *нони* употребляются и формы отрицательного наклонения: *Суруто годзэн-ходонива хитодо:ри-га* най нони *мадзу ансин-ситэ, осоруосору Мацубая-но маэ-о то:ттэ мита га* (Нагаи, 161/3) '*Оттого что* в этот утренний час *не было* прохожих, он немного успокоился и с трепетом в душе попробовал пройти мимо дома Мацуба'; *Ко:нэн ватаси-ва, надзэ сорэ-ходо* комари-мо синай нони *софу-ва анна курасиката-о ситаро: то ёку кангаэта* (Сига, 5/3) 'Впоследствии я часто думал о том, как же дед мог вести такую жизнь, *не* особенно *нуждаясь*'.

В этой позиции встречаются и формы длительного вида с перфектным оттенком значения: *Хока-но кё:дай-га мина ути-*

ни нокоттэ иру нони *дзибун-дакэга коно гэхинна софу-ни хикиторарэта*... (Сига, 3/3) '*Несмотря на то, что* все мои братья оставались дома, я был отдан этому грубому деду...'

В следующем примере форма на *-тэ иру* обозначает длительность действия: *Кэрэдомо, соно токи-ни наттэ-мо нао, рэй-но симахэби-га аикаварадзу нороринорорито* угоитэ иру нони, *ватаси-ва иссю-но кё:ми то симпай-тоо кандзита* (Х, 76/3) '*Хотя* даже сейчас эта полосатая змея продолжала попрежнему *ползти*, я почувствовал своеобразный интерес и беспокойство'.

Для обозначения предшествующих действий перед *нони* применяется форма на *-та*: *Коромбусу-га, Амэрика-ни* цуйта нони, *соко-га То:ё:-но Индо-да то омоитигаи-сита-но-ва, надзэ-дэс ка*? (Кокуго, 5[1], 135) 'Почему Колумб, *хотя и достиг* Америки, ошибочно подумал, что это Ост-Индия?'

В следующих предложениях *нони* расчленяется на просубстантивный суффикс *-но* и падежный суффикс *-ни*, зависящий от глагола: *Соситэ, карэра-га сэкай-о* иссю:-суру но-ни *цуиясита тосицуки-ва, хотондо, мару саннэн-дэ атта* (там же) '*Для того, чтобы объехать вокруг света,* они потратили почти три года'; *Дэмо, кодзика-о* тасукэру но-ни *цукатта-н-да*... (Кокуго, 4[2], 135) 'Но ведь [он] использовал [мясо], *для того чтобы помочь* олененку...'

Из приведенных примеров видно, что временные формы перед *нони* имеют чисто относительные значения.

§ 53. Временные формы перед союзным речением *[но]ни[мо] какаварадзу* 'несмотря на то, что', 'не взирая на', 'независимо от', 'хотя'

Союзное речение *[но]ни[мо] какаварадзу* обычно встречается в публицистике и научной литературе. Для живой речи оно не характерно. Перед этим союзным речением употребляются формы непредшествующего времени: *Соко-кокони сэйдзо:ба-но кэмудаси-га икухом-мо* таттэ иру ни какаварадзу, *мати-карава то:й хару-но хирусуги-но нодокэса-ва дзю:-бун-ни кокоромоти ёку адзиваварэта* (Нагаи, 171/3) '*Несмотря на то, что* фабрики дымили (букв. вокруг *стоят* столбы дыма [от] фабрик), послеобеденный отдых [здесь], вдалеке от города, казался очень приятным'; *Таэдзу кадзэ-но* фукикаёу нимо какаварадзу, ...*кагэ-га иканимо судзусисо:ни омоварэта* (Нагаи, 161/1) '*Несмотря на то, что* [теплый] ветер *дул* непрерывно, ...в тени, казалось, было прохладно'; *Мацуока-ва варэварэ-саннин-га эйбунка-ни* сэки-о оитэ иру нонимо какаварадзу, *хитори тэцугакука-э хайттэ ита* (А, 160/3) '*Несмотря на то, что* мы втроем *записались* на факультет английской литературы, Мацуока поступил на философский факультет'; *Ёндэ миру то, тэ:ма-га* омосирой нонимо какаварадзу, ... *до:-*

мо Нагаи Кафу:си я Танидзаки Дзюнъитиро:си-но со:хаку-о намэтэ иру ё:на кан-га атта (А, 160/2) 'Когда [я] стал читать, то, *хотя* тема [была] *интересная,* ... [у меня] появилось такое чувство, словно [я] пробую выжимки из [произведений] Нагаи Кафуу или Танидзаки Дзюнъитиро'.

§ 54. Временные формы перед союзами *мононо, моноо* 'хотя'

Эти союзы состоит этимологически из имени *моно* 'вещь' ('то, что') и суффикса родительного падежа *-но* или винительного *-о*.

В современном разговорном языке эти союзы употребляются редко и то лишь под влиянием литературного языка. Глаголы перед *мононо, моноо,* обозначающие одновременные действия, стоят в форме на *-у*: *О-Тоё-но хэнкуцуна сисо:-оба ко:гэки-ситай то кокоро-дэва* омоу мононо *...о-Тоё-о ансинсасэру ё:ни то ханаси-о матомэкакэта* (Нагаи, 170/2—3) '*Хотя* в душе ему *хотелось* подвергнуть критике странные идеи о-Тоё... он заговорил так, чтобы ее успокоить'; *Иду иру ка вакаранай* то какуго-ва ситэ нру моноо, *ниюруниюруто кусано накани угоку-ноо мита токинива, яхари тётто гётто-сита* (Х, 76/1—2) '*Хотя* [я] *понимал,* что [змея] появится неожиданно, [я] немного испугался, когда увидел, как [она] ползет в траве'.

Если первое упоминаемое действие предшествует действию, выраженному конечным сказуемым, перед *мононо* употребляется форма на *-та*: *Сукоси-ва коэ-о* куморасита мононо *соно тё:си-ва Тё:кити-но мандзоку-суру ходо-но хисю:-о обитэ-ва инакатта* (Нагаи, 157/2) '*Хотя* в [ее] голосе *чувствовались слезы,* тон ее [речи], к удовлетворению Тёокити, не был печальным'.

§ 55. Временные формы перед союзом *кэрэдо[мо]* 'хотя'

Сравнительно новый союз *кэрэдо[мо]* (о происхождении которого см. § 11 в третьей главе) встречается довольно часто. Перед этим союзом может употребляться форма на *-у*: *Мо: тоси-ва 30-нимо 40-нимо* нару кэрэдомо, *дарэмо ёмэ-ни куру моно-мо най си, тиисай хоттатэгоя-ни сундэ имасита* (МБ, 65) '*Исполнилось* [ему] уже и тридцать лет, [исполнилось] и сорок, *а* никто не шел [к нему] в жены, и [он] жил в маленькой землянке'; *Доробо:-ва* суру кэрэдо, *...канэ-ва минна бимбо:нин-ни курэтэ яттэ, ...хотто тамэики-о цуйтэ имасита* (МБ, 110) '*Хотя* [он] *занимался* воровством, ... все деньги [он] раздавал бедным, ... а [сам при этом] облегченно вздыхал'.

Перед *кэрэдо[мо]* в речи о прошлом в значении одновре-

мениости употребляется и форма отрицательного наклонения на *-най*: *Хито-но мэ-нива* цуканай кэрэдомо, *о-ван-но гохан-ва дандан хэттэ икимасита* (МБ, 19) 'Риса в чашке постепенно становилось все меньше, *хотя* [куда он девался] *не разглядеть* [было] человеческим глазом'; *Сорэ-кара доно кураи татта ка* вакаранай кэрэдомо, «*Корэ корэ, Итиро:-ани, Итиро:-ани*» *то ёбу моно-га аримасита* (МБ, 106) '*Хотя* [он] и *не сознавал,* сколько времени прошло с тех пор, [как он заснул,] он услышал, [как] кто-то позвал его: «Эй-эй, братец Итироо, братец Итироо!»'

Нередко перед *кэрэдо*[*мо*] встречается и форма на *-та*: *Мэ-о самаситэ атикоти-о* мита кэрэдо *дарэмо инай* (там же) '*Хотя,* открыв глаза, [он] *посмотрел* вокруг, но никого не увидел (букв. никого нет)'.

§ 56. Временные формы перед союзом *га* 'но', 'а'

Перед союзом *га* встречаются формы всех времен, видов и наклонений. Формы непредшествующего времени разных наклонений перед *га* нередко употребляются в относительном значении и в речи о прошлом: *Увабэ-дакэдэва* ханко:-суру га *найсин-ва осорэхиккондэ ундо:кай я энсоку-надонива кэсситэ као-о дасанакатта* (Нагаи, 143/2) '[Он] только для вида *противился*, а в душе побаивался, поэтому [он] не показывал носа на спортивных соревнованиях, вылазках за город и т. п.'; *Г'а, сорэ-о хайттэ, гэнкан-мадэ нисангэн* ару га, *сорэ-о нисамно аруйта токи, карэ-ва футо хэнна ки-га сита-но-дэ ару* (Х, 85/1) 'Но войдя в ворота, [он увидел, что] до парадного хода *остается два-три* кэна, *а* когда [он] прошел их за два-три шага, он неожиданно испытал странное чувство'.

Гарагарато, ито-га кирэё: га *сукосимо камавадзуни хата-о орихадзимэмасита* (МВ, 12) '[Она] принялась ткать, нисколько не думая о том, что нитки *могут порваться*'.

Падэрэфусуки:-ва, сэкай-ю:су-но пиано-но мэйсю-дэ ару га, *мата, дзибун-но умарэта куни, По:рандо-но тамэни цукусита айкокуся-дэ атта* (Кокуго, 5/1/, 16) 'Падеревский *был* выдающийся пианист с мировым именем, *а также* патриот своей родины Польши'. В этом предложении оба именных сказуемых в одинаковой мере относятся к подлежащему, одновременно характеризуя его; однако первое из них (перед *га*) стоит в форме на *-у*. Ср. также: *Мадзеран-ва кидзоку-но умарэ-дэ* ару га, *сэйнэндзидай-кара бо:кэн-га суки-дэ ко:кайдзюцу-ни какэтэ-мо, сугурэта дзайно: ...-о моттэ ита* (там же, 124) 'Магеллан *был* знатного происхождения, *но* с молодости любил приключения и имел большие способности к мореплаванию...' Казалось бы, в сказуемом перед *га* речь идет о прошлом, но форма на *-у* показывает здесь, что первое качество имело место одновременно со следующим упоминаемым

(происхождение Магеллана оставалось прежним в течение всей его жизни).

Ано ума-ва, ано бимбо:-хякусё:-но ясэума-ни тигаи най га *ано ута-ва дарэ-га утаттэ иру-н-дай то иттэ, фусигигаттэ нагамэтэ имасита* (МБ, 17) 'Эта лошадь *была* всего лишь клячей бедного крестьяннна, *но* [и она] с удивлением поглядывала [вокруг и думала:] «Кто же поет эту песню?»'.

Соно цуги-ва, суэкко-но Сабуро:дзи-да га, *Сабуро:дзи-ва тоси-косо* тоттэ инай га, *кё:дай-но нака-дэва итибан ки-но цуёй ката-датта* (МБ, 109) 'Следующим *был Сабуроодзи,* младший брат; он *еще не был* взрослым, *но* среди братьев был самый сильный духом'; *Амэ-ва мо: сукосимо* футтэ инай га, *атари-ни «моя»-га какаттэ итэ, сора-нива кумо-га касанаттэ ита* (М, 295/1) 'Дождь уже *не шел, но* вокруг нависла «мгла» и на небе громоздились тучи'.

Примеры на употребление форм предшествующего времени перед *га* в речи о прошлом общеизвестны и здесь не приводятся. Ср. *-та га* в речи о будущем: *Нинэндзэн-но кототдэ атта. Соно коро ватаси-ва, канодзё то* кэккон-сита га *хонто:-даро:ка, сорэтомо* вакарэта га *хонто:-даро: ка то, майнити соно кото-бакари-о омоимэгураситэ, фукэцудан-но ю:цуна хи-о окуттэ ита* (Х, 5/1) ''Это случилось два года тому назад. В то время я проводил в нерешительности печальные дни, думая ежедневно только о том, — правда ли, *что* [я] *женюсь* на ней, или правда то, *что* [я с ней] *разойдусь*'. Но, разумеется, здесь *га* является не союзом, а формантом именительного падежа при предложении-подлежащем.

§ 57. Временные формы перед союзом *си* 'и'

В японском языке союз *си* употребляется гораздо реже, чем союз «и» в русском языке.

Перед союзом *си* встречаются форма на *-у* и в речи о прошлом: *Дандан хи-мо* курэтэ куру си, *хара-мо хэттэ китэ наника табэё: то сита кэрэдо, дзэни-мо* най си, *сасуга-но Итиро:дзи-мо коматтэ симаттэ, митибата-но одо:-но нака ни иттэ нэмасита* (МБ, 106) 'Постепенно *стало* темнеть, и он, проголодавшись, собирался чего-нибудь поесть, но *не было* ни гроша, *и* даже такой человек, как Итироодзи, [почувствовал, что] дело плохо, вошел в придорожную часовню и лег спать' (см. также МБ, 65).

Перед *си* встречается и форма на *-тэ иру: Янаги-но вакамэ-га уцукусику* хирамэйтэ иру си *...судзумэ то цубамэ-га таэма-наку саэдзуттэ иру нодэ ... мати-карава то:й ... хирусуги-но нодокэса-ва дзю:бун-ни кокоромоти ёку адзиваварэта* (Нагаи, 171/3) 'Так как молодые листочки ив красиво *поблескивали и* ... воробьи и ласточки беспрестанно щебетали ... создавалось полное впечатление послеобеденной загородной тишины...'

§ 58. Временные формы перед союзным словом *хока[ва, ни, нива, нимо]* 'кроме'

Перед этим союзным словом даже в речи о прошлых, уже совершившихся действиях очень часто употребляются формы непредшествующего времени: *Со:* кусё:-суру хока *накатта* (Кумэ, 245/3) '[Ему] ничего не оставалось, *как только горько улыбнуться'; Маситэ хаха я ото:то-фу:фу-това, сандо-но* сёкудзи-о *томони* суру хокава, *хотондо, као-мо авасэнакатта* (А, 250/2—3) 'Больше того, с матерью, младшим братом и его женой [он] почти не виделся, *кроме* тех трех раз в день, когда они вместе *ели'; Кэрэдомо о-Тами-ва ёкунэн-ни наттэмо, яхари нора-э* дэкакэру хокаиива *нан-но кангаэ-мо найрасикатта* (А, 297/3) 'Однако и в следующем году о-Тами также, по-видимому, не думала ни о чем, кроме полевых работ (букв. в поле *выходить кроме*)'; *Дэиссай мата Ко:но-ва карэ-но тамэни сайминъяку-о* атаэру хоканимо *хэроин-надоо тю:ся-ситэ ита* (А, 370/1) 'В действительности, Кооно *помимо того, что давала* ему снотворное, впрыскивала [ему] еще и героин'. (См. также А, 383/3.)

Форма на *-тэ иру* перед *хока[ва, ни, нива, нимо]* может иметь перфектный или длительный оттенок значения: *Га, сорэ-мо хиратай атама-ни, байка-но моё:-га* цуйтэ иру хока, *нани-мо каватта токоро-ва накатта* (А, 225/1) 'Но *кроме того, что* на плоских головках булавок *был нанесен* узор в виде цветов сливы, ничего особенного в них не было'; *Кодомо-но мурэ-га ... кома-но* асоби-о ситэ иру хоканива *итаттэ хитодо:ри-но сукунай митибата-но ко:сидосаки-дэ, хариита-ни харимоно-о ситэ ита* (Нагаи, 169/3) 'Группа детей *играла* ... волчком, *кроме того,* перед решетчатой дверью, которая выходила на дорогу, где было очень мало прохожих, на досках сушилось белье'.

§ 59. Временные формы перед частицами *бакари[дэ, ни[* 'только', *бакаридэнаку, бакарика* 'не только... но и'

В этой позиции встречаются все конечные формы, употребляемые в придаточных предложениях.

Кобунэ-га токородокоро коноха-но ё:ни уйтэ иру бакари, *миватасу Сумидагава-ва футатаби* хиробирото-сита бакарика *сидзукани сабисику натта* (Нагаи, 155/3) 'Река Сумида, по которой, насколько хватает глаз, *только* кое-где, как древесные листья, *плавали* лодочки, снова стала *не только широкой, но и* тихой и унылой' (*хиробирото-сита* — отглагольное прилагательное непредшествующего времени); *Соно акаруй томосиби-но нака-кара онна-но кимоно-га* мабусий бакари *мэ-о ита* (Нагаи, 146/2) 'В этом ярком свете *только ослепительные* женские платья бросались в глаза'; *Дэмо, о-Маки-ва тити-о*

номасэнай тою: бакаридэ, *соно та-но кото-ва хотондо убадо:ё:ни ватаси-о митэ курэмасита* (С, 4/2) 'Однако о-Маки лишь *только не кормила* [меня] своим молоком, а в остальном ухаживала за мной почти как кормилица'.

Сокодэ эноки-но ми-о ацумэру бакаридэнаку, *токинива касидори-но отоситэ итта аой фу-но хайтта ханэ-о хироимасита* (С, 11/2) 'Там [мы] *не только собирали* плоды железного дерева, но иногда и подбирали потерянные сойкой перья с синими пятнами'; *Соно мисаки-ва Мородзаки-но минато-о кататидзукуру сё:хэки-то* наттэ иру бакаридэнаку, *мата Ацумиван то Исэван-тоно тё:до тю:кан-ни кураи-ситэ ита* (Х, 72/3) 'Этот мыс *не только служил* барьером, ограждающим гавань Мородзаки, но и был расположен как раз между бухтой Ацуми и бухтой Исэ'; *Сорэ-на нони,* коросанакатта бакаридэнаку, *кобито-ни тоттэва намбякунимбун-нимо атару табэмоно-о, табэсасэтэ курэта-но дэс* (Кокуго, 3[2], 105) 'Несмотря на это, [Гулливера] *не только не убили,* но даже дали ему съесть столько продуктов, что их хватило бы на несколько сот лилипутов'. (См. также Нагаи, 163/2.)

Коно хито-ва ... сё:рай-ни сюссэ-суру микоми-но най-бакарика, *ицумо хито-но усиро-ни кэотосарэтэ-номи ита* (Нагаи, 178/1) 'Он ... *не только не имел* надежды выдвинуться в будущем, [но боялся потерять и нынешнее положение, так как] его всегда норовили оттолкнуть назад'; *Нодзоми-о какэта хитори-мусуко-но Тё:кити-ва сикэн-ни* ракудай-ситэ симатта бакарика, *мо: гакко:-эва икитакунай, гакумон-ва ия-да то иидасита* (Нагаи, 169/3) 'Тёкити, единственный сын, на которого она возлагала надежды, *не только провалился* на экзаменах, но начал говорить, что уже не хочет ходить в школу, что ученье [ему] надоело'. (См. также Нагаи, 158/2—3; МБ, 17.)

Бё:нин-ва сину-бакарини *могакикурусинда* (Ё, 18/2) 'Больная мучилась [так, что ей оставалось] *только умереть'; Ватаси-ва дзибун-но гисин-га цукуридасита дзидзицу-о* таси-камэтай бакарини, *соного-ва сорэтонаку хикицудзуйтэ Кунио-о хо:мон-симасита* (Нагаи, 199/1) 'Я *только хотел проверить* факты, которые вызвали мои сомнения, и после этого продолжал как ни в чем не бывало посещать Кунио'. (См. также Нагаи, 199/3.)

Перед *бакари[дэ, ни, дэнаку, ка]* временные формы употребляются в относительных значениях одновременности и предшествования.

§ 60. Временные формы перед частицей *дакэ[дэ, дэмо, ни, ва]* 'только', 'поскольку'

Перед этой частицей в речи о прошлом часто встречаются формы непредшествующего времени.

Соно хаори-о киру-дакэва *юруситэ моратта кото-га ари-*

масита (С, 26/1) 'Случилось так, что мне разрешили не *носить только* это хаори[16]'.

Га, карэ-но тэ-ва, тада но:то-но хё:си-о субэримавару дакэдэ, *итимай-но ками-саэ ябурэнакатта* (Кик., 147/1) 'Его рука *только скользнула* по обложке блокнота, но не вырвала ни листка'; *Сидзуко-ва, отто-га манукарэта кикэн-о* со:дзо:-суру дакэдэ, *канари хэгэсий кандо:-ни осоварэта...* (Кик., 152/2) '*Лишь только* Сидзуко *представила себе* опасность, которую избежал муж, как сразу сильно разволновалась...'; *Га, тада* ираира-суру дакэдэ, *хаккирито тасикамэру субэ-ва, сукосимо накатта* (Кик., 154/2) 'Но [он] *только сердился, а* никакого способа удостовериться [в этом у него] не было'. (См. также А, 7/3; Кокуго, Тю:гаку, 1[1], 32; Кумэ, 254/3; Ё, 10/1.)

Синъитиро:-ва, тада сэйнэн-но дзё:хансин-о дакиокоситэ иру дакэдэ, *до:нимо тэ-но сукэё:-накатта* (Кик., 145/2). 'Синъитироо *только поднимал* верхнюю часть тела юноши, *но* никак не мог найти точку опоры' (см. также СБ, 470/3).

Га, гэйшя я бо:пу:-надоно нэссинни кийтэ иру дакэдэмо, *наника кё:ми-но ару кото-расикатта* (А, 350/1) 'Но *поскольку* гэйши и другие женщины наперебой *расспрашивали* [его], [случилось], по-видимому, что-то интересное'.

Футо:-но атари-ва атарасий акарэнга-но сэйё:каоку я хаянаги-надомо миэру дакэни *хотондо Иидагаси-то каваранакатта* (А, 345/1—2) 'Территория вокруг иристани почти не отличалась от Иидагаси, *так как* здесь *виднелись* новые здания европейского типа из красного кирпича и плакучие ивы'.

Бокура-но мигини цуранатта Тё:са-мо сиракабэ я кавараянэ-но хикаттэ иру дакэни *кино:-ходо ю:уцу-нива миэнакатта* (А, 346/3) 'И [город] Чанша, протянувшийся справа от нас, не выглядел так уныло, как вчера, *потому что* белые стены и черепичные крыши *сияли*'.

Перед *дакэ*[*дэ, дэмо, ни, ва*] встречаются и формы предшествующего времени на *-та* (см. А., 163/3, 167/1) и формы на *-тэ ита* (см. А, 366/1).

Как видно из приведенного материала, временные формы перед *дакэ*[*дэ, дэмо, ни, ва*] употребляются в относительных значениях.

[16] Х а о р и — тип длинного жакета японского покроя.

Раздел VI

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД КОНЦОВКАМИ ТИПА: СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО + ПАДЕЖНЫЙ СУФФИКС + + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ

§ 61. Временные формы перед концовкой *ё:ни натта*[17] 'стал', 'начал'

Перед этой концовкой очень часто встречаются формы непредшествующего времени: *Дандан уцукусику мигайта момо* цукурарэру ё:ни натта (Т, XII, 10) 'Постепенно *стали производиться* и красиво отполированные предметы'; *Ёку* тэцудау ё:ни натта (Кокуго, 5[2], 23) '[Ты] хорошо *стала помогать* [нам]'; *Сорэкара, коно отоко-ва эрай тё:дзя-ни наттэ, иссё: ракуна кураси-о суру кото-га* дэкиру ё:ни натта *тою: кото-дэс* (МБ, 99) 'Рассказывают, что затем он стал знатным человеком и *получил возможность* прожить всю жизнь в довольстве'; *Хато-нива торэнай га, хито-ва соно фута-саэ акэрэба, сугу соно сара-о* торидасэру ё:ни наттэ ита (Кумэ, 249/1) '*Было устроено так, что* голуби не доставали [блюдечко], а люди *могли* снять крышку и сразу же его *вынуть*'; *Соно токи-нива мо: отто-но хо:-мо, маэ-ходо канодзё-но бунгакудан-о* мэдзурасигаранай ё:ни наттэ ита (А, 177/2) 'В это время и муж уже *перестал интересоваться* ее рассказами о литературе'.

Перед *ё:ни натта* иногда встречается форма на *-та*: *Сумидагава-мо ниготтэ аку-о* нагасита ё:ни наримасита (С, 14/1) 'Река Сумида тоже помутнела и *стала такой, как будто несла с собой* щелок'. Но такие примеры редки.

Форма на *-тэ иру* перед этой концовкой не найдена.

§ 62. Временные формы перед концовкой *ё:ни сита* 'старался', 'постарался'

Эта концовка нередко употребляется в срединной форме — *ё:ни си*[*тэ*]. Перед *ё:ни сита* и *ё:ни си*[*тэ*] встречаются формы непредшествующего времени: *Цума-ва, рё:содэ-о* авасэру ё:ни си, *хирой сунахама-о фурикаэттэ ита* (А, 358/1) 'Жена, *стараясь держать* руки в рукавах, оглядывалась на широкий песчаный берег'; *Боку-ва, ока:сан-о* хиппару ё:ии ситэ, *цурэтэ кита* (Сёто:, II, 66) 'Я пришел, *таща* [за собой] маму' (см. также Нагаи, 136/1, 171/3; А, 164/2; Кумэ, 258/2—3); *Май-*

[17] Здесь и далее вспомогательный глагол приводится в форме на *-та*, хотя изучаемые концовки вполне употребительны и с глаголом в форме на *-у*

та ками-о, вагому-дэ кирикирито майтэ, угокану ё:ни сита (Т, VI, 51) 'Надев на свернутую в трубку бумагу резиновое колечко, [я] *старался* [сделать] *так, чтобы* [бумага] *не двигалась*'; *...Мину ё:ни ситэ...* (Нагаи, 147/3) '...Стараясь не смотреть...'.

Формы длительного вида и предшествующего времени перед этой концовкой не отмечены.

§ 63. Форма на *-у* перед концовкой *кото-га* (*-ва, -мо, -но дэки*[*накат*]*та* '[не] мог'

В текстах XVI—XVII вв. возможность действия обозначалась при помощи *кото-га нару* (если не применялись другие показатели, например тогда еще живой префикс *е-*). Следовательно, концовка с *дэкиру* является сравнительно новой, проникшей в литературный язык скорее всего из восточных диалектов.

Перед этой концовкой встречается только форма на *-у*: *Сукоси мудзукасикатта га, нори-дэ, до:ника* харицукэру кото-га дэкита (Т, VI, 51—52) 'Было немного трудно, но [я] *смог* кое-как *приклеить* крахмалом' (здесь речь идет об однократном действии, уже совершенном к моменту речи. Тем не менее перед этой концовкой поставить глагол в форме на *-та* нельзя, так как возможность совершить действие не следует за самим действием, а всегда предшествует ему); *Атама-мо карада-мо син-ва цукарэтэ инагара, наканака* нэмуру кото-га дэкинакатта (Сига, 7/1) 'И голова и тело устали донельзя, а [он] никак не мог заснуть'; *Тю:о:-но ро:ка-кара оку-но никай-э* каёу кото-мо дэки, *дайдокоро-но хо:-э* мавару кото-мо дэкимасита (С, 24/2) 'Из центрального коридора *можно* [было] *пройти* в глубину [дома] на второй этаж, *можно было и свернуть* в кухню'; *Ватаси-ва догимо-о нукарэтэ,* наку кото-мо дэкинакатта (Сига, 5/1) 'Испугавшись, я *даже плакать не мог*'.

Перед рассматриваемой концовкой невозможны формы предшествующего времени и формы всех других наклонений, кроме изъявительного; не удалось обнаружить ни одного случая употребления перед ней и формы длительного вида.

Вспомогательный глагол *дэкиру* в этой концовке, по моим наблюдениям, тоже не может стоять в форме длительного вида. Следующий пример относится к весьма редким и несколько искусственным: *Имадани ватаси-ва дзибун-но иэ-э яваракана ку:ки-о*ториирэру кото-мо дэкидзу-ни оримас (С, 29/1) 'Я еще *не могу создать* спокойную атмосферу даже в своем собственном доме'. Если бы глагол *дэкиру* употреблялся в форме длительного вида, здесь ожидалась бы форма *дэкитэ инай.*

§ 64. Временные формы перед концовкой *кото-ни натта* 'решил', 'было решено'

«*Кото-ни нару* указывает, что действие совершится в будущем» [83, 288].

Перед этой концовкой очень часто встречается форма на *-у*: *Ватакуситати-ва, сокодэ* ясуму кото-ни наримасита (Т, V, 29) 'Мы *решили отдохнуть* здесь'; *Аякосан-мо, хитобандомари-дэ кояги-о ми-ни,* цурэтэ иттэ морау кото-ни наримасита (Кокуго, 2[2], 41) 'И Аяко *решено было взять с собой* — показать ей козленка' (см. также МБ, 37, 58, 59, 64, 75, 98); *Цума-ва майнити, омотэ-дзасики-но маннака-дэ сё:дзи-о татэкиттэ, мидзу-о* абиру кото-ни наттэ имасита (МБ, 33) 'Жена *стала* ежедневно *обливаться* водой, отгораживаясь ширмами в середине гостиной'; *О-камисан-нива тикаку кодомо-га* умарэру кото-ни наттэ имасита (МБ, 69) 'У хозяйки скоро *должен был родиться* ребенок' (см. также Кумэ, 247/2, 251/3, 252/1).

Перед *кото-ни натта* может находиться форма на *-най*: *Макутанто: тою: сима-но тодзин-ва, кё:бо:-датта тамэ, цуйни, корэ-то сэн-о мадзиэнакэрэба* наранай кото-ни натта (Кокуго, 5[1], 133) 'Так как туземцы острова Мактан оказались воинственными, [Магеллану] *пришлось* вступить с ними в бой'.

В такой позиции встречается, хотя и весьма редко, форма на *-та*: *Само най кагири, Никорайэрукин-га хасё:фу:кин-да тою: сё:мэй-га* наритатта кото-нива наримасэн (Кокуго, Тюгаку, 2[1], 178) 'В противном случае *нельзя было бы прийти к заключению о наличии* доказательств того, что бациллы Николаэля это и есть бациллы столбняка'.

§ 65. Форма на *-у* перед концовками *кото-ни сита* 'решил', *кото-ни ситэ ита* 'имел обыкновение'

Поскольку действие не может предшествовать решению совершить его, перед *кото-ни сита* употребляется только форма на *-у*: *Сюдзин то мэсицукаи-това, сибараку коно утини* томару кото-ни сита (МБ, 73) 'Хозяйка и служанка *решили остаться* на некоторое время в этом доме'; *Аякосан-но ока:сан-ва, тэцудаи-ни* ику кото-ни симасита (Кокуго, 2[2], 41) 'Мать Аяко *решила пойти помочь*'. (См. также Т, IV, 75; А, 8/3, 355/1, 386/2, 410/1, 429/2.)

Кото-ни ситэ ита, а иногда и *кото-ни сита* (когда речь идет о неоднократных действиях) можно перевести — 'взял себе за правило', 'имел обыкновение': *Сорэ-га майнити кайся-кара каэттэ куру то, канарадзу баммэсиго-но нандзикан-кава, Нобуко-то иссёни* сугосу кото-ни ситэ ита (А, 176/1)

'Он *имел обыкновение* каждый день, придя со службы, несколько часов после ужина *проводить* с Иобуко'.

В литературном переводе в подобных случаях передавать эту концовку особыми словами необязательно: *Сокодэ оттоно русу-но ути-дакэ, итинидзикан-дзуцу цукуэ-ни* мукау кото-ни сита (А, 176/2) 'И только в отсутствие мужа [она] на час-другой *садилась за* [письменный] стол'.

Глагол с этой концовкой может употребляться и как срединное сказуемое: *Знэм-мэ-но кё:, коко-дэ* матиавасэру котони ситэ ... *бэцубэцуни* юку кото-ни симасита (МБ, 106) '*Договорившись встретиться* тут же через три года, *решили разойтись* поодиночке...' (см. также Кокуго, 4[2], 9).

Изредка перед *кото-ни сита* употребляется форма отрицательного наклонения: *Дзоку-ва*, сэмэёсэнай кото-ни снта (Т, VI, 75) 'Разбойники *решили не атаковать*'.

§ 66. Временные формы перед концовкой *вакэ-дэ* (*-ва, -дэва*) *накатта* 'не мог', 'не было причин'; 'не значит'

В речи о прошлом перед этой концовкой часто употребляются формы непредшествующего времени: *Га, карэ-но кё:гу: я никутайтэки энэруги:-ва ко:ю: кото-о* юрусу вакэ-ва накатта (А, 428/1—2) 'Но обстановка его жизни и его кипучая энергия *не позволяли* [ему пойти на] это'; *Кэрэдомо,* цуку вакэ-ва аримасэн (Кокуго, 2[3], 22) 'Но *соединить* [части сломанного карандаша было] *невозможно*'; *Моттомо, соно кородэмо. тэммонгакуся я ко:кайся-но нака-нива, сэкай-ва маруй монода тою: кангаэ-о моттэ иру моно-га, марудэ* най вакэ-дэва накатта (Кокуго, 5[1], 119) 'Но [это] *не значит, что* в то время среди астрономов и мореплавателей совсем *не было* людей, которые думали, что земля круглая'. (См. также Кокуго, 3[1], 93.)

Перед рассматриваемой концовкой, когда она употребляется во втором значении, может применяться и форма на *-та*: *Нанимо, монооото-га* кикоэтэ кита вакэ-дэва аримасэн *га...* (Кокуго, 4[2], 129) 'Это *не значит,* что [к ним] *доносился* какой-либо звук...'

§ 67. Временные формы перед концовкой *вакэ-нива иканакатта* 'не мог'

В речи о прошлом в этой позиции употребляются, как правило, формы непредшествующего времени: *Майнити, муси я тори-надоо* оикакэтэ иру вакэ-нива икимасэн (Кокуго, 4[1], 45) '*Нельзя же* [было] ежедневно *гоняться* за насекомыми и птицами'.

Чаще, чем изъявительные формы, перед этой концовкой употребляется отрицательная форма на *-най*: *Га, канодзёва окоринагарамо Сюнкити-но хинику я кэйку-но нака-ни, наника кэйбэцу-дэкинай моно-о* кандзинай вакэ-нива юканакатта (А, 174/2) 'Но она, хотя и сердилась, *не могла не чувствовать* в иронических замечаниях и остротах Сюнкити чего-то не заслуживающего презрения' (см. также А, 414/1; Кумэ, 245/3, 358/2, 363/2).

§ 68. Временные формы перед концовкой *хадзу-га* (*-ва, -мо*) *накатта* 'не должен был', 'не мог'

Перед этой концовкой употребляются в подавляющем большинстве случаев формы непредшествующего времени в значении последования: *Маситэ, сукоси ханарэта коя-но нака-дэ, хитори-но сё:дзё-га, кодзика-о дайтэ, фуруэтэ иру котонадо,* вакару хадзу-га аримасэн-дэсита (Кокуго, 4[2], 123) 'Тем более *не могли* [они] *знать,* что в близлежащем сарайчике девочка, дрожа [от страха], обнимала олененка [за которым они охотились]'; *Сугу дэнкибурэ:ки-о какэ-саэ сурэба, кэсситэ* коросу хадзу-ва накатта-*но да* (Сига, 142/2) 'Если бы водитель сразу же использовал электрический тормоз, он не задавил бы (букв. совсем *не должен был задавить*) [девочку]'.

Перед рассматриваемой концовкой встречается, хотя и очень редко, и форма на *-та*: *Оя, конна токоро-ни, иси-га* атта хадзу-га най *гана* (МБ, 94) 'О, в таком месте *не должно было быть* камня!'

Перед *хадзу* употребляются и отрицательные формы: *Мотирон матти-мо* уранай хадзу-ва най (А, 330/1) 'Конечно, [в этой лавке ему] *должны были продать* (букв. не должны не продать) и спички' (здась двойное отрицание усиливает долженствование); *Токоро-га, до:сита-нока,* отинэба нарану хадзу-*но дайни-но кю:дзёами-га отидзуни...* (Сига, 141/2) 'Однако вторая спасательная сетка, *которая должна [была] опуститься,* отчего-то не опустилась...' (здесь долженствование выражено дважды: самим *хадзу* и глагольной аналитической формой, стоящей перед ним).

Иногда *хадзу* имеет потенциальное значение: *Соно уэ, унтэнсю-но цуми-о, икура ковадака-ни сакэндэ-мо, сэйнэн-но* ёмигаэру хадзу-мо накатта (Кик., 150/3) 'Кроме того, как бы громко ни кричали на водителя за его проступок, молодой человек *не мог воскреснуть*'.

Перед *хадзу* возможна и форма на *-тэ иру* (см. М, 299/1—2, 307/1).

Раздел VII

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД КОНЦОВКАМИ ТИПА: СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО + СВЯЗКА, ЗАМЕЩАЮЩАЯ РАНЕЕ УПОМЯНУТЫЙ ПРЕДИКАТИВ

Многие служебные слова составляют со связкой (или глаголом бытия *ару*) особые концовки. Их отличие от концовок, разобранных выше, заключается в том, что временные формы перед ними выражают временное отношение к связке только в том случае, если она обозначает какой-либо процесс или качество. А это может быть лишь тогда, когда связка замещает полнозначный глагол или прилагательное [18].

§ 69. Временные формы перед концовкой: *ходо* + связка 'настолько... что', 'так... что'

Если связка в этой концовке замещает ранее упомянутый предикатив, перед *ходо* в речи о прошлом часто встречаются формы непредшествующего времени изъявительного и отрицательного наклонений: *Хаяси-ва, карэ-но асиото-ни* наридоёнда. *Сорэ-ва кодзуэ-ни сукутта рису-мо, порапорато дайти-э* отиру ходо-дэ атта (А, 295/3) 'Лес *гремел* от его *шагов*. Да *так, что* даже белки, которые устроили себе гнезда на верхушках деревьев, *падали* на землю'. Во втором предложении этого примера вместо связки *-дэ атта* можно было повторить глагол *наридоёнда* 'гремел'. Глагол *отиру* 'падать' стоит в форме на *-у* потому, что обозначает последующее действие по отношению к действию, выраженному глаголом *наридоёнда* или его заместителем — связкой *атта*.

Связка в такой позиции может заменять собой и прила-

[18] Если же связка не является своего рода глагольным местоимением и не замещает упомянутый ранее предикатив, глагольные формы перед такой концовкой не могут иметь относительных временных значений. Однако их значения нельзя считать и абсолютными. Если бы они были абсолютными, в речи о прошлом встречалась бы только конструкция: «форма на *-та* от глагола+служебное слово (или частица)+форма на *-та* от связки». В действительности же встречаются следующие конструкции:

«форма на *-та*+служебное слово+*датта* (*дэсита* и т. д.)»;

«форма на *-у*+служебное слово+*датта*»;

«форма на *-та*+служебное слово+*да* (*дэс* и т. д.)»;

«форма на *-у*+служебное слово +*да*».

Исследование грамматических значений форм на *-та* и на *-у* в этой позиции — тема особой работы. Изученный материал, пока еще недостаточный, создает впечатление, что эти формы вообще теряют временное значение и форма на *-та* выражает однократность, а форма на *-у* — многократность [см. 119, 554—579, 584—590, 596—598; 120, 89].

гательное: *Мурасаки-Сикибу-ва, кодомо-но токи-кара хидзё:ни* рико:-дэсита. *Ани-га сики-о ёндэ иру-но-о, соба-дэ дзитто кийтэ итэ, ани-ёри сакини* обоэтэ симау ходо-дэсита (Г, XI, 13) 'Мурасаки-Сикибу с детских лет *была* очень умна. *Настолько, что,* внимательно слушая со стороны, как старший брат читает историю, [она] раньше брата [ее] *запоминала'; Тосиёрини нидзу мэ-дакэва хито-итибай,* тасся-датта. *Рампу-но хикари-дэ симбун-но руби-о мэганэ-насини хэйки-дэ ёму кото-га* дэкита ходо-дэ атта (Ё, 5/3) 'Только глаза его, несмотря на [его] преклонный возраст, *были* вдвое *зорче,* чем у других. *Настолько, что* [он] *мог* при свете лампы легко читать без очков мелкий газетный шрифт'.

Иногда прилагательное, которое могло бы стоять после *ходо,* выносится в начало того же предложения и субстантивируется, а на его место ставится связка: *Соно сэйкю:на кото-ва, набэ-ни сикакэта имо-дэмо ниндзин-дэмо дзю:бун ниэру-ноо* маттэ ирарэнай *тою:* ходо-дэсита (С, 19/3) 'Говорят, она была *так нетерпелива, что не могла дождаться,* пока картошка или морковь, положенные в кастрюлю, достаточно сварятся'.

Иногда и глагол, который мог бы стоять после *ходо,* помещается ближе к началу предложения, а на его место также ставится связка: *Ватаси-но сю:и-нива мурон* аю-о тэйсуру *томогара-мо ару нодэ, коно то:дзи ватаси-ва маттаку дзибуннни тайсуру сандзи-ёри хока-нива, хотондо наннимо кику кото-га* дэкинай ходо-дэсита (Нагаи, 186/2) 'Конечно, меня окружали и товарищи, которые *льстили* [мне] *настолько,* что в то время я почти ничего другого *не мог* услышать, кроме похвал в мой адрес'. Такой глагол может быть превращен в имя: *Титиоя-то хахаоя-но* ёрокоби-ва, *ханаси-нимо мукасибанасинимо* най ходо-дэсита (МБ, 23) '*Радость* отца и матери *была такой* [огромной], *что* ни в сказке сказать, ни пером описать (букв. ни в рассказах, ни в сказках *нет*)'.

Как видно из этих примеров, формы на *-у* и на *най* перед данной концовкой (*ходо*+связка) употребляются в чисто относительном значении.

После *ходо* может стоять и глагол бытия *ару.* Значение форм непредшествующего времени перед *ходо* остается при этом относительным: *Тё:дзё:доно-но отомэ-но ёмэиридо:гу-ва, нанато:-но мма-нимо* цукэкирэнай ходо аримасита (МБ, 20) 'Приданого у дочери старосты *было столько, что* и на семь лошадей *не нагрузить*'; *Тэнимоцу-мо* ариамару ходо аримасита (там же) 'Ручной клади тоже *было более чем достаточно*'. Однако нельзя сказать, что глагол *аримасита* 'было' замещает здесь другой глагол. В подобных случаях глагол бытия не является вспомогательным глаголом вообще; поэтому такое употребление *ходо* близко к союзному (сходные случаи разобраны в § 20).

§ 70. Временные формы перед концовкой: *тамэ* + связка 'для того, чтобы...'; 'потому что'

Если союзное слово *тамэ* в целевом значении находится перед связкой, замещающей упомянутый ранее глагол, перед *тамэ* употребляются, как правило, формы непредшествующего времени даже в речи о прошлом: *Сикаси боку-но маннэнхицу-о* нусунда-*нова*... — *Кодомо-но омотя-ни* суру тамэ-датта-*но дэсё:* (А, 388/3) 'Однако то, что [он] *украл* мою авторучку... — Но ведь [он же украл ее] *для того, чтобы превратить* в детскую игрушку' (см. также А, 288/3).

В речи о прошлом перед *тамэ* в причинном значении также нередко встречаются формы непредшествующего времени: *Карэ-ва коно томодати-ни ицумо ару ситасими-о* кандзитэ ита. *Сорэ-ва карэ-нива коно томодати-но кодоку-но, — кэйкайна камэн-но сита-ни ару кодоку-но хито итибай ми-ни симитэ* вакару тамэ-датта (А, 429/1) 'Он всегда *чувствовал* расположение к этому товарищу. *Потому что понимал* его одиночество,— а одинокий человек под веселой маской вдвое трогательнее'; *Га, тоникаку о-Суми-но икэн-ва канодзё-дзисин-но мими-нисаэ моттоморасий хибики-о* цутаэнакатта. *Сорэ-ва дайити-ни канодзё-но хоннэ, — цумари канодзё-но раку-ни наритаса-о мотидасу кото-но* дэкинай тамэ-датта (А, 300/2) 'Но, во всяком случае, свое мнение о-Суми *не высказывала* вслух даже так, чтобы оно дошло только до ее собственных ушей. Прежде всего *потому, что* [она] *не могла* выразить свое сокровенное желание — пожить в конце концов в свое удовольствие'.

Если же действие, обозначенное глаголом, находящимся перед *тамэ,* совершилось после действия, выраженного связкой, этот глагол принимает форму на *-та*: *Боку-ва тётто мимио* сумасита. *Сорэ-ва коногоро-но боку-ни о:и саккаку ка то* омотта тамэ-датта (А, 357/2) 'Я слегка *насторожился. Потому что подумал,* что в это время у меня часто бывают галлюцинации'.

Как видно из изученного материала, употребление временных форм перед *тамэ-датта* является чисто относительным.

§ 71. Временные формы перед концовкой: *кара* + связка 'потому что'

Концовка *кара-датта* почти синонимична концовке *тамэ-датта.* Связка здесь также всегда замещает ранее упомянутый глагол. Употребление времен перед концовкой *кара-датта* является чисто относительным: *Хацука-идзё:-мо курусинда тайбё:-о Тё:кити-ва моккэ-но сайвай-дэ атта то* ёрокондэ иру. *Тотэмо райгэцу-но гакунэнсикэн-нива кю:дай-суру мико-*

ми-га най то омоттэ ита токоро-на нодэ, бё:ки-кэссэки-но ато-то иэба, ракудай-ситэмо хаха-ни тайситэ моттомо сигокуна мо:сивакэ-га дэкиру то омоу кара-дэ атта (Нагаи, 165/1) 'Тёокпти *радовался* тяжелой болезни, из-за которой [он] провалялся в постели целых двадцать дней, [считая ее] неожиданным счастьем. *Потому что* [он] не надеялся выдержать в будущем месяце экзамены за учебный год и *думал*, что сможет оправдаться перед матерью, если даже провалится после пропуска занятий по болезни'; *Иццусика футари-ва накаёси-ни* наттэ симаимасита. *Футари-ва, хокани ханаси-о суру аитэ-мо наку* тайкуцу-дэ атта кара-дэ аримас. *Соситэ, хару-но хи-ва нагаку, ураракани, атама-но уэни* тэрикагаяйтэ иру кара-дэ аримасита (СБ, 279/1) 'Незаметно они *стали* добрыми друзьями. *Потому что* им обоим *было скучно* — больше не с кем было разговаривать. И *потому что* весенние дни были долгие. а над головой ярко *сияло* солнце'.

§ 72. Временные формы перед концовкой: ограничительная частица + связка

Если связка в концовках *ходо-датта, тамэ-датта, карадатта* всегда (или почти всегда) употребляется вместо ранее упомянутого предикатива, то в рассматриваемой концовке такие случаи единичны. В немногих найденных примерах употребление времен остается относительным: *Доко-кара бася-ни нотта ка тою: кото-мо, хаккиритова* киоку-симасэн. *Тада, маэ-но хо:-э тоссин-суру бася-то ... токидоки батэй-но фукинарасу раппа-то мма-о хагэмас коэ-то ... хагэсику юсурэру ватаситати-но карада-тога* ару бакари-дэсита (С, 15/3) 'Где мы сели на телегу — точно *не помню*. [Я запомнил] *только, что была* телега, катившаяся вперед ... труба, в которую время от времени дул возница, голос, понукающий лошадь ... наши трясущиеся тела'. Здесь связка *дэсита* употреблена вместо *киоку-симасита,* т. е. вместо глагола, который является сказуемым предыдущего предложения. Причем этому не помешал тот факт, что глагол имеет форму *киоку-симасэн,* т. е. форму непредшествующего времени отрицательного наклонения. Значит, связка замещает ранее упомянутый предикатив лишь как лексему. Грамматические же категории могут у нее не совпадать с категориями замещенного слова.

§ 73. Временные формы перед концовкой: *кураи* + связка

Данная концовка «в конце предложения указывает на значительность сообщения; не переводится» [83, 299]. Перед этой концовкой встречаются формы непредшествующего времени: *Со:ю: котоба-ва... тарэ-но кути-карамо* дэру кураидатта (А, 301/3) 'Такие слова ... *исходили* из уст всех'; *Со-*

но коэ-нива ватаси-ва кикиторэру кураи-дэсита (С, 18/1) 'Его голосом я *прямо заслушивался*'; *Мати-о то:ру хаяриута-надзова итидо кикэба сугуни* киоку-суру кураи-дэ атта (Нагаи, 162/1) 'Стоило [мне] один раз услышать модную песенку, *как* [я] сразу же [ее] *запоминал*'; *Одзисан-но ути-дэва, нива-иппай моми-га хоситэ аттэ, аси-но фумиба-мо* най кураи-дэсита (Т, IV, 47—48) 'У дяди по всему двору сушился рис, *так что некуда* было ступить'; *Ватаси-но обоэтэ-карава, окуно хэя-надова токубэцу-но кяку-дэмо ару токи-ёри хокава* цукаванай кураи дэсита (С, 8/3) 'С тех пор, как я начал себя помнить, внутренние комнаты *не использовались*, за исключением того времени, когда бывали какие-нибудь особо важные гости'.

Перед рассматриваемой концовкой встречаются формы длительного вида: *Карэ-ва ано дайни-но хако-о, тада-дэ акэта кото-ни саэ, иссю-но ки-но тогамэ-о* кандзитэ иру кураи-датта *кара* ... (Кумэ, 250/3) 'Ведь даже только открыв тот второй ящик, он *чувствовал* своего рода угрызения совести...'

Связка после *кураи*, если не прямо, то в какой-то мере косвенно повторяет ранее упомянутый глагол (или прилагательное): *Кэрэдомо, усукутэ, нутта ка нуранай ка* вакаранай кураи-дэсита (Кокуго, 2[3], 17) 'Однако [карандаш] *был настолько* тонкий, *что* [он] *не разобрал*, закрасил [рисунок] или нет'; *Акуру хи, Рэна:до-ва, итинитидзю:, отицукадзу, мори-но хо:-бакари ки-ни сита имасита. Дайсукина тю:ингаму-мо, амари* хосигаранай кураи-дэсита (Кокуго, 4[2], 129) 'На следующий день Ренальд все время обращал внимание только на рощу. *Так что* даже любимую жевательную резинку *не* очень *хотел* [жевать]'.

Перед данной концовкой может употребляться и форма на *-та*: *О-Симоба:-ва ватаси-о кавайгаттэ курэмасита кара, ватаси-мо асоби-ни юкиюки-симаситэ, накаба дзибун-но иэ-но ё:ни кокороясуку* омотта кураи-дэсита (С, 9/2) 'Бабушка о-Симо меня любила, поэтому я захаживал к ней в гости и *чувствовал* [там себя] легко, почти как дома'. Здесь форма на *-та* перед *кураи* показывает на предшествование начала (рассказчик задолго до описанного момента бывал у о-Симо).

Употребление времен перед *кураи-датта* является относительным, так как связка может быть заменена полнозначным глаголом, прилагательным или целым словосочетанием.

Раздел VIII

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕД КОНЦОВКАМИ ТИПА: ИМЯ (СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВРЕМЯ») + СВЯЗКА

§ 74. Временные формы перед концовкой: *коро* + связка

Такая концовка является именным сказуемым; подлежащим к нему может быть слово, также обозначающее время: *Соно коро-ва тё:до Мусяко:дзи-Санэацуси-га, масани Парунасасу-но тё:дзё:-э тато: то* ситэ иру коро-датта (А, 161/1) 'Это (время) было как раз *то время, когда* Мусякоодзи-Санэацу *собирался* вступить на Парнас'. Но, разумеется, повторение одного и того же слова в одном предложении нежелательно. *Коро* (подлежащее) замещается просубстантивиым суффиксом *-но*, если перед ним стоит определительное предложение: *Ситагаттэ иэ-ни каэттэ куру-нова ицумо дэнто:-но* томору коро-датта (А, 363/2) 'Следовательно, [он] всегда возвращался домой *тогда, когда* [уже] *горело* электричество' [19].

Иногда подлежащим является слово, указывающее на время не прямо, а косвенно: *Тё:кэй-но кэккон-ва ё:яку ватаси-га* моногокородзуку коро-дэсита (С, 6/3) 'Брак старшего брата [состоялся] *тогда, когда* я уже *становился сознательным*'.

Но чаще всего подлежащее в предложении с *коро-датта* вообще отсутствует: *Идзу-ханто:-но тоси-но курэ-да. Хи-га хайттэ фу:буцу субэтэ-га аоми-о обитэ* мирарэру коро-датта (Сига, 301/1) 'Конец года на полуострове Идзу. [Это] *было время, когда* солнце зашло, и все предметы *казались* подернутыми синевой'.

Особенностью временных отношений, разбираемых в этом разделе, является то, что время предикатива, стоящего перед концовкой, соотносится не с временем связки, а с тем периодом времени, который обозначается именной частью концовки. Если к этому периоду действие (или состояние) не было прервано, применяется форма непредшествующего времени: *Тити-га энгава-кара* отита-*нова тё:до, кадзиба-но маэно момо-но хана-га* сайтэ иру *коро-дэ атта* (Ё, 25/2) 'Отец упал с веранды как раз *в то время,* когда перед кузницей *цвели* персики' (см. также примеры, приведенные выше); *Мада рё:кэн-надоо цукау кото-но* хаяраиу коро-датта (Ё, 5/3) '[Это] *было время, когда* еще *не было в моде* пользоваться охотничьими собаками'.

Если же ко времени, о котором идет речь, действие, обо-

[19] Данное предложение можно было бы перестроить, поставив после *коро* вместо связки глагол *каэттэ куру*: *Ситагаттэ ицумо дэнто:-но* томору коро *каэттэ кита*. Значит, можно считать, что связка в данном случае замещает вынесенный в начало предложения полнозначный глагол. Однако вообще для данной концовки это не характерно.

значенное глаголом, стоящим перед *коро,* закончилось, этот глагол принимает форму на *-та*: *Сорэ-кара хитотоки-бакари* татта коро-дэс (А, 283/3) 'С тех пор *прошло* немного времени, *и вот...*'; *Муги-но хо-га киирони* урэтэ ита коро-дэ атта (Ё, 14/2) '[Это] *было время, когда* колосья хлебов [уже] пожелтели и *налились*' (здесь *коро* обозначает тот период времени, который наступил после того, как произошли эти действия).

Форма на *-та* может указывать и на предшествование начала: *Эйсэй-сисо:-га* хаттацу-синакатта коро-датта *нодэ, мурадзю: хотондо кэмбэцу-ни хитобито-ва экибё:-ни торицукарэтэ симатта* (Ё, 13/1) '[То] *было время, когда* санитарные знания *были не развиты,* поэтому в деревне почти в каждом доме люди пострадали от эпидемии'. В этом предложении глагол *хаттацу-синакатта* стоит в форме предшествующего времени, обозначая, что действие не имело места задолго до того периода, о котором идет речь.

§ 75. Временные формы перед концовкой: *токи* + связка

В этой концовке *токи* обозначает время, о котором идет речь. Если глагол, стоящий перед *токи,* выражает действие, продолжающееся и в данный период, он принимает форму непредшествующего времени: *Мэ-но хосой дзётю:-мо накамаири-о ситэ, гунсикэн-но* асоби-о суру токи-датта (Сига, 12/1) '[Это] *было тогда, когда* и служанка с узкими глазами присоединилась к компании и *играла* в игру на пальцах'; *Иёиё анэ-га Канадзава-э* каэру токи-дэ атта (Ё, 25/1) '[Это] *было время,* когда старшая сестра наконец *возвращалась* в Канадзава'.

В тех случаях, когда глагол, стоящий перед *токи,* обозначает действие, законченное к данному периоду времени, он принимает форму предшествующего времени: *Нибаммэ-но анэ-га Канадзава-кара то:й таби-о ситэ, тити-о мимаи-ни* кита токи-дэ атта (там же) '[Это] *было в то время, когда* старшая сестра, проделав долгий путь из Канадзава, *приехала* проведать отца'; *Сима-ни сундэ иру футари-но додзин-га, нансэн-кара сукуварэтэ, ару минато-ни* цуйта токи-дэ арима-сита (СБ, 281/1) '[Это] *было тогда, когда* двое спасенных при кораблекрушении туземцев, живших на острове, *прибыли* в порт'.

В речи о прошлом после *токи-дэ* связка может выступать и в форме непредшествующего времени: *Цуйни сайго-но кикай-га то:рай-сита. Сорэ-ва гакко:-но до:кю:кай-кара... хагаки-но* кита токи-дэ ару (Нагаи, 145/1—2) 'Наконец представился последний шанс. Это [*было*] *тогда, когда* от общества одноклассников *пришла* открытка...'.

По-видимому, связка в форме на *-та* показывает, что вре-

мя, о котором идет речь, уже частично истекло к тому моменту, когда началось действие, упоминаемое в следующем (а иногда и предыдущем) предложении. Так, употребление концовки *токи-дэ атта* после *кита* (см. выше) объясняется тем, что действие *кита* 'пришла' не непосредственно предшествует разговору, о котором повествуется в следующем предложении, а отделено от него некоторым промежутком времени. В примере же с *токи-дэ ару* (где связка в форме на *-у* замещает глагол *то:рай-сита,* т. е. форму другого времени) период времени, обозначенный словом *токи,* только начался. Между началом этого периода и началом следующих действий ничего существенного не произошло.

Ср. еще два предложения со связками в разных временах: *Гакугэйкай-но атокатадзукэ-о* ситэ ита токи-дэсита (Кокуго, 2[3], 58) '[Это] *было тогда, когда* [всё уже] *привели* в порядок после школьного концерта художественной самодеятельности'. Здесь речь идет о времени, наступившем после того, как действие *ситэ ита* 'привели' было уже закончено; это время частично уже истекло, на что указывает связка в форме на *-та.* Но: *Сосин-ва амэ-ни нурэтэ, самукутэ карадага фуруэтэ ори, докока-э сакэтай то* омоттэ отта токи-да *кара, фукаку-мо товадзу юку кото-ни сита* (Я, 7—8) '[Это] *было тогда, когда* Сучэнь, промокнув под дождем и дрожа всем телом от холода, *думал,* куда бы спрятаться, поэтому [он] решил пойти, не расспрашивая подробнее [, куда его приглашают]'. В этом предложении форма длительного вида *омоттэ отта* 'думал' означает предшествование — перерыв действия (получив приглашение, Сучэнь перестал думать об убежище). Форма на *-тэ отта* имеет здесь и плюсквамперфектное значение (Сучэнь хотел спрятаться от дождя и до того, как его пригласили в гости, о чем говорится до этого). Глагол, обозначающий действие в предыдущем предложении, замещен здесь связкой *-да.*

Перед рассматриваемой концовкой (*токи* + связка) встречаются и формы отрицательного наклонения: *Ватаси-ва, гогацу муйка-но аса тадзунэта-но-да кара, мада то:дзоку-но* конакатта токи-датта (Я, 150) 'Я пришел к вам утром 6 мая, *тогда, когда* разбойники еще *не появлялись*'. Форма *конакатта* 'не появлялись' как бы указывает на то, что впоследствии это действие было совершено.

Употребление времен перед данной концовкой является чисто относительным. Однако *токи* в таких концовках встречается гораздо реже, чем в роли союзного слова.

§ 76. Временные формы перед концовкой: *дзибун* + связка

Слово *дзибун,* образованное из китайских корней, давно вошло в японский язык. В концовках оно встречается уже в

текстах XVI в.: *Доко-дэгана фэмпо:-во шёо то* вомои иру жибун-дэ атта... (Е, 421) '[Это] *было тогда, когда* [он] *думал* как-нибудь отплатить...'

То же относительное употребление временных форм перед этой концовкой находим и в современном языке: *Аки-но суэ ка фую-но хадзимэ ка, соно хэн-но киоку-ва хаккири-синай. Тоникаку гакко:-э каёу нони о:ба-ко:то-о* хиккакэру дзибун-датта (А, 340/1) '[Было ли это] в конце осени или в начале зимы, [он] точно не помнил. Во всяком случае, [это] *было тогда, когда* [он], идя в школу, *надевал* пальто'; *Сорэдэмо, хамадэ ау субэтэ-но сё:дзё-ни нацукасиса-о* обоэру дзибун-дэ атта (Х, 7/1) 'И все же [это] *было время, когда* [он] *чувствовал* расположение ко всем девочкам, которых [он] встречал на берегу'.

Однако в этой позиции *дзибун* встречается гораздо реже, чем между предложениями.

§ 77. Временные формы перед концовкой: *токоро* + связка

Токоро в позиции перед связкой означает 'только что', 'как раз' (если не сохраняет чисто пространственного значения).

Данная концовка встречается, хотя еще и редко, уже в кёогэнах: *Кё:-ва яма-но со:дан кивамэмашё: то зонжи, ёбини* шинзуру токоро-дэ гозатта (К, II, 103) 'Думая устроить сегодня собеседование о проведении праздника, [я] *только что послал* [слугу] пригласить [вас, а вы как раз сами пришли]'.

В современном языке в этой позиции временные формы употребляются в относительном значении: *Мидзу-га хийта нодэ, ятто има* каэттэ кита токоро-дэс (Я, 30) 'Вода [лишь недавно] спáла, поэтому [я] *только* сейчас *вернулся*' (см. также Я, 125); *Ни:сан-но окаэри-га, има хитоаси осокаттара, ватасидомо-ва* якэсину токоро-дэсита (Я, 44) 'Если бы старший брат вернулся немножко позднее, мы бы *сгорели заживо'; Нитикё:кун, кими-ва до:ситэ Пэкин-ни* юку токоро-датта-*но ка* (Я, 171) 'Жыцзин, почему же ты *отправился* в Пекин?'; *Рю:кун-ва кэга-о ситэ, боку хиторидэ* коматтэ отта токоро-да *кара, вадэаваи-о тэндзитэ фуку-то насита ё:на моно-да* (Я, 173) 'Лю ранен, а я *как раз* [остался] один и *находился в затруднительном положении,* так что, как говорится, не бывать бы счастью, да несчастье помогло'; *Хахасама-мо маэ-кара со:* омоттэ ита токоро-дэс (МБ, 27) 'И мать *как раз* тоже уже некоторое время так *думала*'. В последних двух примерах форма сказуемого перед концовкой обозначает предшествование начала, ср. *Камиюисан-га, иссё:кэммэйни, нэ:сан-но о-ситаку-о* ситэ иру токоро-датта (Т, XI, 39) '*Тут как раз* парикмахер со всем усердием *делал* старшей сестре прическу'

(здесь выражается одновременность); *Нивахаки-га хитори хосий то* омо:тэ ита токоро-да (МБ, 98) '[Я] *как раз думал* нанять одного садовника [как тут пришел ты и предложил свои услуги]' (перерыв действия), но: *Иссю:каммэ-ни Карокува симпай-ни наттэ, тодана-о акэтэ мимасита. Токоро-га, ипа-но цуру-га..., дзибун-но хосой ханэ-о нуйтэ хаммоно-о оттэ, тё:до* ориагэта токоро-дэсита (МБ, 38) 'К концу недели Кароку забеспокоился, открыл шкаф и посмотрел. Однако [там]..., вырывая свои тонкие перышки, ткала журавлиха; *только что* [она] *кончила ткать*' (здесь форма *ориагэта* 'кончила ткать' выражает предшествование конца, а форма *дэсита* — предшествование начала).

Иногда *токоро* полностью сохраняет пространственное значение и в этой позиции: *До:ситэ конна хито-га оба-но иэ-о каритэ ита-но-ка, каймоку ватаси-нива вакаримасэн-дэсита га, тоникаку мура-но даннасю:-га ёку* ацумару токоро-дэва аримасита (С, 9/1) 'Почему дом тети снял такой человек — мне было совершенно непонятно, но, во всяком случае, [это] *было то место, где* часто *собирались* знатные люди деревни'.

Отличительная черта рассматриваемой концовки заключается в том, что связка после *токоро* не является обычно заместителем какого-либо полнозначного глагола; кроме того, в предложениях со сказуемым *токоро-датта* (во временном значении) нет подлежащего.

ВЫВОДЫ

Изучение употребления временных форм перед союзными элементами показало следующее:

1. Выбор временной формы, стоящей перед союзным элементом, не зависит от его структуры и происхождения.

2. Многочисленные союзные элементы современного японского языка разделяются на две группы. Союзные элементы, которые имеют определенное временное значение — предшествования, одновременности или предстояния — употребляются только после форм одного из времен. Союзные элементы другой группы, имеющие неопределенное временное значение (или не обладающие им вообще), в речи об одном и том же отрезке времени могут следовать за формами любого времени.

3. Четырнадцать союзных элементов современного языка встречаются только после форм непредшествующего времени. Это объясняется их общим значением — одновременностью.

4. Шесть союзных элементов, имеющих общее значение предстояния (последования), также применяются только после форм непредшествующего времени.

5. Отсутствие примеров употребления формы предшествующего времени на *-та*, даже в речи о прошлом, перед союзными элементами со значениями одновременности или последования объясняется тем, что эти значения противоречили бы временному значению формы на *-та*. Если бы форма на *-та* имела значение прошедшего времени, такого противоречия не было бы, и конструкция «форма на *-та*+союз, обозначающий одновременность или последование» должна была бы употребляться в речи о прошлом.

6. Перед союзными элементами со значением «после того как» в большинстве случаев, даже в речи о будущем, употребляется форма на *-та*. Следовательно, значение этой формы не противоречит значению союзных элементов, выражающих предшествование. Если бы форма на *-та* обозначала прошедшее время, она не применялась бы в речи о будущем.

7. Все это говорит о том, что употребление временных форм перед союзными элементами с определенным временным значением никак не зависит от отношения процесса, который они выражают, к моменту речи. (Подобное явление отмечается в наивайском и маньчжурском языках.)

8. Перед союзными элементами, имеющими широкое условно-временное, уступительное или причинное значение, встречаются, даже в речи о прошлом, формы непредшествующего времени, если процесс, выраженный такой формой, не предшествует процессу, обозначаемому сказуемым главного предложения (или следующего придаточного).

Если же глагол перед таким союзным элементом выражает процесс, предшествующий следующему упоминаемому, то этот глагол употребляется в форме предшествующего времени на *-та*, даже в речи о будущем [20].

9. В данной главе показано, что употребление временных форм перед союзными элементами нельзя объяснить утратой временных значений предикативными формами. Значения конечных временных форм современного японского языка в этой синтаксической позиции являются чисто относительными, т. е. совершенно аналогичны значениям срединных форм (см. третью главу).

10. Кажущиеся исключения из установленных в главе правил употребления временных форм в зависимости от их относительных значений — употребление формы на *-та* в речи

[20] Под непредшествованием, как оно выражается временными формами японского языка, следует понимать не только одновременность и предстояние, но и непосредственный переход от одного действия к другому без перерыва. При наличии перерыва неукоснительно применяются формы предшествующего времени, даже в речи о будущем.

о действиях, по существу не законченных к началу следующего упоминаемого, и др. — объясняются тем, что:

а) форма на *-та* обозначает как предшествование конца действия началу следующего, так и предшествование начала первого действия началу второго, т. е. предшествование вообще;

б) форма на *-та* обозначает не только действие, доведенное до конца к началу следующего, но и прерваиное;

в) существуют особые синтаксические позиции (в частности, перед некоторыми концовками типа *кото-га ару* 'бывает, что'), в которых значения форм на *-у* и на *-та* не являются ни относительными, ни абсолютными [21].

11. Временные формы имеют чисто относительные значения перед концовками типа: служебное слово+падежный суффикс+вспомогательный глагол.

12. Употребление форм одного и того же времени разных наклонений и видов оказалось различным даже перед одинаковыми союзными элементами. В частности:

а) формы вероятного и дубитативного наклонений в этих позициях (за исключением позиции перед союзом *га*) почти вышли из употребления;

б) формы повелительного и аклонеиия в этих позициях также весьма редки, а формы желательного наклонения встречаются лишь перед некоторыми союзными элементами;

в) формы длительного вида не употребляются перед союзнымн элементами, обозначающими предстояние, а также перед союзными элементами, выражающими мгновенное возникновение второго действия, как только началось первое [22];

г) формы отрицательного наклонения также не употребляются перед многими союзными элементами и концовками (например, перед *кото-га дэкиру)*. Это может служить дополнительным доказательством того, что отрицательные формы составляют особое наклонение [так как не только по морфологическому составу и значению, но и по употреблению (сочетаемости) они отличаются от изъявительных форм].

13. Применение временных и модальных форм в какой-то мере объясняет характер некоторых союзных речений. Так,

[21] Если связка заменяет упомянутый ранее глагол (или прилагательное), являясь своего рода глагольным местоимением, употребление времен перед концовкой: служебное слово+связка — остается относительным.

[22] Формы длительного вида не встречаются и перед многими союзными элементами, значения которых, казалось бы, не противоречат длительности (*то томони* 'вместе с', *то до:дзини* 'одновременно с' и др.). Вопрос о причине такого явления остается пока открытым. Думается, он должен решаться одновременно с уточнением значения форм длительного вида.

перед союзом *га* 'но', 'а' употребляются все конечные временные формы, а перед союзным речением *га хаяй ка* 'не успел... как' — только форма на *-у*. Значит, *га хаяй ка* не является свободным словосочетанием, как, видимо, полагают японские языковеды (в их грамматических трудах такие речения игнорируются).

14. Исследованный материал показал также, что японский язык за последние столетия обогатился большим арсеналом средств для выражения различных оттенков связи между предложениями. В языке XVI—XVII вв. многие из современных союзных элементов или только появлялись (*то, кэрэдо[мо], кара, нодэ, нони*), или употреблялись значительно реже, чем теперь. Связь между предложениями выражалась либо срединными формами, либо союзами (типа *фодони*), имевшими нерасчлененное условно-временно-причинное значение.

Глава шестая

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

Раздел I

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Времена причастий в некоторых индоевропейских и урало-алтайских языках

Можно предполагать, что отдельные особенности системы времен одного языка должны повторяться еще по крайней мере в нескольких языках, как родственных, так и неродственных: ведь известных языков насчитывается уже свыше двух тысяч, а грамматических времен — всего несколько.

Как известно, во многих языках, в том числе и в русском, есть два типа определительных словосочетаний: со сказуемым—причастием (причастный оборот) и со сказуемым — личной формой глагола. В последнем случае между определением и определяемым стоит относительное местоимение: «читающий человек/человек, который читает», «человек, читающий книгу/человек, который читает книгу».

В японском языке определительное словосочетание предшествует определяемому: *хон-о ёму хито* (букв. 'книгу читающий человек'). Относительных местоимений в японском языке нет и никогда не было.

В старояпонском языке глаголы второго и третьего спряжений и неправильные глаголы имели особую определительную форму (т. е. причастие), формально отличную от заключительной формы: *Сигото-о* хадзимуру *хито* 'Человек, [который] *начинает* работу' (букв. 'Работу начинающий человек'). Однако у глаголов первого спряжения (например *ёму* 'читать') и четвертого спряжения (например *миру* 'видеть') определительная и заключительная формы совпадали уже в самых раних памятниках. В дальнейшем определительная форма глаголов и прилагательных вытеснила заключительную (кроме конечной формы глагола *сину* 'умирать' и формы дубитативного наклонения на *-май*, которые восходят к старым заключительным формам). Тем самым, причастие старояпонского языка полностью оглаголилось и в современном

языке как таковое не воспринимается даже в позиции определения. Впрочем, и в старояпонском языке причастия являлись не особой частью речи, а одним из разрядов глаголов. При этом они были ближе к остальным глагольным формам, чем, например, русские причастия. В частности, они спрягались не только по временам, залогам и видам, но и по наклонениям. Случаев перехода причастий в существительные нарицательные (типа перехода «мороженное — мороженое» в русском языке) не наблюдается. Форму причастия в старояпонском языке следует считать словоизменительной формой, а не словообразовательной, как в некоторых тюркских языках.

Нельзя, однако, думать, что после вытеснения заключительной формы между определительным и главным предложением исчезло всякое различие, кроме синтаксического.

Во-первых, в современном японском языке между глаголом-определением и глаголом-сказуемым главного предложения остается интонационная разница: конечное сказуемое повествовательного предложения имеет падающую интонацию, а глагол-определение имеет ровную интонацию и обычно сопровождается определяемым почти без паузы. Видимо, такое же явление было и в старояпонском языке.

Во-вторых, как в старояпонском языке, так и в современном, подлежащее определительного предложения может принимать как формант именительного падежа *-га,* так и формант родительного падежа *-но*. Определительное предложение в современном языке отличается от главного тем, что в последнем суффикс *-но* после подлежащего не применяется. Кроме того, подлежащее определительного предложения, в отличие от подлежащего главного, не может быть, как правило, оформлено при помощи выделительного суффикса *-ва*.

Времена глаголов-определений современного японского языка в первую очередь следует сопоставлять с временами причастий других языков, так как в японском языке глаголы-определения по происхождению — причастия. Как известно, причастиями по происхождению являются и формы прошедшего времени на «-л» в русском языке (отчего они изменяются по родам, но не спрягаются по лицам) и многие формы в монгольских и тюркских языках, употребляющиеся ныне в функции финитного сказуемого.

Как указывают специалисты-русисты, в русском языке «причастие полное одиночное или в составе причастного оборота большей частью характеризуется относительным временем, т. е. его время определяет действие по отношению к глагольному сказуемому. При этом настоящее время причастия выражает одновременность действия, выраженного причастием, с действием, выраженным глаголом» [97, 306—307]. Причем это действие, выраженное глаголом, может быть как прошлым, так и настоящим или будущим. Иными слова-

ми, причастие настоящего времени в русском языке является чисто относительной формой по своему временному значению.

Правда, оно может указывать (хотя и сравнительно редко) и на отношение к моменту речи, или к данному моменту. Однако это происходит лишь тогда, когда причастие относится не к тому отрезку времени, к какому относится глагол главного предложения, а совсем к другому, что обычно выражено особым обстоятельством времени: «Мальчик, носящий нам молоко, *через двадцать лет* будет агрономом или инженером»; «Вон того мальчика, несущего молоко, я видел *десять лет тому назад* еще младенцем».

В. В. Виноградов склонен сомневаться в наличии временного значения у причастий на «-щий». Он пишет, что «они, в сущности, лишены формы времени. Обычно говорится, что причастия на „-щий" выражают одновременность с действием основного глагола или — в сравнительно редких случаях — расширенное значение настоящего времени (т. е. значение неопределенно длящегося промежутка времени). Но этот взгляд вытекает лишь из отрицательного свойства самой формы: причастия на „-щий" сами по себе ни на прошедшее, ни на будущее время указывать не могут, они обозначают лишь наличный процессуальный признак. Соотносительно с причастиями на „-вший" их значение кажется значением настоящего, т. е. непрошедшего времени» [23, 277].

Однако причастия на «-щий» формы времени как раз не лишены: ведь они образованы от той же основы, что и формы настоящего времени. Ср. «пишу-щий» и «пишу-т». Стало быть, речь может идти только о том, имеют ли эти причастия значение времени и какое именно. При установлении этого надо иметь в виду, что причастия на «-щий» противопоставлены причастиям на «-вший» по своему временному значению. Обозначая «наличный процессуальный признак», существующий во время совершения действия, выраженного конечным глаголом, они обладают значением одновременности, а не настоящего времени.

«Причастие прошедшего времени совершенного вида выражает действие, предшествующее действию, выраженному глаголом, но едва ли не чаще — действие, результат которого относится ко времени, выраженному глаголом» [112, 307].

Таким образом, причастия на «-щий» и «-вший» лишены в большинстве случаев лишь абсолютных значений, свойственных финитным формам настоящего и прошедшего времени русских глаголов. Но, подобно деепричастиям, причастия обладают относительными значениями одновременности и предшествования. Правда, русские причастия прошедшего времени несовершенного вида чаще обладают абсолютным

значением прошедшего времени. Это значит, что временное значение каждой формы должно определяться особо.

В системе времен японского и русского языков есть общие черты, в частности наличие чисто относительных форм — деепричастий (это было показано в третьей главе). В русском языке нет причастий будущего времени. Значит, причастия в русском языке, как и предикативы в японском, имеют только д в а в р е м е н и. Можно предполагать, что в системе времен обоих языков имеются и другие сходные черты. Это дает основание поставить вопрос об относительном значении глаголов-определений в японском языке.

Относительность временных значений причастий не является особенностью только русского языка. Такое же явление наблюдается и во многих других языках, имеющих причастия.

Так, во французском языке «причастие сочетается в речи с существительным и выражает отношение к времени другого глагола» [26, 71].

«Participe présent и gérondif обозначают действие, о д н о в р е м е н н о е с действием, выраженным сказуемым главного предложения...» [66, 211].

«Participe passé composé обозначает действие, п р е д ш е с т в у ю щ е е действию, выраженному сказуемым главного предложения...» [66, 212].

Следовательно, во французском языке причастия по своим временным значениям являются чисто относительными формами. При этом надо иметь в виду, что французские причастия играют роль как собственно причастий, так и деепричастий, т. е. их грамматическое значение в этом отношении шире, чем у русских причастий.

Английские причастия также выполняют функции и деепричастий. Специалисты по грамматике английского языка указывают на относительные временные значения и английских причастий. Так, проф. В. А. Ильиш пишет: «Все неличные формы глагола отличаются одной характерной особенностью: категория времени имеет у них не абсолютное, а относительное значение. Иначе говоря, время, выраженное в каждой из этих форм, имеет значение не само по себе, а лишь в отношении к времени личной формы глагола. Например, так называемый инфинитив настоящего времени выражает не настоящее время с точки зрения говорящего, а одновременность с действием, выраженным личной формой глагола» [56, 215].

«Временные категории в герундии трактуются аналогично категориям инфинитива. Так называемый герундий настоящего времени выражает одновременность действия с действием личного глагола, а перфектный герундий — предшествование действию личного глагола» [56, 217—218].

Как известно, в современном немецком языке нет деепричастий, а формы Partizip I и Partizip II соответствуют, в основном, русским причастиям: «Partizip I характеризует предмет как действующий, подобно русским причастиям на „-щий"; иногда соответствует причастиям на „-вший" и „-ший" несовершенного вида, означающим одновременность действия в прошлом: *Die aufgehende Sonne* 'Восходящее солнце'; *Wir sahen die aufgehende Sonne* 'Мы видели восходившее солнце'» [25, 218].

Акад. В. М. Жирмунский также указывает, что в немецком языке «причастие I обычно рассматривается в школьных грамматиках как форма настоящего времени. Однако на самом деле временное значение причастия I определяется глаголом того предложения, с которым причастие связано и которому оно одновременно» [53, 267]. «Причастие II рассматривается в школьных грамматиках как причастие прошедшего времени, но связь его с прошедшим — только по форме» [там же].

«Причастие II несовершенного вида, как и причастие I, одновременно основному глаголу... Причастие II совершенного вида обозначает действие уже законченное, т. е. предшествующее основному глаголу по времени, но вместе с тем одновременное ему по результатам» [53, 268].

Следовательно, немецкие причастия имеют относительные значения одновременности и предшествования.

Проф. Г. Д. Санжеев в «Синтаксисе глагола в монгольских языках» изучает причастия на большом фактическом материале. Указывая на значительные различия причастий (в том числе и по временным значениям) в некоторых монгольских языках и в разные эпохи, Г. Д. Санжеев делает общий вывод: «Время в императивных и изъявительных формах выражается относительно к моменту речи, а в причастных и деепричастных формах — лишь относительно ко времени последующей глагольной формы или связки...» [105, 8].

Значит, и в монгольских языках есть причастия с чисто относительными значениями предшествования и непредшествования.

Раздел II

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СКАЗУЕМЫХ ФИКТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 2. Временные формы перед просубстантивным суффиксом *-но*

В текстах XVI в. *-но* как просубстантивный суффикс почти не встречается. Ж. Родригес и Д. Кольядо не упоминают о нем, хотя само явление субстантивации в японском

языке с помощью *кото, моно* и т. п. они отмечают. В «Esopo no Fabulas» и «Qincuxu:» просубстантивный суффикс *-но* не встречается.

В кёогэнах такой суффикс *-но* встречается еще слишком редко, чтобы на основании имеющихся примеров можно было судить о временном значении предикативных форм перед ним (см. К, I, 34). К тому же, в предложениях с *-но* речь идет в большинстве случаев о действиях постоянных или часто повторяющихся (см. К, I, 7, 34, 37, 71, 73).

В современном языке *-но* в роли субстантивирующего суффикса встречается часто.

Для установления значения временных форм перед просубстантивным *-но* рассмотрим сначала предложения типа *Суру-но-о мита* 'Видел, как делает (делал)'.

Формы непредшествующего времени употребляются в том случае, когда действие, о котором говорится в придаточном предложении, совершается одновременно с действием, упоминаемом в главном. Рассмотрим различные группы примеров.

Соно токи ватаси-ва ура-но идо-но токоро-ни таттэ о-Маки-га мидзу-о куму-но-о митэ оримасита (С, 9/3) 'В это время я стоял у дворового колодца и *смотрел*, как о-Маки *черпает* воду'; *Акай цуки-га ото-мо наку уми-ни* сидзуму-но-о мимамоттэ ита (А, 290/2) '*Пристально смотрел на то, как* красная луна беззвучно *погружается* в море' (см. также А, 357/1). В этих примерах глагол-сказуемое главного предложения стоит в форме так называемого длительного вида, а глагол-сказуемое придаточного — нет, хотя, казалось бы, оба действия одинаково длительны.

Карэ-ва сорэ-кара хитори умибэ-э иттэ ... фунэ-но хо-га, дандан...то:ку наттэ юку-но-о миокутта (А, 287/3) 'Тогда он пошел на берег моря и ... *стал смотреть,* как постепенно *удаляется...* парусник'; *Ватаси-ва нацунаси-но ки-но сита-ни хитори- дэ фуруэнагара, иэ-но моно-га минна робата-ни ацуматтэ* сёкудзи-суру-но-о нагамэмасита (С, 3—4) 'Дрожа в одиночестве под грушевым деревом, я *смотрел, как* все домашние, собравшись у очага, *ужинают'; Сибараку суру то, футари-но на-о о:гоэ-дэ* ёбу-но-га кнкоэмасита (МБ, 171) 'Через некоторое время [они] *услышали, что* их обоих *зовут* по именам'; *Нобуко-мо мата футакото-микото ханасу утини, яхари мукаси-но ё:на надзукасиса-га,* ёмигаэттэ куру-но-о исики-сита (А, 178/3) 'Нобуко тоже после первых же слов *поняла, что* [в ней] *оживает* теплое чувство, очень похожее на старое'. В этих примерах глаголы-сказуемые как придаточных предложений, так и главных не имеют формы длительного вида.

...То иттэ, дзи:сама-га нанка-но танэ-о ороситэ иру-ноо митэ *каракатта* (МБ, 207) '...Издевался [он над дедом], *глядя*

на то, как дед *бросает* семена'; *Дайдзя-га* курусиндэ иру-ноо митэ... (МБ, 110) 'Увидев, что змея *мучается*...'; ...*То,* кататтэ иру-но-га кикоэмасита (МБ, 117) '*Послышалось, как говорят*...'; *Футари-ва коно минато-но ко:гай-нимо, яси-но ки-га, токородокорони кагэ-га куроку, хи-ни тэрасарэтэ* таттэ иру-но-о мита-*но-дэ аримас* (СБ, 281/3) 'Оба [они] *видели,* что и за пределами этой гавани *стоят* освещенные солнцем пальмы, [отбрасывая] густую тень'; *Ару ё, хито-ва уси-онна-га мати-но курай родзи-ни таттэ, самэдзамэто* найтэ иру-ноо мита *то имас* (СБ, 272/2) 'Говорят, что однажды вечером люди *видели, как* Женщина-Корова, стоя в темном переулке, горько *плакала*'. В этих предложениях в форме длительного вида употреблены глаголы-сказуемые только придаточных предложений.

Иттэ миру то, наруходо о-химэсама-ва, тайбё:-дэ, унъун унаттэ иру-но-га *кадогути-но токоро-мадэ* кикоэтэ имасита (МБ, 108) 'Когда [он] пошел и посмотрел, то [понял, что] барышня действительно очень больна, — от самых ворот *было слышно, как* [она] *стонет*'. В этом предложении в форме длительного вида стоит и глагол-сказуемое придаточного предложения и глагол-сказуемое главного.

Таким образом, при любой комбинации видов глаголы, обозначающие одновременные действия, стоят перед *-но* в формах непредшествующего времени.

Подобное употребление форм настоящего времени в речи о прошлом встречается и в русском языке, если управляющим глаголом является глагол со значением «видеть»: «Все люди засмеялись, как увидели, что губернатор с охоты *идет* пешком, а лошадь *ведет* в поводу» (Аф., I, 215). Иногда этот глагол может и опускаться: «Пришел в хижину, [видит] Марфа-царевна *плачет*» (Аф., I, 216). В русском языке такое употребление возможно в любом дополнительном изъяснительном придаточном предложении. Однако в этом отношении между русским и японским языками все-таки есть разница. Она заключается в том, что в русском языке применение в придаточном предложении формы настоящего времени, когда в главном предложении стоит глагол типа «видеть», является нередко факультативным: «увидел, что она *читает*» и «увидел, что она *читала*». В японском же языке употребление форм непредшествующего времени перед просубстантивным *-но* в подобных случаях является нормой.

Это не значит, однако, что в придаточном предложении перед этим суффиксом вовсе не возможна форма на *-та.* Но в таких случаях она обозначает уже не процесс, а его результат: Цурэрарэтэ кита-но-о миру *то, ками-мо, хигэ-мо бо:бо:то ноби, као-мо, тэаси-мо ака-ни удзуматтэ, марудэ, кокэ-га хаэта ё:на отоко-дэсита* (Т, IV, 116) 'Когда [они] *взглянули на того, кого* [к ним] *подвели,* [оказалось, что] это был мужчина

с длинными волосами и бородой, с лицом, руками и ногами, выпачканными грязью, словно на них вырос мох'.

Поскольку постулируемым значением формы на *-у* является не одновременность, а непредшествование вообще, можно ожидать, что и в конструкциях типа *суру-но-о матта* 'ждал, пока [кто-либо] сделает', 'ждал, что сделает' будет встречаться только форма на *-у*, так как действие, выраженное глаголом-сказуемым предложения-дополнения, управляемого глаголом *мацу* 'ждать', всегда следует за действием, о котором говорится в главном предложении, а не предшествует ему: *Одзи:сан-ва, ки-но ана-ни хайттэ, амэ-но* яму-но-о маттэ имасита (Т, II, 63) 'Дед залез в дупло дерева и *ждал, пока прекратится* дождь' (см. также Сига 7/2, 11/3; МБ, 98).

Ни одного случая применения формы на *-та* перед конструкцией *-но-о матта* не зафиксировано (так как ждать можно только последующих, но не предшествующих действий).

Чисто относительное значение в речи о прошлом имеет форма на *-у* перед *-но-ва, -но-га, -но-мо, -но-о* и *-но-ни : Янэ-кара, ути-но усиро-но какинэ-но уэ-э* ориру-но-ва, *раку-дэсита. Соко-кара нива-э* тобиориру-но-мо, *нанно дзо:са-мо аримасэн-дэсита* (Кокуго, 4[2], 127) '*Спуститься* с крыши на забор за домом было легко. А *спрыгнуть* оттуда в сад не составило никакого труда'; *Соно ума-ни нигурума-о хикасэтэ, яма-кара дзаймоку-о* хакобу-но-га, *Дзимбэ:-но сигото-дэ атта* (там же, 108) 'Впрягать эту лошадь в телегу и *возить* из лесу древесину — было работой Дзимбэя'; *Орэ-ва осэдзи-ва кираи-да то* котаэру-но-га *цунэ-дэ атта* (Н, 92/3) 'Я обычно *отвечал*, что не люблю комплиментов'; Акуби-бакари-ситэ иру-номо *икэнайрасикатта* (А, 324/3) '*И то, что* [больной ребенок] *только зевал*, было, по-видимому, тоже нехорошо'; *Тада аварэна хахаоя-га, коно самуй ёру-ни хитори окитэ, гю:ню:-о* ататамэтэ иру-ноо *фубин-ни омоттэ имасита* (СБ, 286/1—2) 'Только жалели *о том, что* несчастная мать встала одна в такую холодную ночь и *греет* молоко'; *Дзибун-ва мон-о дэру то до:дзини, хиёригэта-о* хайттэ иру-но-ни *кокородзуйта* (А, 326/1) 'Когда я выходил из ворот, [я] обратил внимание *на то, что надел* гэта для хорошей погоды' (здесь *хайттэ иру* имеет перфектное значение: внимание было обращено на результат ранее совершенного действия).

В одном сложном предложении может быть несколько придаточных предложений с просубстантивным *-но : Дзутто о:кику наттэ-мо мидзу-но* нагарэтэ иру-ноо миру-нога *суки-дэ, мидзу-но ото-о* кику-номо сукина-нова, *ко:ситэ мидзуни фудзию:на инака-ни умарэта кара-да...* (СБ, 291/3) 'Даже став гораздо старше, [я] любил *смотреть, как течет* вода, любил *слушать* ее шум; это объясняется тем, что [я] родился в деревне, столь бедной водой...'.

Встречаются, хотя и редко, в такой позиции и формы отрицательного наклонения: *Хитобито-ва, усионна-но сугата-га* миэнай-ноо *ибукасигаттэ... то, катариаимасита* (СБ, 272/1) 'Люди, дивясь тому, что Женщина-Корова *не появляется*, говорили друг другу...'.

Форма на *-та* перед *-но* встречается тогда, когда действие, выраженное сказуемым придаточного предложения, предшествует действию, упоминаемому в главном: *Мура-но хитотатива, усионна-но кодомо-га* сюссэ-о сита-ноо *ёрокоби, иваимасита* (СБ, 272/2) 'Жители деревни устроили праздник, радуясь *тому, что* сын Женщины-Коровы *вышел в люди*'.

Во всех приведенных выше примерах конструкция «глагол+суффикс *-но*» обозначает само действие. Но та же конструкция может обозначать деятеля: *Соно ро:соку-о* мотасэ-рарэру-нога *ватаси-дэсита...* (С, 10/3) *'Тот, кого заставляли держать* эту свечу, был я'; *...Нанно ката ка* вакаранай-номо *аримасита* (Кокуго, 2[3], 8) '...Были *и такие*, форму которых *нельзя* [было] *понять'; Ватаси-но* коэ-о какэта-нова, *киндзёни каварэтэ иру ума-дэ, майнити майнити тонаримура-но хо:-э нимоцу-о хакобу-нога коно ума-но якумэ-дэсита* (СБ, 290/2) 'Я *обратился* к лошади, которую держали по соседству; возить изо дня в день груз в соседнюю деревню — было обязанностью этой лошади'. (См. также СБ, 292/2; С, 18/1.)

Иногда конструкция «глагол+*-но*» обозначает м е с т о, где производится данное действие: *Иэиэ-но кахи-га мидзукуми-ни* ацумару-номо *соко-дэсита си, банто: я сёкунин-надога асабан-ни* каёу-номо *соко-дэсита си, ... маки-о вару ниоино* суру-номо *соко-дэсита* (С, 25/3) 'Здесь *собирались и* служанки из соседних домов, [пришедшие] по воду, здесь утром и вечером *приходили* приказчики и конторские служащие, сюда *доносился и* запах дров, когда [их] рубили...'. Подобные предложения встречаются нередко.

Наконец, эта конструкция может обозначать время: *До:ка суру то кицунэби тою: моно-га* моэру-номо, *мура-но ю:гата-дэсита* (СБ, 290/3) 'Почему-то так называемые лисицыны (блуждающие) огни и *горели* в деревне под вечер'.

Но, разумеется, случаи, когда такая конструкция обозначает действие и деятеля, преобладают. Однако, несмотря на четыре разных с точки зрения перевода на иностранные языки значения, конструкция «глагол+*-но*» выражает лишь синтаксическую субстантивацию глагола, которая дает ему возможность выступать в предложении в роли подлежащего или прямого дополнения. Естественно, что и употребление времен в такой позиции не зависит от того, как надо переводить данную конструкцию на другой язык, и является чисто относительным.

Раздел III

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СКАЗУЕМЫХ ФОРМАЛЬНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 3. Временные формы сказуемых в предложениях, субстантивированных посредством *кото*

Глагол в придаточном предложении, формально определяющий служебное имя *кото,* обозначает вместе с ним только действие, т. е. является более конкретным по значению, чем конструкция «глагол + *-но*».

Перед *кото* в речи о прошлом часто употребляется форма *на -у*: *Сикаси тити-но соба-ни* иру кото-ва *кюкуцу-дэ тамаримасэн-дэсита* (С, 10/3) 'Однако *находиться* около отца было очень неудобно'; *Ватаси-ва такэ то ханси-дэ «сурумэдако»-о* тэдзукури-ни суру кото-о *обоэмасита* (С, 13/2) 'Я мог *смастерить* из бамбуковых палочек и бумаги «змея-каракатицу»'; *Кодомо-дэ:сура ума-но сирио-но кэ-дэ судзумэ-но вана-о* цукуру кото-о *ситтэ имасита* (С, 12/2) '[Когда мы] были детьми, [мы] умели *делать* из конского волоса западни для воробьев'; *Нибаммэ-но ани-ва Васидзу-но нэ:сан-но соба-ни нагаку ватаси-о* оку кото-о *кономимасэн-дэсита* (С, 20/2) 'Второму старшему брату не захотелось *оставлять* меня надолго у сестры Васидзу'; *Эма-ниситэмо, Дзё:дзи-ниситэмо, сугу Рэна:до-о мори-но нака-э* каэситэ яру кото-ва, *симпай-дэсита* (Кокуго, 4[2], 124) 'Эмма и Джордж боялись сразу *выпустить* [олененка] Ренальда *обратно* в лес'; *Дандан акацукига* тикадзуйтэ куру кото-га *сирэмасита* (СБ, 287/1) '[Они] поняли, *что* постепенно *приближается* рассвет'; *Ситэ, сорэ-га* юмэ-дэ ару кото-о *сираситэ яримасита* (СБ, 286/1) 'И внушили ему, *что* это *сон*'; *Ватаси-ва хэби-га дотэ-но ко:бай-о кудаттэ, куса-но сигэми-но нака-ни* нигэтэ юку кото-о *ёки-ситэ ита* (Х, 76/2) 'Я предполагал, *что* змея спустится по откосу и *скроется* в зарослях травы'; *Хоситати-ва,* савагасий кото-ва *кономимасэн-дэсита* (СБ, 285/2) 'Звезды не любили, *чтобы* [было] *шумно*'. (См. также Х, 6/1; Кумэ, 252/2.)

Изредка перед *кото* встречаются формы отрицательного наклонения: *Ватакуси-ва соно тэгами-о ёнда токи, тити-ни тайситэ* суманай кото-о *сита то омотта* (Ё, 5/3) 'Прочитав это письмо, я понял, *что провинился* перед отцом'; *Икунитимо тити-га* каэттэ конай кото-га *сигэсигэто натта* (Ё, 13/3) 'Участились *случаи, когда* отец по нескольку дней *не возвращался*'.

Но перед *кото-о ямэта* 'перестал делать что-либо' встречается только форма на *-у* : *Кодомотати-ва* асобу кото-о ямэтэ, *сибараку цуки-о митэ имасита* (Т, IV, 41, 42) 'Дети, *перестав играть,* некоторое время смотрели на луну'; *Кару-ноо*

ямэтэ... (Сёто:, 13) 'Перестав жать...'. Отсутствие формы на *-та* перед *кото-о ямэта (ямэтэ)* объясняется тем, что между последним моментом совершения действия и его прекращением не может быть никакого промежутка.

Гораздо реже перед *кото* применяются формы на *-та* и на *-тэ иру*. Вообще *кото* чаще встречается в устойчивых грамматических конструкциях (см. §§ 63—65 предыдущей главы), чем в свободных словосочетаниях.

§ 4. Временные формы сказуемых в предложениях, субстантивированных посредством *моно*

Сказуемое придаточного предложения, формально определяющее служебное имя *моно,* обозначает вместе с ним только носителя действия (состояния или качества) или тот предмет, который подвергается воздействию.

Перед *моно* и в речи о прошлом очень часто употребляются формы непредшествующего времени: *Коноджю:, вонна-домо-га* киру моно-ва *учико:дарэба, кото-но фока кигэн-га варуи* (К, I, 290) 'Так как [я] недавно проиграл платья жены (букв. *то, что носит* моя жена), [ее] настроение очень плохое'; *Нака-нива ринсон-кара* каёттэ куру моно-мо *аримасита* (С, 11/1) 'Среди них были и *приходившие* из соседних деревень'; *Мия-но сото-о* то:ру моно-саэ, *намида-о отосадзунива ирарэнакатта* (А, 288/1) '*Даже те, кто проходил* мимо дома, не могли не проронить слез'; *Сонокусэ мадзу Тэруко-о* васурэру моно-ва, *ицумо Нобуко-дзисин-дэ атта* (А, 174/2) 'И тем не менее первой *забывала* о Тэруко всегда сама Нобуко'; Табэру моно-ва *кокони моттэ имас* (СБ, 336/3) 'Еда у меня здесь' (букв. '*поесть что* — здесь имею', — *табэру* обозначает предстоящее действие); *Дарэ-мо кадо-о* акэтэ курэру моно-мо *накатта* (МБ, 67) 'Но не нашлось никого, *кто бы открыл* [ему] ворота'; *Сорэкара мэ-ни* миру моно, *мата, мимини* кику моно, *хитоцу-тоситэ коно футари-но куромбо-но кокоро-о* одорокасарэнай моно-ва *накатта-но дэс* (СБ, 281/1) 'Из *того, что* [они] *видели* глазами и *слышали* ушами, не было *ничего, что не поразило бы* этих двух негров'.

Форма на *-та* перед *моно* нередко выражает предшествование не только в речи о прошлом, но и в речи о будущем: *Сорэ-нараба,* фаида моно-ва, *рё:нин-шитэ файбун-итасо:* (К, I, 447) 'Тогда *вещи, которые снимем* [с него], разделим между собой'; *Со:со, макариидэ, ичи-но куи-ни* цунайда моно-во, *мацудай-мадэ... во:шецукэрарё: то-но вонкото-дэ гозару* (К, I, 467) 'Распоряжение гласит: *того, кто,* придя раньше всех, *привяжет* [свою лошадь] к первому столбу, будет приказано... [освободить от налогов] на вечные времена'. (См. также К, I, 468; К, II, 369, 371.)

§ 5. Временные формы перед служебным словом *хо:* (от кит. *фан*) 'сторона'

Н. И. Коирад отмечает: «Указание на предпочтение данного действия перед другим — в смысле русского „лучше", „лучше бы" — дается оборотом, составленным из прошедшего времени глагола, соединенного со словом *ho:* 'сторона' в именительном падеже, и последующего прилагательного *ii*» [65, 348].

В подавляющем большинстве случаев форма на *-та* перед *хо:-га ий* в речи о будущем применяется в чисто относительном значении. Она возможна перед *хо:* даже тогда, когда *хо:* сохраняет лексическое значение, т. е. является не служебным словом, а полнозначным существительным: *О:ку* тотта хо:-га *кати-дэс* (Кокуго, Тю:гаку, 1[1], 19) '*Тот, кто наберет* больше [очков, и] будет победителем'. Здесь *хо:* обозначает деятеля.

В конструкции «форма на *-та* + *хо:-га ий*» лексическое значение *хо:* исчезает. *Хо:* служит в таких случаях только субстантиватором. *Хо:* грамматикализовалось не ранее, чем в XVII—XVIII вв., так как в текстах XVI — первой половины XVII вв. эта конструкция не встречается, хотя *фо:* в значении 'сторона' употреблялось. Однако в языке XVI—XVII вв. довольно часто применялась в речи о будущем конструкция «форма на *-та+га ёи*» (форма *ий* 'хороший' отсутствует в памятниках). Примеры: *Вонорэ-га ё:на яцу-ва, ко:* шитэ воитага *ёи*... (К, I, 388) 'С таким типом, как ты, лучше *поступить* так...'; *Соноги-нараба, дочира-наритомо, кэйдзу-ни макэта фо:-га, ичизуе-е* ита-га *ёи ва* (К, I, 197) 'Если так, то тот [из нас], кто окажется ниже по происхождению — кто бы это ни был —, пусть *перейдет* в конец рынка'. В этом примере обе формы на *-та* обозначают предшествование в речи о будущем (см. также Е, 501; К, I, 464; К, II, 111, 379, 466).

В дальнейшем, когда между глаголом и суффиксом именительного падежа *-га* появился субстантиватор (обычно *-но*, см. § 2), в данной конструкции стало употребляться *хо:*: *...Има-но ханаси-во нарубэку химицу-ни* сита хо:га *ё: гозансу ё* (Кумэ, 361/2) 'Этот разговор лучше бы *сохранить* в тайне'.

Опуская многочисленные примеры употребления конструкции «форма на *-та+хо:-га ий*» в речи о будущем как общеизвестные, рассмотрим пример, в котором она применена в речи о прошлом: *Басё:-ва има вакарэтэ кита-бакари-но ро:сэндо:-то иссёни, конъя-ития-дакэ мидзу-но уэ-ни* томаттэ ита хо:-га *ёкатта томо омотта* (Е, 28/3) 'Басё подумал, что лучше бы [он] *остался* на эту *ночь* — только на одну ночь — на воде вместе со стариком-лодочником, с которым [он] только что расстался'. Здесь форма на *-та* обозначает предшество-

вание в речи о прошлом, но действие, выраженное формой на *-та*, реально не осуществилось к моменту речи. Следовательно, в этой конструкции форма на *-та* употребляется в относительном значении предшествования как в речи о будущем, так и в речи о прошлом.

Однако употребление глагола в форме на *-та* перед *хо:* не является обязательным. Если между рекомендуемым действием и результатом, который оно должно принести, не предполагается какого-либо промежутка времени, перед *хо:* применяется форма на-*у: Кусаносан-га, гакари-но намаэ-о мотто о:кику* каку хо:-га *ёй то итта* (Кокуго, 4[2], 9) 'Кусано сказал, что лучше *писать* фамилии членов редколлегии более крупными буквами'.

§ 6. Вопрос о сущности субстантивации в японском языке

Поскольку в ряде случаев конструкция «глагол+*-но* (*кото, моно*)» переводится русским инфинитивом или даже отглагольным именем типа «приход», «уход», невольно возникает вопрос: не объясняется ли частое употребление формы на *-у* в речи о прошлом перед *-но, кото, моно* тем, что в данном случае перед нами одно слово типа *ёмуно, ёмукото, ёмумоно*? Русско-японские словари переводят русские слова типа «чтение» при помощи *ёму кото*, поэтому можно предполагать, что и *ёмумоно* — это скорее «читатель», «читаемое», чем «тот, кто читает» или «то, что читают».

Кроме того, подлежащее придаточного определительного предложения нередко оформляется в японском языке суффиксом родительного падежа *-но* (явление, свойственное уже древнеяпонскому языку). А в XVI в. *кото* и *моно* иногда писались вместе с предшествующим глаголом: *cuyurucoto* (Q, 535), *suguretacototo* (там же), *qirumono* (Q, 542).

Если под субстантивацией понимать превращение в имя, то в японском языке субстантивироваться может только вторая основа. Но в таком смысле этот термин не применим к конструкциям типа «глагол+*-но* (*кото, моно*)».

Правильное, на мой взгляд, определение этого явления дает Н. И. Фельдман: «Под субстантивизацией здесь понимается особое оформление глагола и предикативного прилагательного, позволяющее им выступать по отношению к последующим членам предложения как имя и в то же время сохраиять по отношению к предыдущим членам предложения те синтаксические связи, которые возможны для них как глагола или прилагательного» [129, 243, сн. 3].

Однако в этой же статье есть положения, с которыми трудно согласиться: «Все же в склоняемых предложениях глагол, в особенности третья основа, которая сама по себе имеет значение не только изъявительное, но и инфинитив-

ное, в сочетании с *но* может выступать как чисто именная форма, теряя значение индикатива, несмотря на наличие субъекта действия. Тогда получается структура типа: *Кодомо-га кандзи-о такусан сиру но-ва арумай* 'Невероятно, чтобы дети знали много иероглифов'. Хотя *кодомо-га кандзи-о такусан сиру* в изолированном виде значит 'много иероглифов знают дети', но поскольку все это предложение служит подлежащим при сказуемом *арумай* 'невероятно', а *сиру* имеет после себя просубстантивную частицу *но*, этот глагол лишается значения настоящего времени изъявительного наклонения (разрядка моя.— *Н. С.*), что возможно благодаря его субстантивизации — ведь имя действия лишено категории времени и модальности» [129, 244].

Действительно, в некоторых языках имена действия не имеют категорий времени и наклонения, но в японском языке вместо *сиру-но-ва* в приведенном предложении вполне можно сказать и *ситта но-ва,* т. е. противопоставленность двух времен сохраняется.

Что же касается модальности субстантивированного глагола, то в приведенном предложении можно было бы употребить и форму отрицательного наклонения (как на *-най,* т. е. в непредшествующем времени, так и на *-накатта,* т. е. в предшествующем времени). Наконец, в позиции определения возможны и формы желательного наклонения на *-тай* и *-такатта*. Правда, в современном языке в позиции определения почти совершенно не употребляются формы вероятного и дубитативного наклонений, столь часто применявшиеся в языке XVI—XVII вв. В связи с этим не субстантивируются теперь и сложные формы на *-накаро:, -такаро:, -накаттаро:, -такаттаро:*.

Чем же это можно объяснить? Мне кажется, что исчезли не модальные различия у глаголов-определений вообще, а лишь различия между категорическими и соответствующими им некатегорическими наклонениями. Противопоставление между ними отсутствует ныне не только при субстантивации посредством *-но, кото, моно,* но и в позиции определения перед полнозначным именем.

Здесь можно провести аналогию с исчезновением подобных различий у другой категории придаточных — в условно-временных придаточных предложениях; этот процесс проходил примерно в ту же эпоху — в XVIII в. (см. третью главу). Оба процесса совершенно идентичны — в позиции срединного сказуемого глаголы перестали различаться по достоверности и предположительности, хотя различие между формами разных времен и между формами положительными, отрицательными и желательными сохранилось.

Вместе с тем в текстах XVI—XVII вв. значительная часть

форм вероятного и дубитативного наклонений в определительной позиции обозначала действия, последующие по отношению к действию, выраженному глаголом главного предложения. Когда последующие действия перестали представляться как непременно гипотетические, сильно сократилось и количество форм вероятного и дубитативного наклонений в определительной позиции.

Таким образом, дело не в субстантивации, а в исчезновении различий между категоричностью и некатегоричностью в определительных предложениях вообще.

Поэтому я разделяю точку зрения И. И. Фельдман, которая, говоря о современном языке, указывает: «Представление о том, что якобы форма третьей основы в такой позиции имеет значение изъявительного наклонения, приводит к прямой ошибке, если речь идет о явлениях гипотетических. В подобных (т. е. субстантивированных.— *Н. С.*) предложениих не выражена гипотетичность, но не выражена и истинность» [129, 244, сн. 1]. Следует только иметь в виду, что в языке XVI—XVII вв., когда формы вероятного наклонения были вполне употребительны и в определительной позиции, третья основа (т. е. форма на *-у*) в той же позиции выражала значение изъявительного наклонения, хотя явление субстантивации имело место. Значит, превращение достоверных (изъявительных) форм в положительные в определительной позиции — явление новое, с субстантивацией не связанное.

Кроме того, важно, что субстантивация посредством *-но, кото, моно* имеет только синтаксический, а не лексический или морфологический характер. В частности, конструкция «глагол+*-но*» не может иметь определений на *-но*. Нельзя сказать *коно ёму-но* в смысле 'этот читатель' или 'это читаемое'. *Ватакуси-но ёму-но...* значит не 'мое чтиво', а 'то, что я читаю...'.

Раздел IV

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СКАЗУЕМЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ПРЕДИКАТИВНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ К ПОЛНОЗНАЧНЫМ ИМЕНАМ

§ 7. Временные формы глаголов, выступающих в роли определения

В определительном предложении форма на *-у* в речи о прошлом применялась для указания на одновременность действий еще в древнеяпонском языке; это употребление можно

считать одной из наиболее устойчивых черт грамматического строя японского языка. Так, еще в «Сказании о бамбукосеке» (IX в.) находим следующие примеры: *Соно такэ-но нака-ни, мото* фикару *такэ фитосуди арикэри* (Такэтори, 1) 'Среди этих бамбуков оказался один (бамбук), у которого *светилось* основаиие [ствола]'; *Коганэ* ару *такэ-о* митукуру *кото касанарину* (там же) 'Множились случаи, когда он *находил* бамбук, в котором *было* золото'.

Правда, к примерам из старояпонского языка надо подходить с осторожностью, так как система времен и видов этого языка изучена еще недостаточно.

В текстах XVI—XVII вв. подобное употребление формы на *-у* встречается довольно часто. Примеры: Каисодацуру *фицужи-о короитэ, иночи-о цуида* (Е, 497) 'Убивая овец, *которых выращивал,* поддерживал свою жизнь'; *Мидомо-га* варо: *кое-га во:кикатта-дэ, кимо-га цубурэта ка* (К, I, 290) 'Может быть, [он] испугался оттого, что я очень громко *смеялся*?'; *Нининтомони цуцугано*: агару *мичи-о такумиидаита* (Е, 490) '[Я] нашла дорогу, по которой [мы] оба беспрепятственно *выберемся*'. В последием предложении форма *агару* обозначает предстоящее действие.

В современном японском языке есть имена, выражающие значение времени, которые не утратили своей семантики и способности склоняться по всем падежам и таким образом не превратились в союзные слова. Вместе с тем немало и таких слов, относительно которых трудно решить, являются ли они служебными союзными словами или полнозначными именами существительными. Но поскольку, как уже отмечалось, решающее влияние на выбор формы времени оказывает семантика определяемого слова (если она имеет отношение к предшествованию или непредшествованию), более детальная классификация определяемых по степени их служебности в данной работе представляется излишней.

Сначала рассмотрим временные формы перед полиозначными именами существительными со значением времени. Перед этими словами в речи о прошлом часто употребляются формы непредшествующего времени: *Сикаси гого-ни нару то, Сусано:-га* хирунэ-о ситэ иру химани, *футари-но коибито-ва аватадасий ко:фуку-о нусуму кото-га дэкита* (А, 291/1) 'Однако с наступлением второй половины дня, *когда* Сусаноо *спал после обеда,* влюбленные смогли урвать немного запретного счастья'; *Га*, тоикаэсу хима-мо *наку, Сусэрихимэ-ва тиисана тобира-о хирайтэ, муро-но нака-э аннай-сита* (А, 289/3) 'Не *успел* [он] *переспросить* Сусэрихимэ, [как она] открыла маленькую дверь и ввела [его] в комнату'; *Со:ю: до:гу-о цукаттэ ёнэн-мо наку хако-о кумитатэтари ита-о* кэдзуттари суру аида-га *мата одэисан-но итибан таносими-на кокоро-но отицуку токи-но ё:ни миэмасита* (С, 25/2) 'По-видимому, для дяди са-

мым приятным было то *время, когда* он [при помощи] этих инструментов мастерил ящики или *строгал* доски'; *Кури-но ига-га мата, о:кику кути-о* аку коро-ни *наримас то, майаса ватаситати-ва ура-но хо:-э какэцукэтэ итта моно-дэс* (С, 5/2) Когда снова наступало *время* вырасти и лопнуть (букв. *открыть* рот) колючим плодам каштанов, мы каждое утро прибегали в сад'; *Тобикомо: то* суру суки-о *микакэтэ, Хатия-ва... ёко-ни харатта-но дэ ару* (Кик., 5/3) 'Улучив *момент, когда* [он] *собирался* прыгнуть, Хатия... ударил его в бок'; *Ватасива хитобито-га ю:гэ-но ситаку-дэ сэвасику* хатарайтэ иру сукини, ... *хитори омоя-но янэ-э ноботтэ итта кото-га ару* (Сига, 4/1) '*Когда* взрослые *были заняты* приготовлением ужина, я один... залез на крышу главного здания'; *Бикконо сару-га ёсоми-о* ситэ иру суки-ни, *моти-о нусундэ сокони атта о:кина тару-но нака-ни какурэмасита* (МБ, 131) '*Когда* хромая обезьяна *смотрела* в сторону, [он] украл лепешки и спрятался в большую бочку, которая стояла там'; *Рё:хо:-дэ* даматтэ иру дзикан-га *тётто атта* (Сига, 242/3) 'Некоторое *время* [мы] *молчали*'; *Дзи:сама-га* каэттэ конай сакини, *кани-о нитэ табэтэ симатта со:на* (МБ, 80) '*Пока* дедушки *не было*, [бабушка] сварила краба и съела'; *Дзё:дзи-ва сида-но сигэми-ни какурэтэ, соко-кара, ину-га кобасирини* хаситтэ ику саки-э, *нику-но когирэ-о понто нагэтэ яримасита* (Кокуго, 4[2], 122) 'Джордж спрятался в зарослях папоротника и оттуда бросал кусочки мяса *вперед* — [туда, где] *бежала* собака' (здесь слово *саки* имеет уже пространственное значение, но перед ним также употреблена форма непредшествующего времени); *Карэ-мо, кокё:-о* нацукасигару хи-га *о:ку натта* (Кик., 6/2) 'Все чаще бывали [такие] *дни, когда* даже он *тосковал* по родине'.

Во всех этих примерах формы непредшествующего времени в речи о прошлом имеют в определительной позиции чисто относительное значение.

Такое же относительное употребление форм непредшествующего времени в речи о прошлом находим и перед именами существительными, имеющими не только временное, но и любое другое значение: *Арухи-но кото, мото-но хо:-га тайсо:* хикаттэ иру такэ-о, *иппон мицукэмасита* (Т, IV, 27) 'Однажды [он] нашел один *бамбук*, у которого сильно *светилось* основание ствола'; *Коно ко-о мицукэтэ кара, одзи:сан-но* киру такэ-карава, *ицумо о-канэ-га дэтэ кимасита* (Т, IV, 28) 'После того, как [он] нашел этого ребенка, *в стволах бамбука, которые срубал* дедушка, всегда оказывалось золото' (см. выше пример из «Такэтори»); Наку вакэ-о *кийтэ, тайсо: окоримасита* (Т, II, 23) 'Расспросив, *почему* [он] *плачет*, [она] очень рассердилась'; Найтэ иру одзи:сан то оба:сан-ни *мукаттэ ... то иттэ ... иттэ симаимасита* (Т, IV, 36—37) 'Обратившись *к дедушке и бабушке, которые плакали*, [она] сказала ... и уехала...': *Соно токи, нива-но хо:дэ, «хо:хокэкё» то, угуи-*

су-но наку коэ-га *симасита* (Т, II, 99) 'В это время в саду раздалось пение соловья (букв. соловья *поющего голос* раздался): тёх-тёх-тёх'; *Тада, докока-дэ аосаги-но* наку коэ-га *сита то омоттара цута кадзура-ни о:варэта киги-но кодзуэ-ни, усуакари-но* хономэку сора-га *миэта* (А, 455/1) 'Когда я услышал *крик* цапли, между верхушками деревьев, увитых плющом, стало видно *небо, на котором мерцал* слабый свет'; *Суруто, тё:до кино:-то онадзи дзикоку-ни, ва-но* нару ото-га *кикоэтэ кимасита* (СБ, 274/3) 'Тут точно в то же время, что и вчера, послышался *звук, который издавал* [катящийся] обруч'; *...Дзоку-но* савагу токоро-о *сандзанни ита* (Т, VIa, 91) '...И сильно обстреливали *то место, где шумели* разбойники'; *Цумэхимэ-га* таорэтэ иру собани, *дзи:сама-га бонъяри таттэ имасита* (МБ, 13) '*Около* [того места, куда] *упала* Цумэхимэ, стоял в растерянности дедушка'; *Карэра-ва хасирадокэй-но токи-о* кидзаму ситани, *нагахибати-но тэцубин-га* тагиру ото-о *кику томонаку кикисумасэтэ ита* (А, 180/3) '[Сидя] *под отстукивающими* секунды стенными часами, они бессознательно прислушивались *к тому, как* на хибати *кипит* котелок'; *Токородокоро сироку* хикаттэ иру кава-мо *миэмасита* (Т, V, 30—31) 'Показалась *и река,* местами *отсвечивающая* белым'; *Карэ-ва хасиго-но уэни татадзунда мама, хон-но аидани* угоитэ иру тэнъин я кяку-о *миоросита* (А, 419/3) 'Стоя на лестнице, он смотрел вниз *на продавцов и покупателей, которые двигались* между [рядами] книг'; *Со:ситэ соно цуги-но сюнкан-нива, аватадасику тобира-о* тодзиру ото-га *кикоэта* (А, 289/3) 'И в следующий момент послышался *звук* торопливо *закрываемой* двери'; *Найгу-ва ... дэси-но со:-но* даситэ курэру кагами-о *кимари-га варусо:-ни одзуодзу нодзойтэ мита* (А, 9/2) 'Чувствуя себя неловко, Найгу ... робко взглянул *в зеркало, которое подал ему* ученик-монах'.

Как видно из приведенных выше примеров, употребление форм непредшествующего времени на *-у* и на *-тэ иру* перед полнозначными именами является чисто относительным, т. е. остается таким же, как и в фиктивно-определительных предложениях, в которых глагол главного предложения имеет значение «видел», «слышал», «виднелся» и т. п.

Относительное употребление времен наблюдается и в конструкции со значением «были люди, которые делали...». В этой конструкции глагол, обозначающий действие, стоит обычно в форме на *-у* или на *-тэ иру* : *Итимэн-но сибафу-ни о:варэта ко:тэй-о* цурануку *тиисана* нагарэ-ни, *дзако-о сукуттэ* асондэ иру кодомотати-га *атта* (Т, XI, 77) 'В маленьком *ручейке, пересекающем* покрытый травой двор, *играли дети,* вылавливая мелкую рыбешку'; *Атари-о* юкики-суру хитобито-ва, *коно футари-но* иру соба-ни *тикаёттэ, мэдзурасисо:ни нагамэтэ, вараттэ сугуни* юку моно-мо *арэба, мата, сибаракува татидоматтэ* юку моно-мо *аримасита* (СБ, 281/2—3) '*Проходившие*

мимо *люди,* приблизившись *к месту, где находились* эти двое, и, с изумлением взглянув на них, тут же *уходили* смеясь, или *уходили*, некоторое время постояв около них'; *Футари-но куромбо-ва, кёкудо-ни дзибунра-но ми-но мавари-ни* ацуматтэ куру хитотати-о *осорэтэ имасита* (СБ, 281/3) 'Оба негра побаивались *людей, которые собирались* вокруг них плотным кольцом'; *Сорэра-но мицуги-о* хакобу фунэ-ва, *кину я кэгава я тама-то томони, Суга-но мия-о аоги-ни* куру *кунигуни-но* тами-омо *носэтэ ита* (А, 287/3) 'Корабли, *привозившие* дань, вместе с шелками, мехами и драгоценностями доставляли *и людей* из разных провинций, *которые приезжали* посмотреть на дворец в Суга'; *Кугацу-но хи-но ататта мурахадзурэ-мадэ окуттэ* китэ курэру хито-мо *аримасита* (С, 15/1) 'Были и *люди, которые пришли* проводить *нас* до края деревни, залитой сентябрьским солнцем'.

Формы непредшествующего времени употребляются и перед личными местоимениями: *Канодзё-ва бонъяри хо:дзуэ-о цуйтэ, энтэн-но мацубаяси-но сэми-но коэ-ни, варэсирадзу мими-о* катамукэтэ иру канодзё-дзисин-о *миидасигати-дэ атта* (А, 176/2) 'Она то и дело ловила *себя* на том, что [сидит], опершись щекой на руку, и рассеяно *прислушивается* к стрекотанию цикад в сосновом бору, дремлющем под знойным небом'.

Относительное употребление времен находим и перед именами, обозначающими любой предмет (одушевленный или неодушевленный): *Ару токи ватаси-ва ба:сан-но* тайсэцу-ни ситэ иру канко-ни *табако-но яни-о намэсасэмасита* (С, 9/2) 'Тогда я стал давать никотин *шелковичным червям, которых* бабушка очень *берегла'; Ко: омоттэ ансин-суру то до:дзини, кокo-карава то:ку* хэдататтэ иру кокё:-но *кото-о омоидасадзунива ирарэмасэн-дэсита* (СБ, 282/1) 'Подумав так, они успокоились, но в то же время не могли не вспомнить *родной деревни, которая находилась* так далеко отсюда'; *Карэ-ва пэн-о* тору тэ-мо *фуруэдасита* (А, 429/2) 'Даже *рука,* [в] *которой* он *держал* перо, начинала дрожать'; *О-Суми-мо то:то: симаинива муко-о* тору ханаси-о *даннэн-сита* (А, 298/2) 'О-Суми тоже в конце концов прекратила *разговоры* [о том, чтобы] *взять* [в дом] зятя' (здесь в отличие от предыдущего примера действие *тору* является последующим по отношению к действию, выраженному сказуемым главного предложения).

Определяемое имя может иметь абстрактное значение: *Ватасu-га ёко-ни наттэ, гу:гу:* ибики-о каку манэ-о *суру то, кодомора-ва кё:ки-сита ё:ни вараинагара, ватаси-но мавари-о маваттэ оримасита* (С, 10/1) 'Когда я лег на бок и сделал *вид,* [что] громко *храплю* [во сне], дети страшно развеселились и, смеясь, бегали вокруг меня'; *Мата, мэдака я додзё:-надо-то иссёни,* асобу хицуё:-мо *аримасэн-дэсита* (Т, V, 13). 'Теперь не *надо* было *играть* вместе с мелкой рыбешкой и угрями'.

В определительной позиции перед полнозначными именами встречаются и формы отрицательного наклонения: *Удзаки-ва нисиби-но* тодокану токонома-но *маэ-ни агура-о какицудзукэсама-ни тэ-о нарасита* (Нагаи, 4/2) 'Удзаки захлопал в ладоши, продолжая сидеть перед *токонома*[1], *куда не достигали* лучи заходящего солнца'; *Омаэгата-мо сэй-иппайни, корэ-мадэни най дзё:то:на* синамоно-о *цукуттэ курэнакэрэба наранай* (СБ, 276/2) 'И вы должны сделать такую высококачественную *вещь, которой* до сих пор *не было*'; *Мада нантомо* кимаранай саки-кара... (Нагаи, 12/2) '*С* какого-то еще *не выясненного момента...*'; *Ю:ри-ва* кикоэнай фу:-о *ситэ отта* (Я, 246) 'Ю-ли делал *вид,* [что] *не слышит*'.

В современном языке после глагола-определения изредка употребляется суффикс родительного падежа *-но,* встречавшийся в этой позиции еще в старояпонском языке, в котором он (особенно в переводах с китайского) передавал значения китайских *чжи* и *ды,* оформляющих придаточное определительное предложение. Временные формы перед таким *-но* сохраняют относительные значения: *Мэ-но най моно-ва ку:кэн то вараттэ отта га, карэ-га рё:тэ-о тэн-ни мукаттэ агэру токи-ва, Тайдзан-о* осиагэру-но икиои-га *ари ти-ни мукаттэ сагэру токи-ва, о:умигамэ-о* осаюру-но тикара-га *атта* (Я, 290) 'Люди, которые не разбирались [в боксе] (букв. у которых нет глаз), смеялись, [называя это] размахиванием кулаками, но когда он поднимал руки к небу, в них была *мощь,* [способная] *разрушить* горы, а когда он направлял [удары] вниз (букв. к земле), [в них] была *сила,* [способная] усмирить морское чудовище'.

Как видно, здесь *-но* может быть поставлено не перед всяким определяемым словом, а только перед словом, абстрактным по своему значению (ср. русское словосочетание «наука побеждать», которое можно перевести на японский язык *кацу-но гакумон,* в то время как *кацу гакумон* значит 'побеждающая наука').

Какое же значение в определительной позиции имеет форма на *-та*? В большинстве случаев совершенно очевидно, что она выражает предшествование, а не прошедшее время вообще. Разберем несколько предложений, в которых такое значение формы на *-та* может вызвать сомнение: *Ситэ, ицусика футари-ва акай ю:якэдзора-но накани* хайттэ симатта юмэ-о *мимасита* (СБ, 275/1) 'И [он] увидел *сон,* [как будто они] совсем незаметно *въехали* в багровое закатное небо'. Форма *хайттэ симатта* не указывает на прошедшее время, так как в этой конструкции вполне возможна и форма непредшествующего времени: *Таро:-ва ... о:рай-но уэ-о футари-дэ ...* хаситтэ юку юмэ-о *мимасита (там же)* 'Тароо ... видел *сон,* как буд-

[1] Токонома — ниша в стене.

то они] вдвоем *бегали* по улицам...'. Оба сложных предложения построены одинаково: сказуемым главного предложения является глагол *мимасита* 'видел'. Но во втором предложении говорится о том, что наблюдался сам процесс действия (*хаситтэ юку* букв. 'бегают'), а в первом предложении речь идет о полной законченности действия.

Форму на *-та* от глаголов бытия следует рассматривать в сравнении с формой на *-у*, так как в определительной позиции в речи о прошлом употребительны обе формы. Возьмем пример: *Сима-ни* ита сироусаги-га, *муко:-но ока-э иттэ митай то омоимасита* (Т, IV, 92) '*Белый заяц, живший* на острове, захотел перебраться на материк'. Может показаться, что форма *ита* имеет здесь значение прошедшего времени, так как состояние, выражаемое ею, продолжается и в тот период, о котором говорится в главном предложении: значит, на каком-то отрезке времени эти процессы протекали одновременно. Но в позиции определения форма на *-та* (в отличие от формы на *-у*) показывает на предшествование начала (заяц стал жить на острове давно). Если же надо указать только на одновременность, применяется форма на *-у*: *...Райко:тати-о, Сютэндо:дзи-но* иру *риппана* готэн-э *цурэтэ икимасита* (Т, IV, 65) '... И [он] повел Райкоо и его спутников в роскошный *замок, где находился* Сютэндоодзи'.

Действие (состояние), выраженное формой на *-та*, может начаться не намного раньше, чем действие, о котором говорится в главном предложении. Этот оттенок хорошо передается русским словом «оказалось»: *Итибан симаи-ни* ита ванидзамэ-га, *сироусаги-о цукамаэтэ, карада-но кэ-о минна мусиритоттэ симаимасита* (Т, IV, 96) '*Акула, оказавшаяся* последней, схватила белого зайца и выщипала ему всю шерсть на теле'.

Примеры употребления формы на *-тэ ита* в определительной позиции см. в III разделе восьмой главы.

§ 8. Временные формы прилагательных, выступающих в роли определения

В современном японском языке имеется несколько разрядов прилагательных: 1) так называемые предикативные прилагательные, которые в форме на *-й* могут быть как определениями, так и сказуемыми определительного или главного предложения; 2) прилагательные с суффиксом *-на* (который происходит от связки старояпонского языка *нару*); в позиции сказуемого главного предложения у этих прилагательных суффикс *-на* заменяется той или иной связкой современного языка (в XVI—XVII вв. прилагательные с суффиксом *-на* употреблялись и в самом конце предложения); 3) отглагольные прилагательные на *-та*, образовавшиеся от ряда глаго-

лов, у которых форма на *-та* имеет перфектный оттенок (см. о них в восьмой главе); 4) прилагательные на *ё:на*; 5) составные прилагательные (имя+суффикс родительного падежа *-но* +*ару/най*), которые в позиции сказуемого главного предложения меняют суффикс родительного падежа *-но* на суффикс именительного падежа *-га: ими-но ару* 'значащий' ('многозначительный'), *ими-га ару* 'является значащим (многозначительным)'.

Прилагательные на *-й*, как известно, изменяются по временам: *вакай* 'молодой' — *вакакатта* '[который] был молодым'. Форма типа *вакакатта* образовалась, казалось бы, из сочетания: *вакак[у]+ар[и]+та[ри]*. Но на самом деле, в старояпонском языке *-тари* не присоединялось к прилагательному + *ари*, и форма типа *вакакаритари* реально не существовала [см. 157, 181]. Следовательно, форма типа *вакакатта* образовалась не путем фонетического стяжения старой формы на *-тари* (*вакакаритари*>*вакакатта*), а по аналогии с глагольными формами (ср. глагольные формы *вакатта*<*вакаритари* 'понял'). В новояпонском языке прилагательные приобрели отсутствующую ранее основу предшествующего времени на *-тт-+-а*. Впрочем, у прилагательных окончание *-а* трудно выделить, так как не существует формы типа *вакакаттэ*. *-Тэ* присоединяется лишь к так называемой второй основе прилагательных: *вакакутэ* 'будучи молодым'.

Что касается временного значения прилагательных на *-й*, то оно является чисто относительным: Акарукатта сэкай-га, *кю:ни маккурани наримасита* (Т, V, 1) '*Светлым бывший* мир вдруг темным-претемным стал'. Совершенно очевидно, что прилагательное в форме на *-та* выражает здесь не одновременность, а предшествование (нельзя быть одновременно светлым и темным). Но, может быть, форма на *-та* стоит здесь потому, что речь идет о прошлом вообще, и не указывает на предшествование качества, выраженного этой формой, действию, выраженному сказуемым главного предложения? Нет, в случае одновременности процессов обязательно употребляется форма на *-й: Миру то, карэ-но уцукусий као-но хаммэн-ва*, усукими-но-варуй *сисэкисёку-о тэй-ситэ ита* (Кик., 144/3) 'Смотрит — а половина его красивого лица приобрела [уже] *зловещий* фиолетово-бурый оттенок'. Здесь прилагательные *уцукусий* 'красивый' и *варуй* 'плохой' имеют чисто относительное значение одновременности.

Форма на *-та* от прилагательных употребляется довольно редко — в основном тогда, когда говорящий вспоминает о качестве, существовавшем ранее, до момента, о котором идет речь: *Сакки ото-но* такакатта хо:-га, *кондо-ва*, хикуй ото-ни *наримасита. Хантай-ни*, хикукатта хо:-га, *кондо-ва*, такай ото-га *дэру ё:ни наримасита* (Кокуго, 3[1], 14—15) 'Тот [стаканчик], звучание которого ранее *было высоким*, на этот

раз стал [издавать] *низкий звук*. И наоборот, *тот* [стаканчик, звучание] которого *было низким*, теперь стал издавать *высокий звук*' (см. также И, 115/1).

Форма на *-та* может обозначать и предшествование начала, т. е. выражать качество, которое было присуще определяемому еще до начала упоминаемого далее действия, и сохраняется во время его осуществления: *Тоёдасан-но иэ-дэва кибисикатта моно-дэс кара, сорэ-о сюдзин-ни кикоэнай ё:ни, мадо-но токоро-э китэ-ва утаимасита-но дэс* (С, 27—28) 'Так как [нравы] в доме Тоёда *были строги,* [она] подходила, бывало, к окну и пела так, чтобы не слышали хозяева'.

Обращает на себя внимание совпадение в японском и русском языках времен прилагательных в речи о прошлом (ср. приведенный выше пример из «Кокуго» с его переводом). Разница заключается лишь в том, что в японском языке основой предшествующего времени обладает сама синтетическая форма прилагательного, а в русском языке спрягается лишь связка.

Употребление формы на *-й* от прилагательных в относительном значении одновременности — древнее явление. В текстах XVI—XVII вв. находим немало случаев подобного употребления: *Яжен-ва* вобитадасий *цу:я-во суру* фито-га *гозатта га...* (К, I, 329) 'Вчера ночью было много людей (букв. были *многие люди*), проводящих ночь в бдении'. Прилагательное *вобитадасий* указывает на одновременность по отношению к конечному сказуемому, а не к моменту речи.

Разумеется, примеры, в которых говорится о постоянных качествах, выражаемых прилагательным на *-й*, не могут служить материалом для обоснования какой-либо точки зрения на времена прилагательных. Для этого следует принимать во внимание только формы прилагательных, выражающих признаки, изменяющиеся во времени: *Ано* курай, осоросий ёру-но *кото-о васурэта ка*? (СБ, 284/2) 'Ты забыл о той *темной, страшной ночи*?'. Казалось бы, в этом предложении качество определяемого никак не может быть одновременным с действием *васурэта* 'забыл' и что нужна форма на *-та*. Но употреблена форма на *-й*, обусловленная тем, что здесь эти эпитеты (прилагательные) выражают постоянные, неотъемлемые качества данного определяемого.

Изредка употребляется и форма отрицательного наклонения от прилагательных на *-й* : *Ани-нива* ёкарану оконаи-га *атта* (И, 114/3) 'У старшего брата было *нехорошее поведение*'.

Изменяются ли по временам прилагательные с суффиксом *-на*? Такой вопрос, по крайней мере по отношению к этим прилагательным в определительной позиции, пока еще не ставился. Дело в том, что остаток связки *нару* — суффикс *-на* не имеет противопоставленной ему формы предшествующего времени от того же корня (ожидалась бы форма *натта*). По-

этому многим авторам суффикс *-на* кажется не суффиксом словоизменения, а суффиксом словообразования. Однако можно привести примеры, в которых прилагательное с суффиксом *-на* и в определительной позиции меняет этот суффикс на связку в форме предшествующего времени: *Тоносама-ва, хякусё:-но сэйкацу-га иканимо кантан-дэ нонки-дэ, о-сэдзи-косо иванай га* синсэцу-дэ атта-но-га *ми-ни симитэ орарэмаситэ, сорэ-о о-васурэ-ни нару кото-га аримасэн-дэсита* (СБ, 278/2) 'На господина сильное впечатление произвело то, что жизнь крестьян очень проста, бесхитростна, то, что [они] не льстили, а *были искренни*; этого он не мог забыть'. Срединные формы прилагательных типа *кантан-дэ, нонки-дэ* по временам не изменяются.

Признание изменяемости прилагательных с суффиксом *-на* по временам наталкивается на трудность теоретического порядка: если даже будет доказано, что эти прилагательные регулярно меняют *-на* на *-датта* (в тех случаях, когда прилагательные на *-й* получают форму на *-та*), то не придется ли тогда считать изменяющимися по временам и существительные? Ведь они в позиции сказуемого также принимают связки разных времен.

Думается, на такой вопрос надо ответить так: времена глаголов и прилагательных — это не только морфологические, но и синтаксические категории. Грамматическое время — тем более относительное — есть время скорее члена предложения, чем части речи. Особенно «синтаксичны» времена прилагательных на *-на* и имен, употребленных в качестве именной части сказуемого. Разумеется, времена глаголов и прилагательных на *-й* более «морфологичны».

Однако практический вопрос — является ли замена суффикса *-на* связкой *датта* в определительной позиции нормой или такая замена сравнительно редка — нуждается в дополнительном изучении на специально подобранном материале.

ВЫВОДЫ

1. Как установлено научными грамматиками русского, английского, французского и немецкого языков, причастия в этих языках (во французском и английском — также и формы, играющие роль как причастий, так и деепричастий) являются в основном формами, имеющими относительные значения.

Относительные временные значения имеют и причастия монгольских языков.

2. Во всех этих языках сказуемые придаточных определительных предложений употребляются в относительных значениях чаще, чем сказуемые главных. Это вполне естественно: сказуемое придаточного предложения обычно больше зави-

сит от сказуемого главного, чем сказуемое главного от сказуемого следующего самостоятельного предложения.

3. Сравнительный анализ показывает также, что возможны не только чисто абсолютные и чисто относительные формы, но и такие, которые в большинстве случаев являются абсолютными, а иногда имеют и относительное значение, и такие, которые в основном являются относительными, но иногда могут быть и абсолютными.

4. В новояпонском языке формы глаголов и прилагательных, употребляемые в придаточных определительных предложениях, не отличаются от их форм в главных предложениях, т. е. в новояпонском языке нет причастий.

Однако по своему происхождению временные формы современного языка, называемые в работе конечными (в отличие от возможных только в главном предложении особых заключительных форм старояпонского языка и срединных форм), являются определительными, т. е. причастиями.

Подобное превращение причастных форм в конечные или, как говорят монголисты, в «изъявительные», встречается и в других языках. Так, форма прошедшего времени на «-л» в русском языке является, как известно, причастием по происхождению, ранее употреблявшимся только со связкой.

Японский язык в этом отношении имеет свою особенность: вытеснение заключительных форм определительными произошло в нем почти во всех временах, видах, наклонениях и залогах (кроме дубитативного наклонения, где сохранилась заключительная по происхождению форма на *-май*, которая не стала употребляться в определительной позиции).

5. Раздельное изучение временных форм глаголов и прилагательных в разных определительных позициях: в позиции фиктивного определения (перед субстантиватором *-но*, появившимся лишь в XVII в.), в позиции формального определения (перед служебными словами *кото, моно, хо:*), а также в позиции определения к полнозначному имени (подлежащему, дополнению, обстоятельству или именной части сказуемого) — дало возможность установить, что во всех этих позициях основным значением временных форм является относительное значение предшествования или непредшествования.

6. Как показывают примеры из памятников старояпонского языка, относительное употребление временных форм, в частности формы на *-у* в речи о прошлом, — явление неновое. Скорее всего, расширение применения формы на *-у* в относительном значении происходило постепенно: сначала форма на *-у* употреблялась только в значении одновременности, затем — в более широком значении непредшествования вообще.

Глава седьмая

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СКАЗУЕМЫХ ГЛАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 1. Задачи исследования времен в больших отрывках текста

Как указывает Н. С. Поспелов, «чтобы разобраться в оттенках значений форм прошедшего времени, необходимо брать эти формы не в синтаксических границах предложений, а в объеме более сложных синтаксических единств в монологической речи, а в разговорной речи — учитывая всю ее ситуацию. Иначе говоря, значения форм прошедшего времени опознаются в составе высказываний, а не в рамках грамматически очерченных предложений» [95, 106].

Разумеется, значения и других времен должны исследоваться — особенно в главном предложении — «в составе высказываний», т. е. в отрывках текста, содержащих несколько формально законченных предложений [см. также 16, 6].

Однако японские грамматисты редко приводят примеры, состоящие больше, чем из одиого предложения. Русские исследователи японского языка также не изучали времена в широком контексте.

Материал, подлежащий исследованию, можно подразделить на монологическую и диалогическую речь. Поскольку диалог нередко состоит из отдельных предложений, а необходимость «учитывать всю ситуацию разговорной речи» вносит еще дополнительное усложнение неграмматического порядка, в настоящей работе исследуется главным образом материал монологической речи, т. е. речи «от автора», которая составляет большую часть японской повествовательной литературы.

При изучении больших отрывков текста (в основном из художественных произведений) я ставил перед собой следующие задачи:

1) установить, формы каких грамматических времен употребляются в главном предложении в речи о прошлых, последовательно сменявших друг друга процессах;

2) установить, какие временные формы применяются в главном предложении в речи о прошлых, одновременно протекавших процессах;

3) выяснить, нет ли различия в употреблении временных форм перед союзами при отсутствии разделительной паузы между временной формой и союзом (см. пятую главу) и при наличии такой паузы, которая на письме обозначается точкой. Этот вопрос, насколько мне известно, ставится впервые. А между тем он имеет большое практическое и теоретическое значение.

Поскольку нелегко подобрать такие тексты, в которых речь шла бы только о последовательно совершавшихся в прошлом действиях, изучение временных форм, обозначающих их, и форм, обозначающих одновременные процессы, приходится вести параллельно. Это дает возможность выявить различия в выражении тех и других.

§ 2. Употребление форм изъявительного наклонения

Обращение к любому прозаическому тексту старояпонского языка показывает, что применение в речи о прошлом формы на *-у* не только в определительном, но и в главном предложении свойственно японскому языку с древнейших времен (см., например, «Такэтори»). Изученные материалы XVI—XVII вв. («Басни Эзопа», фарсы, «Золотые изречения») не дают возможности наблюдать временные формы на больших отрывках текста, так как басни слишком коротки и перегружены диалогами, а фарсы вообще представляют собой диалог. Изречения же состоят обычно из одного предложения, в котором говорится о постоянном процессе.

Зато в произведениях на современном языке легко найти нужный материал. Обратимся к фактам, взяв за правило начинать цитату из источника с формы предшествующего времени и заканчивать также формой предшествующего. При этом легче будет понять функции форм непредшествующего времени и разницу между употреблением форм обоих времен. Разумеется, если рассказ или абзац начинается сразу с формы непредшествующего времени, цитата также будет начинаться с него:

Ко:ситэ дэкита нихон-но цуцу-ва, умаку куиаттэ, нагаку нобаситари, тидзимэтари-суру кото-га дэкиру.

Са: дэкита дзо то омоу то, урэсику-мо ару. *Мунэ-мо* доки-доки суру. *Умаку* миэру *ка до: ка.*

Кэсики-о нодзойтэ мита. Нагай моно-га, бонъяри мнэру. *Футацу-но цуцу-о, нобаситари, тидзимэтари, кагэн-ситэ иру утини, хаккири-сита.* Дэнтю:-да. *Хариганэ-га роппон ару котомадэ* вакару.

Мотто сита-о миру. Янэ-да. Сё:дзи-да. *Оя, дарэка-га сё:-дзи-но аида-кара као-о* даситэ иру. *Боку-ва, мо:, мутю:-датта* (Т, VI, 52—53).

'Две трубки, изготовленные таким образом, хорошо вхо-

дили одна в другую; их *можно* [было] раздвигать и сдвигать,— Ну, вышло! — когда [я] так подумал, [я] *обрадовался*. И сердце *забилось*. Хорошо *будет видно* или нет?

Я взглянул вдаль. Неясно *виднеется* какой-то длинный предмет. Когда я, то раздвигая, то сдвигая обе трубки, наладил их как следует, стало видно отчетливо. [Это] *телеграфный столб*. Я *разбираю* даже, что на нем шесть проводов.

Смотрю пониже. [Это] *крыша. Перегородки*. Ой, кто-то *выглядывает* из-за перегородок. Я был уже вне себя от восторга'.

Если даже не рассматривать фразу, в которой рассказчик обращает к самому себе с вопросом (*Умаку миэру ка до: ка*), поскольку в ней речь идет о будущем, то окажется, что в главных предложениях на десять форм непредшествующего времени приходятся только три формы на *-та*. Однако применение их имеет принципиальное значение. Все действия, предшествующие следующим упоминаемым, обозначаются формами на *-та*. Значит, большое число форм непредшествующего времени вовсе не результат использования их в значении так называемого исторического настоящего: все они показывают процессы, одновременные со следующим упоминаемым. То же находим и в другом отрывке:

Инэ-га дандан карарэтэ куру сэи-ка, инаго-га, такусан котира-э тондэ куру. *Со:ситэ, инэ-но ха я куки-ни томару. Торо: то ситэ-мо, наканака* цукамаранай.

О:кина-но-га иппики, сугу соба-но инэ-но ха-ни томатта. Сотто тикадзуку то, курурито ха-но ура-э маваттэ, аси-но саки-дакэ мисэтэ иру. *Миги-но тэ-дэ, субаяку, ха-то иссёни цукамаэта* (Т, VI, 23—24).

'Вероятно оттого, что [люди,] которые жнут рис, постепенно приближаются к нам, сюда *летит* много саранчи. [Саранча] садится на листочки и стебли риса. [Я] пытался [ее] схватить, но [она] никак *не дается*.

Одна большая села на листочек риса совсем рядом с нами. Когда я потихоньку приблизился, [оказалось, что она] переползла на нижнюю сторону листа и *показывает* только кончики ножек. Правой рукой я быстро схватил ее вместе с листочком'.

Как видно из этого примера, формами непредшествующего времени обозначаются не только процессы, продолжающиеся в течение ряда перечисленных далее действий, но и такие, которые сразу же прекращаются с наступлением следующего, например *мисэтэ иру* 'показывает'.

Рэйно мадо-карава о:рай-о хэдатэтэ токэйя-но мисэсаки-га миэмас. *Сирой сё:дзи-но хамэгарасу-о то:ситэ сэссэто токэй-о мигайтэ иру тэйсю-но ё:су-га* миэмас. *Соно мадо-но сита-эва токиори китэ коэ-о какэру гакко:-но томодати-мо аримасита* (С, 21/3) 'Из этого окна [был] *виден* фасад лавки часовщика.

Через стекла, вставленные в белые сёодзи, [был] *виден* хозяин, старательно чистивший часы. Под это окно приходил иногда и [мой] школьный товарищ, окликавший [меня]'. В этом отрывке речь идет о прошлом, поэтому формы непредшествующего времени, обозначающее давно прошедшее, не могут выражать здесь одновременность со временем рассказа.

Утоуто-ситара Киё-но юмэ-о мита. Киё-га Этиго-но сасаамэ-о сасагуруми, мусямуся куттэ иру. *Саса-ва доку-да кара ёситара ёкаро: то ю: то, иэ коно саса-га о-кусури-дэ годзаимас то иттэ умасо:ни* куттэ иру. *Орэ-га акирэкаэттэ о:кина кути-о аитэ хахахаха то вараттара мэ-га самэта. Гэдзё-га амадо-о* акэтэ иру. *Аикаварадзу сора-но соко-га цукинукэта ё:на* тэнки-да (Н, 97/1) 'Задремав, я увидел во сне Киё. Киё *упи́сывала* бамбуковые тянучки из Этиго вместе с листком бамбука, [в который их заворачивают]. «Бамбук — яд, лучше его выбросить»,—сказал я. «Нет, этот бамбук — лекарство»,—возразила [она] и с аппетитом *продолжала есть*. Я был изумлен, захохотал во все горло «ха-ха-ха-ха!» — и проснулся. Служанка *открывала* ставни. *Погода* по-прежнему [была] такая, [что казалось,] будто дно неба было пробито'. Здесь каждая форма непредшествующего времени обозначает процесс, продолжавшийся и во время следующих упоминаемых процессов. Видимо, форма *акэтэ иру* 'открывает' указывает на то, что выраженное ею действие на каком-то отрезке одновременно с ранее упомянутым действием *самэта* 'просыпался' (открывала ставни, когда рассказчик просыпался), так как на предшествование указывала бы форма *акэтэ ита* 'уже открыла'. Но если эти два действия происходили в одно и то же время, нельзя ли поставить глагол *самэта* в форме на *-у* — *самэру*? Нельзя, так как действие, выраженное глаголом *самэта*, должно было закончиться, для того чтобы можно было наблюдать следующее упоминаемое действие (рассказчик должен был проснуться, чтобы увидеть, как служанка открывает ставни).

Има-мадэ ки-га цуканакатта га, атарини гаягаято савагасий ото-га ситэ имас. *Нингэн-но коэ-ни ситэ-ва,* тиисасугимас. *Кэрэдомо, муси-но накигоэ-дэмо най* ё:-дэс.

Мамонаку, Гариба:-но аси-но саки-кара, наника, хаиагаттэ кимасита. Мицу, ёцу, ицуцу, цугицугито ноботтэ кимас. *Ситэ, момо-кара онака, онака-кара мунэ-то, дандан* сусундэ кимас. *То:то:, аго-но сугу сита-мадэ яттэ кита ё:-дэс* (Конуго, 3[2], 96—97).

'До сих пор [он] не обращал внимания на то, что вокруг *раздавались* какие-то галдящие звуки. Для человеческих голосов [они были] *слишком тихи*. Однако это *как будто* не [было] и стрекотанием насекомых.

Вскоре с кончиков ног Гулливера что-то начало ползти вверх. [Какие-то существа] *поднимались* друг за другом: три,

четыре, пять. Затем они *стали* постепенно *перебираться* с бедер на живот, с живота на грудь. Наконец, дошли, как будто, до подбородка'.

В первом абзаце речь идет о действии, которое продолжалось и во время следующих, поэтому здесь стоят формы непредшествующего времени (голоса лилипутов раздавались и тогда, когда некоторые из них карабкались на Гулливера).

В следующем отрывке речь идет о многократно повторяющихся действиях:

Гариба:-га ути-ни иру то, кобито-но кодомо-га ёку асобини кимас. *Кодомотати-ва, Гариба:-но тэ-но юби-ни ноботтари, мунэ-но ботан-ни бурасагаттари-ситэ* асобимас...

Гариба:-га ёко-ни наттэ, тэ-о юка-но уэни оку то, кодомотати-ва соно уэни хаиагаримас. *Гариба:-ва, тэ-о сотто мунэ-но токоро-э моттэ иттэ, кодомотати-о мунэ-но уэни* ороситэ яримас.

Сорэ-кара, какурэмбо:-га хадзимаримас. *Атама-но кэ-но нака-ни какурэру ко-мо* аримас. *Фуку-но эри-но кагэ-ни какурэру ко-мо* аримас. *Они-ни натта ко-ва, хана-но уэни коси-о какэтэ, мэ-о* цубуттэ имас.

— *Мо:, ий кай?*

— *Мо:, ий ё!*

Кобито-но кодомотати-ни тоттэ-ва, Гариба:-но карада-ва, таносий асобиба-дэсита.

— *Са:, соросоро каэранай то, кураку нару ё.*

Асобиба-га кути-о кийтэ, кодомотати-ни ханасикакэмас.

— *Гариба:-но одзисан, аригато:. Мата кимас.*

Кобито-но кодомотати-ва, Гариба:-но тэ-кара юка-но уэни тобиоритэ, каэттэ икимас (Кокуго, 3[2], 110—112)

'Когда Гулливер бывал дома, дети лилипутов часто *приходили* [к нему] в гости. Дети *играли,* то взбираясь на пальцы рук Гулливера, то повисая на пуговицах у него на груди...

Гулливер ложился на бок и, когда он клал руки на пол, дети *вскарабкивались* на них. Гулливер потихоньку подносил руки к груди и *опускал* детей [к себе] на грудь. Затем *начиналась* игра в прятки. *Были* дети, которые прятались в волосах на голове [Гулливера]. *Были* дети, которые прятались в тени воротника его одежды. Ребенок, который должен был искать спрятавшихся, садился на нос Гулливера и *зажмуривался.*

— Уже можно?

— Уже можно!

Для детей лилипутов тело Гулливера было приятной площадкой для игр.

— Ну, теперь идите потихоньку домой, а то стемнеет, — *обращалась* к детям площадка для игр.

— Дядя Гулливер, спасибо! Мы еще придем!

Дети лилипутов, спрыгнув с рук Гулливера на пол, *шли домой'.*

Все сказуемые главных предложений в этом отрывке имеют форму непредшествующего времени за исключением *асобиба-дэсита* 'было площадкой для игр'. Казалось бы, состояние, выраженное этой формой, остается и в дальнейшем. Но предшествующее время связки *дэсита* относится не только к следующим упоминаемым действиям, но обозначает также предшествование ранее упомянутым, поскольку связка лишена формы на *-тэ ита* (см. главу восьмую, § 7). *Дэсита* обозначает здесь предшествование начала.

Интересно, что даже последний глагол *икимас* (букв. 'уходят') не стоит в форме на *-та.* По-видимому, многократно повторявшиеся действия особенно часто выражаются формами непредшествующего времени. Однако при обозначении многократных действий применяются и формы предшествующего времени:

Матихадзурэ-но ко:дзё:-но маэ-о то:рисугиру то, сорэкарава итимэн-но тамбо-дэс.

Доно та-мо, има, инэкари-но сайтю:-дэ, исогасисо:-дэс. *Инэ-о каттэ иру хито-мо,* аримас. *Катта инэ-о, инэкакэ-ни какэтэ иру хито-мо,* аримас. *Инэ-о хакобу курума я ума-мо,* то:римас.

Токидоки, асимото-кара, инаго-га тобидасимасита.

Тамбо-но муко:ни, о:кина сугихаяси-га аримас. *Соно хаяси-но ваки-о магару то, такай итё:-но ки-га,* миэмас. *Аой сора-ни, киирой итё:-но ха-га, ууукусику кагаяйтэ имасита* (Кокуго, 2[2], 42—43).

'За заводом на окраине города [*начинаются*] сплошные *поля.*

На каждом участке теперь *работают,* так как жатва в разгаре. *Есть* и люди, которые жнут рис. *Есть* и люди, которые обрывают с сжатого риса [колосья] на инэкакэ [1]. *Проезжают* и тележки, везущие рис.

Время от времени из-под ног *вылетала* саранча.

По ту сторону поля *растет* большой лес криптомерий. Когда [они] обогнули этот лес, [стало] *видно* высокое дерево — итёо. На фоне синего неба желтые листья итёо красиво блестели'.

За основу временных отношений здесь взят отрезок времени, когда лица, о которых идет речь, шли по полю. Совершающиеся у них на глазах действия, не говоря уже о постоянных состояниях (местонахождении леса или полей), обозначаются формами непредшествующего времени. А форма на *-та* (*тобидасимасита* 'вылетала') применена здесь потому, что действие, ею выражаемое, было замечено только тогда,

[1] Инэкакэ — сельскохозяйственное орудие.

когда уже произошло (саранчу люди видели только тогда, когда она уже вылетела). Форма на *-тэ ита* показывает, что выражаемое ею состояние имело место задолго до момента, о котором идет речь (листья дерева итёо блестели и до того, как на них посмотрели).

§ 3. Употребление форм отрицательного наклонения

Особое внимание следует уделить употреблению форм непредшествующего времени отрицательного наклонения, так как в речи о прошлом они применяются нередко тогда, когда в соответствующих утвердительных предложениях находим формы предшествующего времени изъявительного наклонения. Иначе говоря, формы предшествующего времени отрицательного наклонения встречаются реже, чем формы непредшествующего времени того же наклонения. Это явление свойственно японскому языку издавна. В «Кокинсюу» (X в.) одно из стихотворений начинается так: *Инишиеи арики* аразу-ва *ширанэдомо...* 'Хотя и не знаю, было это в древности [или] не было (букв. *не есть*)...'. Кобаяси приводит этот пример в подтверждение своего наблюдения, что глагол, лишенный суффикса прошедшего времени *-ки* (речь идет о старояпонском языке), не обязательно должен выражать настоящее [см. 167, 391]. Но Кобаяси не ставит вопроса о том, почему же в данном примере только отрицательная форма лишена суффикса прошедшего времени, а положительная — *арики* 'было' — этот суффикс имеет. Между тем этот вопрос является очень важным. Насколько мне известно; в языках с абсолютными временами между положительными и отрицательными предложениями нет какой-либо разницы в употреблении временных форм. В японском же языке эта разница очень существенна.

Рассмотрим сначала примеры из текстов XVI—XVII вв.: *Я:, вагорё-ва мада* инану *ка* (К, II, 258) 'Как, ты еще *не ушел?'; Фито-ва* кикану *ка ширану. Тарэ-мо* кикану *то миета* (К, I, 289) 'Не знаю, *не слышал* ли кто-нибудь? Кажется, никто *не слышал*' [здесь *миета* 'кажется' (букв. 'показалось') стоит в предшествующем времени, а форма отрицательного наклонения — в непредшествующем]; *Сорэгаши, шегарэ-во фитори моттэ гозару га, кото-но фока шеижин-иташитэ гозарэдо, на-во* цукэкаетэ торашемашену (К, II, 128) 'У меня есть один сын, и хотя [он] очень вырос, [я] еще не присвоил (букв. *не присваиваю*) [ему] имени'.

В языке XVI—XVII вв. у глаголов существовала отрицательная форма предшествующего времени на *-нанда* (сохранившаяся до настоящего времени в западных диалектах). Она употреблялась, судя по моим наблюдениям, в двух случаях:

1. Когда действие, совершение которого отрицается, могло быть произведено в прошлом лишь в какой-то ограниченный период времени, а затем возможность совершения его была упущена: *Жиро:бэедоно-но ума-во кари-ни вашета токоро-дэ, сайжен-но готоку мо:шитэ,* кашимашэнанда (К, II, 410) 'Когда г-н Жирообэе пришел за лошадью, [я] сказал [ему] так, как [Вы мне] раньше [наказывали], и *не дал*'; *Со: аро:-томо, сатэ мэдзураший кото-ва* накатта ка? — *БэТ-ни мэдзураший котомо* гозаримашенанда *га...* (К, II, 360) 'Пусть так, ну а *не было* ли [в столице] чего-нибудь удивительного? — Ничего особенно удивительного *не было*, но...'; *Фаридако-но аридокоро-во то:тэ* маирананда (К, II, 275) '[Я] пришел [в город] не спросив, где же продаются сушеные спруты' (букв. 'спросив местонахождение сушеных спрутов, *не пришел*').

2. Когда действие, ранее не выполнявшееся, впоследствии все-таки произошло: *Ия, коноджю:-ва фисашю:* дэсашшярэнанда (К, I, 149) 'Ну, последнее время вы совсем *не приходили*'; *Но: Кикуичи, коно аида-ва фисашю:* миенанда (К, I, 383) 'Послушай, Кикуичи, [ты] долго *не показывался*'. (См. также К, II, 311.)

Правда, употребление в подобных фразах формы на *-нанда* не было обязательным. В таких случаях встречается и форма непредшествующего времени отрицательного наклонения на *-ну* : *Нанто шитэ* миену *зо* (К, I, 383) 'Почему [ты] *не показываешься*?'. Но все-таки форма на *-нанда* применялась в такой конструкции чаще.

В текстах XVII в. употреблялась еще одна (аналитическая) форма отрицательного наклонения на *-нандэ гозару* [см. 121, 129—130].

Рассмотрим употребление форм отрицательного наклонения в речи о прошлом в современном языке. Формам на *-ну* и на *-нанда* западных диалектов в нацнональном языке соответствуют формы на *-най/-масэн* и на *-накатта/-масэндэсита.*

Форма на *-най,* как и форма на *-ну*, часто употребляется в речи о прошлом: *Мада, боку-га хосий то иванай кара* дэтэ *кимасэн* (СБ, 337/1) 'Я еще *не сказал*, [чего] хочу, поэтому [кушанья] *не появились*'; *Тотэмо со:-ва* табэкирэмасэн (СБ, 338/2) 'Никак *не мог доесть*'; *Табэру моно-га накуттэ, ока:сан,* о-хара-га сукя: синай *ка*? (СБ, 339/3) '*Не голодала* ли [ты], мама, из-за того, что [у тебя] не было еды?'; *Боку, хонто:-о ю: то, кэса-кара мада наннимо* табэнай-*н-дэс. Аммари исоидэ наннимо* табэнакатта-*н-дэс* (СБ, 340/1) 'Если сказать правду, я с утра еще ничего *не ел.* Очень спешил, поэтому ничего *не съел*'. В последнем примере в речи об одном и том же действии употребляется сначала форма непредшествующего времени, а потом форма предшествующего. Думается, формой *табэнай* отрицается действие вообще, а фор-

ма *табэнакатта* указывает на то, что действие не успело произойти в какой-то минувший ограниченный отрезок времени (в данном случае до выхода утром из дому), закончившийся задолго до момента речи.

Нередко в речи об одном и том же действии на вопрос в предшествующем времени изъявительного наклонения следует ответ в непредшествующем времени отрицательного наклонения:

— *Дарэ-ни осиэтэ моратта но?*

Боку-ва суккари токуи-датта.

— *Дарэ-нимо* осиэтэ мораванай-*но-дэс. Боку-га кангаэтэ цукутта-но-дэс* (Т, VI, 55—56)

— Кто же тебя научил?

Я ответил с гордостью:

— Никто меня не научил (букв. *не учит*). Я сам придумал и смастерил'.

При положительном ответе надо было бы применить форму на *-та.*

В тех вопросительных предложениях, в которых отрицательные формы без существенного изменения смысла могут быть заменены положительными (например: «Не знаете ли вы этого?»=«Знаете ли вы это?»), в речи о прошлом употребляется форма на *-накатта;* в ответах же употребляется форма на *-най/-масэн* : *Тати ка наника-ва* миэнакатта *ка*? *Иэ, нани-мо* годзаимасэн (А, 253/2) '[Вы спрашиваете], не *было* ли *видно* меча, или чего-нибудь [в этом роде]? Нет, ничего [такого] *не было*'; *Нани, ума-ва* ичакатта *ка*? (там же) 'Что, *не было* ли лошади?' (вопрос); *Иэ, ти-ва мо:* нагарэтэ-ва оримасэн (А, 253/1) 'Нет, кровь уже не текла' (ответ на вопрос); *Као-ва ватаси-нива* вакаримасэн (А, 253/3) 'Лица я *не разглядел*' (ответ на вопрос); *Сикаси онна-ва* короси-ва симасэн (А, 254/3) 'Однако женщины [я] *не убивал*', ср. сходный пример: *Отоко-о коросу цумори-ва* накатта-*но-дэс* (А, 256/1) '[Первоначально] у меня *не было* намерения убить мужчину' (форма предшествующего времени *накатта* употреблена здесь потому, что намерение убить впоследствии появилось).

И в утвердительных предложениях в речи о прошлом формы отрицательного наклонения непредшествующего времени нередко употребляются вперемежку с формами изъявительного наклонения предшествующего времени. Это особенно наглядно демонстрирует различное применение форм непредшествующего времени обоих наклонений: *Кударанай кара, сугу нэта га, наканака* нэмурарэнай (Н, 96/3) '[Было] скучно, поэтому [я] сразу же лег спать, но никак *не мог заснуть*'; *Э-Укаси-ва, сугуни тэсита-но моно-о ёбиацумэтэ, татакаи-но ё:и-о сиё:-то симасита га, игай-нимо, тэсита га,* ацуматтэ кимасэн (Т, VI, 2) 'Старший брат Укаси намеревался сразу же готовиться к битве и разослал подчиненным приказ явить-

ся к нему, но вопреки ожиданиям, подчиненные *не собрались'; Ото-Укаси-ва, ироирото ани-о исамэмасита га, ани-ва до:ситэмо* кикиирэмасэн (Т, VI, 5—6) 'Младший брат Укаси всячески уговаривал старшего брата, но тот [его] совсем *не слушал'; Хибаси-но саки-дэ какидасо: то сита га, сукима-га сэмакутэ, наканака* торидасэнай (Т, VI, 16) 'Она пыталась извлечь [спицу] щипцами для углей, но щель была узка, и [спицу] никак *нельзя* [было] *вынуть*'; *Суруто, тиисана куги-га, дзисяку-ни такусан цуйта... Тада, до:-но куги-ва, икура дзисяку-о моттэ иттэ-мо,* кутцуканай (Т, VI, 19) 'Тогда много маленьких гвоздиков прилипло к магниту ... Только медные гвоздики, сколько [я] не подносил к ним магнит, *не прилипали'*. Следующая фраза отрывка (*Соко-э, тё:до, ни:сан-га о-идэ-ни натта* 'Тут как раз вошел старший брат') показывает, что форма *кутцуканай* находится в окружении форм предшествующего времени (*цуйта* и *натта*) и, стало быть, ее применение в таком контексте нельзя объяснить тем, что весь рассказ ведется в историческом настоящем. Если такие отрицательные предложения сделать положительными, форму на *-най* надо будет заменить формой на *-та*.

Употребление формы на *-най* в речи о действиях, не имевших места в прошлом, следует считать нормой:

Охиру-о сугитэ, итидзи-ни наримасита. Нидзи-ни наримасита. Сорэдэмо, Корокити-ва кимасэн (Кокуго, 2[2], 22) 'Прошел полдень, пробило час. Пробило два часа. Однако Корокити *не приходил'*.

Тё:саку-ва атари-о мимавасита га, дарэмо имасэн (Кокуго, 3[1], 97) 'Тёосаку оглянулся вокруг, но никого не оказалось (букв. но никого *нет*)'.

Тэнгу-ва, Тё:саку-кара такэ-но цуцу-о укэтору то, сассоку нодзойтэ мимасита. Токорога, титтомо то:ку-га миэмасэн. *Сорэ-ва, тада-но такэ-но цуцу-датта-но-дэс.*

Тэнгу-ва куясигаттэ, Тё:саку-о оикакэё: то симасита га, Тё:саку-но сугата-га миэмасэн. *Миэнай хадзу-дэс. Тё:саку-ва, какурэмино-о китэ, дондон яма-о какэоритэ итта-но-дэс* (там же, 102).

'Леший получил от Тёосаку трубку и сейчас же взглянул [в нее]. Однако ничего вдали *не* [было] *видно*. Ведь это была простая бамбуковая трубка.

Леший разозлился и пытался догнать Тёосаку, но Тёосаку *не* [было] *видно*. И не должно [было] быть видно (букв. должно не быть видно). Ведь Тёосаку, надев плащ-невидимку, быстро сбежал с горы'.

Дзё:дзи-ва ... нику-но когирэ-о понто нагэтэ яримасита.

Кэрэдомо, ину-ва мимуки-мо симасэн. *Сика-но асиато-о кагу кото-ни мутю:-на-но-дэс.*

Дзё:дзи-ва, мата, нагэмасита (Кокуго, 4[2], 122)

'Джордж ... ловко бросил собаке кусочек мяса.

Однако собака даже не взглянула [на мясо] (букв. даже вида *не делает*). Ведь она стремилась только напасть на след оленя.

Джордж снова бросил [кусок мяса]'.

В последнем примере в форме непредшествующего времени стоят оба сказуемых — отрицательное *симасэн* и утвердительное *мутю:-на-но-дэс*; эти сказуемые обозначают действия, которые не были прерваны, когда началось следующее упоминаемое действие.

Форма непредшествующего времени употребляется и тогда, когда отрицается наличие чего-либо в прошлом: *Тю:гакко:-э китара, мо: хо:каго-дэ дарэмо* инай (Н, 96/2) 'Когда [я] пришел в школу, занятия уже окончились, и там никого не было (букв. *нет*)'.

Форма предшествующего времени отрицательного наклонения на *-накатта/-масэн-дэсита* применяется, подобно форме на *-нанда,* тогда, когда отрицаемое действие впоследствии все-таки совершилось или когда возможность произвести его уже упущена: *О-томо-но моно-нимо* вакаримасэн-дэсита (Т, V, 58) 'И свита тоже *не могла разглядеть'; Сикаси муси-дэва* аримасэн-дэсита (Т, V, 59) 'Однако [это] *было не* насекомое'; *Хитоомои-ни тобиримасита га, мэ-га курандэ, сибараку-ва нани-мо* вакаримасэн-дэсита (Т, V, 69—70) 'Мы упали сразу, в глазах потемнело, и некоторое время [я] ничего *не соображала'; Хито-га иппай ноттэ итэ, аитэ иру сэки-ва, хитоцу-мо* аримасэн-дэсита (Т, V, 105) 'Трамвай был полон людей и *не оказалось* ни одного свободного места'; *Наканака* госё:тиии наримасэн-дэсита (Т, V, 114) 'Никак *не соглашался'; До:ситэмо,* о-юруси-ни наримасэн-дэсита (Т, V, 116) 'Никак *не прощал'* (см. также Т, V, 117); *Гарирэй-ва, соно сикакэ-о сиру кото-га* дэкимасэн-дэсита. *Сокодэ, дзибун-дэ бо:энкё:-о цукуру кото-о омоитатимасита* (Кокуго, 4[2], 54) 'Галилей *не мог* узнать ее устройства. Поэтому [он] задумал сделать подзорную трубу сам'; *Ф у м и э. Соно токи, кися-га куру -ноо,* сиранаката *но? Т о м и д з о:. Ситтэ ита са* (там же, 73) Ф у м и э. Разве [ты] *не знал,* что в этот момент подходил поезд? Т о м и д з о о. Знал'.

Аналитические формы долженствования состоят из двух отрицательных форм. При этом в речи о прошлом чаще употребляются формы непредшествующего времени: *Корэ-ва вомоеба, уринуши-га* мимавану-дэва най (К, I, 356) '[Я] думаю, что хозяин дынь *не мог не посетить* [поле]'.

Очень часто первая из двух отрицательных форм, составляющих аналитическую форму долженствования, является условным деепричастием на *-ба* (или на *-тэ-ва);* по временам изменяется только вторая (конечная) форма. И в этом случае употребление аналитической формы не отличается от употребления единичных форм отрицательного наклонения, в частно-

сти в речи о прошлом: *Ани-ва нантока кайся-но Кю.сю:-но ситэн-ни кути-га аттэ* юканакэрэба наран. *Орэ-ва То:кё:-дэ мада гакумон-о* синакэрэба наранай. *Ани-ва иэ-о уттэ дзайсан-о катадзукэтэ нинти-э сюппацу-суру то иидасита* (Н, 94/1) 'Найдя место в отделении какой-то фирмы на Кюсюу, брат *должен* [был] *уехать*. Я же *должен* [был] еще учиться в Токио. Брат сказал [мне], что [он], продав дом и имущество, уедет к месту назначения'.

В этом параграфе приводились примеры употребления отрицательных форм только в главном предложении.

Употребление отрицательных форм разных времен в различных позициях (в главном предложении, перед союзными элементами и в определительной позиции) подчиняется общим правилам. Например: *Татоэба, «Хоккайдо:тё:»-но тё-кан-га сисацу-ни китари-сита бааи, сюкудзи-о нобэру но-ни, хонто: ва кю:тё:-дэ ару Ясуко-га* синакэрэба наранакатта *но-га, кигаэ-но кимоно мо* най *нодэ, сонна токи ва канэмоти-но кодомо-га каватта* [цит. по 18, 198] 'Так, когда приезжал инспектировать [школу] губернатор Хоккайдоо, произносить приветствие *должна была* [бы] Ясуко, которая являлась старостой класса; но так как у нее не было (букв. *нет*) хорошего платья, на это время [ее] заменяла дочь богача'. Здесь форма долженствования *синакэрэба наранакатта* 'должна была' принадлежит к предшествующему времени, а *най* 'нет' — к непредшествующему, хотя оба предикатива относятся к речи о прошлом. Это различие объясняется тем, что ко времени действия, выраженного сказуемым главного предложения, обязанность совершить первое действие отпала, а состояние, выраженное вторым предикативом, сохранялось. От синтаксической позиции выбор формы того или иного времени отрицательного наклонения не зависит. (Другие примеры с отрицательными формами см. в пятой и шестой главах.)

Многие грамматисты не замечают особенностей употребления форм отрицательного наклонения. Одним из первых обратил внимание на эти особенности Б. Х. Чемберлен, который писал: «Нужно заметить, что японцы часто употребляют настоящее время, и особенно настоящее отрицательное, в тех случаях, когда логика требует, по-видимому, применения прошедшего: Нараванай *кара дэкимасен* 'Не могу, так как *не привык*'» [139, 179—180].

Иными словами говоря, Б. Х. Чемберлен объяснял применение «настоящего отрицательного» в речи о прошлом тем, что логические категории не совпадают с грамматическими. Подобные «нелогичности» он находил и в английском языке. При этом Б. Х. Чемберлен исходил из «аксиомы», что в японском языке формы на *-у* и на *-най* имеют значение настояще-будущего (хотя такого термина у Б. Х. Чемберлена нет). Если бы эти формы на самом деле имели абсолютное

значение, то применение, притом не в одинаковой пропорции, положительного и отрицательного настояще-будущего времени в речи о прошлом было бы действительно совершенно нелогичным.

Сравнительно более частое употребление отрицательных форм настоящего в речи о прошлом отмечает и Мацусита, объясняя это явление тем, «что японцы имеют привычку мыслить отрицание как [нечто] неизменное» [174, 418]. Такое объяснение было бы вполне приемлемым, если бы не существовало формы отрицательного наклонения предшествующего времени на *-накатта*. Но такая форма есть и, как показано выше, применяется не так уж редко.

И. В. Головнин дает свою трактовку употребления временных отрицательных форм: «...подчеркивание отсутствия результата в момент речи как раз и достигается использованием отрицательной формы настоящего-будущего там, где, казалось бы, требуется отрицательная форма прошедшего» [30, 173]. Но, во-первых, для подчеркивания отсутствия результата существует особая форма на *-тэ инай*; во-вторых, форма на *-най/-масэн* нередко употребляется в рассказах о далеком прошлом, когда о наличии или отсутствии результата в момент речи вообще не приходится говорить; в-третьих, если бы применение отрицательных форм настояще-будущего вместо отрицательных форм прошедшего можно было объяснить с точки зрения абсолютного значения первых, то сходные явления наблюдались бы и в других языках с абсолютными временами. Однако подобных параллелей пока не найдено. Немногие примеры, которые мне удалось обнаружить в русских сказках, напротив, говорят об относительном употреблении формы настоящего времени с отрицанием в речи о прошлом: «Бывал-живал старик со старухой; у них был сын Мартышка, а работы никакой *не работал,* отец никуда его нарядить *не может*, и с того отдал он сына своего Мартышку в солдаты» (Аф., II, 56). Форма «не работал» применена здесь не потому, что речь идет о прошлом, а потому, что возможность совершать это действие (работать у отца) была впоследствии (после того, как он был отдан в солдаты) потеряна. Форма «не может» обозначает постоянное состояние (отец не мог использовать сына на работе и до и после того, как его отдали в солдаты).

Таким образом, правила употребления форм отрицательного наклонения следует сформулировать так:

Форма предшествующего времени на *-накатта/-нанда* употребляется тогда, когда отрицается совершение действия до какого-то определенного момента, после которого возможность его совершения считается упущенной. При этом в большинстве случаев таким рубежом служит не момент речи, а время совершения следующего упоминаемого действия. Ес-

ли же предложение не содержит других временных форм, форма на *-накатта* обозначает, что отрицается факт совершения действия в какой-то минувший отрезок времени, в ряде случаев имеется в виду, что действие все-таки было произведено позже.

Форма непредшествующего времени на *-най/-ну/-н* употребляется тогда, когда отрицается совершение действия вообще — в прошлом, настоящем или будущем — безразлично. Период, в течение которого действие не производилось, не уточняется. Возможность его совершения в дальнейшем не исключается. Такое употребление объясняется общим для всех форм этого времени значением непредшествования.

§ 4. Временные формы в отрывках текста

В этом параграфе рассматривается употребление в главных предложениях временных форм всех наклонений (употребление исторического настоящего разбирается в § 5). В отрывках текста помимо временных форм сказуемых главных предложений встречаются также временные формы перед союзными элементами и перед определяемыми именами; эти примеры могут служить дополнительным материалом для подтверждения выводов, сделанных в пятой и шестой главах.

Сидзуко-ва, Киёко-га Като:-то кэккон-сита кото-ни цуйтэ, сукунакарадзу ани-ни до:дзё:-ситэ иру. *Кондо каэттэ китэ, майнити куру Като:-то као-о авасэру-но-мо, ани-ва доннани фуюкайна омои-о суру-даро:, надо то-мадэ сэмай оннагокорони симпай-мо ситэ ита* (И, 102/3) 'Сидзуко очень *сочувствовала* старшему брату, [который, как она думала, переживал,] что Киёко вышла замуж за Катоо. Чисто по-женски она с беспокойством думала даже о том, какие неприятные мысли у брата теперь, когда [он] приехал и будет встречаться с Катоо, который бывает у них каждый день'. *До:дзё:-ситэ иру* 'сочувствовала' стоит в форме непредшествующего времени потому, что это действие не было прервано до начала следующего упоминаемого.

Гэнин-ва, о:кина кусамэ-о ситэ, сорэкара, тайгисо:ни татиагатта. Ю:биэ-но суру Кё:то-ва, мо: хиокэ-га хосий ходо-но самуса-дэ ару. *Кадзэ-ва мон-но хасира-то хасира-тоно аида-о, ю:ями-то томони энрё-наку,* фукинукэру. *Нинури-но хасирани томаттэ ита киригирису-мо, мо: докока-э иттэ симатта* (А, 4/1) 'Слуга громко чихнул и лениво поднялся. С наступлением вечерней прохлады в Киото [было] так *холодно,* что хотелось [погреться у] печки. В вечерней мгле между колоннами ворот бесцеремонно *гулял* ветер. И кузнечик, который [раньше] сидел на лакированной колонне, уже куда-то скрылся'. Критерием употребления времен здесь является не

момент речи, а тот момент, о котором идет речь, т. е. время после того, как произошло первое действие.

— *Нани-о ситэ ита? Иэ! Ивану то корэ-да дзо ё!*

Гэнин-ва, ро:ба-о цукиханасу то, икинари, тати-но сая-о хараттэ, сирой хаганэ-но иро-о соно мэ-но маэ-э цукицукэта. Кэрэдомо, ро:ба-ва даматтэ иру. *Рё:тэ-о ванавана фурувасэтэ, ... мэ-о, мэдама-га мабута-но сото-э дэсо:-ни нару ходо, михирайтэ, оси-но ё:ни сиккоку* даматтэ иру. *Сорэ-о миру то, гэнин-ва хадзимэтэ мэйхакуни коно ро:ба-но сэйси-га, дзэндзэн, дзибун-но иси-ни* сихай-сарэтэ иру *тою: кото-о исикисита* (А, 5/3).

'— Что делала? Говори! Если не скажешь, смотри!

Слуга, оттолкнув старуху, вдруг выхватил из ножен меч и поднес к ее глазам белую сталь. Но старуха *молчала.* С дрожащими руками, ... выпучив глаза так, что они чуть не вылезали из орбит, она упорно, как немая, *молчала.* Видя это, слуга впервые ясно почувствовал, что жизнь и смерть этой старухи всецело *зависят* от него'.

В японском языке нет так называемого «согласования времен», поэтому действие *сихай-сарэтэ иру* 'управляется', 'зависит' стоит в форме, обозначающей одновременность с действием *исики-сита* 'почувствовал'. Такое относительное употребление времен встречается и в русском языке в дополнительных придаточных предложениях.

Амэ-ва, Расё:мон-о цуцундэ, то:ку-кара, дза:тто ю: ото-о ацумэтэ куру. *Ю:ями-ва сидайни сора-о хикуку-ситэ, миагэру то, мон-но янэ-га, нанамэ-ни цукидасита ирака-но сакини, омотаку усугурай кумо-о* сасаэтэ иру.

До:нимо наранай *кото-о,* до:ника-суру *тамэнива, сюдан-о* эрандэ иру *итома-ва* най. *Эрандэ ирэба, цуйдзи-но сита ка, митибата-но цути-но уэ-дэ,* уэдзини-о суру-бакари-дэ ару. *Со:ситэ, коно мон-но уэ-э моттэ китэ, ину-но ё:ни* сутэрарэтэ симау-бакари-дэ ару. *Эрабанай то сурэба — гэнин-но кангаэва, нандомо онадзи мити-о тэйкай-сита агэкуни, ятто коно кёкусё-э хо:тяку-сита* (А, 3—4).

'Дождь, окутав Расёмон, издалека *доносит* свой шум. Вечерний сумрак постепенно сделал небо ниже, и, если взглянуть вверх, [кажется, будто] крыша ворот своей косо выступающей черепицей *подпирает* тяжелые темные тучи.

Нет времени *выбирать* средства для того, чтобы как-нибудь *осуществить* то, что никак *не удается.* Если выбирать, остается только *подохнуть с голоду* под забором или на краю дороги, *остается только* быть принесеиным на верх этой часовни и *быть брошенным* здесь как собака. А если, допустим, не выбирать, — мысли слуги много раз шли по этому пути и в конце концов упирались в одно и то же'.

Первый абзац этого отрывка представляет собой описание природы в тот прошлый момент, о котором повествует

автор. Второй — передает мысли слуги, относящиеся как к настоящему, так и к будущему. Объективно же все эти действия, как прошлые с точки зрения рассказчика, так и настоящие с точки зрения его героя, происходили в одно и то же время, о котором идет речь. Поэтому они и выражены формами непредшествующего времени.

Орэ-ва Хибияко:эн-о аруйтэ ита.

Сора-нива усугумо-га касанариаттэ, тихэй-ни тикай кигино уэ-дакэ, вадзукани хоноаой иро-о нокоситэ иру. *Соно сэйка аки-но конома-но мити-ва мада ю:гурэ-га* конай *утини, суна-мо, иси-мо, карэкуса-мо, ситторито* нурэтэ ирурасий. *Ия, мити-но мигихидари-ни эда-о сасикавасэта судзукакэ-нимо, цую-ни араварэта ё:на усуакари-га, яхари киирой ха-но итимай-готони касукана инъэй-о мадзиэнагара, моноугэ-ни* тадаёттэ иру-но-дэ ару.

Орэ-ва то:-но цуэ-о коваки-ни ситэ, хи-но киэта хамаки-о куваэнагара, бэцуни доко-э юко: *тою: атэ-мо наку, сабисий сампо-о цудзукэтэ ита* (А, 453/1).

'Я шел по парку Хибия.

На небе клубились облака, и только над деревьями, близкими к горизонту, *оставалось* немного бледной голубизны. Вероятно поэтому на дорожках между осенними деревьями и песок, и камни, и сухая трава, пока на них *не спустилась* еще вечерняя мгла, *казались выкрашенными.* Нет, это на них *падал,* пробиваясь сквозь сплетенные ветви платанов, стоявших справа и слева от дорожки, слабый, точно умытый росой свет вперемежку с легкой тенью каждого желтого листка.

С тростниковой палкой подмышкой, с потухшей сигарой в зубах я продолжал прогуливаться в одиночестве, не собираясь *идти* в какое-либо определенное место'.

Орэ-но юку *тэ-нива футари-но отоко-га сидзукани такэбо:ки-о угокасинагара, родзё:-ни акаруку тиримидарэта судзукакэ-но отиба-о* хайтэ иру. *Соно тори-но су-но ё:на ками-то ии, хотондо хада-мо* о:ванай *усудзумииро-но ярэгину-то ии, аруива мата кэмоно-нимо магаисо:на тэаси-но цумэ-но нагаса-то ии, ю:мадэмо наку футаритомо, коно ко:эн-о* со:дзи-о суру *нимпу-но тагуи-това* омоварэнай. *Номинарадзу сарани фусигина кото-нива, орэ-га таттэ* митэ иру *аидани, доко-карака тондэ кита карасу-га нисамба сатто о:кина ва-о эгаку то, мокудзэнто хо:ки-о* цукаттэ иру *футари-но ката я атама-но уэ-э, саки-о арасоттэ маикудатта. Га, футари-ва идзэн-тоситэ, садзё:-ни аки-о макитирасита судзукакэ-но отиба-о* хайтэ иру.

Орэ-ва омомурони кибису-о каэситэ, хи-но киэта хамаки-о куваэнагара, сабисий судзукакэ-но аида-но мити-о мото кита хо:-э арукидасита (А, 453/3)

'В той стороне, куда я *шел,* двое мужчин, тихо шевеля бамбуковыми метлами, *подметали* опавшие листья платанов, светлыми грудами валявшиеся на дороге. Волосы [этих лю-

дей], похожие на птичьи гнезда, рваная одежда цвета сильно разведенной туши, почти *не прикрывающая* наготу, длинные ногти на руках и на ногах, похожие на когти животных, само собой разумеется, не внушали мысли (букв. *нельзя подумать*) о том, что они оба — подсобные рабочие, *убирающие* этот парк. Но самое удивительное было то, что пока я стоял и *смотрел,* несколько ворон, внезапно откуда-то прилетевших, описали большой круг и, обгоняя друг друга, опустились на плечи и головы двух людей, молча орудовавших метлами. Но они оба по-прежнему *подметали* опавшие листья платанов, разбрызгавших осень по песку.

Медленно повернувшись на каблуках, с потухшей сигарой в зубах, я пошел туда, откуда пришел, — по дорожке между печальными платанами'.

В этом отрывке, как и в нескольких приведенных выше, выделены только формы на *-у,* на *-тэ иру* и на *-най,* употребленные в речи о прошлом в относительном значении непредшествования. Но какое же значение имеют в этих отрывках формы на *-та*? Не имеют ли они абсолютного значения прошедшего времени? Думается, нет: форма на *-та,* выражающая действие *тондэ кита* 'прилетевшие' (в тондэ кита *карасу-га ... ва-о эгаку то... 'прилетевшие* вороны... описали круг...'), обозначает предшествование следующему действию *эгаку* 'описывают'; действие, выраженное глаголом *маикудатта* 'спустились', предшествует следующему действию *хайттэ иру* 'подметают', вернее продолжению этого действия (*идзэнтоситэ хайттэ иру* 'по-прежнему подметают'). В *киэта хамаки* 'потухшая сигара' форма *киэта* обозначает действие, предшествующее действию *арукидасита* 'пошел'.

Цуки-ва ару-но-дэс *га, ацуй кумо-ни какурэтэ имасита. Наника курой моно-га, канэами-но маэ-дэ, отицуки наку* угойтэ иру-*но-га, бонъяри* миэру-дакэ-дэс. *Соно курой моно-ва, ори-но соба-кара ханарэтэ ику ка то омоу то, мата, ори-но токоро-э* каэттэ кимас. *Икудо то наку, сорэ-о курикаэситэ иру-но-дэсита.*

Футари-но кодомотати-но мэ-га, дандан усуями-ни нарэтэ куру то, Рэна:до-га коя-кара ори-но нака-э дэтэ китэ иру*но-га, вакаримасита. Эма то Дзё-дзи-ва мэ-о миавасэмасита. Тэки-ни* нэраварэтэ иру-*но-нара, Рэна:до-га, ко:ситэ, коя-кара* дэтэ куру хадзу-ва най. *До:мо хэн-да ... то, футари-но кодомотати-ва, исинни мицумэтэ имасита* (Кокуго, 4[2], 128).

'Луна *была,* но скрылась в тяжелых тучах. Лишь неясно [было] *видно,* как что-то черное беспокойно *движется* перед металлической сеткой. Только [они] успевали подумать, что этот черный предмет *удаляется* от загородки, как [он] опять *возвращался.* И так повторялось много раз.

Когда глаза обоих детей постепенно привыкли к темноте, они разглядели, что Ренальд *вышел* из птичника на середину

загородки. Если бы за ним охотился враг, Ренальд *не должен был* [бы] так *выходить* из птичника. Очень странно... Дети сосредоточенно всматривались [в темноту]'.

И в этом отрывке за критерий употребления временных форм берется период времени, когда дети смотрели на оленёнка. Форма *дэтэ китэ иру* 'вышел', однако, обозначает здесь не одновременность одного действия с другим, а наличие его результата во время протекания следующего упоминаемого процесса [2].

Сё:дзи-о акэта ко:симадо-но, сугу сита-кара аой та-га цудзуйта. Соно аода-о цурануйтэ, коно иэ-но ёко-кара хайтта тэрамити-га, нитё:-бакари-о массугуни. Хо:токудзи-но монни какурэру. *Тэра-о какондэ о:уцу-тосита суги-но кодати-но уэнива, Химэкамисан-га пирамитто-но ё:ни* миэру. *Гого-но хидзаси-ва аода-но инэ-но соёги-о икиики тэраситэ, ару ка наки ка-но хацунацу-но кадзэ-га кокотиёку мадо-ни* иру. *Кабэхитоэ-но нокисита-о* нагарэру *кодзэки-но мидзу-ни, эби-о* сукуу *кодомора-но сакэби, сатэва тэрамити-о яма я та-ни юкикаэри-но дандзё-но нонки-но дамигоэ-га тэ-ни* тору *ё:ни* кикоэру — *Тиэко-ва соно кикигурусий намари-нимо миминарэта. Кёнэн-но аки тэннин-ни наттэ-кара, мо: дзю:кагэцу-о коно мура-ни сугосита нодэ* (И, 114/2) 'Сразу же за решетчатым окном с открытыми сёодзи начиналось зеленое поле. Дорога, идущая от угла дома напрямик через поле, примерно через два тёо [3] *исчезает* в воротах храма Хоотоку. Над рощей тенистых криптомерий, раскинувшихся вокруг храма, *виднеется*, как пирамида, гора Химэками. Полуденное солнце ярко освещает колышащийся рис на зеленеющем поле, а еле ощутимый приятный весенний ветерок *проникает* в окно. Крики детей, которые *ловят* рачков за небольшой плотиной, куда вода *стекает* с карниза стены, *слышны* так, словно до них рукой *подать;* [слышны] приглушенные беззаботные голоса мужчин и женщин, идущих по храмовой дороге в лес или в поле. Тиэко привыкла даже к их неприятному на слух акценту, потому что с осени прошлого года, когда ее перевели в эту деревню, прошло уже десять месяцев'.

Этот отрывок интересен тем, что формы на *-та* ориентированы здесь не только на следующие упоминаемые действия, но и обозначают предшествование всей описываемой картине в целом. Тут есть и перфектный оттенок — слушая доносившиеся голоса людей, говоривших на местном диалекте, Тэруко воспринимала его как нечто привычное. Последнее предложение является инверсированным: сначала названо следствие, а затем причина. Однако временные формы нисколько не изме-

[2] В настоящей работе не рассматриваются временные формы в конструкции типа *курикаэситэ иру-но-дэсита,* так как изучение этих конструкций самостоятельная, частная проблема.

[3] Тё о — 109 *м.*

нились. Это значит, что в случае инверсии временные формы остаются прежними, ориентированными на время следующего упомянаемого (при обычном порядке слов) действия.

То:дзицу-ни нару то дзибун-ва, рокуни асамэси-мо кувадзуни иэ-о тобидасита. Дэнся-дэ юкэба тэйсядзё:-мадэ нидзиппун-това какарайай. — *Со: омоинагарамо, нанто наку кокорога* сэку. *Тэйрю:дзё:-но акай хасира-но маэ-ни таттэ, дэнся-о* маттэ иру *утимо, ки-га* ки-дэ най.

Айнику, сора-ва кумоттэ иру. *Хо:бо:-но ко:дзё:-дэ* нарасу *китэки-но ото-га, нэдзумиро-но суйдзё:ки-о фурувасэтара, сорэ-га мина кирисамэ-ни наттэ, футтэ ки-ва синай ка то* омоварэру. *Соно тайкуцуна сора-но мото-дэ, ко:катэцудо:-о кися-га* то:ру. *Хифукусё:-э* каёу *нибася-га* то:ру. *Мисэ-но то-га хитоцу-дзуцу* аку. *Дзибун-но* иру *тэйрю:дзё:-нимо, мо: нисаннин, хито-га татта. Сорэ-га мина, нэ-но таринасо:на као-о, инкирасику* катадзукэтэ иру. Самуй.

— *Соко-э варибики-но дэнся-га кита* (А, 12/1).

'Когда настал этот день, я, едва успев позавтракать, вылетел из дому. Если ехать на трамвае, то, [чтобы добраться] до вокзала, *не потребуется* и двадцати минут. И хотя [я] думаю так, сердце отчего-то *бьется*. Пока [я] стоял перед красным столбом у остановки и *ждал* трамвая, [я был] сам *не свой*.

К сожалению, небо [было] пасмурным. Когда *заревели* заводские гудки, *показалось*, будто серый туман дрогнул, собираясь выпасть изморосью и дождем. По эстакаде железной дороги под этим хмурым небом *проходят* поезда. *Проезжают* подводы, *направляющиеся* на склад одежды. Одна за другой *открываются* лавки. И на остановке, где я *стоял*, появилось уже несколько человек. У всех (букв. все они *имеют*) угрюмый, невыспавшийся вид. *Холодно*.

Тут подошел трамвай с удешевленным проездом [4]'.

И в этом отрывке все действия, состояния и качества, не прекратившиеся до начала следующих упомянутых, передаются формами непредшествующего времени не только глаголов, но и прилагательных (*самуй* и *кумоттэ иру*).

Фунэ-га гэнкай-ни какару *то до:дзини, мирумиру уми-га арэхадзимэта. Онадзи сэнсицу-ни ататта Масугикун-то, дзё:кампан-но то:ису-ни коси-о* какэтэ иру *то, гэнсоку-ни* буккару *нами-но сибуки-га, токидоки атама-но уэ-эмо фурикакаттэ* куру. *Уми-ва мотирон массирони наттэ, соко-га го:го:* ниэкаэттэ иру. *Соно муко:ни докока-но сима-но кагэ-га, бонъяри укандэ кита то омоттара, сорэ-ва Кю:сю:-но хондо-датта. Га, фунэ-ни* нарэтэ иру *Масугикун-ва, макитабако-но кэмури-о хакидасинагара, икко: ёваттарасий кэсики-мо* мисэнай (А, 481/1—2) 'Как только пароход *вышел* в открытое море, вол-

[4] В Японии трамвайный билет в ранние часы стоит дешевле.

ны стали заметно выше. Когда я вместе с Масуги, который попал в одиу каюту со мной, *сидел* в плетеных креслах на верхней палубе, брызги от волн, *ударяющих* в борт, время от времени *попадали* [нам] прямо в лицо. Море стало совершенно белым, в его глубинах что-то бурлило и *клокотало*. Перед нами появились смутные очертания какого-то острова. Это оказался остров Кюусюу. *Привыкший* к морю Масуги спокойно дымил папиросой; судя по его виду, его не укачало (букв. *не подает* и виду, будто укачало)'. Здесь за основу различения времен взято время первого действия. Все одновременные действия обозначаются формой на *-у*. Форма *нарэтэ иру* 'привыкший' имеет перфектный оттенок значения.

Сорэкара футацуки-ходо татта ноти-дэ ару. *Ару нагаамэно цудзуйта ё, Хэйтю:-ва хитори хонъин-но Дзидзю:-но цубонэ-э синондэ итта. Амэ-ва ёдзора-га* токэотиру *ё:ни, сусамадзий хибики-о татэтэ иру. Мити-ва дэйнэй то* ю: *ёримо, о:мидзу-га дэта но-то кавари-ва* най. *Конна бан-ни вадзавадза дэкакэтэ юкэба, шкура цурэнай Дзидзю:-дэмо, аварэни омоунова то:дзэн-дэ ару, — ко: кангаэта Хэйтю:-ва, цубонэ-но кути-э* укагаиёру *то, гин-о хатта о:ги-о нарасинагара, аннай-о* коу *ё:ни сэкибараи-о сита* (А, 269/3) 'Это [было] *после того, как* прошло примерно два месяца. В ту ночь, когда Хэйтюу отправился тайком к покоям Дзидзюу в главном здании, непрерывно лил дождь. Дождь *поднимал* такой шум, [что казалось] будто небо *расплавилось и низвергается* [вниз]. Дорога [была] мало *сказать* грязной, — [она] *не* отличалась от [дороги] во время наводнения. Если [он] идет в такой вечер, то даже Дзидзюу, как бы она ни была бессердечна, конечно пожалеет его, — подумал Хэйтюу, когда *дошел* до входа в помещение, и, треща отделанным серебром веером, кашляиул, как бы *прося* разрешения войти'. Здесь комментария требует форма *цудзуйта ё* 'ночь, когда продолжал [идти дождь]'. Казалось бы, действия одиовременны (дождь продолжался и в то время, когда Хэйтюу шел) и можно было бы применить форму на *-тэ иру*: *цудзуйтэ иру ё*. Однако в таком случае не было бы оттенка предшествования начала, который придает форма на *-та*.

Карэкорэ ситихатинэм-мо маэнимо наро: *ка. Тё:до сангацу-но гэдзюн-дэ, мо: соросоро Киёмидзу-но хитоэдзакура-га сакисо:на — то иттэ-мо, мада мидзюрэ-мадзири-но амэ-га* фуру, *ару самуса-но кибисий ёру-но* кото-дэ ару. *То:дзи дайгакуно гакусэй-датта Хоммасан-ва, гого-кудзи-нампунка-ни Кё:-то-о хасситэ кю:ко:-но ноборирэсся-но сёкудо:-дэ, сиробудо:-сю-но коппу-о маэни синагара бонъяри М. С. С.-но кэмури-о фукаситэ ита. Сакки Маибара-о то:рикосита кара, мо: Гифукэн-но сакаи-ни* тикадзуйтэ иру-*но-ни со:и* най. *Гарасумадокара сото-о* миру *то, доко-мо итимэн-ни* маккура-дэ ару. *Токидоки тиисай хи-но хикари-га* нагарэру *ё:ни* то:рисугиру *га,*

сорэ-мо то:ку-но иэ-но акари-да *ка, кися-но энтоцу-кара* дэру хибана-да ка хандзэн-синай. *Соно нака-дэ тада, мадо-о* татаку, *ко:рикакатта амэ-но ото-га, со:дзо:сий сярин-но ото-ни тантё:на хибики-о* каваситэ иру.

Хоммасан-ва, иссю:кан-бакари маэ-кара сюнкикю:ка-о риё:-ситэ, Исин-дзэнго-но сирё:-о кэнкю:-катагата, хиторидэ Кё:то-э асоби-ни кита. Га, китэ миру *то,* сирабэтай *кото-мо фуэтэ курэба, иттэ* митай *токоро-мо ироиро* ару. *Соко-дэ наника то исогасий* омои-о ситэ иру *утини, ицука кю:ка-мо нокорисукуна-ни натта. Сингакки-но ко:ги-но* хадзимару-*но-нимо, мо: амари дзикан-ва* най. *Со:* омоу *то ... бэмбэнто Хигасияма-о нагамэтэ, хи-о* кураситэ иру-*нова, ки-га* тогамэру. *Хоммасан-ва то:то: омоикиттэ, амэ-га* фуру-*нони нигосираэ-га* дэкиру *то, тавараяно гэнкан-кара курума-о каттэ, сэйфукусэйбо:-но каигаисий сугата-о, ситидзё:-но тэйсядзё:-э* хакобасэру *кото-ни сита* (А, 123/2—3)

'[Это] произошло, *вероятно,* лет семь-восемь назад *в* одну страшно холодную ночь. Был конец марта, в Киёмидзу будто уже понемногу зацветали вишни, однако еще *шел* дождь вперемешку со снегом. Г-н Хомма, тогда еще студент университета, выехав из Кёото вечером, в 9 часов с минутами, лениво курил в вагоне-ресторане скорого поезда, держа перед собой стакан белого вина. Только что проехали Маибара, так что, *наверное, приближались* уже к границе префектуры Гифу. [Он] *смотрел* в окно, и повсюду [было] *темно.* Время от времени *мелькали* маленькие огоньки; [было] *неясно,* что это: *свет* в домах вдалеке или *искры, вылетающие* из трубы паровоза. И только монотонная мелодия дождевых капель, *стучащих* в окно, *примешивалась* к беспокойному стуку колес.

Г-н Хомма с неделю тому назад, воспользовавшись весенними каникулами, приехал в Кёото отдохнуть и попутно изучить исторические материалы периода реставрации. Но когда [он] *осмотрелся,* [оказалось, что он] *хотел* [бы] *изучить* слишком многое, и что мест, куда [он] *хотел* [бы] *сходить,* [было] тоже слишком много. Пока [он] *думал,* чем же заняться, каникулы незаметно подошли к концу, и до *начала* нового семестра *оставалось* уже мало времени. Когда [он] *думал* об этом, то ... *упрекал* себя за то, что праздно *проводит* дни, созерцая Восточную гору. Г-н Хомма, наконец, решился [уехать]. И когда багаж [был] *упакован,* нанял, несмотря на то, что *шел* дождь, рикшу у дверей магазина, где продаются соломенные мешки, и приказал *везти* на вокзал свою щеголеватую особу в форме и соломенной фуражке'.

В первом абзаце за основу временных отношений принят момент, когда Хомма сидел в вагоне-ресторане, а поезд проехал Маибара. Вот почему в первом предложении абзаца употреблена форма непредшествующего времени вероятного наклонения *наро:* вместо *наттаро:,* как ожидалось бы с точ-

ки зрения момента речи. Связка в форме на *-та* в *гакусэйдатта Хомма* 'Хомма, тогда еще студент' обозначает предшествование начала: Хомма был студентом не только во время своей поездки, но и задолго до этого. Несомненно, что в речи о прошлом приложение может соединяться со словом, к которому оно относится, и связкой *-дэ ару*. Но в данном случае по существу рассказа важно было подчеркнуть, что Хомма был студентом и раньше. *Фукаситэ ита* 'дымил', 'курил' стоит в форме на *-та,* во-первых, потому, что рассказ начинается с момента, когда Хомма уже сидел в вагоне-ресторане, а во-вторых, потому, что он пришел в вагон-ресторан до того, как поезд проехал Маибара, о чем говорит следующий глагол.

Во втором абзаце рассказывается о происшедшем за неделю до событий, о которых говорилось в первом абзаце. В японском языке в таких случаях обязательно употребление формы предшествующего времени.

Однако надо отметить, что изредка первое действие, хотя и окончилось задолго до начала второго, все же может быть выражено формой на *-у: Соно тоси-но сигацу-ни орэ-ва ару сирицу-но тю:гакко:-о* соцугё:-суру. *Рокугацу-ни ани-ва сё:гё:-гакко:-о соцугё:-сита* (Н, 94/1) 'В апреле того года я окончил (букв. *оканчиваю*) частную среднюю школу, а старший брат окончил торговую школу в июне'. Такое применение формы на *-у* в речи о прошлом нельзя считать относительным, так как здесь речь идет не о последовательных действиях, совершавшихся непосредственно одно за другим, а о действиях, между которыми был промежуток, что указано лексически. Таким образом, форма на *-у* не обладает в данном случае значением одновременности. Не является это употребление формы на *-у* и абсолютным: поскольку речь идет о прошлом, здесь должна была бы стоять форма на *-та.* И. В. Головнин дает такое объяснение этому примеру: «Объективно прошлое действие в рассказе о прошлом передано формой настоящего-будущего. Этим достигнута особая подчеркнутость действия, сделано выделение его из среды других, оттенено сосредоточение на нем внимания. Этим указано на актуальность данного акта для говорящего и по сей день (не случайно глагол в этой форме передает собственное действие говорящего, действие, которое непосредственно вплетено в канву рассказа. То же самое действие, но совершенное не первым лицом и менее важное для рассказа и рассказчика, передано формой прошедшего)» [30, 150]. Думается, такое объяснение нельзя признать правильным. Из дальнейшего рассказа явствует, что действие, совершенное третьим лицом, имело важное значение для первого: старший брат рассказчика устроился на работу в другой город, и последнему в связи с этим пришлось также перестроить свою жизнь. Ни-

какого особого подчеркивания сказуемого в форме на *-у* здесь нет. Неубедительно и утверждение, что форма на *-у* «не случайно передает собственное действие говорящего». Если бы различие в употреблении временных форм зависело от лица субъекта, то такой пример не мог бы быть единичным. Однако И. В. Головнин других подобных примеров не приводит; не удалось найти их и мне. Значит, объяснение данному случаю надо искать в чем-то другом. Думается, форма на *-у* показывает здесь одинаковую важность обоих действий, что нередко выражает и вторая основа в функции неокончательного сказуемого (ср. высказывания Рамстедта о корейских деепричастиях, приведенные в третьей главе). Разумеется, в этом предложении вполне можно было бы поставить и форму на *-та*. Следовательно, этот случай можно расценивать и как применение исторического настоящего при лексическом выражении временного отношения между действиями.

Особым вопросом является вопрос о временах глаголов речи и мысли. В русских сказках эти глаголы большей частью стоят в настоящем времени. Так, в сказке № 225 (Аф., II, 205—208) перед прямой речью слово «говорит» употреблено 17 раз, а «сказал», «сказала» — только 3 раза.

В японском языке глаголы речи и мысли следуют обычно после прямой речи. Однако в «Esopono Fabulas» — переводном памятнике, такие глаголы очень часто употребляются перед прямой речью. По-видимому, здесь в какой-то мере сказалось влияние латинского языка. При этом глагол в значении «говорить» перед прямой речью стоит в форме на *-у*, а после прямой речи нередко повторяется еще раз (что соответствует японской норме) в форме на *-та* : *мо:су-ва* + + прямая речь + *то ю:та* (Е, 498). Еще чаще глагол в форме на *-у* стоит и перед прямой речью и после нее; получается конструкция типа *ю:-ва* + прямая речь + *то ю:* (Е, 490). Употребление формы на *-у* перед прямой речью объясняется тем, что действие, выраженное глаголом со значением «говорит», не предшествует моменту произнесения слов, составляющих прямую речь, так как то и другое по существу одно и то же действие. Однако не совсем ясно, почему после прямой речи может идти форма на *-у*, ведь здесь явное предшествование. Очевидно, автор, применяя форму на *-у*, дает этим понять, что между первой репликой и ответом не было никакого промежутка. Так можно сказать и в современном языке.

§ 5. «Историческое настоящее»

Нельзя называть историческим настоящим, как это обычно делается, настоящее время со значением одновременности в речи о прошлом. Вслед за Н. С. Поспеловым я отношу

к историческому настоящему только такие формы настоящего (а в японском — непредшествующего) времени, которые обозначают действия, совершенные ранее следующих упоминаемых.

С этой точки зрения многие случаи употребления настоящего времени в речи о прошлом, относимые проф. П. С. Кузнецовым к историческому настоящему, являются относительным употреблением настоящего времени в значении одновременности, что принципиально допускает и сам П. С. Кузнецов: «...время его может выступать как относительное время, причем настоящее время может указывать (как это обычно бывает в русском языке в придаточных дополнительных предложениях, подчиненных с помощью союза) просто на одновременность действия придаточного предложения с действием главного...» [69, 30]. Однако относительное употребление времен существует в русском языке не только в придаточных дополнительных предложениях. Нельзя согласиться с мнением П. С. Кузнецова, что явный praesens historicum наблюдается в приводимых им примерах из произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова:

«*Смотрю:* вечером мой приказчик *возвращается* бледен, оборван и пеш...»;

«С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и *вижу*: матушка *встречает* меня на крыльце с видом глубокого огорчения...»;

И пышный пир как будто *дремлет*,
Безмолвны гости. Хор *молчит*,
И вновь она чело *подъемлет*
И с ясным видом *говорит*;

«Я проворно соскочил, *хочу* поднять его, *дергаю* за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох...» [см. 69, 30—33]. В последнем отрывке следовало бы выделить и слово «напрасно» (ср. «все *было напрасно*»). Слова «хочу», «дергаю» и «напрасно» обозначают здесь одновременность и вовсе не относятся к историческому настоящему.

Интересно замечание П. С. Кузнецова, что praesens historicum выражает «больше чувство, чем мысль» [69, 33]. В примере из «Героя нашего времени» действительно есть дополнительный эмоциональный оттенок. Но такое дополнительное выражение чувства совсем не обязательно для исторического настоящего.

Следует отметить, что историческое настоящее всегда может быть заменено формой прошедшего времени, смысл предложения от этого не изменится. Проверим это положение на материалах японского языка.

Ото:то-га, то:ку-кара боку-о мицукэтэ,
— *Ни:тян!* — то, о:ёрокоби-дэ ару.
— *Тадаима,* — *то иттэ, боку-ва кабан-о* оросу (Т, VI, 21)
'Младший брат, увидев меня издали, [закричал:]
— Братец! — [он был] *очень рад.*
— А вот и я! — сказал я и *опустил* сумку'.

Употребление связки непредшествующего времени *-дэ ару* является относительным, так как первое действие продолжается и во время второго. Однако форму *оросу* (букв. 'опускаю') в данном случае нельзя считать нормой, здесь можно было бы сказать и *оросита* 'опустил'.

Историческое настоящее особенно часто встречается в текстах описательного характера, повествующих о действиях постоянных, повторяющихся регулярно:

То:кайдо:-хонсэн-но кударирэсся-ва, То:кё:эки-о сюппацуси, *То:кё:ван-ни соттэ Ёкохама-ни* итари, *сарани, Сагамиван-о хидари-ни минагара, ниси-э, ниси-э то сусундэ, Одавара-ни* цуку.

Сорэ-кара сибараку-ва, кэвасий ямасусо-о, яхари уми-ни соттэ хасиру. Кайдзё:-нива, Хацусима я О:сима-га укандэ итэ, дзицу-ни уцукусий фу:кэй-да. Сикаси, коно нагамэ-мо, Атамимадэ-дэ ару.

Атамиэки-о хасся-суру яиная, рэсся-ва ю:мэйна Танна-тоннэру-ни хаиру.

Коно тоннэру-о нукэру то, ягатэ, миги-ни, Фудзисан-но ю:-дайна сугата, хидари-нива, Тагоноура-но нодокана кэсики-га тэнкай-суру. Коно атари-кара, Сидзуока-о хэтэ О:игава-о ватару-мадэно иттай-ва, тя-то микан-но санти-дэ ару. Кисэцуни ёттэ-ва, уцукусику натта микан-га, рэсся-но мадо тикакуни миэру кото-мо ару.

Тэнрю:гава-о коэру то, мамонаку, Хаманако-но нагай тэккё:-ни сасикакару. Коно атари-га То:кё: то О:сака-но хобо тю:о:-ни атару.

Тоёхаси-о сугита ато, рёкаку-ва, футатаби мидзуумирасий моно-о хаккэн-суру. Дага, корэ-ва, мидзууми-дэва накутэ, Ацумиван-дэ ару. Саю:-кара цукидэта футацу-но ханто:-ни идакарэтэ иру уми-ва, мидзууми-но ё:ни сидзука-дэ ару. Хиробирото-сита хэйя-о сэйхоку-ни сусундэ юку то, Нагоя-ни цуку. Коко-ва сё:ко:гё:-га сакандэ, Тю:бу-Нихон-но дайхё:-тэки тоси-дэ ару. Тада, осий кото-ни, ю:мэйна Нагоядзё:-ва, сэнсай-дэ сё:сицу-си, *има-ва мо: миру кото-га дэкинай.*

Нихонрайн-но на-дэ фу:ко:-о утаварэтэ иру Кисогава-о ватари, *сибараку-ситэ хидари-ни орэ, ниси-э сусуму то, ё:яку хэйя-га цукитэ, нобори-ни нару.*

Коно атари-ва Сэкигахара-но косэндзё:-дэ ару га, коно ко:ти-о кудару то, ягатэ Маибараэки-дэ ару. Хокурикутихо:-э юку Хокурикухонсэн-га, коко-кара кита-э хаситтэ иру.

Мигини, то:ку тикаку Бивако-о нодзомицуцу сэйнан-ни

сусуми, Сэтагава-о ватару то, О:цу-дэ ару. Соситэ, коко-кара яма хитоцу коэта токорони, Кё:тобонти-га ару...

Кё:тоэки-о ато-ни суру то, рэсся-ва Ёдогавадзои-но хэйти-о сэйнан-ни хасиру. Нампо:-нива, Икомаяма-га собиэтэ иру...

Ягатэ, рэсся-ва Син-Ёдогава-но тэккё:-о ватари, *О:сака-ни цуку* (Кокуго, 5[1], 26—32).

'Поезд, *выходящий* из Токио, идет по магистральной линии Токайдоо вдоль Токийского залива и *подходит* к Йокохама; затем, оставляя слева залив Сагами, движется все время на запад и *прибывает* в Одавара.

Потом в течение некоторого времени [он] мчится вдоль моря по крутым горным склонам. На море [словно] плавают острова Хацусима и Оосима,— вид действительно красивый. Этот пейзаж простирается до Атами.

Как только станция Атами остается позади, поезд *входит* в знаменитый туннель Танна.

Когда [поезд] выходит из этого туннеля, справа развертывается величественный вид на гору Фудзияма, а слева — спокойная гладь бухты Тагоноура. Здесь повсюду — и в Сидзуока, и далее, вплоть до переправы через Ооигава — разводят чай и мандарины. Иногда из окон поезда видны красивые зрелые мандарины, растущие совсем близко.

После того, как поезд переезжает реку Тэнрюу, он приближается вскоре к длинному металлическму мосту через озеро Хаманако. Эта местность лежит почти на полпути от Токио до Оосака.

После того, как пассажиры проедут Тоёхаси, [они] снова замечают что-то похожее на озеро. Однако это не озеро, а залив Ацуми. Море, зажатое слева и справа двумя выдающимися вперед полуостровами, спокойно, как озеро. Продвинувшись на северо-запад по широкой равнине, прибываем в Нагоя. Здесь процветает торговля и промышленность, [это] крупнейший город центральной Японии. Только, к сожалению, теперь уже нельзя видеть знаменитый замок Нагоя, который сгорел во время войны.

Перейдя через реку Кисо, называемую за ее красоты японским Рейном, [дорога] через некоторое время поворачивает налево и идет на запад; наконец долина кончается и начинается подъем.

Эта местность — Сэкигахара; здесь в старину произошла знаменитая битва; а если спуститься с этой возвышенности, скоро будет станция Маибара. Магистральная линия Хокурику направляется отсюда на север, в район Хокурику.

Видя справа от себя то вдали, то вблизи, озеро Бива, продвигаемся на юго-запад; когда переезжаем через речку Сэтагава, видим уже Ооцу. А как только перевалим через гору, будет равнина Киото...

Когда поезд оставляет позади станцию Киото, он мчится

на юго-запад по долине вдоль реки Ёдогава. На юге возвышается гора Икома...

Скоро поезд *переезжает* новый железнодорожный мост через реку Ёдогава и прибывает в Оосака'.

Несмотря на то, что в тексте говорится о многих действиях, следующих одно за другим, в нем очень немного примеров применения исторического настоящего. К ним надо отнести и бессуффиксальные формы глаголов в функции срединного сказуемого. Нельзя, по моему мнению, причислять к историческому настоящему формы на *-у*, стоящие в тех позициях, где форма на *-та* вообще невозможна: перед союзами *то* и *яиная*.

В этом тексте встречаются и формы предшествующего времени с перфектным оттенком значения; они выражают ранее совершенные действия: *цукидэта* 'выдающиеся вперед (букв. выдавшиеся) полуострова', *натта* 'зрелые', 'созревшие' (плоды), но: *хиробирото сита* 'широкая' — отглагольное прилагательное в форме непредшествующего времени (см. восьмую главу, § 9). В двух случаях форма на *-та* выражает действия, связанные с движением поезда: *сугита ато* 'после того, как переехал' (перед *ато* форма на *-у* невозможна) и *коэта токорони* 'когда перевалим'. На предшествование указывают и срединные формы: *цукитэ* букв. 'окончившись' (о долине), *сусундэ* 'двигаясь'.

Особенностью данного текста является то, что здесь нет определенного момента, принятого за основу временных отношений, так как речь не идет о конкретном путешествии, совершенном в определенное время (ср. отрывок из новеллы Акутагава, приведенный в § 4). Ряд действий, для выражения которых применены формы непредшествующего времени, являются постоянными. Как же следует трактовать случаи употребления исторического настоящего?

«Вполне соглашаясь с тем, что praesens historicum, транспонируя настоящее время в план прошлого, оказывается релативной формой употребления глагольного времени, можно усомниться, что и „всевременное" настоящее тоже релативно...» [94, 20], — пишет Н. С. Поспелов. По-видимому, акад. А. Велич и проф. Н. С. Поспелов готовы считать историческое настоящее релятивным потому, что оно не является абсолютным, не ориентировано на момент речи. Если это время ориентировано на какой-либо иной момент в прошлом (например на момент совершения следующего упоминаемого действия) и выражает одновременность с этим моментом, тогда оно действительно будет относительным временем. Но вряд ли имеет смысл называть такие формы историческим настоящим. Для японского языка с его относительными временами эти случаи вообще не являются чем-то необычным. Однако употребление формы на *-у* или срединной формы для

обозначения действия, фактически предшествующего следующему упоминаемому, нельзя считать ни абсолютным, ни относительным. Даже лексическое указание на время совершения действия не делает подобные предложения временными, так как обстоятельства времени указывают на момент объективного времени, а временные формы спрягаемых частей речи — на временные отношения. Но как раз на временные отношения не указывают ни глаголы в историческом настоящем, ни глаголы, обозначающие всевременные процессы. При употреблении исторического настоящего момент, о котором идет речь, и момент совершеиия действия, выраженного глаголом, совмещаются. В этом не было бы ничего удивительного, если бы при переходе к следующему упоминаемому действию говорящий продолжал ориентировать его на предшествующее действие. Однако в примерах с историческим настоящим момент, о котором идет речь, снова сдвигается и покрывает собой момент совершения второго действия.

На историческом настоящем останавливается и И. В. Головнин: «Переносно-модальное значение (настоящее-историческое). Оно имеет место тогда, когда данная форма употребляется в рассказе о прошлом, когда она применяется для наглядной передачи прошлого, для целостного изображения параллельных или последовательных, но тесно объединяемых между собой по смыслу, действий. Например: *Ватаси-ва дзю:дзи горо гуссури нэконда-н-дэс га. Футо мэ-о самасу то* унаригоэ-га-суру. *„Курусий, курусий" то йу:* коэ-га-суру. (Таяма Катай, Иппэйсоцу, 82) 'В 10 часов я быстро заснул. Неожиданно просыпаюсь, — слышу *стонут:* „Тяжко, тяжко", — *раздается голос'*.

Иногда эта форма может становиться основной формой повествования. Однако в рассказах такого рода всегда, или почти всегда, присутствуют формы прошедшего, которые в таком случае обозначают либо действия, завершившиеся в тот момент (правильнее — к тому моменту.— *Н. С.*), о котором рассказывается, либо состояния как результат ранее выполненных действий, наличествующие в тот момент, о котором повествуется.

В таком виде рассказа формы прошедшего времени двигают события и говорят как бы о возвращении автора от „живописания" непосредственно к канве рассказа. Тем самым подчеркивается непрямое употребление формы настояще-будущего. Например: *Мадо-кара сото-о* нагамэру. *Сё:ни-га тама-о нагэтэ* асондэ иру. *Карэра-ва такаку тама-о ку:тю:-ни* нагэуцу. *Тама-ва уэ-э уэ-э-то* нобору. *Сибараку суру то* отитэ куру. *Карэра-ва мата тама-о такаку* нагэуцу (Нацумэ, Вагахай..., 61) '*Смотрю* из окна на улицу. Там *играют* с мячом дети. Вот они *бросают* его высоко в небо. Мяч *поднимается*

все выше и выше. Потом он *падает*. Они снова *бросают* его высоко'. О параллельном осуществлении этих действий здесь, конечно, не может быть и речи» [32, 90—91].

Видимо, И. В. Головнин не уловил относительного характера времен в конструкциях типа «вижу идет». Между тем в первом примере говорится о том, что слышит рассказчик, а во втором — о том, что он видит. Поэтому к а ж д о е из перечисленных во втором отрывке действий одновременно не только действию *нагамэру* 'смотрю', но и действию *асондэ иру* 'играют'. Остальные глаголы являются только уточнением. Возможно, что в выборе формы на *-у* какую-то роль играет и многократность этих действий. Но все же *нагэуцу, нобору, отитэ куру* можно считать примерами употребления исторического настоящего, так как эти формы обозначают не одновременные действия, а последовательные. Возникает вопрос: нельзя ли в подобных контекстах считать историческим настоящим, как это делает И. В. Головнин, все формы на *-у* в речи о прошлом в главных предложениях. Может быть, и формы, обозначающие одновременность, употребленные вместе с такими же формами, относящимися к явно предшествующим действиям, теряют временное значение вообще, поскольку не участвуют уже в дифференциации действий по временному признаку?

Вопрос этот сложен и связан с восприятием языка самими его носителями. Однако можно заметить, что историческое настоящее — это не грамматическое, а только стилистическое явление. Применение формы исторического настоящего не является грамматической нормой, она всегда может быть заменена формой предшествующего времени. Кроме того, в целом ряде текстов историческое настоящее не встречается. Поэтому не следует переоценивать роль исторического настоящего в японском языке, имеющем систему относительных времен.

Надо остановиться и на вопросе о модальности исторического настоящего. Не имеет ли оно особого модального значения, несмотря на то, что выражается формами изъявительного наклонения? И. В. Головнин полагает, что относительное использование формы на *-у* в главном предложении в речи о прошлом «дает модально-стилистический эффект: усиливает экспрессию, действия минувшие, объективно прошлые, реально уже не существующие как бы снова вырываются из этого прошлого, из небытия, в которое они уже ушли, и преподносятся как настоящие, т. е. как реальные, осуществляющиеся, происходящие словно на глазах говорящего в момент говорения о них. Это придает живость изображению, разнообразит рассказ, меньше утомляет читателя и т. д.» [30, 148].

Я не согласен с тем, что форма на *-у* в речи о прошлом

«усиливает экспрессию». Форма на *-у* в речи о прошлом употребляется так часто и притом с древнейших времен, что если она и имела когда-либо оттенок экспрессии, то со временем его утратила. В частности, в старояпонском языке при наличии в предложении восклицательных и вопросительных частиц *зо, я, ка* конечное сказуемое принимало определительную форму. В ту эпоху, вероятно, определительная форма в функции конечного сказуемого могла иметь больший оттенок экспрессии, чем заключительная. Но когда все заключительные формы были вытеснены определительными, этот оттенок у формы на *-у* в позиции конечного сказуемого должен был исчезнуть.

По моему мнению, неверно и утверждение И. В. Головнина о том, что прошлые действия, выраженные формой на *-у*, «преподносятся как настоящие». Замечу также, что я не согласен и с мнением И. С. Поспелова, который придерживается прямо противоположной точки зрения: «Особый модальный характер употребления настоящего времени в историческом значении выражается в том, что здесь глагольное действие, отнесенное в план прошлого, рассматривается как уже не наличное» [96, 296].

Формы изъявительного наклонения всех времен имеют о д н о модальное значение — указание на реальный характер процесса. Это модальное значение изъявительного наклонения полностью сохраняется и в речи о прошлом, независимо от того, формами какого времени обозначаются объективно прошлые действия. Если при использовании исторического настоящего что-либо и меняется, то меняется именно в р е м е н н о е значение формы, поскольку исчезает указание на временное отношение. Получаются предложения, а иногда и целые отрывки текста, напоминающие те, которые можно найти в языках, не имеющих грамматических времен. В этих языках кроме указаний на дату совершения действия есть, разумеется, и лексические способы обозначения временных отношений между самими действиями и состояниями, о которых говорится (слова со значениями «потом», «до», «одновременно с этим» и т. д.). Такие же слова употребляются и в отрывках с историческим настоящим в языках с развитой системой времен, в том числе как в русском, так и в японском.

Таким образом, при употреблении исторического настоящего (а в русском языке и при употреблении в речи о прошлом форм будущего времени совершенного вида) временные формы т е р я ю т с в о е в р е м е н н о е з н а ч е н и е. Модальное и видовое значения формы при этом полностью сохраняются [подробнее см. 122, 215—218].

Никакой особой «переносности», «образности» историческое настоящее не выражает. Что касается экспрессивности,

то она зависит от смысла всего высказывания, от ситуации, о которой говорится, а не от самой формы настоящего времени.

§ 6. Временные формы сказуемых главных предложений перед *то, то до:дзини*, начинающими следующее предложение (в речи о прошлом)

В главе пятой были выяснены законы употребления временных форм перед союзными элементами, заканчивающими придаточное предложение. Однако в современном языке нередки случаи, когда союз типа *то* или союзное речение типа *то до:дзини* употребляется в речи после паузы, иначе говоря, оказывается в начале, а не в конце предложения. Предложение, предшествующее этим союзным элементам, тем самым перестает быть придаточным. Перед нами уже два равноправных главных предложения; в начале второго из них стоит *то* или *то до:дзини*. Меняются ли в таком случае правила употребления временных форм перед *то* и *то до:дзини*? В литературе по японской грамматике этот вопрос даже не ставится. Его постановке мешало изучение времен лишь в составе отдельно взятого предложения.

А между тем решение этого вопроса помогло бы выяснить, есть ли разница в употреблении временных форм в главном и придаточном предложениях. А если есть, то в чем она выражается?

Приведу ряд примеров с союзом *то* после заключительной паузы, обозначаемой на письме точкой:

Со:ситэ, «кийта токородэ сиката-га най.» то омоикаэсита.

То, *кадогути-ни нани-яра ковадакани сябэру коэ-га кикоэта* (И, 115/1)

'«Ничего не остается, как спросить», — *подумала* [она].

Тут у входа послышался голос [человека, который] что-то громко произнес'.

Томиэ-ва усугурай иэ-но нака-э хайттэ итта.

То, *Синго-ва кю:ни торисумасита као-о ситэ о:матани арукидасита...* (И, 108/2)

'Томиэ *вошла* в полутемный дом.

Тогда Синго, быстро приняв серьезный вид, зашагал большими шагами...'.

«Киёко-ва донна као-о суру-даро:?» — тою: ко:кисин-га окотта. То,

«Ватаси-ва ано, аната-но о-котоба хитоцу-дэ...» то иттэ дзитто хитоми-о суэта Киёко-но као-га мэ-ни уканда (И, 108—109)

'«Какое же выражение лица будет у Киёко?» — с любопытством *подумал* [он].

Тогда в его глазах всплыло лицо Киёко, когда она, ска-

зав — «По одному вашему слову я...», пристально взглянула на него'.

Дэси-ва... хэя-но суми-но яридо-но сусо-э, идзукуматтэ симаимасита. То *соно хё:сини, Ёсихидэ-мо нанияра аватэта ё:на коэ-о агэтэ, татиагатта кэсики-дэ годзаимасита...* (А, 114/1—2) 'Ученик... *бросился* в угол комнаты около раздвижной двери. *Тогда* и Ёсихидэ, почему-то испуганно вскрикнув, вскочил...'.

В последнем примере, как и в приведенных выше, перед точкой стоит глагол в форме на *-та*. Одиако когда тот же глагол (*идзукумару*), выражая то же действие того же лица, повторяется перед союзным словом в составе о д н о г о предложения, он употребляется в форме на *-у* : *О:ката корэ-ва дэси-га* идзукумару хё:сини, *сокони атта цубо-о хиккурикаэситэ, соно нака-но хэби-га хаидасита-но-о, мимидзуку-га намадзиини цукамикакаро: то сита бакарини, то:то: ко:ю: о:савагига хадзиматта-но дэ годзаимасё:* (А, 114/2) 'Вероятно, *когда* ученик бросился [в угол, он] опрокинул находившийся там горшок, змея выползла оттуда и сова бросилась на нее; поэтому-то и начался такой переполох'.

В предыдущих примерах, где форма на *-та* предшествует разделительной паузе, за которой следует союз *то,* форма на *-та* оказалась возможной потому, что действие, обозначаемое глаголом в этой форме, заканчивается до начала действия, о котором говорится в следующем предложении. Значит, применение в данном случае формы на *-та* перед союзом *то* не противоречит основному значению этой формы — предшествованию. Следует отметить, что пауза п о с л е союза *то* (обозначаемая на письме запятой) обычно сохраняется даже тогда, когда *то* отделяется от предшествующего предложения точкой.

По-видимому, союз *то* после разделительной паузы может иметь только временное, а не условно-временное значение.

В тех случаях, когда действие, выраженное сказуемым главного предложения, стоящим перед *то,* не заканчивается к началу следующего упоминаемого действия, а продолжается и во время его совершения, перед *то* употребляется форма на *-у* :

Сакки-мадэ хо:ки-о моттэ самаёттэ ита, тоситотта кодзукаи-мо докока-ни иттэ симаттэ, суми-но хо:-нива ринка-но нивatори-га самба, саку-о кугуттэ китэ тёкотёко асоби маваттэ иру.

То, *мон-кара цукиатари-но гэнкан-га айтэ, дзёкё:си-но Хината Тиэко-ва патто акаруй нака-э дэтэ кита* (И, 105/3)

'Пожилой слуга, который до сих пор бродил тут с метлой, куда-то ушел, а в углу [двора] *разгуливают* три курицы из соседнего двора, пролезшие под оградой.

Тут открылась дверь в конце палисадника, и учительница Хината Тиэко быстро вышла на освещенный двор'.

Нередко конечное сказуемое главного предложения употребляется в форме на *-та* перед разделительной паузой, обозначаемой на письме точкой, за которой следует союзное речение *то до:дзини,* начинающее следующее предложение: *Кампу — со:ю: ки-га, орэ-ва сугуни* сита. То до:дзини *сицубо:-ни нита кокоромоти-га, кю:ни орэ-но мокуроми-но осоросиса-о, орэ-но мэ-но маэ-э хирогэтэ мисэта* (А, 71/2) 'Прелюбодейка! — вот что сразу же *пришло* мне в голову. И *в то же время* чувство, похожее на отчаяние, побудило меня в один миг представить себе [весь] ужас задуманного мною'; *Дзю:сан-ё-но комусумэ-га хитори, аватадасику нака-э* хайттэ кита. То до:дзини *хитоцудзусирито юрэтэ, омомурони кися-ва угокидасита* (А, 131/2) 'Девочка лет тринадцати-четырнадцати поспешно *вошла* в вагон. *И в это время* поезд, слегка качнувшись, медленно тронулся'; *Канодзё-нива сикаси ки-но сэй ка, соно кэйкайна хинику-но усиро-ни, наника има-мадэ-но итоко-нива най сабисисо:на сутэбати-но тё:си-га хисондэ иру ё:ни* омоварэта. То до:дзини *со: омоу кото-га, усиромэтай ё:на ки-мо синай-дэва накатта* (А, 177/2—3) 'Ей, однако, *казалось,* — может это была фантазия, — что за этой веселой иронией кроется настроение какой-то сиротливости, которого раньше у двоюродного брата не было. *И в то же время* [она] думала об этом не без угрызений совести'. (См. также А, 290/1, 356/1.)

Нередко форма на *-та* встречается перед разделительной паузой, обозначенной на письме точкой, за которой следует просто *до:дзини.* В таких случаях *до:дзини* следует считать не союзным речением, а обстоятельством времени: *Соно аидани сора-ва мидзу-но ё:ни* натта. До:дзини *отикоти-но каба-но мики-га, сорэ-дакэ сиродзирото миэру ё:ни натта* (А, 187/1) 'За этот промежуток времени небо *стало* [прозрачным], как вода. *В то же время* повсюду забелели стволы берез' (см. также А, 259/1).

Разумеется, перед точкой, за которой следует *до:дзини,* в речи о прошлом встречаются и формы непредшествующего времени: *О-Ё-:ва коно минарэну мати-но арисама-ни нантомо иэнай сабисиса-о сасоварэру то томони, има-мадэ бонъяриситэ иру аидани, оби-но аида-но моно-дэмо торарэ-я синакатта ка то* уротаэ-мо суру. До:дзини *мосия коко-га дзибун-но орирубэки басё-дэва най ка то-мо омоимадоттэ...* (Нагаи, 74/3) 'Вид этой незнакомой улицы навевал на о-Ёо какую-то грусть; и вместе с тем [она была] в *замешательстве:* целы ли вещи, которые были у нее за поясом? *В то же время* она думала — не здесь ли она должна сойти?..'.

Встречается форма на *-у* и перед точкой, за которой следует *то до:дзини* (см., например, А, 238), однако в такой позиции в речи о прошлом форма на *-та* употребляется чаще.

ВЫВОДЫ

1. Употребление формы на *-у* в речи о прошлом не только в определительных предложениях, но и в главных было свойственно еще старояпонскому языку. Следовательно, применение в современном языке форм непредшествующего времени в речи о прошлом в главном предложении имеет глубокие исторические корни.

2. Многие исследователи не находят нужным специально изучать употребление времен в главном предложении, априорно считая это употребление абсолютным. Между тем в современном японском языке в речи о прошлом сказуемое главного предложения неукоснительно принимает форму непредшествующего времени, если выражаемое им действие на каком-то отрезке времени протекало параллельно с действием, выраженным сказуемым следующего предложения.

3. Нередко за основу временных отношений в речи о прошлом принимается какой-то момент или отрезок времени, о котором говорится. В таком случае все действия, закончившиеся до этого момента, обозначаются формами предшествующего времени, остальные — формами непредшествующего.

4. Для установления общего значения форм предшествующего времени, с одной стороны, и форм непредшествующего времени — с другой, особенно показательно употребление форм отрицательного наклонения. Форма на *-най* часто употребляется в речи о прошлом в тех случаях, когда в положительном предложении употребляется форма на *-та*. Это объясняется не какими-либо особенностями форм отрицательного наклонения, а общим значением всех форм непредшествующего времени. Действие, которое не совершалось, не может считаться предшествующим следующему упоминаемому действию и выражаться формой предшествующего времени.

В языках же с абсолютными временами употребление отрицательных временных конструкций, насколько мне известно, не отличается от употребления положительных.

5. Форма отрицательного наклонения предшествующего времени употребляется тогда, когда действие, ранее не совершавшееся, впоследствии все-таки совершилось, или когда период времени, в течение которого оно могло произойти, истек до того момента, о котором идет речь.

6. Материал главы не позволяет согласиться с теми лингвистами, которые усматривают у форм настоящего времени в речи о прошлом какую-либо особую модальность, отличную от изъявительного наклонения, к которому они принадлежат.

7. К историческому настоящему можно отнести только формы настоящего (в японском языке — непредшествующего)

времени в речи о прошлом, обозначающие действия, следующие одно за другим, в особенности разделенные каким-то промежутком времени. Эти формы уже не выражают временного отношения вообще (ни абсолютного, ни относительного). Такое употребление не отличается в сущности от употребления глагольных форм в языках, где грамматических времен нет. Однако в японском языке модальное и видовое значение такие формы полностью сохраняют.

8. Применение исторического настоящего отличается от обычного относительного употребления времен и тем, что оно не является грамматической нормой. Историческое настоящее можно заменить предшествующим временем, смысл высказывания от этого не изменится. Значит, применение форм непредшествующего времени в речи о прошлых, сменявшнх друг друга событиях не вытекает из временного значения этих форм, является вопросом стиля, зависит от самого говорящего. Формы так называемого исторического настоящего вообще не выражают времени.

9. Раздельное изучение употребления времен в различных синтаксических позициях позволило выявить и различия в употреблении временных форм в главных и определительных предложениях. В частности, выяснилось, что: 1) в главных предложениях в речи о будущем форма на *-та* не употребляется, хотя в определительных предложениях и перед союзами и союзными словами употребление формы на *-та* в речи о будущем действии, которое предшествует другому будущему действию (или состоянию), является нормой; 2) в главных предложениях, отделенных от следующих разделительной паузой, обозначаемой на письме точкой, обычно употребляется форма на *-та* в речи о прошлых, сменявших друг друга событиях, даже если следующее предложение начинается с *то, до:дзини* или *то до:дзини*.

Глава восьмая

ПЕРФЕКТНЫЙ И ДЛИТЕЛЬНЫЙ ОТТЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

Раздел I

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С ПЕРФЕКТНЫМ ОТТЕНКОМ ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Вопрос о перфекте в японском языке

Перфектный оттенок значения форм предшествующего времени на *-тэ,* на *-та* и на *-тара* обозначает, что действие закончено (состояние наступило), но результат действия (состояние) сохраняется и в дальнейшем, являясь как бы фоном для последующих событий.

Специальные формы перфекта или перфектные оттенки значения свойственны, как известно, и глаголам индоевропейских языков, в том числе и русскому. Акад. А. А. Шахматов относил к особому времени — перфекту — страдательные причастия (в предикативном употреблении): «Перфект означает действие, осуществившееся в результативной форме к настоящему моменту, осуществленное к моменту речи говорящего: „стол накрыт", „письмо отослано"» [143, 489].

Нередко перфектный оттенок значения имеет в русском языке и форма прошедшего времени на «-л».

О перфекте в японском языке писали уже грамматисты XVII в.: «В японском языке нет имперфекта, поэтому вместо него употребляется перфект, который образуется двумя способами: во-первых, присоединением *та* к глагольному корню, например: *aguèta* — прошедшее от глагола *ague, uru* 'преподносить'; во-вторых, помещением *te* после корня и добавлением к нему глагола второго спряжения *gozari, u* или *ari, u* в настоящем или прошедшем времени, например: *aguete gozaru* или *aguete gozatta, aguete aru* или *aguete atta*» [220, 19]. Данное положение Кольядо нуждается в некоторых уточнениях. Так, «вместо имперфекта» нередко употребляется форма на *-у*, которая указывает, что одно прошлое действие происходит одновременно с другим. Кроме того, синонимичность формы на *-та* и конструкции «форма на *-тэ*+глагол бытия в форме на *-у*» существовала в полной мере лишь в ту эпоху, о

языке которой писал Кольядо. В современном языке такая синонимичность сохранилась лишь у предельных глаголов и у отглагольных прилагательных. А форма на *-тэ иру* с оттенком длительности принадлежит к непредшествующему времени.

Приступая к изучению вопроса о перфекте в японском языке, надо прежде всего установить, является ли перфект в японском языке особым грамматическим временем, или существует лишь перфектный оттенок значения форм, имеющих другое основное значение.

Понимая каждое грамматическое время как особую грамматическую категорию, т. е. единство о с о б о й грамматической формы с о с о б ы м грамматическим значением, признать перфект грамматическим временем в современном японском языке нельзя, так как он не имеет ни собственной формы, ни собственного значения. В самом деле, формы на *-та,* на *-тэ иру* и на *-тэ ита* являются или формами предшествующего времени (формы на *та,* на *-тэ* и форма *ита*) или формами непредшествующего времени (формы *иру, ору* и их стилистические эквиваленты — *ирассяру, оидэ-ни нару*).

Конечно, теоретически можно согласиться с тем, что аналитическая форма, состоящая из форм разных времен спрягаемого и вспомогательного глаголов, может иметь третье значение, не выводимое непосредственно из значений составляющих его форм. Однако в современном языке особого значения, по крайней мере у формы на *-тэ иру (ору),* нет. Когда форма на *-тэ иру* выражает совершенное ранее действие, результат которого сохраняется и при следующем упоминаемом действии, значение этой формы представляет собой просто сумму значений составляющих ее форм: форма на *-тэ* обозначает предшествующее действие, форма на *-у* от глагола бытия — результат, сохраняющийся в течение следующего упоминаемого действия.

Японский язык и в отношении перфектного значения имеет свою специфику. Прежде всего перфектный оттенок значения у формы на *-тэ иру* не является единственно возможным: она может иметь и значение действия, длящегося в течение совершения следующего упоминаемого действия. В этих оттенках японские лингвисты готовы видеть значения двух, как мы бы сказали, омонимичных видов: *сондзайтай* 'перфектного вида' и *кэйдзокутай* 'длительного вида'. Некоторые японские грамматисты выделяют еще *синко:тай* 'прогрессивный вид' (ср. англ. progressive form) или называют этим термином то, что другие называют «длительным видом» [см., например, 159, 203].

Как же можно объяснить это явление? Не связано ли оно с синтаксической позицией?

На последний вопрос надо ответить отрицательно: во всех

изученных синтаксических позициях — перед теми союзными элементами, перед которыми формы на *-та* и на *-тэ иру* вообще возможны, в определительной позиции и в главном предложении — встречаются как формы на *-та* и на *-тэ иру*, обозначающие длительность результата, так и те же формы, обозначающие длительность самого действия или состояния. По-видимому, такая двойственность заложена в основном (для современного языка) значении форм на *-т-* — предшествовании: когда форма на *-тэ* обозначает предшествование начала, форма на *-тэ+иру* приобретает длительный оттенок, а когда форма на *-тэ* обозначает предшествование конца, форма на *-тэ иру* приобретает перфектный оттенок.

При этом предложение типа *Юки-га футтэ иру* 'Снег идет', 'Снег выпал' имеет известное отличие от предложения *Юки-га ару* 'Снег есть': сказать *Юки-га иру* нельзя. *Иру* как глагол бытия может относиться только к одушевленным предметам, а как вспомогательный глагол при образовании длительного вида он должен быть употреблен и при подлежащем—неодушевленном предмете. Этот момент важен, так как свидетельствует о создании определенной аналитической формы, несмотря на наличие некоторого числа эквивалентов *иру*, вроде *ирассяру* и *оидэ-ни нару* (употребляемых в вежливой речи), которые, так же как и *иру*, не могут быть употреблены вместо глагола *ару* при подлежащем — неодушевленном предмете. Глагол *ору* более свойствен западным диалектам, а отсюда и старояпонскому языку.

Правда, как указывает Мицуя, в некоторых диалектах *иру* может относиться и к подлежащему — неодушевленному предмету: *Фудэ-га кокони* ита [см. 179, 359] 'Здесь *была* кисть', но, видимо, даже для диалектов это редкий случай. Чаще встречается обратное явление. Как свидетельствуют памятники XVI—XVII вв., в западном диалекте глагол *ару* применяется и по отношению к подлежащему, обозначающему одушевленный предмет.

Н. И. Конрад пишет: «Значение вида в точном смысле этого слова имеет форма глагола, передающая оттенок длительности.

Длительность действия в японском языке имеет совершенно определенное грамматическое выражение: она обозначается описательным способом при посредстве глаголов *iru, oru* 'быть', 'находиться' — для лиц, *aru* 'быть', 'находиться' — для предметов. Центр тяжести в таком случае переносится на эти глаголы, так как таково их собственное вещественное значение, говорящее именно о длительности, о процессе. Тогда основной глагол превращается в простое обстоятельство к этим глаголам и ставится в деепричастной форме на *te*» [65, 178].

Трудно согласиться с тем, что *иру, ору* в составе анали-

тической формы длительного вида обозначают длительность только для лиц. Как указывает Мицуя, есть три почти синонимичные конструкции: *какэмоно-га какаттэ иру* 'висит картина', *какэмоно-га какэрарэтэ иру* 'повешена картина' и *какэмоно-га какэтэ ару* 'повешена картина' [см. 179, 360]. В первом варианте сказуемое образовано от непереходного глагола *какару* 'висеть'; во втором — от переходного глагола *какэру* 'вешать' в страдательном залоге; и только в третьем возможном варианте мы встречаем глагол *ару* после деепричастия от глагола *какэру*.

Надо отметить, что третий вариант — деепричастие от переходного глагола + *ару/годзару* (в отрицательном предложении — *най/годзаимасэн*) — имеет, как известно, только перфектное значение. В изученном материале найдено несколько примеров, возможно, диалектных, в которых форма на *-тэ ару* употребляется по отношению к одушевленным предметам: *Курусий нака-дэмо кисаматати-ва То:кё:-э* даситэ ару-*но-да кара*... (С, 28/3) 'Трудно [живется] потому, что вы *отправлены* в Токио...'.

К особенностям данной конструкции следует отнести фонетическое слияние формы на *-тэ* со вспомогательным глаголом бытия. «Необходимо отметить, — пишет Н. И. Конрад, — что современная живая разговорная практика уже прочно сливает обе части таких словосочетаний в одну сложную форму. При этом звук *i* в начале глагола *iru* пропадает. Таким образом, вместо *kaite iru* мы имеем *kaiteru*... Это значит, что вместо сложного сочетания — деепричастие = обстоятельство + глагол *iru* — фигурирует одна сложная форма Perfect'a, могущая существовать в трех временах» [65, 149].

Однако з н а ч е н и е этих форм от такого фонетического слияния, по-видимому, не изменяется. Поэтому нет оснований считать сложной формой только *кайтэру*. И *кайтэ иру* и *кайтэру* являются сложными видо-временными формами: соответственно — аналитической и вторично-синтетической.

Фонетическое слияние компонентов сложной формы длительного вида в текстах XVI—XVII вв. еще не встречается (первые примеры отмечены лишь в текстах XVIII в.), но сама форма в ту эпоху употреблялась, хотя и гораздо реже, чем теперь.

§ 2. Форма на *-та*

Форма на *-та* нередко имеет перфектный оттенок значения: *Миги-но хо:-ни* дэкита, *о:кина никиби*... (А, 3/2) 'Огромный прыщ, *вскочивший* на правой щеке...'; *Куса-но* хаэта *исидан*... (там же) '*Поросшие* травой каменные ступени...'; *Кудэурэкакатта*... 'Начавшие разрушаться...' (другое определение к *исидан* 'каменные ступени'); *Токородокоро нинури-но* хагэта,

о:кина марубасира... (А, 3/1) 'Большие круглые колонны, с которых местами *облез* красный лак...'; *Амэ-ни* фурикомэрарэта *гэнин...* (А, 3/3) 'Слуга, *загнанный* сюда дождем...'; *Нанамэни* цукидасита *ирака...* (там же) 'Косо *выступающая* черепица...'; *Уми-о* мотта *никиби* (А, 4/2) 'Гнойный прыщ' [букв. 'гной (*за*)*имевший* прыщ']; *Миги-но тэ-ни* хи-о томосита *мацу-но кигирэ-о моттэ...* (А, 4/3) 'Держа в правой руке *зажженную* сосновую щепку...'; *Варадзо:ри-о* хайта *аси...* (А, 4/2) 'Ноги в соломенных сандалиях...' (букв. ноги, на которые [он] *надел* соломенные сандалии...').

Все формы на *-та* в приведенных примерах обозначают действия, результаты которых сохраняются в то время, о котором идет речь, хотя эти действия и были совершены ранее. Однако данные формы не являются еще отглагольными прилагательными, так как качественный оттенок этих глаголов в большинстве случаев непостоянен. Кроме того, многие из них выступают в роли сказуемого, которое имеет подлежащее или дополнение, нередко прямое.

Особое внимание следует уделить формам на *-та* с перфектным оттенком значения от тех глаголов, от которых вообще нельзя образовать форму на *-тэ иру* и форму на *-тэ ита*. К таким, правда, немногочисленным, но употребительным глаголам относятся прежде всего глаголы бытия *иру, ору, ару* и их эквиваленты, употребляемые в вежливой речи. Если даже считать, что форма длительного вида от глаголов бытия не нужна, так как они длительны уже по своему лексическому значению, нельзя отрицать того, что форма на *-та* от глагола *ару* (т. е. *атта*) нередко употребляется там, где употребляется форма на *-тэ ита* от других глаголов, т. е. формы на *-та* от глаголов бытия имеют более широкое значение, чем формы на *-та* от других глаголов.

Возьмем, например, характерный зачин: *Такэтори-но окина тою: одзи:сан-га* аримасита. *Майнити такэ-о киттэ китэ, дзару я каго-о* косираэтэ имасита (Т, IV, 26—27) '*Жил-был* дедушка по имени Такэтори (Бамбукосек). Ежедневно, нарубив бамбука, [он] приходил [домой] и *делал* корзины и клетки'. Оба этих предложения, начинающие рассказ, имеют плюсквамперфектный характер, они повествуют о постоянных действиях (состояниях), которые служат фоном для следующих упоминаемых действий, совершенных также в прошлом. Очевидно, что *аримасита* имеет в подобных случаях грамматическое значение формы на *-тэ ита*. Каким же образом это согласуется с общим значением формы на *-та*? Здесь, видимо, на первый план выступает значение предшествования начала. В рассказе важно подчеркнуть, что лицо, о котором рассказывается, существовало задолго до того момента, с которого начинается повествование.

Однако следует учесть, что в зачинах глагол вполне мо-

жет стоять и в форме непредшествующего времени, даже если рассказ относится к отдаленному прошлому.

Вместе с тем надо иметь в виду, что форма на *-та* (в том числе и от глаголов бытия) употребляется и в тех случаях, когда можно было бы ожидать формы непредшествующего времени. Например: *Садамэтэ корэ-ва квайши-га* какарима-шита... (К, I, 137) 'Наверно это *висит* бумажка со стихами...'; *Варэ мэ-во фитоцу мочитарэба, бэшшитэ ёожин-га* итта *котоджя* (Е, 494) 'У меня один глаз, поэтому [мне] особенно *нужна* бдительность'; ...*Мидомо-мо куни-ни уши-во* мотта *фодони, корэ-во сочи-э яро:* (К, II, 242) '...И я на родине корову *имею* и ее тебе отдам'; Ита *ка* (К, II, 6) '[Ты] здесь?' (букв. '*был* ли?').

В двух последних примерах находим указание на предшествование начала: корова была у говорящего задолго до данного разговора. Возможно, что *ита ка* означает 'ах, ты был здесь?'.

Особенно часто в памятниках XVI—XVII вв. встречаются в таком перфектном значении формы *ита, атта* 'был' и форма *мотта,* которую приходится переводить на русский язык формой настоящего времени 'имею'. В современном языке это явление частично сохранилось: форма типа *атта* «по смыслу скорее обозначает настоящее: *аримасита*! — в смысле „вот оно!" — когда кто-нибудь нашел потерянную вещь, или *кимасита* — буквально „пришел", когда видят приближающегося человека, которого ожидали» [91, 74].

Перфектный оттенок значения форма на *-та* имеет и в следующих примерах из современного языка: *Соно ими-га нанракано хо:хо:-дэ катати-ни* араварэта *моно-дэ накэрэба наранай* (Хасимото, 213) 'Этот смысл каким-либо способом должен быть *выражен* в форме'; *Тэцуго:си-но* хаматта *мадо* (С, 20/3) 'Окна, [в которые] *вставлены* железные решетки'.

Перфектный оттенок значения у формы на *-та* объясняется ее происхождением из формы на *-тэ ару (-тэ ару>-тару>>-та)*. Именно глагол бытия *ару*, превратившись в формант, указывает на наличие состояния, наступившего в результате действия (или начала действия), выраженного формой на *-т[э]*.

§ 3. Форма на *-тэ иру (ору)*

В современном языке перфектным оттенком значения обладают чаще всего аналитические формы на *-тэ иру (ору)*. Как показало специальное исследование, в текстах XVI—XVII вв. подавляющее большинство этих форм имело перфектный оттенок значения [см. 121]. Примеры употребления формы на *-тэ иру (ору)* в языке XVI—XVII вв.: *Фарэ, ки-*

цу: ё:тэ вору. *Мирэба ёсасо:на моно-во* шево:тэ вору *га...* (К, I, 90) 'Да [он] мертвецки *пьян.* [Я] вижу, [он] несет на спине (букв. *привязал себе за спину*) хорошие вещи...'; *Соно вонорэ-га* китэ иру *моно-мо, рогин-мо мина вокоше* (К, II, 57) 'И то, что на тебе *надето*, и дорожные деньги — все давай сюда'; *Ия*, дэкэтэ ворияру (К, I, 139) 'Хорошо *вышло'; Нанджи-ва Вадаикуса-но ё:су* шиттэ иё (К, I, 372) 'Ты, *наверно, знаешь* ход войны Вада' [форма на *-тэ иё:* показывает, что состояние (знание) есть результат действия (изучения истории) в прошлом].

Формы на *-тэ иру(ору)* могут быть образованы как от переходных глаголов, так и от непереходных. Примеры употребления в современном языке формы на *-тэ иру* с перфектным оттенком значения, образованной от непереходных глаголов: *Тада ... киригирису-га иппики* томаттэ иру (А, 3/1) 'Только ... *сидел* один кузнечик'; *Ататакана хи-но иро-ни* соматтэ иру *микан-га оёсо ицуцу-мутцу, кися-о миокутта кодомотати-но уэ-э барабарато сора-кара футтэ кита* (А, 132/3) 'Пять-шесть мандаринов, *окрашенных* в теплый солнечный цвет, полетели [из окна] к детям, провожавшим поезд'; *Сурудо тоцудзэн Тэруко-ва содэ-о отоситэ, намида-ни* нурэтэ иру *као-о агэта* (А, 181/1) 'Тогда Тэруко вдруг отерла рукав и подняла *залитое* слезами лицо'; *Коно хэйбонна кидзи-ни* удзуматтэ иру *ю:кан...* (А, 132/1) 'Вечерняя газета, *заполненная* этими банальными статьями...'; *Нобуко-нива соно котобано накани, отто-но ай-ни* акитаритэ иру *ниидзума-но кокорога ару ё:на ки-га сита* (А, 180/2) 'Нобуко показалось, что в этих словах сказывается настроение молодой жены, *пресыщенной* любовью мужа'; *Кёнэн-но нацу-ва, кю:ка-га мада хацука-мо* аматтэру *токини, Синго-ва кю:ни ицдаситэ То:кё:-ни татта* (И, 100/3) 'Летом прошлого года, когда *оставалось* еще больше двадцати дней до конца каникул, Синго отпросившись [у родителей], внезапно уехал в Токио'; *Хо:бо: сагаситэ, ятто, мидзу-но* хайттэ иру *камэ-о мицукэмасита* (Кокуго, 1[3], 12) 'Поискав там и сям, [она] в конце концов нашла кувшин *с* водой'; *Кэ:бурука:-ва, такай яма-ни нобору нодэ, рэ:ру-ва, кю:на сака-ни* наттэ имас (Кокуго, 2[2], 4—5) 'Фуникулер поднимается на высокую гору, поэтому рельсы *уложены* по крутому склону'; *Боку-ва, исойдэ окитэ, сакананo уроко-но* кобирицуйтэ иру *фуку-о кита* (Кокуго, 5[2], 24) 'Я быстро встал и надел спецовку, к которой *приклеились* рыбьи чешуйки'; *Соно дзицу, мо: соно токи-кара мибо:дзин-ни* наттэру-*но-да* (И, 103/3) 'В действительности [она] уже с того времени *стала* вдовой'; *Минна,* цукарэкиттэ иру (Т, VI, 98) 'Все *устали до последней степени*'.

Форма на *-тэ иру* гораздо чаще употребляется в изъявительном наклонении, но может применяться и в других: *Сорэни, Като:-ва мада кайсин-кара* каэттэ имай (И, 108/3)

'Притом Катоо *вряд ли* уже *вернулся* после обхода больных'; *Сорэ-о аясиндэ тадзунэру то, «На:ни, ватаси-нанка мо: оба:-сан-дэ, отто-но собани* кутцуйтэ итай *тоси-дэмо аримасэн.» то вараттэ иру* (И, 108/1) 'Когда [ее] с удивлением спрашивали об этом, [она] смеялась: «Что вы, я ведь уже бабушка, [я] не в том возрасте, когда *хотят быть неотступно* при муже»'. Есть предложения и со сказуемым на *-тэ иё:*.

Примеры употребления формы на *-тэ иру* с перфектным оттенком значения, образованной от переходных глаголов: *Мукаси-ва ориори, сонна кото-мо атта ё:ни* киитэ оримасу *га* (А, 15/3) '[Я] *слышал,* что в старину такие вещи часто случались'; *Кодомо-но ё:на каоцуки-о* ситэ инай *тою: токоро-кара, иэ-ни иру нэ:сантати-кара «Кодона» тою: адана-о* тё:дайситэ имас (С, 3/1) '[Ребенок] *не имел* детского выражения лица, почему он и *получил* от старших сестер прозвище «Полувзрослый»'; *Мусиро, иссюно мандзоку-но дзё:-га Синго-но кокоро-о* каруку-ситэ иру (И, 110/1) 'Чувство некоторого удовлетворения *облегчило* сердце Синго'; *Сокодэ, мэймэй-но мэмо-о мисэаттара, хабуйтэ-мо ёй токоро-о кувасику кайтари, дайдзина кото-о* какимораситари ситэ иру *хито-га о:катта* (Кокуго, 5[1], 37) 'Когда мы сверили все конспекты, оказалось, что многие люди подробно записали то, что можно было сократить, но *упустили* важные вещи'; Цукуттэ-ва инай *га...* (И, 100/3) '[Она была] *ненапудрена,* но ...'; *Онна-но намаэ нантэ* кийтя имасэн *ё* (Симада, 63) 'Даже имя женщины [я] *не спросил'; Куцу-о* хайтэ итара... (Кокуго, 5[2], 24) '*Когда* [я] *надел* ботинки...'; *Хико:ки-мо, ... сясин-мо, минна дзэндзин-ни* хацумэй-сарэтэ симаттэ иру *нодэ...* (СБ, 31/2) 'И самолеты, ... и фотография — все [уже] *изобретено* предшественниками, так что...'.

Конструкция *симаттэ (киттэ) иру* имеет только перфектное значение [см. 121, 138].

§ 4. Форма на *-тэ ару*

Форма на *-тэ ару*, синонимичная форме на *-тэ иру (вору),* употреблялась в текстах XVI—XVII вв. в чисто перфектном значении как в речи об одушевленных, так и о неодушевленных предметах: *То:нэн-ва ицуицу-ёри мэдэто: зонжи,* аравара идэтэ ару *зо то ё* (К, II, 63) '[Я] *появился* [перед вами], считая этот год более счастливым, чем какой-либо другой'; *Фая* дэтэ ару *ка* (К, I, 176) 'Уже *готово*?'.

Однако применение формы на *-тэ ару* было возможно только в речи, обращенной к социально низшему лицу, например к слуге. В речи, обращенной к высшим и равным, применялась форма с *гозару* : *Садамэтэ тано:да фито-но* ма-

чиканэтэ гозаро: (К, II, 230) 'Наверное хозяин [меня] *заждался'; Кважя-во цукаи-ни* яттэ гозару (К, I, 18) '[Я] *послал* слугу по поручению' (здесь говорит хозяин, но считается, что его речь обращена к зрителям).

Формы на *-тэ ару (гозару)* употреблялись и в речи о будущем: *Сорэгаши-га кое то* шиттэ гозару *нара, садамэтэ аваку-дэ гозаро:* (К, I, 222) 'Если [он] *узнает* мой голос, [он], наверное, не встретится со мной'.

В современном языке форма на *-тэ ару* отличается от формы на *-тэ иру* тем, что, как правило, форма на *-тэ* образуется от переходных глаголов, а вся конструкция относится к подлежащему, обозначающему неодушевленный предмет, и имеет страдательное значение: *Мэ-но арай сударэга, иригути-ни* бурасагэтэ ару *нодэ, о:рай-но ё:су-ва сиготоба-ни итэ-мо, ёку миэта* (А, 15/1) 'Над входом [была] *повешена* почти прозрачная циновка, поэтому даже находившимся в мастерской было хорошо видно, что делается на улице'; '... *Ироирона кимоно-но фуруку натта-но-о* цукаттэ ару *га, соно наканива, кацутэ ватаси-но моно-датта миобоэ-но тасикани ару-номо ару-но-дэ атта* (Х, 6—7) '[Я увидел, что] на пеленки *использованы* различные старые кимоно, и среди них были и мои, которые я хорошо помнил'. Одной из особенностей последнего предложения является формант винительного падежа *-о* при слове, называющем реальный объект (в предыдущем предложении слово, называющее объект, принимает суффикс именительного падежа *-га*).

Гораздо реже, чем конструкция *...-га ...-тэ ару,* встречается конструкция *...-о ...-тэ ару*, о которой А. А. Холодович пишет: «...Нам кажется, все дело в том, что эта форма является не чем иным, как развитием на основе «перфективного» предикативного причастия особой формы перфекта действия, т. е. особого сложного прошедшего (перфекта), формы, хорошо известной многим индоевропейским языкам...» [135, 411]. «...Можно предполагать, что конструкция „предикативное причастие[1]+глагол *ару*" при реальном объекте в именительном выражает атрибутивное отношение, тогда как конструкция „предикативное причастие+глагол *ару*" при реальном объекте в винительном падеже выражает уже не атрибутивное отношение, а особую временную кате-

[1] «Предикативным причастием» А. А. Холодович называет деепричастие на *-тэ*. Если такое переименование и может показаться слишком смелым, нельзя не признать, что форму на *-тэ*, по крайней мере иногда, имеет смысл переводить на русский язык причастием. Однако в большинстве случаев деепричастный характер формы на *-тэ* несомненен. Не лучше ли было бы считать форму на *-тэ* срединной формой предшествующего времени, близкой в некоторых отношениях к герундию в английском и французском языках, который объединяет в своем значении признаки причастия и деепричастия?

горию (перфект), правда, только от переходных глаголов» [135, 412].

Форма на *-тэ ару* отличается от формы на *-тэ иру* и тем, что имеет всегда чисто перфектное значение длительности состояния, результата, а не длительности самого действия.

К особенностям формы на *-тэ ару* относится и то, что «...реальный субъект в подобного рода предложениях либо не выражен вовсе, либо, выраженный не находится в непосредственном синтаксическом контакте с предикативным причастием» [135, 410].

Между тем в предложении со сказуемым в форме на *-тэ иру* подлежащее, хотя и не обязательно, но всегда возможно, так как безличных предложений типа русских «светает», «смеркается», «морозит» в японском языке нет.

В японских страдательных конструкциях наименование объекта — хотя и редко — принимает винительный падеж: Накигао-о *мирарэру-нога ия-датта*... (А, 167/2) '[Я] не хотел, чтобы видели [мое] *заплаканное лицо*...'.

Все это дает основание считать форму на *-тэ ару* особой аналитической залоговой формой, применяемой в речи о неодушевленных предметах при отсутствии указания на деятеля. Эту форму можно было бы назвать страдательным перфектом.

Правда, изредка форма на *-тэ ару* может относиться и к одушевленному предмету: *Соно имо:то-ва Като:-но ути-дэ ани-о матиавасэтэ иссёни каэру кото-ни* ситэ ару (И, 108/3) 'Младшая сестра *решила* дождаться в доме Като:о брата и вернуться вместе [с ним]'. Здесь, к тому же, нет и страдательного значения.

Что касается временного значения страдательного перфекта, то оно не отличается от временного значения его компонентов — формы на *-тэ* и глагола *ару*. Кроме того, страдательный перфект не имеет всеобъемлющего характера: от непереходных глаголов он не образуется, что связано как раз с его залоговым значением. Следовательно, особого глагольного времени страдательный перфект не образует. Форма на *-у* в его составе имеет обычное относительное значение непредшествования.

В отрицательном наклонении страдательный перфект принимает форму на *-тэ най*: *Бо:си-нива вадзато кисё:-мо* цукэтэ най (И, 101/2) 'На фуражке нарочно *не* [был] *прикреплен* [студенческий] значок'. Употребительность формы на *-тэ ару* (*най*) невелика: в «Токухоне» (кн. IV) эта форма встречается 2 раза, а форма на *-тэ иру* — 31 раз. В одной из новелл Акутагава (см. А, 157—167) форма на *-тэ иру* встречается 69 раз, а форма на *-тэ ару* — ни разу. Такое сравнительно редкое употребление этой формы также говорит о том, что она не является формой особого грамматического времени.

Раздел II

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С ОТТЕНКОМ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

§ 5. Вопрос о длительном виде

Вопрос о длительном виде в современном японском языке нельзя считать до конца разрешенным. Непонятно прежде всего употребление форм этого вида. В оригинальных японских текстах одни и те же глаголы в сходных синтаксических позициях употребляются то в форме на *-тэ иру (инай)*, то в форме на *-у/-най*. Кроме того, нередко формой этого вида передаются многократные или постоянные действия, которые, казалось бы, следовало передавать формой на *-у*. Например: *Отто-ва ёсаму-но нагахибати-но муко:-ни, ицумо харэбарэто* бисё:-ситэ иру *канодзё-но као-о миидасита* (А, 177/3) 'В холодные вечера муж видел за хибати[2] ее всегда весело *улыбающееся* лицо'; *Цуки-ва, тикю:-о тю:син-то ситэ, гуругуру* маваттэ иру (Т, XII, 161) 'Луна *вращается* вокруг земли'.

Но: *Отто-ва ицумо-но усувараи-о укабэнагара, канодзё-га имо:то-но* кутиманэ-о суру-*ноо, омосиросо:ни* кийтэ ита. *Га, канодзё-нива нантонаку, канодзё-дзисин-ни Тэруко-но кото-о* ханаситэ иру *ё:на* кокоромоти-га сита (А, 178/1) 'Муж, по обыкновению слегка улыбаясь, с интересом *слушал,* как она [когда говорит] *подражает манере* младшей сестры. Но ей почему-то *казалось,* что [она] *говорит* о Тэруко самой себе'. В этих двух рядом стоящих сложных предложениях сказуемые придаточных предложений *кутиманэ-о суру* и *ханаситэ иру* обозначают, в сущности, одно и то же действие. Тем не менее в первом придаточном предложении оно выражено формой на *-у*, а во втором — формой на *-тэ иру*. Действия, выраженные сказуемыми главных предложений, продолжались одинаково долго. Однако в форме длительного вида стоит только первое сказуемое. В первом сложном предложении длительный вид принимает сказуемое только главного предложения, а во втором — только придаточного. См. также: *Ватаси-ва Тэрусан-саэ ко:фуку-нара, нан-ёри* аригатай то омоттэ иру *но. Хонто: ё. Сюнсан-га Тэрусан-о* айситэ итэ *курэрэба...* (А, 181/1) 'И если Тэру счастлива, это [меня] *радует* больше всего. Правда! Если Сюн *любит* Тэру...'. Глаголы *омоу* и *айсуру,* обозначающие постоянные действия, принимают здесь форму длительного вида. Между тем «от [английских] глаголов, выражающих восприятие и умственное состояние, формы длительного вида, вообще говоря, не употребительны» [56, 168].

Некоторые грамматисты объясняют применение формы на

[2] Хибати — жаровня.

-тэ иру так: «Длительный вид тесно связан со значением времени. Настоящее время, означающее, что действие совершается в момент речи, можно выразить лишь в сочетании с формой длительного вида, в отличие от настоящего (постоянного), которое выражается суффиксом *-у*...» [54, 226].

Однако приведенные выше примеры показывают, что нередко и постоянные действия обозначаются формой на *-тэ иру*.

Нельзя согласиться и с тем, что «длительный вид у переходных и непереходных глаголов может иметь значение длящегося действия. И только у непереходных глаголов — длящегося состояния» (там же).

Как показано выше, переходные глаголы в форме на *-тэ иру* с перфектным оттенком значения также обозначают длительность состояния (наступившего в результате произведенного действия).

Поскольку правила употребления так называемого длительного вида пока не удается сформулировать, приходится ставить под сомнение точность самого его наименования: «Длительный вид, — пишет И. В. Головнин, — ...не имеет никакого отношения к подчеркиванию степени фактической временной протяженности того или иного процесса... Он говорит не о том, что обозначенное глаголом действие-состояние продолжительнее действия-состояния, обозначенного глаголом в синтетической временной форме на *-у/ру* и *та/да*; он говорит о том, что действие-состояние передается в его течении, конкретном развертывании, в его середине,— как действие-состояние, ограниченное определенными временными рамками, к которым приурочено его совершение» [33, 25].

Но такие оговорки не дают правила: когда же надо употреблять форму на *-тэ иру*, а когда форму на *-у*? Многие учебники также не устанавливают каких-либо правил употребления обеих форм. А те правила, которые имеются в пособиях на русском языке, слишком общи и не могут объяснить целого ряда случаев. Японские авторы, пишущие для лиц, практически владеющих родным языком, не видят здесь никакой проблемы.

Мне кажется, что при изучении истинного значения формы на *-тэ иру* (как видовой) надо поставить следующие вопросы: 1. Почему для ее образования не используется вторая основа? 2. Какова употребительность этой формы в современном национальном языке? Увеличилась ли она за последние века или уменьшилась? 3. В каких синтаксических позициях данная форма совсем не употребляется? Как это связано с ее видовым значением? 4. Одинакова ли употребительность форм на *-тэ иру* и на *-у* в речи о разных отрезках времени?

1. При изучении форм длительного вида обращает на себя внимание то, что аналитическая форма со значением дли-

тельности процесса образуется так же, как и форма с перфектным оттенком значения, т. е. при помощи формы на *-тэ*, хотя скорее можно было ожидать форму типа *тори+иру (ору)*, т. е. форму, образованную при помощи второй основы.

Действительно, подобная форма существовала в старояпонском и в старописьменном языке, найдена она и в памятниках XVI—XVII вв., сохраняется в том или ином виде и в западных диалектах. Однако в кёогэнах форма типа *тори вору* имела бранное значение: *Шисари воро* (К, I, 54) 'Убирайся!'; *Нани-о, вакэ-мо най кото-о* иивору (К, I, 304) 'Что же [ты] *болтаешь* бессмыслицу?!'. Такое значение этой аналитической формы могло быть одной из причин того, что она не вошла в национальный язык. [См. также 121, 138—139.]

Форма типа *тори иру* бранного значения не имела, но употреблялась слишком редко [см. 121, 139].

В публицистических произведениях на современном языке встречается аналитическая форма типа *торицуцу ару*, имеющая значение длительности. По-видимому, она проникла в публицистику из старописьменного языка, так как в произведениях XVI—XVII вв. эта форма не найдена.

Форма на *-тэ иру (вору)* принадлежит к древнейшим аналитическим формам японского языка. Употребительность ее с веками возрастала. Во всяком случае, в языке XVI—XVII вв. эта форма употреблялась гораздо реже, чем в современном языке [см. 120, 81—82]. Форма на *-тэ иру (вору)* имела в языке XVI—XVII вв. в основном иерфектное, а не длительное значение, т. е. была синонимична форме на *-та*. Как иоказало специальное исследование, лишь отдельные случаи употребления формы на *-тэ иру (вору)* в текстах XVI—XVII вв. можно считать употреблением в значении длительности. Например: *«Аппарэ корэ-ва ёи шиаваше кана» то* мачиканэтэ ирэба, *фи-мо ё:ё: курэюита* (Е, 499) '«Прекрасно! Мне повезло!» — [подумал волк, но] *пока* [он] *с нетерпением ждал* [добычи], солнце стало постепенно заходить'.

Особенностью этой формы является то, что она не образуется от глаголов бытия, а также от прилагательных на *-й* и на *-на*.

2. Подсчеты показали (все формы на *-у* и на *-тэ иру*, вместе взятые, считались за 100%), что: а) в IV книжке «Токухона» форма на *-у* составляет более 88% (221 форма), форма на *-тэ иру* — около 12% (31 форма); б) в одной из новелл Акутагава (см. А, 157—167) форма на *-тэ иру* составляет уже 17%, т. е. в художественной литературе для взрослых форма на *-тэ иру* употребляется несколько чаще.

Таким образом, в современном языке формы длительного вида применяются значительно реже синтетических невидовых форм. Если согласиться с теми авторами, которые считают, что длительный вид выражает конкретное действие-со-

стояние, то окажется, что в современном языке в основном употребляются формы, выражающие абстрактные действия-состояния. Вряд ли это возможно на самом деле.

В памятниках XVI—XVII вв. форма на *-тэ иру* встречается редко. К тому же, как указано выше, в большинстве случаев в этих памятниках форма на *-тэ иру (вору)* имеет перфектное значение, т. е. она не может быть отнесена к длительному виду. Длительный вид как грамматическая категория в ту эпоху только зарождался [см. 121], а в ряде синтаксических позиций он так и не возник.

3. Как показано в главе пятой, перед целым рядом союзных элементов форма на *-тэ иру* или совсем не употребляется или употребляется очень редко.

Так, *-тэ иру* не встречается перед союзными элементами: *то томони, то до:дзини, я, яиная, табини, готони, -ни цурэтэ, -ни цукэтэ, га хаяй ка, мадэ, маэни, тамэни* и *ё:ни* (в целевом значении), *нари, магива, идзэн, идзё:, мамани, каварини, хё:-сини, хадзумини, тотанни, томонаку, то:ри, кагири, кураи* и концовками *ё:ни натта, ё:ни сита, кото-га дэкита, кото-ни натта, кото-ни сита.*

Возможно, что перед некоторыми из этих союзных элементов, как покажет дальнейшее изучение фактического материала, форма на *-тэ иру* в длительном значении изредка все-таки применяется. Однако неупотребительность этой формы перед большинством из них можно считать установленной.

Формы длительного вида не могут применяться перед такими союзными элементами, как *га хаяй ка, яиная, магива,* потому, что эти последние выражают мгновенный переход от одного действия к другому. Точнее говоря, первое действие, обозначенное сказуемым придаточного предложения, представляется слишком коротким, чтобы оно могло быть выражено формой длительного вида.

Однако поскольку отсутствие форм на *-тэ иру* перед *то томони, то до:дзини, табини, готони, нари, ни цукэтэ, ни цурэтэ, кураи, томонаку* не может быть объяснено подобным образом, вопрос остается открытым и требует дополнительного исследования.

4. Форма на *-тэ иру*, по моим наблюдениям, очень редко употребляется в речи о последующих событиях. Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие формы на *-тэ иру* в придаточном предложении перед *мадэ, маэни, тамэни, ё:ни* (в целевом значении), *ё:ни натта, ё:ни сита, кото-га дэкита* и т. п. Но и в главном предложении, если речь идет о будущем, формы длительного вида употребляются редко. Так, по-японски говорят: *Кё:-ва аса-кара бам-мадэ* хатараитэ имас 'Сегодня *работаю* с утра до вечера', но *Асу-ва аса-кара бам-мадэ* хатаракимас. 'Завтра *буду* работать с утра до вечера'. Подобное же явление — отсутствие форм длительного вида в

речи о будущем — существовало и в английском языке XVI—XVII вв.

Разумеется, вопрос о видах вообще и о длительном виде в частности не исчерпывается этими наблюдениями и заслуживает специальной монографической разработки. Надо уточнить те синтаксические позиции, в которых часто употребляются формы длительного вида. Это поможет сформулировать и основное значение форм этого вида.

* * *

Из послевоенных работ японских грамматистов по вопросу о видах большой интерес представляет статья Киндаити Харухико [см. 164], в которой отмечается наличие «повторительного прогрессивного вида», образуемого от «моментальных глаголов» (т. е. глаголов мгновенного действия), например: *Коногоро-ва эйё:ситтё:-дэ хито-га дондон* синдэ иру [см. 164, 75] 'В последнее время много людей *умирает* от алиментарной дистрофии', а также от «длительных глаголов» (обозначающих длительное действие), например: *Карэ-ва майаса байбуру-о* ёндэ иру [см. там же] 'Он каждое утро *читает* библию'.

Теория Киндаити объясняет некоторые случаи употребления форм длительного вида в речи о постоянных процессах. Так, с точки зрения Киндаити, форма длительного вида глаголов *маваттэ иру* 'вращается' (о луне), *каёттэ иру* 'ходит' (в школу, например) указывает на то, что эти действия совершаются неоднократно.

К сожалению, Киндаити, как и многие другие японские грамматисты, не изучает употребления видов в реальных контекстах, поэтому вопроса о том, в каких синтаксических позициях не применяется форма на *-тэ иру* и почему, для него не существует. Как и некоторые советские грамматисты, Киндаити, на мой взгляд, переоценивает различия между глаголами мгновенного и длительного действия, между глаголами действия и состояния, не обращая внимания на то, что в японском языке нет вариантов суффиксов для разных типов глаголов. Значит язык обобщает то, что грамматисты пытаются дифференцировать.

Раздел III

ДВОЙНОЕ ПРЕДШЕСТВОВАНИЕ ИЛИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

§ 6. Форма на *-тэ ита*

Помимо форм двух основных грамматических времен — предшествующего и непредшествующего — в японском языке есть еще сложная аналитическая форма глаголов действия

и состояния на *-тэ ита* (от прилагательных, связок и глаголов бытия она не образуется), которая по своему грамматическому значению и употреблению напоминает формы плюсквамперфекта тех языков, где эта категория имеется.

Никто из современных грамматистов не находит в японском языке плюсквамперфекта. Форма на *-тэ ита* считается формой прошедшего времени длительного вида. Действительно, морфологически эта форма не является новой: *ита* — форма предшествующего времени от глагола *иру* 'быть'. Однако надо учесть, что подобным образом образуется плюсквамперфект и в западноевропейских языках, например в английском языке: *I have seen* — перфект, *I had seen* — плюсквамперфект, — т. е. при образовании плюсквамперфекта в английском языке, как и в японском, меняется лишь время вспомогательного глагола. Думается, в данном случае по морфологическому строению нельзя определить, относится ли форма на *-тэ ита* к особому грамматическому времени. Ответ на этот вопрос надо искать в ее значении и употреблении.

Как известно, плюсквамперфект считается относительным временем. Однако это не чисто относительное время, так как в речи о будущем формы плюсквамперфекта не употребляются. То же надо сказать и о форме на *-тэ ита* в японском языке. Хотя каждый из ее компонентов — форма на *-тэ* и форма *ита* (в придаточном предложении) — употребляется в речи о последующих событиях вообще и в речи о будущем в частности, форма на *-тэ ита* не применяется в речи о будущем даже в придаточных предложениях. И вообще форма на *-тэ ита* применяется реже, чем форма на *-тэ иру*. Так, в хрестоматии по родному языку для IV класса (Кокуго, 4[1]) на стр. 6—20 встречается 46 форм на *-у*, 46 форм на *-та*, 6 форм на *-тэ иру* и лишь 2 формы на *-тэ ита*. В IV книжке «Токухон» — 302 формы на *-та* и 28 форм на *-тэ ита*, т. е. формы на *-тэ ита* составляют 8,5% общего числа форм предшествующего времени. Правда, в художественной литературе этот процент выше. Так, в одной из новелл Акутагава (см. А, 157—167) формы на *-тэ ита* составляют 21% общего числа форм предшествующего времени.

Форма на *-тэ ита* в плюсквамперфектном значении применялась и в текстах XVI—XVII вв. [см. 121, 139—143].

Если попытаться классифицировать примеры употребления формы на *-тэ ита* в современном языке, можно выделить следующие типические случаи:

1. Форма на *-тэ ита* обозначает длительный процесс в прошлом, прервавшийся до начала следующего упоминаемого (или подразумеваемого): *Суруто, има-мадэ ясасисо:ни* миэтэ ита *одзи:сан-но као-га, кю:ни кицуку наримасита* (Т, III, 91) 'Тут лицо старика, которое до сих пор *казалось* добрым, вне-

запно стало строгим'; *А: Сугиура ка. Хайрэ ё.* Маттэ ита *токоро-да* (Кумэ, 361/2) 'А, Сугиура? Входи! [А мы] как раз [тебя] *ждали*'; *Ину-о* каваигаттэ ита *одзи:сан-ва, тайсо: канасимимасита* (Т, II, 87) 'Дедушка, *любивший* собаку, очень опечалился' (последний пример И. В. Головнин толкует так: «В том случае, когда глагол-определение выражает процесс-состояние, можно говорить и об одновременности процесса, им обозначенного, с процессом, переданным следующим глаголом» [30, 337]. Но из рассказа, откуда взято это предложение, ясно, что дедушка опечалился именно оттого, что его собака, которую он любил, погибла. Значит, форма на *-тэ ита* здесь выражает перерыв действия, а не одновременность); *Хикагэни наттэ* коматтэ ита *мурамура-мо, сорэкара дандан ютакани наттэ итта тою: кото-дэс* (Т, IV, 12) 'И деревни, *которые страдали* от тени, стали, говорят, после этого постепенно богатеть' (речь идет об огромном дереве, тень которого падала на посевы; оно было срублено, и состояние, выраженное формой *коматтэ ита* 'страдали', прекратилось); *Има-мадэ ханэ-о* цуйтэ ита *Ханакосан то Юкикосан-ва, кондо-ва ю:бингокко-о суру кото-ни симасита* (Т, IV, 75) 'Ханако и Юкико, которые до сих пор *играли* с воланом, решили теперь играть в почту'; *Минна-га вайвай ю:-ноо, хадзимэ-кара даматтэ* кийтэ ита *хитори-но кодомо-га аримасита* (Т, IV, 44) 'Среди кричавших [детей], был один ребенок, который с [самого] начала молча *слушал*' (в следующем предложении говорится о том, что он сказал).

В этих примерах форма на *-тэ ита* представляется просто формой предшествующего времени длительного вида. Ее употребление является относительным. Однако надо заметить, что при переводе этих предложений на языки, имеющие плюсквамперфект, форма на *-тэ ита* должна быть переведена именно формой плюсквамперфекта, так как она обозначает прошлый процесс, который предшествовал другому прошлому процессу. Даже форма *маттэ ита* 'ждали' (см. выше пример из Кумэ) обозначает прошлое действие, которое предшествовало не настоящему действию, а подразумеваемому прошлому (ждали до того, как гость пришел).

Необходимо отметить, что значение перерыва действия может выражать аналитическая форма плюсквамперфекта и в некоторых других языках, например, в марийском: «...из двух контактирующих действий — первое (обозначенное формой плюсквамперфекта. — *Н. С.*) обычно выражает ... действие, почему-либо прерванное другим действием...» [109, 170].

2. Форма на *-тэ ита* обозначает процесс, предшествующий следующему упоминаемому своим началом. В таком употреблении эта форма нередко начинает повествование в качестве сказуемого первого или второго (либо и первого и второго) предложений: *Цуки-но ёй бан-дэсита. Усивакамару-га, фуэ-о*

фукинагара аруйтэ имасита (Т, III, 41) 'Был прекрасный лунный вечер. Усивакамару *прогуливался*, играя на флейте' (начало рассказа); *Отамадзякуси-ва, майнити ... икэ-но нака-о* оёйдэ имасита (Т, V, 11) 'Головастики ежедневно *плавали* в пруду...'; *Кикори-га, икэ-но соба-но мори-дэ, ки-о* киттэ имасита. *Оно-ни тикара-о ирэтэ, кон, кон, то* киттэ имасита (Т, III, 78) 'Дровосек *рубил* дерево в роще у пруда. [Он] с силой *рубил*: тук, тук' (в этом примере сказуемые обоих предложений выражены одним и тем же глаголом в форме на *-тэ ита*).

Иногда в переводе необходимо отражать, что действие, выраженное формой на *-тэ ита*, началось давно: *Микото-ва, ки-ни ноботтэ*, маттэ ирассяимасита. *Сибараку суру то, кадоно ути-кара, хитори-но онна-га дэтэ кимасита* (Т, V, 120) 'Герой взобрался на дерево и *стал ждать*. Через некоторое время из ворот вышла женщина и приблизилась [к этому дереву]'; *«А, симатта». То, вакай отоко-ва, дэкирудакэ о:кина коэ-дэ сакэндэ, мидзу-но уэ-о* митэ имасита (Т, III, 87, 88) '«Ах, как неудачно!» — крикнул во всю глотку молодой человек и *стал смотреть* на воду'; *Хатигацу-но дзю:гоя тикаку нару то, коэ-о татэтэ* найтэ-*бакари* имасита (Т, IV, 31) 'С приближением пятнадцатой ночи восьмого месяца [она] стала громко рыдать'.

Такое употребление формы на *-тэ ита* грамматисты тоже считают прошедшим временем длительного вида. Однако прошедшее время, по крайней мере в некоторых случаях, должно было бы обозначать только одновременность процесса, выраженного формой на *-тэ ита*, с другим, тоже прошлым процессом, не указывая на то, что процесс, выраженный этой формой, начался раньше других процессов или является фоном для них. Но при обозначении одновременности одного прошлого процесса другому употребляется просто форма непредшествующего времени: *Мидзу-о кумо: то ситэ, футо идо-но нака-о нодзоку то, уцукусий камисама-но о-сугата-га, сумикитта мидзу-ни* уцуттэ имас (Т, V, 121) 'Когда [она], собираясь зачерпнуть воды, нечаянно взглянула в колодец, [она увидела, что] в спокойной воде *отражается* лик прекрасного бога'. Немало примеров употребления в подобных же случаях форм непредшествующего времени приведено в предыдущих главах.

Думается, форма на *-тэ ита*, когда она выражает процесс, предшествующий следующему упоминаемому своим началом, имеет плюсквамперфектное значение.

Как отмечает Б. А. Серебренников, и в коми-зырянском языке «плюсквамперфект употребляется для обозначения действия, завершившегося или начавшегося ранее наступления другого действия в прошлом» [109, 66].

И в немецком языке «плюсквамперфект... обычно стоит в

предложениях, вводящих в ситуацию или обрисовывающих предысторию» [81, 212].

Плюсквамперфект создает как бы фон, на котором происходят действия, составляющие непосредственно канву рассказа.

3. Форма на *-тэ ита* обозначает процесс, начавшийся до процесса, о котором сказано в предыдущем предложении: *Ути-но хито-ва минна русу-дэ, оба:сан-дакэга, хиатари-но ёй энгава-дэ, цугимоно-о* ситэ ирассяимасита (Т, IV, 48) 'Все домашние отсутствовали, только бабушка на солнечной веранде *занималась* починкой'; *Сибараку юку то, о:кина ива-га аттэ, соно соба-ни, хитори-но одзи:сан-га* таттэ имасита (Т, IV, 59) 'Когда они прошли некоторое расстояние, [они увидели] огромную скалу, около которой *стоял* старец'; *Тотю:-мадэ китэ, футо миру то, тё:до Масаосан-но ути-но маэни, дзидо:ся-га* томаттэ имасита. *Соба-ни, хито-га ёгонин* ёттэ имасита (Т, III, 93) 'Пройдя полдороги, я вдруг заметил, что прямо перед домом Масао стоит (букв. *остановившись был*) автомобиль. Возле него *собралось* несколько человек'. (См. также Т, IV, 60—61, 65, 110—111.)

И. В. Головнин считает, что в некоторых подобных примерах форма на *-тэ ита* имеет абсолютное значение: «„Проснувшись поутру, довольно поздно, я увидел, что буря утихла, солнце *сияло*" — *Акуру аса канари осоку мэ-га самэтэ миру то бо:фу:-га яндэ, хи-га* кагаяитэ ита (Капитанская дочка, 38). Определенность прошлого процесса подчеркнута содержанием фразы: солнце сияло тогда, когда он проснулся. Сияние приурочено по времени осуществления к другому действию...» [30, 317]. Иначе говоря, И. В. Головнин полагает, что форма на *-тэ ита* обозначает здесь одновременность в прошлом, с чем нельзя согласиться, так как сияние солнца не приурочивается к тому времени, когда кто-либо просыпается. Солнце начало сиять задолго до того, как Гринев проснулся, что и выражено в японском переводе формой *кагаяитэ ита.* Правда, в русском оригинале такого оттенка нет, потому что в современном русском языке нет плюсквамперфекта.

Но приводя пример *Миру то, одзи:сан-но какурэтэ иру ки-но маэни, такусан-но они-га,* ацуматтэ имасита (Т, II, 64) 'Смотрит, — перед деревом, где он прятался, *собралось* много чертей', — И. В. Головнин признает, что формы типа *ацуматтэ имасита* в подобных случаях «будут указывать на наличие в тот момент, о котором говорится, состояния от предпрошедшего действия» [30, 326].

Здесь надо еще ответить на вопрос, почему глагол *какурэтэ иру* 'прятался' не стоит в форме на *-тэ ита*, хотя действие, выраженное им, совершилось раньше, чем следующее упоминаемое. Я думаю, что действие, обозначенное глаголом

ацуматтэ имасита 'собрались', связано с действием, обозначенным глаголом *миру* 'смотрит', а глагол *какурэтэ иру* указывает лишь на одновременность выражаемого им результата с действием, о котором говорится в главном предложении.

Значение формы на *-тэ ита* — указание на предшествование ранее упомянутому действию — является одним из обычных оттенков значения плюсквамперфекта в целом ряде языков.

4. Форма на *-тэ ита* обозначает результат процесса, совершившегося прежде ранее упомянутого процесса. Это также чистый плюсквамперфект. Форму на *-тэ ита* с таким оттенком значения никак нельзя считать формой прошедшего времени длительного вида, так как никакого намека на длительность самого действия она здесь не выражает: *Га, айнику эри-ва иппон нокорадзу сэнтакуя-но тэ-ни* вататтэ ита (А, 176/3) 'Но, к сожалению, оказалось, что все воротнички *были отданы* в стирку'; *Миттян-га мото-но токоро-э каэттэ кимас то, посуто-но нака-нива, мо: нимай-но хагаки-га* хайттэ имасита (Т, IV, 78) 'Когда Миттян вернулась на прежнее место, в почтовом ящике уже лежали (букв. *войдя были*) две открытки'; *Ано токи мо: онэ:сама-ва, ватакуси-га Сюнсан-ни сасиагэру хадзу-но тэгами-о* ёндэ ираситта-но *дэсё:* (А, 175/2) 'Сестрица тогда уже, наверно, *прочла* письмо, которое я хотела отдать Сюну'; *Таорэтэ иру тю:и-о миидасита-но-дэ ару. Тю:ива фукубу-ни о:кий хо:данрэссё:-о* укэтэ ита. *Мада ики-ва ару ё:-дэ атта га, маттаку* консуй-ситэ симаттэ ита (Кик., 14/1) 'Он нашел поверженного капитана. *Оказалось, что* капитан *получил* огромную рваную рану в живот. [Он], видимо, еще дышал, но сознание *потерял*' (пример с *симаттэ ита* особенно показателен, так как такая форма ни при каких условиях не может указывать на длительность действия, чему противоречило бы значение *симау* 'кончаться').

5. Форма на *-тэ ита* обозначает предшествование конца; действие совершено раньше, чем только что упомянутое, а состояние, возникшее в результате действия, выраженного формой на *-тэ ита,* прервано: *Юккури дэкакэтэ ику ути, ки-но сита-ни* отитэ ита-*но-о мина хока-но кодомо-ни хироварэтэ симаимасита* 'Пока он медленно шел, все, что валялось (букв. *упав было)* под деревьями, было подобрано другими детьми'. Речь здесь идет о моментальном действии. Длительным был лишь его результат. Обозначая предшествование другому прошлому действию, которое может быть выражено и формой непредшествующего времени, форма на *-тэ ита* и в этих случаях является формой плюсквамперфекта.

Таким образом, все оттенки значения формы на *-тэ ита* от глаголов действия и состояния (о форме на *-тэ ита* от отглагольных прилагательных см. в § 11) свойственны и формам плюсквамперфекта в других языках. Отсутствие при-

меров употребления формы на *-тэ ита* в речи о будущем также характерно для этого относительного времени.

§ 7. Форма на *-тэ атта*

Форма на *-тэ атта* (*атта* могло заменяться более вежливой формой — *гозатта*) в текстах XVI—XVII вв. встречается сравнительно редко. Так, в 18 кёогэнах на 77 форм типа *тоттэ ару* приходится только 2 формы типа *тоттэ атта*. В ту эпоху в большинстве случаев эта форма была синонимична форме на *-тэ ита (вотта)*, т. е. могла образоваться от непереходных глаголов и не имела страдательного значения.

В современном языке форма на *-тэ атта* всегда имеет чисто плюсквамперфектное значение со страдательным оттенком и образуется только от переходных глаголов. Она употребляется:

1. Для указания на прекращение состояния, возникшего в результате действия, выраженного формой на *тэ* : *Со:ситэ, дзидо:ся-но усиро-ни* цукэтэ атта, *бэцуно курума-о моттэ китэ, торицукэмасита* (Т, III, 97) 'И взяв другое колесо, *прикрепленное* сзади автомобиля, поставил [его]'; *Хэя-но суми-ни* оитэ атта *Синсю:ниппо:-но тодзикоми-о котти-но тэ:буру-э моттэ кита* (А, 85/3) '[Он] перенес на стол подшивку газеты «Синсюуниппоо», *лежавшую* в углу комнаты'.

2. Для указания на давно начатое действие, являющееся фоном для следующих действий: *Ватакуси-но ути-ни, ямагарага иппа* каттэ аримасита (Т, IV, 54) 'У меня дома *выкормили* синицу' или 'У меня дома *держали* синицу'. Из-за того, что речь идет об одушевленном предмете, не ясно, выражает ли эта форма предшествование конца (в этом смысле дан первый перевод) или предшествование начала (второй перевод).

3. Для указания на действие, завершенное до упомянутого ранее: *Юкикосан-мо, укэтотта хагаки-о ёндэ мимас то, яппари, «Синнэн омэдэто: годзаимас.» то* кайтэ аримасита (Т, IV, 79) 'Когда Юкико тоже попробовала прочесть полученную открытку, оказалось, что там также *было написано:* «С Новым годом, с новым счастьем»'.

Для обозначения действия, которое должно было совершиться раньше, чем какое-то другое, но не совершилось, употребляется форма на *-тэ накатта* : *Сорэкара мэси-о сумаситэ сугу гакко:-э дэкакэта. Куцу-ва* мигайтэ накатта (Н, 97/2) 'Затем [я] сразу после завтрака направился в школу. Ботинки *оказались неначищенными*'.

В этом предложении форма на *-тэ накатта* придает глаголу страдательное значение, что соответствует и смыслу предложения: действие должно было производиться не самим рассказчиком, а другим лицом (в японских гостиницах ботинки чистит горничная). Однако в русском переводе этой

повести читаем: «Покончив с едой, я тут же направился в школу и ботинки не почистил»[3]. Этот перевод неточен, так как для передачи такой мысли («Ботинки не почистил») следовало бы употребить глагол в действительном залоге: *Куцу-ва мигаканакатта* или *Куцу-ва мигайтэ инакатта.*

Раздел IV

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 8. Отглагольные прилагательные на *-та/-тэиру*

Употребление некоторых глагольных форм на *-та* в значении прилагательных отмечал еще Кольядо [см. 220, 11].

Д. Смирнов писал: «Одну из особенностей японского языка составляет то, что настоящие и прошедшие времена всех глаголов могут быть употребляемы как прилагательные» [110, 268]. Из этого видно, что Д. Смирнов смешивал отглагольные прилагательные в собственном смысле слова и глагольные формы в позиции определения.

В чем же разница между ними? Превращение в прилагательное происходит при изменении временно́го значения формы на *-та* — из формы предшествующего времени она превращается в форму непредшествующего. К отглагольным прилагательным можно отнести только часть форм, приведенных Д. Смирновым: *сигетта* 'густой', 'обильный', *тосийотта* 'старый', 'в годах' (но не 'постаревший', так как эту форму можно применить, говоря о человеке, которого видишь в первый раз), *сугурета* 'избранный', 'лучший', *небатта* 'липкий', 'прилипчивый' [см. 110, 270].

Следует согласиться с А. А. Холодовичем, который отметил, что «в прилагательное на наш взгляд преобразуется только та форма на *-та,* которая имеет значение перфекта...» [135, 306].

Иными словами говоря, в основе значения отглагольного прилагательного на *-та* лежит указание на предшествующее действие, но не на всякое, а только на такое, результат которого сохраняется. Определяемое имя характеризуется уже с точки зрения качества.

Очень показательными в этом отношении являются отглагольные прилагательные *икита* 'живой', *нита* 'похожий'. Если бы они оставались глаголами, то означали бы соответственно 'бывший когда-то живым', 'бывший похожим', т. е. выражали бы то, что в момент, о котором идет речь, определяемое уже не имеет прежнего качества.

[3] Нацумэ Сосэки, Мальчуган, пер. с яп. Р. Карлиной, М., 1956, стр 22.

Давно было замечено, что в современном языке отглагольные прилагательные в форме на *-та* употребляются только в позиции определения: «Прошедшие прилагательные на *та*, когда бывают сказуемыми, заменяются причастием прошедшим с глаголом *иру* или *ору*, как: *икита* 'живой', *иките ору* 'жив'; *кита* 'пришедший', *ките иру* 'пришел', *айта* 'открытый', *айте иру* 'открыт'» [110, 269].

Однако в языке XVI—XVII вв. прилагательные на *-та* могли употребляться и в функции сказуемого главного предложения: *Ёку* нита (К, II, 398) 'Очень *похожа*'; *Котони коно кагаше-ва, ю:бэ-ёрива наво ё: фито-ни* нита (К, I, 357) 'Сегодня это пугало еще больше, чем вчера, *похоже* на человека'.

Но и в ту эпоху отглагольные прилагательные, как правило, употреблялись в определительной позиции: *До:зо ё:суно* чиго:та *токоро-е икитай* (К, I, 182) 'Хочу как-нибудь пойти в *другое* место'; *Соно* фирафирато шита *моно, нуйдэ, кочи-е вокосо* (К, I, 193) 'Снимай твои *развевающиеся* одежды и давай сюда'; *Ияия,* музато шита *кото-во ивашимасу* (К, I, 391) 'Говорят ерунду (букв. *ерундовые* вещи)'; Фиробирото шита *яшики-ни* ... (К, II, 429) 'В *просторных* хоромах...'; *Но:но:, соната то мидомо-ва, ниатта ёи цурэ-джя но* (К, II, 149) 'Ну, мы с тобой хорошие, *подходящие* попутчики'; *Корэ-га нару-фодо* саета *ёи канэ-дэ гозару*... (К, II, 231) 'Это хороший колокол, [у него] очень *чистый* [звук]...'. Ср. также: воита *ума* (Е, 486) '*старая* лошадь', *тотто* коета *фато* (Е, 483) 'очень *жирный* (<разжиревший) голубь', тошиётта *гёжин* (Е, 488) '*пожилой* рыбак'.

Форма типа *икита* 'живой' происходит от формы типа *икитару,* которая употреблялась и в старояпоиском языке; в этом языке суффикс *-тару* вообще был суффиксом перфекта.

В XVI—XVII вв. отглагольные прилагательные были гораздо ближе к глаголу, чем теперь. В частности, синонимичность форм на *-та* и на *-тэ иру* была свойственна тогда и глагольным формам, так как глагольная форма на *-тэ иру* в большинстве случаев имела перфектное значение.

Вопросу об отглагольных прилагательных в современном языке посвящена специальная статья А. А. Холодовича, где описываются, в частности, и различные морфологические типы таких прилагательных [см. 134, 347—363].

Как же рассматривают вопрос об отглагольных прилагательных (по нашей терминологии) японские лингвисты?

Ямада Ёсио использовал пример тогатта *яма* '*остроконечная* гора' как аргумент для отрицания того, что морфема *-та* есть формант прошедшего времени, т. е. Ямада не отделяет глагольных прилагательных от глаголов [см. 209, 120].

Токиэда Мотоки считает *-та* у отглагольных прилагательных суффиксом, а у глаголов, согласно японской грамматиче-

ской традиции, — отдельным вспомогательным глаголом [см. 195, 198—199].

Киндаити Харухико относит те формы, которые мы называем отглагольными прилагательными, к одному из четырех видов глаголов состояния — «виду чистого состояния». Киндаити отмечает, что «особенностью этого вида чистого состояния является то, что он не имеет никакого отношения к возникновению действия. Могут спросить: а как же тогда включать его в виды? Но его удобнее объяснять, противопоставляя другим видам...» [164, 76—77].

Приведя пример — *Коно мити-ва магаттэиру* 'Эта дорога извилиста',— Киндаити указывает, что «вид чистого состояния выражается здесь формой на *-тэиру*. Если бы это предложение означало, что дорога „производит действие искривления", *-тэиру* выражало бы прогрессивный вид. Если бы это означало, что дорога раньше была прямой, а затем в силу каких-то обстоятельств искривилась и в результате этого находится теперь в искривленном состоянии, то *-тэиру* было бы перфектным видом.

Однако ясно, что ни того, ни другого значения здесь нет. Глагол *магару* совершенно не выражает ни действия, ни процесса; он выражает, так сказать, адъективное значение, поэтому не может быть мысли о возникновении или окончании действия. При этом форма *магаттэиру* обозначает то, что [дорога] находится в определенном состоянии. Такую форму, которая, не имея в виду возникновения или завершения явления, выражает определенное состояние, я думаю назвать «видом чистого состояния».

Примеры, подобные *мити-ва магаттэиру,* совсем не являются редкими. Их можно привести много: *Яма-га усирони собиэтэиру* ['Позади возвышается гора']; *Хидэёси-но као-ва сару-ни нитэиру* ['Лицо Хидэёси похоже на обезьянье']; *Ано отоко-ва гаттири-ситэиру* ['Этот мужчина упрямый'].

Особенностью этих форм является то, что в определительной позиции они могут быть выражены и формой на *та* : *магатта мити=магаттэиру мити* ['извилистая дорога'], *сару-ни нита као = сару-ни нитэиру као* ['лицо, похожее на обезьянье']» [164, 77].

Объединяя в одну группу форму на *-та* и синонимичную ей форму на *тэиру*, Киндаити вплотную подходит к мысли, что такие формы являются прилагательными, по крайней мере по значению.

Однако Киндаити дает этим формам более широкое определение, называя их формами, выражающими состояние. Кроме того, к этому же виду чистого состояния он относит и глаголы наличия, например глагол *ару* в предложении *Хон-га ару* 'Есть книги', хотя между формами *ару* и *магаттэиру* нет ничего общего ни морфологически, ни по граммати-

ческому значению. В определительной позиции *ару* нельзя заменить формой *атта* без изменения смысла: *атта хон* значит 'книга, которая была', что противопоставляется по значению *ару хон* 'книга, которая есть', в то время как формы *магатта мити* и *магаттэиру мити* синонимичны.

Характерно, что в тот же вид чистого состояния Киндаити включает и формы, производные от прилагательных, например *о:кисугиру* в предложении *Коно хако-ва о:кисугиру* 'Этот ящик слишком велик', и формы прилагательных на *-й* и *-на,* и даже конструкцию «именное сказуемое + связка» [см. 164, 78]. Общее у этих форм только то, что от них не могут быть образованы формы с плюсквамперфектным значением, но об этом Киндаити как раз не упоминает.

Таким образом, прилагательные оказываются объединенными со связками и глаголами бытия в одну группу. В английском резюме своей статьи Киндаити называет их формы simple state form. Однако у него нет, с моей точки зрения, оснований называть эти формы особым видом, так как отсутствуют какие бы то ни было формы, противопоставленные прилагательным, глаголам бытия и связкам по видовому значению. Следовательно, их формы не принадлежат к видовым.

Остается коснуться вопроса, непосредственно относящегося к временам: являются ли формы отглагольных прилагательных временными?

А. А. Холодович склонен отвечать на этот вопрос отрицательно: «В перфективной семантике этой формы уже имелись налицо такие значения, которые сближают ее с формами прилагательного: значения вневременного характера» [135, 308].

«Благоприятным условием для сдвига в эту сторону оказывается, естественно, не предикативная, а атрибутивная функция... Только в такой конструкции глагольная форма на *-та/-тэ иру* смогла усилить вневременное значение, освободиться от него (видимо, от в р е м е н н о г о значения. — *Н. С.*) и полностью окачествиться. Здесь произошел отрыв этой формы от всех прочих родственных ей форм глагола и превращение ее в новую форму с новым содержанием. Здесь произошло расщепление одной морфемы *-та* на две самостоятельные морфемы: морфему претерита, с одной стороны, и морфему, выражающую качество, с другой стороны» [135, 309].

В другом месте А. А. Холодович пишет, что у отглагольных прилагательных типа *икшикисуру* 'оживленный' «отсутствует категория времени в том смысле, в каком она известна у глаголов (в частности, морфема *-та* — знак прошедшего времени у них имеет совсем иное, не временное значение; ср. *икшикитосита, харэбарэсита)*» [135, 294].

Действительно, форма на *-та* у отглагольных прилагательных приобретает совсем иное значение, чем у глаголов.

По моему мнению, это значение остается временным и является значением непредшествующего времени; я считаю, что те же прилагательные имеют и форму предшествующего времени (см. далее).

Надо отметить, что выделение категории отглагольных прилагательных имеет определенное практическое значение. Дело в том, что если форма на *-та* от какого-либо глагола становится отглагольным прилагательным, возникает необходимость переводить ее иначе, чем глагольные формы с теми же формантами. Отглагольные прилагательные лексикализуются, попадают в японско-английские и японско-русские словари на правах особых лексем.

Особенно часто встречаются отглагольные прилагательные в художественной литературе: *мосомосо-сита* (Грин, 6) 'ворчливый [голос]' (в словаре Кацумата не зарегистрировано), *симэтта* (Грин, 4) 'влажный', кибанда *курэгата-но иро* (А, 176/1) 'цвет *желтоватого* заката', нэтинэти-сита *тё:си* (А, 176/3) '*раздраженный* тон', асэдзимита *эри* (А, 176/2) '*пропотевший* воротничок', куродзунда... *хаори* (С, 26/1) '*темное*... хаори', сунда *ку:ки* (И, 101/1) '*чистый* воздух', *атама-но хагэта* (там же) 'лысый', гэбита *до:рё:тати* (А, 176/2) '*вульгарные* сослуживцы', кацуё:-сита *онооно-но катати* (Хасимото, 212) 'всевозможные *спрягаемые* формы'.

Все же в словарях нет еще определенного подхода к отглагольным прилагательным. Иногда они даются сразу в форме на *-та*. Иногда же приводятся в форме на *-у* (например *нэбанэбасуру* в словаре под редакцией Кацумата), а пример в форме на *та*. Видимо, авторы словарей стремятся дать «исходную форму», считая таковой форму на *-у*, даже тогда, когда она практически не употребляется.

Однако в текстах мы не находим отглагольных прилагательных в форме на *-у*. Там, где можно было бы их ожидать, встречаются прилагательные в форме на *-та*: *аоао-сита* (Нагаи, 152/3) 'свежий', 'зеленый', фурубита *тансу* (Нагаи, 153/2) '*старый* комод', *бо:бо:то-сита* (Нагаи, 183/2) 'обширный', фунвари-сита *кэ* (Кокуго, 4[2], 120) '*мягкая* шерсть' (в словаре Кацумата дается только *фу:варито-сита*) и т. д.

Отглагольные прилагательные, происходящие от глагольных корней, могут иметь и отрицательную форму: *...Имава мо: Мицуко-но кокоро-но нака-дакэ-ни-сика* икитэинай *хахани ёбикакэру-но дэсита* (Кокуго, Тю:гаку, 2[1], 97) '...Обращалась к матери, *живой* теперь уже только в сердце Мицуко'.

§ 9. Срединные формы отглагольных прилагательных

Японские грамматисты, по крайней мере в известных мне работах, не ставят вопроса о том, имеют ли слова, которые мы называем отглагольными прилагательными, срединную

форму, рассматривая их лишь в определительной и заключительной позициях.

Вопрос о срединных формах отглагольных прилагательных подробно освещается А. А. Холодовичем в связи с установленной им категорией «аппозитивного атрибута» в японском языке. Я коснусь лишь части этого вопроса — формы на *-тэ* от отглагольных прилагательных.

Приводя пример — *Ю:бэ мо нандака* ясэтэ *нэ каэттэ кимасита юмэ-о мита н дэсу моно* (Токутоми Р., 441) 'Вчера вот тоже видел сон, будто он вернулся весь такой *исхудавший!*', — А. А. Холодович пишет: «В этом предложении утверждается, что признак юноши — „исхудавший" обнаруживается в тот самый момент, когда он оказывается вернувшимся домой... Весь интерес сосредоточен на являющемся признаке. Эту особенность аппозитивного атрибута-причастия надо специально подчеркнуть потому, что ходячие представления о форме *-тэ* ... связывают наличие ее в языке с выражением действия или состояния, предшествующего другому действию или состоянию. Абсурдность абсолютизации этого, кстати, несущественного признака формы *-тэ* ясна из приведенного примера. Автор, конечно, не хочет сказать, что юноша вернулся „после того, как исхудал" или „первоначально исхудав"» [135, 392].

По мнению А. А. Холодовича, и в предложении *Амэ-ни* нурэтэ *яттэ кита* 'Пришла мокрая *(промокшая)* от дождя' «не утверждается, что ... „она пришла после того, как промокла от дождя"» [135, 393]. «Форма на *-тэ* выражает признак, независимый от сказуемого, а потому равноправный с ним» (там же). Однако как раз эти примеры не особенно хорошо подтверждают мысль (которая сама по себе правильна) о том, что форма на *-тэ* отглагольных прилагательных не выражает предшествования как такового (что бы ни выражали формы, из текста ясно, что юноша сначала исхудал, а потом пришел, она сначала промокла, а потом пришла). Более убедительны примеры, в которых форма на *-тэ* обозначает п о с т о я н н ы й признак: *Сэ-ва* сурарито-ситэ *такаку, бо:-си-нива вадзато кисё:-мо цукэтэ най* (И, 101/2) 'Фигура [у него была] *стройная*, высокая, на фуражке нарочно не [был] прикреплен [студенческий] значок'. Из этого примера видно, что отглагольное прилагательное в форме на *-тэ* выражает не предшествование данного свойства всем остальным, а их одновременность (фигура была и стройной и высокой одновременно).

По моему мнению, срединная форма отглагольных прилагательных на *-тэ*, будучи формой непредшествующего времени, обозначает, что качество, выраженное этой формой, сосуществует с процессом, выраженным сказуемым главного предложения: икэтэ *каэру* [см. 135, 394] 'вернуться *живым*';

Мата нинэн-ситэ онна-но ко-га синдэ *умарэта* (Сига, 140/1) 'Прошло два года, и родилась *мертвой* девочка'.

Этой форме противостоит срединная форма на *-тэитэ*, обозначающая большей частью предшествование начала: *Сё:-мэн-ни, мацу-но ки-га* сигэттэитэ, *сирой ягура-га миэмасита* (Сёто:, II, 134) 'Прямо впереди была густая (букв. *загустев быв*) сосновая роща, а за ней виднелась белая башня' (сосновая роща разрослась раньше, чем перед путниками показалась башня).

§ 10. Предшествующее время отглагольных прилагательных

Как уже говорилось выше, А. А. Холодович считает, что отглагольные прилагательные не имеют форм времени. «Глагол, характеризующийся морфемой *-та*, — пишет А. А. Холодович, — попадая в состав атрибутивной модели на правах атрибута, при соответствующем определяемом (реальный субъект у непереходных глаголов, реальный объект у глаголов переходных) теряет доминирующее претеритальное значение, в нем усиливается до предела перфективная семантика (перфект состояния), последовательное усиление этой семантики ведет к освобождению глагола от временных свойств, к его окачествлению. Это окачествление ведет к сдвигам в семантике морфемы *-та*. Перфективная семантика в ней затухает, она приобретает значение показателя качества» [135, 360].

Однако в японском языке, как и в китайском и корейском, прилагательные ближе стоят к глаголам, чем к именам. Так, прилагательные на *-й* изменяются по временам. Поэтому приобретение глагольными формами на *-та/-тэиру* значения качества может быть и не связано с утратой временного значения (эту мысль я высказал еще в 1953 году, см. 116, 15—16).

Для доказательства того, что отглагольные прилагательные являются временными формами, надо показать, что эти прилагательные изменяются по временам. Рассмотрим примеры: *Со:ситэ, соно сигай-ва мина, сорэ-га, кацутэ* икитэита *нингэн-да тою: дзидзицу-саэ утагаварэру ходо, цути-о конэтэ цукутта нингё:-но ё:ни, ... юка-но уэни корогаттэ ита* (А, 4/3) 'И все эти трупы валялись на полу как [попало], словно глиняные манекены, так что можно было даже усомниться в том, что они прежде *были живыми* людьми'; *...Миру то,* синдэита *тай-га ханэмаваттэ иру* (МБ, III, 26) '...Смотрят, — морской окунь, который *был мертв,* бьется'; *Сака-га кю:-дэ, мити-га* дзимэдзимэ-ситэимасита *нодэ, Мацумуракун-га, субэттэ коробимасита* (Т, V, 28) 'Склон был крутым, а тропинка *была сырая*, поэтому Мацумура поскользнулся и упал'.

В этих примерах отглагольные прилагательные в форме на *-тэита* указывают на предшествование начала (тропинка стала сырой не тогда, когда по ней шли, а задолго до этого и т. п.). Поэтому можно считать, что форма на *-тэита* от отглагольных прилагательных является формой предшествующего времени.

Форма на *-тэита* употребляется и в главном предложении: *Сикаси карэ-но сё:дзо:га-ва докомо кандзэн-ни эгаитэ ару мононо, кутихигэ-дакэва надзэка* бонъяри-ситэита (А, 405/2—3) 'Однако, хотя его портрет был совсем написан, усы почему-то *были расплывчатыми*'. Здесь употреблена форма *бонъяри-ситэита*, так как имеется в виду, что портрет написан задолго до того, как на него стал смотреть рассказчик.

Из японских лингвистов изменение отглагольных прилагательных по временам признает проф. Киндаити: «*Ару* ['быть'], *сирой* ['белый'], *нитэиру* ['похожий'] и т. п. являются формами вида чистого состояния непрошедшего времени, а *атта, сирокатта, нитэита* и т. п. являются формами вида чистого состояния прошедшего времени» [164, 78]. Правда, говоря о «непрошедшем времени», Киндаити называет только форму *нитэиру,* но, как показано выше, в определительной позиции формам двух типов (*нита* и *нитэиру*) противопоставлена только одна форма типа *нитэита.*

От отглагольных прилагательных плюсквамперфект не образуется. Во-первых, в этом времени не употребляются обычные прилагательные (как и глаголы бытия и связки), во-вторых, для него уже не оказывается «свободной» формы.

* * *

Наконец, нужно остановиться на вопросе о том, все ли отглагольные прилагательные сосуществуют с полной парадигмой соответствующих глаголов.

Важное наблюдение делает А. А. Холодович относительно прилагательных на *-сита*: «Есть основания полагать, что парадигма этой подгруппы имен прилагательных недостаточная. Это значит, что форма типа *футо-суру* ('случайный'. — *Н. С.*) вряд ли возможна в практической речи» [135, 298]. Редкий случай применения подобной формы мне удалось зафиксировать: *Со:ю: токи, о-Эй-ва мё:ни укиукито-суру котога атта* (Сига, 5/3) 'В таких случаях о-Эй бывала удивительно *веселой*'. Но в этом предложении форма на *-суру* применена в особых синтаксических условиях, в которых форма на *-тэиру* почти невозможна, а форма на *-та* имеет значение однократности. Здесь же необходимо было применить форму, которая обозначала бы многократность действия или длительность состояния. По моим наблюдениям, в подобной синтаксической позиции таким значением обладает форма на *-у.*

Думается, в этом предложении форма на *-суру* вообще не имеет временного значения.

Но случаи применения формы на *-у* от отглагольных прилагательных очень редки, так что полнота парадигмы прилагательных на *-сита* действительно вызывает сомнения. Есть ли у них отрицательная форма, была ли их парадигма полнее в предыдущие эпохи — эти вопросы можно решить путем специального исследования памятников. Если окажется, что форма типа *укиукисуру* вообще реально не функционировала, то термин «отглагольные» по отношению к таким прилагательным на *-сита* придется понимать только в словообразовательном смысле. Не исключена возможность, что они появлялись постепенно, благодаря аналогии. На это, в частности, указывают прилагательные на *-сита*, образованные от китайских корней.

ВЫВОДЫ

1. Формы на *-та* и на *-тэ иру* нередко имеют перфектный оттенок значения, выражая законченное действие, результат которого сохраняется и при совершении следующих упоминаемых действий.

2. Этот оттенок значения присущ основе на *-т-* с давних времен. В языке XVI—XVII вв. формы на *-та* и на *-тэ иру (ару, вору)* были синонимичны, так как большинство форм на *-тэ иру (ару, вору)* имело перфектный оттенок значения.

3. В современном языке форма на *-тэ иру* при употреблении с перфектным оттенком также синонимична форме на *-та*.

4. Однако в современном японском языке нет особого глагольного времени — перфекта, так как глагольная форма на *-та* может и не указывать на сохранение результата действия, а форма на *-тэ иру* может обозначать и длительность самого действия (если форма на *-тэ* в ее составе указывает на начало, а не на конец действия). Тем самым форма на *-тэ иру* превратилась в форму непредшествующего времени.

5. Развитие оттенка длительности у формы на *-тэ иру* было связано и с ростом частотности ее употребления за последние века.

6. Форма на *-тэ иру* не является формой особого времени и потому, что временные значения каждого из ее компонентов сохраняются полностью: форма на *-тэ* указывает на предшествование начала (оттенок длительности) или на предшествование конца (перфектный оттенок), вспомогательный глагол *иру* (или его эквиваленты — *ору, ирассяру, оидэ-ни нару*) — на наличие действия или его результата в тот момент, о котором говорится.

7. В современном языке форма на *-тэ ару* обозначает

только результат совершившегося ранее действия, образуется от переходных глаголов и имеет страдательное значение, в большинстве случаев эта форма употребляется по отношению к неодушевленным предметам. В языке XVI—XVII вв. форма на *-тэ ару* была синонимична форме на *-тэ иру (вору)*, т. е. образовывалась и от непереходных глаголов, сохраняя значение действительного залога.

8. Нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что «все эти сочетания с *iru (oru)* и *aru* ничего специфического по существу не представляют...» [65, 179]. Форма на *-тэ иру* может выражать и действия (состояния) неодушевленных предметов, а наличие таких предметов в современном языке выражается только глаголом *ару*. Следовательно, форма на *-тэ иру* — не свободное сочетание обстоятельства со сказуемым, а особая аналитическая форма глаголов.

9. Вопрос о так называемом длительном виде, выражаемом формой на *-тэ иру (ору)*, нельзя считать достаточно изученным, так как не установлены правила употребления форм этого вида. В работе отмечается, что в речи о будущем формы длительного вида японского языка применяются сравнительно редко. Сходное явление наблюдается в английском языке XVI—XVII вв.

10. Перед многими союзными элементами формы длительного вида употребляются очень редко или не употребляются вообще. В частности, форма на *-тэ иру* не встречается перед союзными словами типа *мадэ* 'до' и т. п., обозначающими последование (предстояние). Следовательно, за последние триста лет употребительность формы на *-тэ иру* росла только в главном предложении, в определительной позиции и перед некоторыми союзными элементами. В остальных позициях форма на *-тэ иру* не появилась.

11. В языке XVI—XVII вв. (в частности, в кёгэнах), а также в диалектах современного японского языка существует аналитическая форма, состоящая из второй основы и глагола бытия *ору*. Эта форма, даже образованная от нейтральных глаголов, имеет бранное значение, поэтому она не вошла в национальный язык.

12. Форма на *-тэ ита* от глаголов действия и состояния может употребляться для обозначения предшествования ранее упомянутому действию, что напоминает употребление форм плюсквамперфекта в западноевропейских языках. Форма на *-тэ ита* создает фон, на котором развертываются дальнейшие события.

13. Другая форма плюсквамперфекта (на *-тэ атта*) имеет страдательное значение.

14. Форма на *-та* от некоторых, большей частью непереходных, глаголов обладает значением отглагольного прилагательного. При этом основа на *-т-* перестает

обозначать предшествование действия, выражая наличие качества предмета в тот момент, о котором говорится, т. е. имеет значение непредшествующего времени, что является развитием значения предшествования начала [4].

15. В современном языке отглагольные прилагательные употребляются в главном предложении только в форме на *-тэ иру,* а в определительной позиции в форме на *-та* и в форме на *-тэиру.* Отглагольные прилагательные существовали и в языке XVI—XVII вв., где и в главном предложении формы на *-та* и на *-тэиру* были синоимичны.

16. Если отглагольные прилагательные на *-та/-тэиру* являются формами непредшествующего времени, то противопоставленными им формами предшествующего времени являются формы на *-тэита* от тех же прилагательных, употребляющиеся во всех конечных синтаксических позициях.

17. Срединная форма на *-тэ* от основ отглагольных прилагательных является формой непредшествующего времени, ей противопоставлена форма предшествующего времени на *-тэитэ.*

[4] Против этого мнения выступил Б. В. Бейко. Он считает, что такие формы на *-та/-тэ иру* продолжают оставаться глаголами, что «значение „непредшествующего времени" типично вообще для глагольных форм в функции определения и не может служить доказательством адъективности последних» [10а, 8]. Но значение непредшествования имеют только формы на *-у* и на *-тэ иру.* Форма же на *-та* имеет значение предшествования: *сидзунда фунэ* 'затонувшее судно', а не 'судно, идущее ко дну' (ср. *сидзунда ото* 'глухой звук', где омонимичное отглагольное прилагательное имеет значение одновременности). К тому же Б. В. Бейко вообще не рассматривает вопросы об изменении отглагольных прилагательных по временам и о неполноте парадигмы многих глаголов, от которых произошли такие прилагательные. Можно ли по-японски сказать *Карэ-ни нимасё:* 'Будем похожи на него', *Дэппури-ситай* 'Хочу быть толстым'? Очевидно, нет. А ведь отсутствие форм многих наклонений есть грамматическая особенность именно прилагательных, в том числе и отглагольных.

Кстати, для доказательства наличия тех или иных форм нужно приводить примеры из художественной литературы и публицистики, а не из словарей и грамматик (как это делает Б. В. Бейко), которые нередко дают исходную форму (на *-у*) даже в том случае, когда она фактически не употребляется. Но в большинстве случаев форм на *-у* от отглагольных прилагательных не приводят и словари.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 1. О системе времен

Как показывает весь материал работы, грамматические категории времен функционируют в языке не разобщенно, а представляют собой определенную систему. Система времен есть совокупность противопоставленных друг другу рядов временных форм. В каждый ряд входят все формы одного времени. Любая из форм одного ряда соответствует по признакам, отличающим ее от других форм того же ряда, форме другого ряда, противопоставленной ей по времени. В японском языке формы одного ряда (т. е. времени) различаются между собой по конечности — срединности, по наклонениям, по видам, по залогам. Во многих других языках формы одного времени различаются также по лицам, по числам, по грамматическим родам. В старояпонском языке все конечные формы одного и того же времени делились на определительные и заключительные.

Системность, свойственная временам, обязывает исследовать их с учетом характера всей системы времен данного языка в определенный период, выявляя конкретные правила употребления каждого времени в отличие от другого. Как показано в работе, даже формы одного и того же времени, принадлежащие к разным наклонениям или видам, могут иметь неодинаковую употребительность, не встречаться в некоторых из тех синтаксических позиций, в каких встречаются формы того же времени другого наклонения или вида.

С развитием языка употребительность форм разных наклонений и видов может изменяться. Так, в определительной позиции почти совершенно исчезли формы всех наклонений, кроме изъявительного и отрицательного (изредка — желательного), формы которых заменили собой в этой позиции формы некатегорических наклонений — вероятного, дубитативного и желательно-вероятного. В большинстве позиций увеличилась употребительность форм длительного вида обоих времен за счет форм на *-у* и на *-та*. Судя по моим наблюдениям, в повествовательных жанрах за последние триста лет выросло употребление конечных форм за счет срединных, что можно объяснить ростом числа и употребительности сою-

зов, сближением с разговорным языком. Все это несколько меняет характер системы времен, но не нарушает ее.

Однако рост употребительности срединной формы предшествующего времени типа *тоттэ* за счет срединной формы непредшествующего времени типа *тори* (когда речь идет о равносильных, а не второстепенных действиях) может привести к тому, что форма типа *тоттэ* потеряет временное значение вообще и превратится в срединную сочинительную форму (ср. творительный падеж на *-дэ*, который не имеет временного значения, со старыми формами *-дэ аттэ* и *-дэ ари*). Подобное явление разрушает систему времен, существовавшую ранее в срединной позиции.

Это объясняется постоянным, хотя и медленным изменением грамматического строя в целом, с другими ингредиентами которого система времен тесно взаимодействует.

§ 2. Парадигмы спряжения по временам

Конечные (определительно-заключительные) формы современного языка

I. Глаголы

I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение

Невидовые формы

Непредшествующее время		Предшествующее время	

Изъявительное наклонение

тору 'беру', 'буду брать'	*миру* 'вижу', 'буду видеть'	*тотта* 'брал', 'взял'	*мита* 'видел' 'увидел'

Вероятно-пригласительное наклонение

торо: 'возьму-ка'	*миё*: 'взгляну-ка'	*тоттаро:* 'вероятно брал (взял)'	*митаро:* 'вероятно видел'

Отрицательное наклонение

торанай 'не беру'; 'не возьму; 'не взял'	*минай* 'не вижу', 'не увижу', 'не видеть'	*торанакатта* 'не брал', 'не взял'	*минакатта* 'не видел'

Желательное наклонение

торитай 'хочу взять'	*митай* 'хочу видеть'	*торитакатта* 'хотел взять'	*митакатта* 'хотел видеть'

Длительный вид

Непредшествующее время		Плюсквамперфект	

Изъявительное наклонение

тоттэ иру 'беру'; 'взял'	*митэ иру* 'вижу'	*тоттэ ита* 'брал', 'уже взял'	*митэ ита* 'видел', 'уже увидел'

Вероятно-пригласительное наклонение

тоттэ иё: 'подержу-ка'	*митэ иё:* 'посмотрю-ка'	*тоттэ итаро:* 'вероятно брал (держал)'	*митэ итаро:* 'вероятно видел'

Отрицательное наклонение

тоттэ инай 'не держу', 'не взял' *митэ инай* 'не жу'; 'не увидел' *тоттэ инакатта* 'не брал', 'не взял' *митэ инакатта* 'не видел'

Желательное наклонение

тоттэ итай 'хочу держать' *митэ итай* 'хочу смотреть' *тоттэ итакатта* 'хотел держать' *митэ итакатта* 'хотел видеть'

Страдательный перфект Страдательный плюсквамперфект

Изъявительное наклонение

тоттэ ару 'взят' *митэ ару* 'просмотрен' *тоттэ атта* 'был взят' *митэ атта* 'был просмотрен'

Отрицательное наклонение

тоттэ най 'не взят' *митэ най* 'не просмотрен' *тоттэ накатта* 'не был взят' *митэ накатта* 'не был замечен'

II. Прилагательные

Непредшествующее время Предшествующее время

Изъявительное наклонение

такай 'высокий', 'высок' *такакатта* '[который] был высоким'
икита, икитэиру 'живой', 'жив' *икитэита* '[который] был живым'

Вероятное наклонение

такакаро: 'вероятно высок' *такакаттаро:* 'вероятно был высоким'

Отрицательное наклонение

такакунай 'невысокий', 'невысок' *такакунакатта* '[который] не был высоким'
икитэинай 'неживой' *икитэинакатта* '[который] не был живым'

Как показано выше, очень часто в речи о прошлом формы непредшествующего времени, указывающие на одновременность выражаемого ими действия с другим прошлым действием, должны переводиться на русский язык формами прошедшего времени. Для краткости эти переводы опущены. Иногда дается два перевода одной формы (например, *тору* 'беру', 'буду брать'), но это не значит, что в японском языке данная форма имеет два значения. Ведь все формы на *-у* могут употребляться как в речи о постоянных или одновременных процессах, так и в речи о последующих (будущих) процессах (вопрос о том, насколько часто глаголы на *-у* употребляются в речи о настоящем, подлежит специальному исследованию, посвященному видам). Следовательно, система японского глагола не различает одновременности и последования. Форма на *-у* имеет одно значение.

Морфологически к формам непредшествующего времени примыкают и формы повелительного, запретительного и дубитативного наклонений:

I спряжение	II спряжение
Повелительное наклонение	
торэ 'бери'	*миё/миро* 'смотри'
Запретительное наклонение	
торуна 'не бери'	*мируна* 'не смотри'
Дубитативное наклонение	
торумай 'вряд ли возьму'	*мимай* 'вряд ли увижу'

Однако эти формы не являются временными, так как не имеют противопоставленных себе по грамматическому значению форм предшествующего времени. Следовательно, они не входят в систему временных форм.

Вопрос о наклонениях в японском языке — спорный. Классификация, принятая в работе, ближе всего стоит к классификации проф. Е. М. Колпакчи, которая признавала самостоятельными наклонениями отрицательное и запретительное, а также вероятно-пригласительное [см. 62; 63; 64].

Основания для такой классификации следующие: 1. Каждое наклонение представляет собой особый ряд синтетических форм, обладающих общим формантом и особым модальным значением. Если же включать в изъявительное наклонение и положительные, и отрицательные, и вероятные, и дубитативные (т. е. отрицательно-вероятные) формы, как это делают многие авторы, то будет непонятно общее модальное значение такого конгломерата форм [ср. 128, 857]. 2. Если относить формы запретительного наклонения к повелительному, то этим будет игнорироваться морфология запретительных форм: ср. *торэ* 'бери' и *торуна* 'не бери'. Ясно, что форма *торуна* гораздо ближе к форме *тору* 'беру', чем к форме *торэ* 'бери'.

Кроме того, в работе показано различное употребление временных форм разных наклонений; значит, они различаются и синтаксически — по сочетаемости.

Надо учесть и тот факт, что наличие желательного наклонения в японском языке ни у кого не вызывает сомнений. Это говорит о влиянии грамматик европейских языков на точку зрения многих европейских японистов, которые находят в японском языке лишь наклонения, имеющиеся в латинском, и не признают наклонений, присущих только японскому и другим восточным языкам.

Особенностью японского языка является то, что каждый

глагол может принимать одновременно форманты двух наклонений, двух залогов, двух времен. Поэтому фактически форм больше, чем представлено выше. Разумеется, эти сложные формы не могут включать в себя форманты, противоположные по значению. Общепризнано существование побудительно-страдательного залога типа *торасэрарэру* 'заставляют взять' (букв. 'быть заставляемым взять'). Правда, желательно-отрицательную форму типа *торитаку-най* 'не хочу брать' теперь я считаю аналитической формой одного — нежелательного — наклонения. Некоторые авторы полагают, что одна форма не может сразу относиться к двум или трем наклонениям. Видимо, это является одной из причин, препятствующих признать отрицательные формы особым наклонением. Но все авторы отмечают в японском языке наличие двойных падежей: исходно-родительного, направительно-родительного, например: *тити-эно тэгами* 'письмо отцу' (букв. 'отцуское письмо'). Значит, одновременная принадлежность к двум грамматическим категориям одной и той же системы представляет собой не исключение, а характерную особенность грамматического строя японского языка. В системе времен такими же сложными формами являются аналитические формы на *-тэ иру* и на *-тэ ару*, в которых форма на *-тэ* принадлежит к предшествующему времени (с оттенком значения предшествования начала или предшествования конца), а формы *иру* и *ару* — к непредшествующему времени.

Конечные формы языка XVI—XVII вв.

I. Глаголы

I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
Непредшествующее время		Предшествующее время	
Изъявительное наклонение			
тору 'беру'	*миру* 'вижу'	*тотта, тоттэ иру* (*вору*) 'брал', 'взял'	*мита, митэ иру* (*вору*) '[у]видел'
Отрицательное наклонение			
торану 'не беру', 'не взял'	*мину* 'не вижу', 'не увидел'	*торананда, торанандэ ару* 'не брал'	*минанда, минандэ ару* 'не видел'
Желательное наклонение			
торитаи 'хочу взять'	*митаи* 'хочу увидеть'	*торито: атта* 'хотел взять'	*мито: атта* 'хотел увидеть'

II. Прилагательные

Непредшествующее время	Предшествующее время
такай 'высокий', 'высок'	*такакатта* '[который] был высоким'
икита, икитэиру 'живой', 'жив'	*икитэита* '[который] был живым'

В языке XVI—XVII вв. глаголы (кроме глаголов бытия и связок) уже имели особое относительное время — плюсквамперфект: формы типа *тоттэ ита (вотта, атта)* 'уже взял'.

Формы вероятно-пригласительного наклонения на *-о:/-о:зу/-о:зуру* не могут быть отнесены к временным, так как противопоставленная им в современном языке форма типа *тоттаро:* в текстах XVI—XVII вв. не зафиксирована. Кроме того, эти формы могли употребляться в речи о всех трех отрезках времени. Очень часто такие формы употреблялись в речи о будущем, поскольку все будущие действия рассматривались в новояпонском языке только как вероятные.

В языке XVI—XVII вв. формы на *-тэ иру* были синонимичны формам на *-тэ ару (гозару, вору)*, а также формам на *-та*, так как в большинстве случаев употреблялись в перфектном значении. Поэтому их еще нельзя считать формами длительного вида непредшествующего времени. В связи с этим и формы на *-тэ ита* в языке XVI—XVII вв. не являются формами длительного вида предшествующего времени, так как в ту эпоху они выступали в таком значении очень редко.

Форманты отрицательного наклонения *-ну, -нанда* свойственны западным диалектам и в настоящее время. Суффиксы современного литературного языка *-най, -накатта* взяты из восточных диалектов.

Срединные формы современного языка

I. Глаголы

I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
Непредшествующее время		Предшествующее время	
Положительное наклонение			
тори[нагара]	*ми[нагара]*	*тоттэ*	*митэ*
торинагара-мо	*минагара-мо*	*тоттэ-мо*	*митэ-мо*
тору-томо	*миру-томо*	*тоттаттэ*	*миттаттэ*
торэба	*мирэба*	*тоттара[ба]*	*митара[ба]*
Отрицательное наклонение			
торанаку	*минаку*	*торанакутэ*	*минакутэ*
торанайдэ	*минайдэ*		
торадзуни	*мидзуни*		

Желательное наклонение

торитаку *митаку* *торитакутэ* *митакутэ*

II. Прилагательные

Непредшествующее время	Предшествующее время
такаку, икитэ	*такакутэ, икитэитэ*
такакэрэба	*такакаттара*[*ба*]

Особые срединные формы вероятного наклонения в современном языке не сохранились. Поэтому прежние изъявительные формы, оставшиеся в языке, не различают более достоверности и вероятности и назвать их формами изъявительного наклонения нельзя.

Собранных в работе материалов недостаточно для того, чтобы утверждать, что формы на *-ку* и на *-кутэ* противопоставлены одна другой не только по морфологическому строению, но и по временному значению. Вопрос о том, являются ли эти формы временными, нуждается в дополнительном исследовании.

Ударение у срединных форм на *-тэ* такое же, как и у конечных форм на *-та*. «С этой точки зрения, — пишет известный японский фонетист проф. Сакума Канаэ, — можно полагать, что *-тэ* рассматривается как форма спряжения *-та*» [186, 535].

С присоединением частицы *-мо* к деепричастиям на *-тэ* от глаголов ровного тона эти деепричастия получают высокое ударение: *яттэ,* но *яТТЭмо* от *яру* 'делать'; *нитэ,* но *ниТЭмо* от *ниру* 1) 'быть похожим', 2) 'варить' (омонимы); *яитэ,* но *яИТЭмо* от *яку* 'жечь'. Точно такое же повышение приобретают глаголы ровного тона, если к деепричастию присоединяется частица *-ва: тондэ,* но *тоНДЭва* от *тобу* 'летать' [см. 154, 39]. У глаголов с высоким ударением с присоединением к основе частиц *-мо* и *-ва* место ударения не меняется: *ТАттэмо* от *ТАцу* 'стоять'; *КАэттэва* от *КАэру* 'возвращаться' [см. там же].

Значит, сочетание «деепричастие на *-тэ*+частица» приравнивается в языке к одному (производному) слову. Это подтверждает правильность принятой в работе орфографии, по которой частицы пишутся через дефис, а не раздельно.

С присоединением суффикса *-ба* к основе на *-э* от глаголов ровного тона также возникает высокое ударение, начиная со второй моры: *тоБЭба* от *тобу* 'летать'; *иРЭба* от *иру* 'быть'; *суРЭба* от *суру* 'делать'; *аКЭРЭба* от *акэру* 'рассветать'.

У глаголов с высоким ударением с присоединением к основе суффикса *-ба* место ударения не меняется: *ТАтэба* от *ТАцу* 'стоять'; *МИрэба* от *МИру* 'видеть'; *КУрэба* от *КУру* 'приходить'; *уГОкэба* от *уГОку* 'двигаться' [см. 154, 28—29].

В формах типа *сиТТАра* от *сиру* 'знать', *киЙТАра* от *кику* 'слышать' [см. 186, 536] глаголы ровного тона приобретают высокое ударение, начиная со второй моры слова и кончая первой морой суффикса. Иными словами, ударение у них такое же, как у сложных слов (состоящих из двух корней), в которых высокое ударение перемещается к морфологической границе, а период высокого голосового тона также начинается со второй моры и кончается первой морой второго компонента.

Глаголы с высоким ударением, если к основе присоединяется суффикс *-тара*, сохраняют ударение на корне: *МИтара* от *МИру* (там же) 'видеть'; *Окитара* от *оКИру* 'вставать', *уГОйтара* от *уГОку* 'двигаться' [см. 154, 39].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1966.
2. Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1969.
3. Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, — Полное собрание сочинений, т. 18.
4. Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полное собрание сочинений, т. 1.
5. Ленин В. И., Философские тетради, Л., 1947.
6. Аврорин В. А., О категориях времени и вида в нанайском языке, — сб. «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948.
7. Аврорин В. А., О категориях времени и вида в маньчжурском языке, — «Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка», 1949, т. VIII, вып. 1.
8. Аврорин В. А., Грамматика нанайского языка, том второй, Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц, М.—Л., 1961.
9. Алиева Н. Ф., К характеристике глагольных категорий индонезийского языка, — сб. «Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада», М., 1967.
10. Бабинцев А. А., О структуре придаточных предложений в японском языке, — «Ученые записки ЛГУ», № 305, серия востоковедческих наук, вып. 12. «Языки народов Востока», Л., 1961.

10а. Бейко Б. В., Глаголы японского языка в функции качественного определения, — «Вопросы японской филологии», вып. 1, Изд-во МГУ, М., 1970.

11. Блиох И. С., Употребление глагольных временных форм в придаточных предложениях времени в современном английском языке, автореф. канд. дисс., М., 1954.
12. Богомолова О. И., Современный французский язык, М., 1948.
13. Бондарко А. В., Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках, автореф. канд. дисс., Л., 1958.

13а. Бондарко А. В., Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII вв., — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», Л., 1958, т. 173.

13б. Бондарко А. В., Система глагольных времен в современном русском языке, — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.

13в. Бондарко А. В., По поводу теории синтаксического индикатива и релятива, — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 225. «Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка», Л., 1962.

14. Бондарко А. В., Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом о «темпоральности»), — «Вопросы языкознания», 1965, № 6.

14а. Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Русский глагол, Л., 1967.

14б. Бондарко А. В., К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и „аспектуальность“ в русском языке), — «Вопросы языкознания», 1967, № 2.

14в. Бондарко А. В., Кратно-соотносительное употребление форм настоящего-будущего и прошедшего совершенного в современном рус-

ском языке, — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 281, «Проблемы русского языкознания», Л., 1968.
14г Бондарко А. В., Частные значения грамматических форм и функционально-семантические микрополя (на материале русского глагола). — «Sborník Pedagogické Fakulty University Karlovy», Filologické Studie I, v Praze, 1969.
15. Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, т. II, 4-е изд., Киев, 1953.
16. Бунина И. К., Система времен старославянского глагола, М., 1959.
16а. Бунина И. К., История глагольных времен в болгарском языке, Времена индикатива, М., 1970.
17. Былова А. В., О семантике временных форм персидского глагола, автореф. канд. дисс., М., 1950.
18. Вардуль И. Ф., Наблюдения над синтаксисом японского сложного предложения по материалам Кобаяси Такидзи, канд. дисс., М., 1953.
19. Вардуль И. Ф., Предложения с простым именным сказуемым в современном японском языке, — «Кр. сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», 1958, вып. XXIV.
20. Вардуль И. Ф., Значения суффикса *-тари* в современном японском языке, — сб. «Японский язык», М., 1963.
21. Вардуль И. Ф., О спряжении в современном японском языке, — сб. «Китай, Япония. История и филология», М., 1961.
22. Василевская Н. М. и Ганшина М. А., Грамматика английского языка, М., 1955.
23. Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, М., 1947.
24. Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в русском языке, — «Труды Ин-та русск. языка», М.—Л., 1950, т. II.
25 Гадд Н. Г. и Браве Л. Я., Грамматика немецкого языка для III и IV курсов вузов и втузов, под ред. проф. Л. В. Щербы, М., 1942.
26. Ганшина К. А. и Петерсон М. Н., Современный французский язык, М., 1947.
27. Глазова М. Г., Способы выражения видо-временных значений во вьетнамском языке, — «Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии», М., 1965.
28. Головин Б. Н., К вопросу о сущности грамматической категории, — «Вопросы языкознания», 1955, № 1.
29. Головин Б. Н., Заметки о грамматическом значении, — «Вопросы языкознания», 1962, № 2.
30. Головнин И. В., Глагольные времена в современном японском языке, канд. дисс., М., 1952.
31 Головнин И. В., Глагольные времена в современном японском языке, автореф. канд. дисс., М., 1952.
32. Головнин И. В., Глагольные временные формы изъявительного наклонения в современном японском языке, — «Труды ВИИЯ», М., 1953, т. 2.
33. Головнин И. В., Длительный вид в современном японском языке, — «Труды ВИИЯ», М., 1954, т. 6.
34. Головнин И. В., Предположительное наклонение в современном японском языке, — «Труды ВИИЯ», М., 1955, т. 9.
35. Головнин И. В., Лексико-синтаксическое выражение возможности — невозможности в современном японском языке (к вопросу о типах сочетания глагола с модальными словами), — «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
36. Головнин И. В., Устойчивые грамматические конструкции с глаголом «ару» и предикативным прилагательным «най» в современном японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», М., 1960, № 4.
37. Головнин И. В., Некоторые особенности глагольного сказуемого

в японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», М., 1962, № 2(6).
38. Головнин И. В., Предложения с просубстантивным сказуемым в японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», М., 1963, № 3(7).
39. Головнин И. В., Предложения относительно неполного состава в японском языке, — «Сборник трудов по языкознанию», М., 1965, № 4(8).
40. Головнин И. В., К вопросу о содержании и объеме категории предикативности (предикации) в японском языке, — сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
41. Головнин И. В., К вопросу о составном сказуемом в японском языке, — сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
42. Головнин И. В., Нечленимые предложения в японском языке, — «Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада», М., 1967.
43. Головнин И. В., Содержание и объем категории модальности в японском языке, — сб. «Японская филология», изд. МГУ, 1968.
44. «Грамматика русского языка», т. I. «Фонетика и морфология», изд-во АН СССР, М., 1952.
45. Гринберг С. Б., К вопросу об употреблении форм прошедшего времени в современном немецком языке, автореф. канд. дисс., М., 1953.
45а. Гуревич А., Что́ есть время? — «Вопросы литературы», 1968, № 11.
45б. Гухман М. М., Грамматическая категория и структура парадигм, — сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968.
46. Дмитриев Н. К., Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948.
47. Добиаш А., Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка, Прага, 1897.
48. Драгунов А., Исследования в области дунганской грамматики. I. Категория вида и времени в дунганском языке, М.—Л., 1940
49. Драгунов А. А., Исследования по грамматике современного китайского языка, I. Части речи, М.—Л., 1952.
50. Евгеньева А. П., Сочетание «жили-были» в сказочном зачине, — сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы», Л., 1951.
51. Еремичева Т. И., Грамматическая категория времени и ее выражение в современном литературном языке пушту, канд. дисс., М., 1953.
52. Еремичева Т. И., Грамматическая категория времени и ее выражение в современном литературном языке пушту, автореф. канд дисс., 1953.
53. Жирмунский В. М., История немецкого языка, изд. 4-е, М., 1956.
54. Зарубин С., Наврон Е., Орлова А., Цын М., Учебник японского языка, ч. I, под ред. Е. Л. Наврон, М., 1953.
55. Иванова И. П., Вид и время в современном английском языке, Л., 1961.
55а. Иванчикова Е. А., Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в составе частей бессоюзного сложного предложения, — сб. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956.
56. Ильиш Б. А., Современный английский язык, М., 1948.
56а. Иохельсон В. И., Одульский (юкагирский) язык, — сб. «Языки народов Севера», ч. III. «Языки и письменность палеазиатских народов», М.—Л., 1934.
57. Исаченко А. В., Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, II, Братислава, 1960.
57а. Исаченко А. В., О грамматическом значении, — «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

57б. Исаченко А. В., Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения, — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
58. Киэда М., Грамматика японского языка, пер. с яп., т. 1, М., 1958. Изд. 5. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
59. Ковалев А. А., Выражение категории времени в современном арабском литературном языке, канд. дисс., М., 1951.
60. Ковалев А. А., К вопросу о временных формах арабского глагола, — «Труды ВИЯ», М., 1952, т. 1.
61. Ковалев А. А., О сложных (аналитических) временных формах арабского глагола, — «Сборник трудов по языкознанию», М., 1957, № 1.
61а. Ковалев А. А., К вопросу об аналитических формах арабского глагола, — «Кр. сообщения Ин-та народов Азии», вып. 72. «Языкознание», М., 1963.
61б. Коклянова А. А., Категория времени в современном узбекском языке, М., 1963.
62. Колпакчи Е. М. и Невский Н. А., Японский язык. Начальный курс, Л., 1934.
63. Колпакчи Е. М., Строй японского языка, Л., 1936.
64. Колпакчи Е. М., Очерки по истории японского языка, т. 1. Морфология глагола, Л., 1956.
65. Конрад Н. И., Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937.
66. Костецкая Е. О. и Кардашевский В. И., Грамматика французского языка, М., 1948.
67. Котаньский В., Бинарные связи в японском тексте, — сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
68. Кржижкова Е., Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке, — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.
69. Кузнецов П. С., К вопросу о praesens historicum в русском литературном языке, — «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», вып. 8, М., 1949.
70. Кузнецов П. С., К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., — «Труды Ин-та русск. языка АН СССР», М.—Л., 1950, т. II.
71. [Кузнецов П. С.], Время глагола, — БСЭ, т. 9, 1951.
72. Кузнецов П. С., К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка, — «Труды Ин-та языкознания АН СССР», М., 1953, т. II.
73. Куроно И. и Панаев В. П., Самоучитель японского языка, СПб., 1913.
74. Кухтин В. Г., Временные союзы в современном персидском языке, — «Кр. сообщения Ин-та народов Азии», вып. XL. «Языкознание», М., 1961.
75. Ломтев Т. П., Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке, — «Уч. зап. МГУ», вып. 150, «Русский язык», М., 1952.
76. Любимов К. М., Образование, значение и употребление времен в турецком языке, канд. дисс., М., 1949.
77. Мацокин Н. П., Очерк морфологии настоящего времени японского глагола, — «Труды ГДУ», серия VI, Владивосток, 1929, № 9.
78. Милейковская Г. М., О соотношении объективного и грамматического времени, — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.
79. Миртов А. В., Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны, — «Вопросы языкознания», 1953, № 4.
80. Можаева И. Е., История употребления простых прошедших времен в сербо-хорватском языке, автореф. канд. дисс., М., 1954.
81. Натанзон М. Д., Относительное употребление времен в современном немецком языке, канд. дисс., М., 1948.

82. Натанзон М. Д., Употребление плюсквамперфекта, — журн. «Иностр. языки в школе», 1950, № 3.
83. Немзер Л. А. и Сыромятников Н. А., Японско-русский словарь, под ред. Н. И. Фельдман, М., 1951; изд. 2, 1960; изд. 3, 1965.
84. Нетушил И., Об основных значениях греческих времен, — «Журн. Мин. нар. просвещения», СПб., 1891, июнь.
85. Никифоров С. Д., Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в., М., 1952.
86. Орлов В. Н., К вопросу о предыдущем времени в современном японском языке, — «Тезисы докладов на второй слушательской конференции ВИИЯ», М., 1950.
87. Пашковский А. А., Членение японского предложения, — сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
88. Пашковский А. А., Сказуемостные единицы предложения в японском языке, — «Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада», М., 1967.
89. Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938. Изд. 9. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
90. Плаут Г., Грамматика японского разговорного языка, перевод В. Исаковича, СПб., 1910.
91. Плетнер О. В. и Поливанов Е. Д., Грамматика японского разговорного языка, М., 1930.
92. Позднеев Д. М., Грамматика японского разговорного языка. Конспекты лекций, читанных в Практической восточной академии Общества востоковедения в 1910 —1911 уч. году, СПб., 1911.
93. Позднеев Д. М., Грамматика разговорного японского языка. Конспект лекций, читанных в Военной академии РККА и в Институте востоковедения в 1922/1923 учебн. году, М., 1923.
94. Поспелов Н. С., Учение акад. А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе, — «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», 1947, вып. 3.
95. Поспелов Н. С., О значении форм прошедшего времени на *-л* в современном русском литературном языке, — «Ученые записки МГУ», вып. 128. «Труды кафедры русского языка», кн. 1, М., 1948.
96. Поспелов Н. С., Категория времени в строе русского глагола, — сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952.
97. Поспелов Н. С., Категория времени в грамматическом строе современного русского языка, докт. дисс., М., 1952.
98. Поспелов Н. С., Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке, — сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955.
99. Потебня А. А., Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941.
100. Размусен Л. П., К статье «О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках», — «Журн. Мин. нар. просвещения», СПб., 1891, ноябрь.
101. Рамстедт Г., Грамматика корейского языка, перевод с английского и примечания А. А. Холодовича, М., 1951.
102. Рачков Г. Е., Времена деепричастий первой и второй групп в современном корейском языке, — «Ученые записки ЛГУ», № 236, серия востоковедческих наук, вып. 6. «Вопросы корейского и китайского языкознания», Л., 1958.
102а. Рачков Г. Е., Категория времени глагола в современном корейском языке, автореферат канд. дисс., Л., 1963.
103. Ришес Л. Д., Цинциус В. И., Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка,— в кн.: Цинциус В. И. и Ришес Л. Д., Русско-эвенский словарь, М., 1952.
103а. Рябкин А. Г., Выражение неоднократности двух действий одно-

родными глагольными сказуемыми (модель *ситэ ва... суру*), — «Вопросы японской филологии», вып. 1, Изд-во МГУ, М., 1970.
104. Санжеев Г. Д., Грамматика бурят-монгольского языка, М.—Л., 1941.
105. Санжеев Г. Д., Синтаксис глагола в монгольских языках, докт. дисс., М., 1947.
106. Санжеев Г. Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, М., 1953.
107. Санжеев Г. Д., Сравнительная грамматика монгольских языков Глагол, М., 1963.
108. Семенов Д. В., Синтаксис современного арабского литературного языка, М.—Л., 1941.
109. Серебренников Б. А., Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, М., 1960.
110. Смирнов Д., Руководство к изучению японского языка, СПб., 1890.
111. Смирнова В. А., К сопоставлению причастных конструкций в английском языке с причастными и деепричастными конструкциями в русском языке, автореф. канд. дисс., М., 1953.
112. «Современный русский язык. Морфология» (курс лекций), М., 1952.
113. «Современный русский язык. Синтаксис», М., 1957.
114. Спальвин Е. Г., Японский разговорный язык. Первый и второй концентры, Харбин, 1933.
115. Суник О. П., Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова, М.—Л., 1962.
116. Сыромятников Н. А., Времена глаголов и прилагательных новояпонского языка как система двух относительных времен, автореф. канд. дисс., М., 1953.
117. Сыромятников Н. А., Некоторые спорные вопросы изучения японского языка, — «Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», 1955, вып. XII.
118. Сыромятников Н. А., Существуют ли разные типы условной связи в японском языке, — «Советское востоковедение», 1955, № 3.
119. Сыромятников Н. А., Времена глаголов и прилагательных новояпонского языка как система двух относительных времен, канд. дисс., М., 1956.
120. Сыромятников Н. А., О системе времен новояпонского языка, — «Кр. сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», 1958, вып. XXIV.
121. Сыромятников Н. А., Из истории длительного вида в новояпонском языке, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
122. Сыромятников Н. А., Проблемы изучения грамматических времен, — «Кр. сообщения Ин-та народов Азии», вып. 72. «Языкознание», М., 1963.
123. Сыромятников Н. А., Становление новояпонского языка, М., 1965. Изд. 2. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2010.
124. Сыромятников Н. А., Предложения без сказуемого в новояпонском языке, — сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
125. Сыромятников Н. А., Роль разговорных элементов в диалогах у Ихара Сайкаку, — сб. «Историко-филологические исследования», М., 1967.
126. Сыромятников Н. А., Об уточнении русской транскрипции японских слов, — сб. «Японская филология», М., 1968.
127. Фельдман Н. И., Грамматический очерк, — в кн.: А. Е. Глускина и С. Ф. Зарубин, Краткий русско-японский словарь, под ред. Н. И. Конрада, М., 1950.
128. Фельдман Н. И., Краткий очерк грамматики современного японского языка, — в кн.: Л. А. Немзер и Н. А. Сыромятников, Японско-русский словарь, под ред. Н. И. Фельдман, М., 1951.
129. Фельдман Н. И., О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке, — «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», 1952, т. IV.

130. Фельдман Н. И., Японский язык, М., 1960. Изд. 3. М.: КомКнига/URSS, 2005.
131. Фомин А., Катаяма Я., Учебник японского языка, ч. II, [б. м.], 1947.
132. Холодович А. А., Синтаксис японского военного языка, М., 1937.
133. Холодович А. А., Очерки по японскому языку, — «Уч. зап. ЛГУ» № 69, серия филол. наук, вып. 10, 1946.
134. Холодович А. А., Атрибут приобретенного признака в японском языке, — сб. «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948.
135. Холодович А. А., Очерки по строю японского языка, докт. дисс., Л., 1949.
136. Холодович А. А., Очерк грамматики корейского языка, М., 1954.
137. Холодович А. А., Время, вид и аспект в современном японском языке. Время, — «Вестник Лен. ун-та» № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, 1960.
138. Цинциус В. И., Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. 1, Л., 1947.
139. Чемберлен Б. Х., Грамматика японского разговорного языка. Теоретическая часть, пер. с англ. В. Костылева, СПб., 1908.
140. Чернышев В. И., Описательные формы наклонений и времен в русском языке, — «Труды Ин-та русск. яз. АН СССР», М.—Л., 1949, т. 1.
141. Шанидзе А. Г., Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка, — «Изв. Ин-та яз., истории и материальной культуры АН ГрузССР», Тбилиси, 1941, т. X.
142. Шарбатов Г. Ш., Выражение времени в современном египетском диалекте, — сб. «Арабская филология», М., 1968.
143. Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, изд. 2, Л., 1941. Изд. 4. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007.
143а. Шендельс Е. И., О грамматических значениях в плане содержания, — сб. «Принципы научного анализа языка», М., 1959.
143б. Шендельс Е. И., О грамматической полисемии, — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.
144. Щерба Л. В., Очередные проблемы языковедения, — «Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка», 1945, т. IV, вып. 5.
145. Щерба Л. В., Краткие сведения по французской грамматике, — в кн.: «Русско-французский словарь», сост. акад. Л. В. Щерба и М. И. Матусевич, изд. 3, М., 1950.
146. Шишканова М. И., Особенности употребления временных форм глагола в разговорном стиле современного английского языка, — «Ученые записки ИМО», вып. 7, серия филологическая, М., 1961.
147. Штелинг Д. А., О неоднородности грамматических категорий, — «Вопросы языкознания», 1959, № 1.
148. Яковлева В. К., Язык йоруба, М., 1963.
149. Яхонтов С. Е., Категория глагола в китайском языке, Л., 1957.

На японском языке[1]

150. Араи Мудзиро:, Кокуго-дзисо:-но кэнкю: (Исследование времен японского языка), 1933.
151. Асано Син, Нихом-бумпо:-дзитэн. Ко:гохэн (Грамматический словарь японского языка. Разговорный язык), 1943.
152. Вада Манкити, Нихом-бунтэн-ко:ги, 7хан (Курс японской грамматики, изд. 7), 1922.
153. «Гэндайго-но дзёдзи, дзёдо:си — ё:хо: то дзицурэй», — «Кокурицукокуго-кэнкю:дзё, хо:коку», 3 («Частицы и вспомогательные глаголы современного языка. Правила употребления и примеры», — «Доклады Гос. ин-та родного языка», [т.] 3). 1951.

[1] Все работы, место издания которых не указано, вышли в Токио.

154. Дзимбо: Каку, Цунэми Сэнри, Кокуго-хацуон-акусэнто-дзитэн, 19 хан (Словарь произношения и ударений в японском языке, изд. 19), 1943.
155. Ёсида Сумио, Амакусахан Кинкю:сю:-но кэнкю: (Исследование «Золотых изречений», изданных в Амакуса), 1938.
156. Ёсидзава Есинори, Дзёси-син-кокубунтэн, сайхан (Новая грамматика для женских школ, изд. 2), 1935.
157 Ёсидзава Есинори, Кокугоси-гайсэцу, 7 хан (Очерк истории японского языка, изд. 7), 1936.
158. Ёсиока Кё:сукэ, Нихон-ко:гохо:, 3бан (Грамматика японского разговорного языка, изд. 3), 1910.
159. Ёсиока Кё:сукэ, Бунго ко:го-тайсё:-гохо:, 15хан (Сравнительная грамматика письменного и разговорного языков, изд. 15), 1936.
160. Ивао Ёсио, Синсэн-кокубумпо:-кё:дзю:-санко:сё (Новая грамматика письменного языка для учителей), 1931.
161. Игараси Томоаки, Бирумаго-бумпо:, сайхан (Грамматика бирманского языка. изд. 2), 1944.
162. Камэи Такаси, Токи, — «Кокугогаку-дзитэн» (Время, — «Словарь по японскому языкознанию»), 1955.
163. Касуга Масадзи, Кокугосидзё:-но итигаки, — «Нихом-бунгаку-ко:дза», дай-I-кан. «Нихом-бунгаку-со:сэцу» (Переломный период в истории японского языка, — «Лекции по японской литературе», т. I. «Общий обзор японской литературы»), 1932.
164. Киндаити Харухико, Нихонго-до:си-но тэнсу то асупэкуто, — «Нагоя-дайгаку-бунгакубу-кэнкю:-ронсю:», X (Времена и виды японскнх глаголов, — «Труды филол. фак-та Ун-та в Нагоя»), 1955, т. X.
165. Киэда Масумити, Ко:то:-ко:гохо:-ко:ги (Курс грамматики японского языка для школ третьей ступени), 1931.
166. Кобаяси Ёсихару, Синтай-кокугохо:-сэйсэцу, сайхан (Новая грамматика национального языка, изд. 2), 1925.
167. Кобаяси Ёсихару, Кокуго-кокубумпо:-ё:ги, 4хан (Очерк грамматики национального языка, изд. 4), 1929.
168. Кобаяси Ёсихару, Бумпо:тэки хандзю: то рирнтэки хандзю:, токуни «токи»-ни цуитэ, — «Кокуго то кокубунгаку» (О грамматических и логических категориях, в частности о «времени», — журн. «Родной язык и родная литература»), 1932, № 7 (99).
169. «Ко:гохо:», Кокуго-тё:са-иинкай-хэн, 13хан («Грамматика разговорного языка», сост. Комиссией по изучению родного языка, изд. 13), 1936.
170. «Ко:гохо:-бэкки», Кокуго-тё:са-иинкай-хан, 4хан («Грамматика разговорного языка», сост. Комиссией по изучению родного языка, дополнительный том, изд. 4), 1936.
171. Маруяма Римпэй, Гэндайгохо:-гайсэцу (Очерк грамматики современного языка), 1935.
172. Мацуока Сидзуо, Нихон-гэнгогаку (Японское языкознание), 1926.
173. Мацусита Дайсабуро:, Нихон-дзокуго-бунтэн, 4хан (Грамматика японского разговорного языка, изд. 4), 1905.
174. Мацусита Дайсабуро:, Кайсэн-хё:дзюн-нихом-бумпо: (Переработанная стандартная японская грамматика), 1930.
175. Мацусита Дайсабуро:, Хё:дзюн-нихон-ко:гохо:, сайхан (Стандартная грамматика японского разговорного языка, изд. 2), 1933.
176. Миками Акира, Гэндай-гохо:-дзёсэцу — синтакусису-но кокоромн (Введение в грамматику современного языка. Опыт синтаксиса), 1953.
177. Миками Акира, Гэндай-гохо:-синсэцу (Новое толкование грамматики современного языка), 1955.
178. Мицуя Сигэмацу, Бумпо:рон то кокугогаку (Теория грамматики и японское языкознание), 1932.
179. Мицуя Сигэмацу, Ко:то:-нихом-бумпо:, 8хан (Высший курс японской грамматики, изд. 8), 1933.

180. Окадзава Сё:дзиро:, Бунтэн-но токи-но рон, — «Кокугакуиндзасси» (О грамматических временах, — «Журнал национальной академии»), 1901—1902.
181. Окакура Ёсисабуро:, Нихом-бунтэн-тайко: (Очерк грамматики японского [книжного языка]), 1897.
182. Отиаи Наобуми, Нихон-дайбунтэн (Полная японская грамматика), 1897.
183. О:цуки Фумихико, Ко:-нихом-бунтэн, дай26хан (Пространная японская грамматика, изд. 26), 1904.
184. Родоригэсу-Дзёан-гэнтё, Нихон-дайбунтэн, Дои Тадао якутю: (Родригес Жоао, Полная японская грамматика [изданная в Нагасаки в 1604—1608 гг.], пер. [с португальского] и коммент. Дои Тадао), 1955.
185. Сакакура Ацуёси, Нихом-бумпо:-но ханаси, 4хан (О японской грамматике, изд. 4), 1955.
186. Сакума Канаэ, Нихон-онсэйгаку (Японская фонетика), 1929.
187. Сато:, Токи, — «Дайхякка-дзитэн», дай19кан (Время, — «Большой энциклопедический словарь», т. 19), 1935.
188. Симмура Идзуру, То:хо:-гэнгоси-со:ко: (Заметки и материалы по истории восточных языков), 1927.
189. Судзуки Сигэюки, Гэндай-нихонго-до:си-но тэнсу — никири-но дзюцуго-ни цукаварэта бааи —, «Кокурицу-кокуго-кэнкю:дзё-ронсю:», 2, «Котоба-но кэнкю:», дай2сю: (Времена глаголов современного японского языка в конечном сказуемом, — «Труды Гос. ин-та изучения родного языка», т. 2, вып. 2. «Изучение языка»), 1965.
190. Такаги Такэси, Тю:гаку-ко:гохо:, сайхан (Грамматика разговорного языка для средней школы, изд. 2), 1937.
191. Такаги Такэси, Тю:гаку-бунгохо:-дзё:кю·ё:-кё:дзю-сирё: (Грамматика письменного языка для школ второй ступени. Материалы для преподавателей старших классов), 1939.
192. Тода Китиро:, Кокуго-но ити-дзисо:-ни цуйтэ, — «Нихонго» (Об одном времени японского языка, — журн. «Японский язык»), 1944, № 1.
193. То:дзё: Мисао, Тю:гаку-кокубунтэн (Грамматика японского письменного языка для школ второй ступени), 1938.
194. Токиэда Мотоки, Кокугогаку-гэнрон, 9хан (Основы японского языкознания, изд. 9), 1952.
195. Токиэда Мотоки, Нихом-бумпо:, Ко:гохэн, 7хан (Японская грамматика. Разговорный язык, изд. 7), 1954.
196. Токуда Киёси, Нихом-бунтэн-ко:ги (Курс японской грамматики), 1931.
197. Тэракава Кисио, Кусака Миёси, Нихонго-хацуон-дайдзитэн, 5хан (Большой глоссарий произношения слов в японском языке, изд. 5), Киото, 1956.
198. Умэгаки Минору, Гэндай-нихонго-но ё:рэй-кэнкю:, — «Нихонго», (Исследование некоторых фактов современного японского языка, — журн. «Японский язык»), 1944, № 1.
199. Хага Яити, Ко:го-бунтэн-тайё: (Очерк японской грамматики), 1913.
200. Хосоэ Ицуки, До:си-дзисэй-но кэнкю:, 6хан, Itsuki Hosoe, An Enquiry into the Meaning of Tense in the English Verb, 6-th ed., 1958.
201. Юдзава Ко:китиро:, Муромати-дзидай-но гэнго-кэнкю: — сё:-моно-но гохо: (Исследование языка эпохи Муромати. Грамматика поучений), 1929.
202. Юдзава Ко:китиро:, Кайсэцу-нихонго-бумпо: (Комментарии к грамматике японского языка), 1931.
203. Юдзава Ко:китиро:, Тю:сэй-но кокуго,— «Нихом-бунгаку-ко:-дза», дай16кан. «Кокуго-бумпо:хэн» (Язык средних веков, — «Лекции по японской литературе», т. 16. «Грамматика национального языка»), 1935.
204. Юдзава Ко:китиро:, Кинсэйхэн, — «Кокугоси», дай6кан (Новое время, — «История японского языка», т. 6), 1937.

205. Юдзава Ко:китиро:, Эдокотоба-но кэнкю: (Исследование языка Эдо), 1954.
206. Юдзава Ко:китиро:, Токугава-дзидай-гэнго-но кэнкю: (Исследование языка эпохи Токугава), 1962.
207. Ямада Ёсио, Нихом-бумпо:рон, 8хан (Трактат о японской грамматике, изд. 8), 1933.
208. Ямада Ёсио, Нихом-бумпо:-ко:тю, 17хан (Курс грамматики японского письменного языка, изд. 17), 1936.
209. Ямада Ёсио, Нихон-ко:гохо:-ко:гю (Курс грамматики японского разговорного языка), 1936.
210. Ямада Ёсио, Нихом-бумпо:гаку-гайсэцу, 9хан (Очерк японской грамматической науки, изд. 9), 1954.

На английском, латинском, немецком, польском, сербо-хорватском, французском и чешском языках

211. Abe Masanao, A New Japanese Course for Beginners, Tokyo, 1957.
212. Aston W. G., A Grammar of the Japanese Spoken Language, 4-th ed., Tokyo, 1888.
213. Aston W. G., A Grammar of the Japanese Written Language, 3-d ed., London, 1904.
214. Balet C., Grammaire Japonaise. Langue parlée, 3-me ed., Tokyo, 1908.
215. Bleiler E. F., Essential Japanese Grammar, New York, 1963.
216. Bloch B., Studies in Colloquial Japanese. I. Inflection, — «Journal of the American Oriental Society», 1946, vol. 66, № 2.
217. Brockelmann C., Die «Tempora» des Semitischen. — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, 1951, H. 3/4.
218. Brusendorff A., A Relative Aspect of the Verb in English, — «A Grammatical Miscellany Offered to Otto Jespersen on his Seventieth Birthday», Copenhagen, 1930.
219. Chamberlain B. H., A Handbook of Colloquial Japanese, 3-d ed., Tokyo, 1898.
220. Collado D., Ars grammaticae iaponicae linguae, Romae, 1632.
221. Elisséeff S. and Reischauer E. O., Elementary Japanese for University Students, vol. II. Vocabularies, Grammar and Notes, 2-d enlarged ed., Cambridge (Mass.), 1944.
222. Ganshina M. and Vasilevskaya N., English Grammar, 7-th ed., Moscow, 1953.
223. Gardner E. F., The Inflections of Modern Literary Japanese, Supplement to «Language», vol. 26, № 4, Baltimore, 1950.
224. Henderson H. G., Handbook of Japanese Grammar, London, 1945.
225. Hilská V., Učebnice hovorového jazyka japonského, 3 opravené a doplněné vydaní, Praha, 1963.
226. Jespersen O., The Philosophy of Grammar, London, 1935.
227. Jorden E. H., The Syntax of Modern Colloquial Japanese, Supplement to «Language», vol. 31, № 1 (pt 3), 1955.
228. Jorden E. H., Beginning Japanese, pt I, New Haven, 1962.
229. Kotański W. [Рец. на сообщение:] Н. А. Сыромятников, О системе времен новояпонского языка. — «Rocznik Orientalistyczny», Warszawa, 1961, t. XXIV, zeszyt 2.
230. Kravar M., Futur II. u našem glagolskom sistemu, Sveučiliste u Zagrebu, «Radovi», I. Razdio lingvističko-filološki (1), Zadar, 1960.
231. Lange R., A Text Book of Colloquial Japanese Based on the Lehrbuch der Japanischen Umgangssprache, Revised English Edition by Christopher Noss, Tokyo, 1935.
232. Lehmann W. P. and Faust L., A Grammar of Formal Written Japanese, Cambridge (Mass.), 1951.
233. Martin S. E., Essential Japanese. An Introduction to the Standard Colloquial Language, rev. ed., Rutland, 1958.
234. Matsumiya Yahei, A Grammar of Spoken Japanese, Tokyo, 1935

235. Miyazaki Seiji, The Japanese Dictionary Explained in English, Tokyo, 1944.
236. Plaut H., Japanische Konversations Grammatik, Heidelberg, 1904.
237. Rodriguez, Élémens de la grammaire japonaise, Paris, 1825.
238. Rose-Innes A., Conversational Japanese for Beginners, pt II. Elementary Grammar of the Japanese Spoken Language, 5-th ed., Yokohama, 1933.
239 Sansom G. B., An Historical Grammar of Japanese, Oxford, 1928
240. Vaccari O. and [Vaccari] E. E., Complete Course of Japanese Conversation Grammar, 5-th ed., Tokyo, 1942.
241. Villiers M. de, Absolute and Relative Tenses; Empathy in Afrikaans (South Africa Dutch), — «Lingua», Amsterdam, 1955, January, vol. IV/3.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

А — «Акутагава-Рю:носукэсю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзюнсю:», дай-30хэн» («Собрание сочинений Акутагава Рюноскэ», — «Антология современной японской литературы», т. 30), 1928.
Акахата — «Акахата» (газета), отдельные номера.
Акутагава — Акутагава, Новеллы, пер. с яп., предисловие и комментарии Н. Фельдман, М., 1959 [1].
Арисима — «Арисима-Такэсю:, Ариснма-Икумасю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:» дай27хэн («Собрание сочинений Арисима Такэо и Арисима Икума», — «Антология современной японской литературы», т. 27), 1927.
Аф., I — «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. I, М., 1957.
Аф., II — То же, т. II, М., 1957.
Грин — Эрумару Гурин, Минамн-карано кадзэ, Окада Есико-яку (Эльмар Грин, Ветер с юга, пер. [с русск.] Окада Есико), М., 1951.
Е — «Esopono Fabulas», latinuo vaxite Nippon no cuchito nasu mono nari, Amacusa, M.D.L. XXXXIII («Басни Эзопа», пер. на яп. с лат., Амакуса, 1593 [издание Симмура, 1928, пагинация по изданию 1593 г.].
Е — «Ёсида-Гэдзиро:сю:, Фудзимори-Сэйкитисю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай47хэн («Собрание сочинений Ёсида Гэндзиро: и Фудзимори Сэйкити», — «Антология современной японской литературы», т. 47), 1929.
И — «Исикава-Такубокусю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай45хэн («Собрание сочинений Исикава Такубоку», — «Антология современной японской литературы, т. 45), 1928.
К, I — «Кё:гэнки», дзё: («Сборник фарсов-кёогэнов» [по изданию 1660 г.], т. I), 1914.
К, II — То же, т. II, 1922.
К, III — «Кё:тэн-дзэнсю:», гэкан, кё:гэнки-сю:и, 50бан («Полное собрание фарсов», т. III, 50 фарсов), 1903.
Кик. — «Кикути-Хиросисю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай31хэн («Собрание сочинений Кикути Хироси», — «Антология японской литературы», т. 31), 1927.
Кокуго, 2[2] — Ямамото Ю:дзо:, Кокуго [2], 2нэн-но 2, 1955.
Кокуго, 2[3] — » » » 2нэн-но 3, 1956.
Когуго, 3[1] — » » » 3нэн-но 1, 1956.

[1] Этот перевод использовался неоднократно без ссылки.
[2] «Родной язык [Хрестоматия для школ I ступени]». Первая цифра — год обучения, вторая — номер книжки.

Кокуго, 3[2] — » » » 3нэн-но 2, 1956.
Кокуго, 4[1] — » » » 4нэн-но 1, 1956.
Кокуго, 4[2] — » » » 4нэн-но 2, 1956.
Кокуго, 5[1] — » » » 5нэн-но 1, 1956.
Кокуго, 5[2] — » » » 5нэн-но 2, 1956.
Кокуго, 6[1] — » » » 6нэн-но 1, 1955.
Кокуго, Тю:гаку[3] 1[1] — Ямамото Ю:дзо:, Кокуго-тю:гаку, 1нэн-но 1, 1957.
Кокуго, Тю:гаку 2[1] — Ямамото Ю:дзо:, Кокуго-тю:гаку, 2нэн-но 1, 1957.
Кокуго, Тю:гаку 2[2] — Ямамото Ю:дзо:, Кокуго-тю:гаку, 2нэн-но 2, 1957.
Кумэ — «Тикамацу-Акиэсю:, Кумэ-Масаосю:», — «Гэндай нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай32хэн («Собрание сочинений Тикамацу Акиэ, Кумэ Масао», — «Антология современной японской литературы», т. 32), 1928.
М — «Мусякодзи-Санэацусю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай26-хэн («Собрание сочинений Мусякодзи Санэацу», — «Антология современной японской литературы», т. 26), 1927.
МЬ — [Сэки-Кэйгохэн], Нихон-но мукасибанаси ([Сэки Кэйго], Японские сказки), т. I, 1957, («Библиотека Иванами», № 5642—5643).
МБ, III — [Сэкн-Кэйгохэн], Нихон-но мукасибанаси ([Сэки Кэйго], Японские сказки), т. III, 1957 («Библиотека Иванами», № 5786—5787).
Мимэй — «Мимэй-до:васю:» («Рассказы для детей [Огава] Мимэя»), 1930.
Миямото — «Миямото-Юрикосю:», дай3кан («Собрание сочинений Миямото Юрико», т. III), 1952.
Н — «Нацумэ-Со:сэкисю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай19хэн («Собрание сочинений Нацумэ Соосэки», — «Антология современной японской литературы», т. 19), 1927.
Нагаи — «Нагаи-Кафу.сю», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай22хэн («Собрание сочинений Нагаи Кафуу», — «Антология современной японской литературы», т. 22), 1927.
Неч — «Русские народные сказки в пересказах А. П. Нечаева», М., 1953.
Q — «Xixo, Xixxo nadono vchiyori nuqi idaxi, qincuxu'to nasu mono nari» («Сборник золотых изречений, извлеченных из „Сышу", „Цишу" и др. [китайских классических книг]»).
С — «Симадзаки-То:сонсю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай16хэн («Собрание сочинений Симадзаки Тоосон», — «Антология современной японской литературы», т. 16), 1927.
СБ — «Сё:нэм-бунгакусю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай33хэн («Собрание произведений детской литературы», — «Антология современной японской литературы», т. 33), 1928.
Сёто: — «Сёто:ка-кокуго», 2 («Родной язык для начальной школы», [кн.] 2), 1942.
Сига — «Сига-Наоясю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай25хэн («Собрание сочинений Сига Наоя», — «Антология современной японской литературы», т. 25), 1928.
Симада — Симада. Уэ-о мируна (Симада, Не смотри вверх), 1956.
Ск.— «Русские народные сказки», М., 1952.
Т, II — «Сё:гаку-кокуго-токухон», кан2 («Хрестоматия по родному языку для начальной школы», кн. II), 1933.
Т, III — То же, кн. III, 1938.
Т, IV — То же, кн. IV, 1938.
Т, V — То же, кн. V, 1939.
Т, VI — То же, кн. VI, 1936.
Т, VIa — То же, кн. VI, 1932.

[3] «Родной язык [Хрестоматия для] школ II ступени». Первая цифра — год обучения, вторая — номер книжки.

Т, VIII — То же, кн. VIII, 1938.
Т, X — То же, кн. X, 1939.
Т, XI — То же, кн. XI, 1939.
Т, XII — То же, кн. XII, 1938.
Такэтори — «Такэтори-моногатари», — «Нихом-бунгаку-тайкэй», дай2кан («Сказание о бамбукосеке» [IX в.] — «Памятники японской литературы», т. 2), 1926.
Токуда — Токуда Кю:ити, Сига Ёсио, Докутю: 18нэн (18 лет в тюрьме), 1955.
Токунага — Токунага Сунао, Сидзуканару ямаяма («Тихие горы»), 1953.
Токутоми — «Токутоми-Рокасю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:» дай-12хэн («Собрание сочинений Токутоми Рока», — «Антология современной японской литературы», т. 12), 1927.
Уно — см. Х (произведения Уно).
Х — «Хироцу-Кадзуосю:, Куцуниси-Дзэндзо-сю:, Уно-Ко:дзисю:», — «Гэндай-нихом-бунгаку-дзэнсю:», дай48хэн («Собрание сочинений Хироцу Кадзуо, Куцуниси Дзэндзоо, Уно Коодзи», — «Антология современной японской литературы», т. 48), 1929.
Хасимото — Хасимото Синкити, Кокугохо:-кэнкю:, дай2кан (Исследования по грамматике японского языка, т. II), 1957.
Я — «Ясо:бакугэн», Сина-кё:эн-кайки-сё:сэцу, Ямагата Кадзуо-яку («Откровенные слова деревенского старца», китайский [анонимный] приключенческий роман [XVIII в.], пер. Ямагата Кадзуо), 1935.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава первая. Время как форма бытия и грамматические категории времен 9
Глава вторая. Относительные значения грамматических времен 24
Глава третья. Времена срединных спрягаемых форм . . . 34
Раздел I. Вводные замечания 34
§ 1. Времена деепричастий в разных языках 34
Раздел II. Соединительные формы 36
§ 2. Бессуффиксальная форма, форма на *-тэ/-дэ* и форма на *-нагара* 36
§ 3. Форма на *-тэ+кара* 46
§ 4. Форма на *-тэ+ва* 46
Раздел III. Уступительные формы 47
§ 5. Формы на *-тэ+мо*, на *-нагара[мо]* и форма типа *торэдо[мо]* 47
§ 6. Форма типа *торитарэдо[мо]* 51
§ 7. Уступительная форма вероятного наклонения . . . 52
§ 8. Форма типа *тору-томо* 52
§ 9. Форма типа *торитаритомо* 54
§ 10. Общий обзор уступительных форм в языке XVI—XVII вв. 54
§ 11. Появление уступительного союза *кэрэдо[мо]* 55
Раздел IV. Условно-временные формы 58
§ 12. Современные условно-временные формы и их морфология 58
§ 13. История условно-временных форм в новояпонском языке 61
§ 14. Форма типа *тораба* (*такакуба, торазуба*) 63
§ 15. Форма типа *торэба* (*такакэрэба, торанэба*) 64
§ 16. Форма типа *тоттара[ба]* 66
§ 17. Форма типа *тоттарэба* 69
§ 18. Употребление и трактовка условно-временных форм в современном языке 71
Выводы 75
Глава четвертая. Вопрос о конечных временных формах в грамматической литературе 80
§ 1. Теория трех времен 80
§ 2. Теория двух абсолютных времен — прошедшего и настояще-будущего (непрошедшего) 87
§ 3. Теория двух абсолютных времен — прошедшего и будущего 92
§ 4. Теория одного времени 96
§ 5. Теория омонимичности временных форм на *-та* . . . 98
§ 6. Теория четырех времен 104
§ 7. Теория видового значения временных форм 105
§ 8. Теория отсутствия системы времен 106
§ 9. Теория деградации видо-временных форм 114
§ 10. Теория субъективного критерия времен 116
§ 11. Теория непостоянного критерия времен 117
§ 12. Теория «длительный вид — настоящее время» . . . 118
§ 13. Теория многих времен 120

§ 14. Теория относительных времен 122
Выводы 128
Глава пятая. Временные формы перед союзными элементами и концовками 133
Раздел I. Вводные замечания 133
§ 1. Определение союзных элементов и обоснование структуры главы 133
Раздел II. Временные формы перед союзными элементами, обозначающими одновременность 134
§ 2. Временные формы перед союзом *то* 'если', 'когда', 'как только' 134
§ 3. Форма на *-у* перед союзным речением *то томони* 'вместе с', 'одновременно с' 141
§ 4. Форма на *-у* перед союзным речением *то иссёни* (от кит. *исюй*) 'вместе с', 'одновременно с' 142
§ 5. Временные формы перед союзным речением *то до:дзини* (от кит. *туншй*) 'одновременно с' 142
§ 6. Форма на *-у* перед союзами *яиная* и *гаиная* 'как только', 'когда' 145
§ 7. Форма на *-у* перед союзом *я* 'когда' 147
§ 8. Временные формы перед союзным словом *мани* 'пока' 147
§ 9. Форма на *у-* перед союзным словом *таби[ни]* 'каждый раз, когда' 148
§ 10. Форма на *-у* перед союзом-суффиксом *готони* 'каждый раз, когда' 149
§ 11. Временные формы перед союзом-суффиксом *катавара* 'в то же время' 150
§ 12. Временные формы перед союзным речением *ни ситагаттэ* 'по мере того как' 150
§ 13. Форма на *-у* перед союзным речением *ни цукэ[тэ]* 'при', 'по мере того как' 151
§ 14. Форма на *-у* перед союзным речением *ни цурэ[тэ]* 'по мере того как' 152
§ 15. Форма на *-у* перед союзным речением *га хаяй ка* 'не успел... как', 'как только' (букв. 'быстро ли?') . . 152
Раздел III. Временные формы перед союзными элементами, обозначающими предстояние (последование) 153
§ 16. Временные формы перед союзом-суффиксом *мадэ[ва, ни, нива]* 'до того как', 'до тех пор, пока не' 154
§ 17. Временные формы перед союзным словом *маэ[ни, ва, нива, мо, кара]* 'перед тем как', 'прежде чем' . . . 155
§ 18. Временные формы перед союзным словом *тамэ[ни, нива]* 'для того, чтобы'; 'так как', 'потому что' . . 157
§ 19. Временные формы перед союзным словом *ё:ни* 'чтобы'; 'так..., что', 'словно', 'так' 158
§ 20. Временные формы перед союзом *ходо* 'так... что', 'настолько... что' 161
§ 21. Временные формы перед *цумори-дэ* 'намереваясь'; 'полагая, что' 162
Раздел IV. Временные формы перед союзными элементами, обозначающими предшествование 163
§ 22. Временные формы перед союзными словами *ато[дэ]* 'после' и *ноти* 'после' 163
§ 23. Форма на *-та* перед союзным словом *уэ[ни, дэ]* 'после' 164
§ 24. Форма на *-та* перед союзным словом *бундэва* (от кит. *фэнь*) 'судя по тому, что', 'если', 'раз' 165
Раздел V. Временные формы перед союзными элементами, не обладающими значением одновременности, последования или предшествования как единственным или основным 165
§ 25. Временные формы перед союзным словом *токи[ни, ва,*

нива] 'когда', 'в то время, когда', 'если' 166
§ 26. Временные формы перед союзным словом *ути[ни]* 'пока', 'когда' 171
§ 27. Временные формы перед союзным словом *аида[ни]* 'пока', 'в то время как' 172
§ 28. Временные формы перед союзным словом *нака[ни, дэ]* 'пока', 'в течение' 173
§ 29. Временные формы перед союзным словом *коро[ва, ни. кара, мадэ]* 'когда', 'в то время, когда' 174
§ 30. Временные формы перед союзным словом *токоро[га, дэ, ни, о, э]* 'когда', 'но', 'хотя' 174
§ 31. Временные формы перед союзом-суффиксом *ни[ва, мо]* 'когда', 'при'; 'чтобы' 176
§ 32. Временные формы перед союзом *нара[ба]* 'если', 'если бы' 177
§ 33. Временные формы перед союзом *нари* 'когда', 'как только'; 'так, как' 181
§ 34. Временные формы перед союзом-суффиксом *магива* 'в момент', 'как раз, когда', 'как раз перед' 181
§ 35. Форма на *-у* перед именами *тотю:* (от кит. *тучжун*). *тю:то* (вместе с предшествующим глаголом означают «по дороге», «на пути») 182
§ 36. Форма на *-у* перед союзом-суффиксом *идзэн* (от кит. *ицянь)* 'прежде чем' 183
§ 37. Временные формы перед союзом-суффиксом *идзё:* (от кит. *ишан*) 'сверх того'; 'раз', 'поскольку' 183
§ 38. Временные формы перед союзным словом *мама[ни, дэ]* '[так,] как есть' 183
§ 39. Временные формы перед союзным словом *каварини* 'вместо', 'вместо того, чтобы' 184
§ 40. Временные формы перед союзным словом *дзибун* (от кит. *шифэнь*) 'когда' 185
§ 41. Временные формы перед союзным словом *хё:сини* (от кит. *пайцзы)* 'в тот момент, когда' 185
§ 42. Временные формы перед союзным словом *хадзумини* 'в тот момент, когда' 186
§ 43. Временные формы перед союзным словом *тотан[ни]* (от кит. *тудуань*) 'в тот момент, когда' 187
§ 44. Временные формы перед союзом-суффиксом *ёри[мо]* 'чем' 187
§ 45. Форма на *-у* перед союзом *томонаку* 'без того, чтобы' 188
§ 46. Временные формы перед союзным словом *то:ри[ни]* 'как', 'согласно' 189
§ 47. Временные формы перед союзным словом *кагири* 'насколько'; 'пока' 189
§ 48. Временные формы перед союзом-суффиксом *кураи* 'так... что', 'столько... что' 190
§ 49. Временные формы перед *то миэ[тэ]* 'по-видимому' . . 190
§ 50. Временные формы перед союзом *кара[ни, ва]* 'так как', 'поэтому' 191
§ 51. Временные формы перед союзом *нодэ* 'так как', 'поэтому', 'потому что' 192
§ 52. Временные формы перед союзом *нони* 'хотя', 'несмотря на то, что'; 'тогда как', 'когда' 193
§ 53. Временные формы перед союзным речением [*но*]*ни[мо] какаварадзу* 'несмотря на то, что', 'не взирая на', 'независимо от', 'хотя' 194
§ 54. Временные формы перед союзами *мононо, моноо* 'хотя' 195
§ 55. Временные формы перед союзом *кэрэдо[мо]* 'хотя' . . 195
§ 56. Временные формы перед союзом *га* 'но', 'а' 196

§ 57. Временные формы перед союзом *си* 'и' 197
§ 58. Временные формы перед союзным словом *хока[ва, ни, нива, нимо]* 'кроме' 198
§ 59. Временные формы перед частицами *бакари[дэ, ни]* 'только', *бакаридэнаку, бакарика* 'не только... но и' . 198
§ 60. Временные формы перед частицей *дакэ[дэ, дэмо, ни, ва]* 'только', 'поскольку' 199
Раздел VI. Временные формы перед концовками типа: служебное слово+падежный суффикс+вспомогательный глагол . . . 201
§ 61. Временные формы перед концовкой *ё:ни натта* 'стал', 'начал' 201
§ 62. Временные формы перед концовкой *ё:ни сита* 'старался', 'постарался' 201
§ 63. Форма на *-у* перед концовкой *кото-га (-ва, -мо, -но) дэкю[накат]та* '[не] мог' 202
§ 64. Временные формы перед концовкой *кото-ни натта* 'решил', 'было решено' 203
§ 65. Форма на *-у* перед концовками *кото-ни сита* 'решил', *кото-ни ситэ ита* 'имел обыкновение' 203
§ 66. Временные формы перед концовкой *вакэ-дэ(-ва, -дэва) накатта* 'не мог', 'не было причин'; 'не значит' . . 204
§ 67. Временные формы перед концовкой *вакэ-нива иканакатта* 'не мог' 204
§ 68. Временные формы перед концовкой *хадзу-га(-ва,-мо) накатта* 'не должен был', 'не мог' 205
Раздел VII. Временные формы перед концовками типа: служебное слово+связка, замещающая ранее упомянутый предикатив 206
§ 69. Временные формы перед концовкой: *ходо*+связка 'настолько ... что', 'так ...что' 206
§ 70. Временные формы перед концовкой: *тамэ*+связка 'для того, чтобы...'; 'потому что' 208
§ 71. Временные формы перед концовкой: *кара*+связка 'потому что' 208
§ 72. Временные формы перед концовкой: ограничительная частица+связка 209
§ 73. Временные формы перед концовкой: *кураи*+связка . . 209
Раздел VIII. Временные формы перед концовками типа: имя (со значением «время»)+связка 211
§ 74. Временные формы перед концовкой: *коро*+связка . . 211
§ 75. Временные формы перед концовкой *токи*+связка . . 212
§ 76. Временные формы перед концовкой: *дзибун*+связка . 213
§ 77. Временные формы перед концовкой *токоро*+связка . . 214
Выводы 215
Глава шестая. Временные формы в определительной позиции 219
Раздел I. Вводные замечания 219
§ 1. Времена причастий в некоторых индоевропейских и урало-алтайских языках 219
Раздел II. Временные формы сказуемых фиктивно-определительных предложений 223
§ 2. Временные формы перед просубстантивным суффиксом *-но* 223
Раздел III. Временные формы сказуемых формально-определительных предложений 228
§ 3. Временные формы сказуемых в предложениях, субстантивированных посредством *кото* 228
§ 4. Временные формы сказуемых в предложениях, субстантивированных посредством *моно* 229
§ 5. Временные формы перед служебным словом *хо:* (от кит. *фан*) 'сторона' 230

§ 6. Вопрос о сущности субстантивации в японском языке 231
Раздел IV. Временные формы сказуемых определительных предложений и предикативных определений к полнозначным именам 233
§ 7. Временные формы глаголов, выступающих в роли определения 233
§ 8. Временные формы прилагательных, выступающих в роли определения 239
Выводы 242
Глава седьмая. Временные формы сказуемых главных предложений 244
§ 1. Задачи исследования времен в больших отрывках текста 244
§ 2. Употребление форм изъявительного наклонения . . . 245
§ 3. Употребление форм отрицательного наклонения . . . 250
§ 4. Временные формы в отрывках текста 257
§ 5. «Историческое настоящее» 266
§ 6. Временные формы сказуемых главных предложений перед *то, то до:дзини,* начинающими следующее предложение (в речи о прошлом) 274
Выводы 277
Глава восьмая. Перфектный и длительный оттенки значения временных форм. Плюсквамперфект 279
Раздел I. Глагольные формы с перфектным оттенком значения 279
§ 1. Вопрос о перфекте в японском языке 279
§ 2. Форма на *-та* 282
§ 3. Форма на *-тэ иру(ору)* 284
§ 4. Форма на *-тэ ару* 286
Раздел II. Глагольные формы с оттенком длительности . . . 289
§ 5. Вопрос о длительном виде 289
Раздел III. Двойное предшествование или илюсквамперфект . 293
§ 6. Форма на *-тэ ита* 293
§ 7. Форма на *-тэ атта* 299
Раздел IV. Отглагольные прилагательные 300
§ 8. Отглагольные прилагательные на *-та/-тэиру* 300
§ 9. Срединные формы отглагольных прилагательных . . 304
§ 10. Предшествующее время отглагольных прилагательных 306
Выводы 308
Заключение 311
§ 1. О системе времен 311
§ 2. Парадигмы спряжения по временам 312
Список использованной литературы 319
Список сокращенных наименований источников 329